

СОКРАЩЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ

Руководящий комитет ГЭВУ-ПБП

Председатель: Бернард Леманн

Заместитель Председателя: Дженнифер Клапп

Члены Руководящего комитета:

Оланике Адейемо, Барбара Бёрлингем, Рубен Эчеверрия,
Хилаль Эльвер, Уильям Моусли, Нитья Рао, Элизабетта Ресине,
Хосе Мария Сумпси Виньяс, Акико Сува-Айзенманн,
Стефан Тангерманн, Шакунтала Тилстед, Патрик Уэбб, Иэн Райт

Эксперты участвуют в работе ГЭВУ-ПБП в личном качестве и не являются представителями своих правительств, учреждений и организаций.

Проектная группа ГЭВУ-ПБП

Руководитель Группы: Бхавани Шанкар

Члены группы: Джейн Баттерсби, Джоди Харрис, Кристина Хикс,
Мариэлена Уамбачано, Светха Манохар, Николас Нисбетт

Исследовательская поддержка: Ребекка Намара

Секретариат ГЭВУ-ПБП

Координатор: Эваристе Николетис

Специалист по программам: Паола Термине

Административная поддержка: Массимо Джорджи

Специалист по коммуникациям: Сильвия Меяттини

Стажеров: Элиз Душиме, Луна Мария Хардан

Настоящее резюме содержит выдержки и рекомендации из доклада "Сокращение неравенства в области продовольственной безопасности и питания", подготовленного Группой экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ-ПБП) Комитета по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) ООН. Номера таблиц и рисунков соответствуют их нумерации в докладе.

Мнения, выраженные в докладе, не обязательно отражают официальную позицию КВПБ, его членов, участников или Секретариата. Упоминание конкретных компаний или продуктов определенных производителей, независимо от того, запатентованы они или нет, не означает, что ГЭВУ-ПБП одобряет или рекомендует их, отдавая им предпочтение перед другими компаниями или продуктами аналогичного характера, которые в тексте не упоминаются. Использование на этих картах границ, географических названий и обозначений не подразумевает выражения какого-либо мнения со стороны КВПБ или ГЭВУ-ПБП относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района, а также относительно их властей или делимитации их границ или рубежей.

Доклад находится в открытом доступе, и его воспроизведение и распространение приветствуются. Разрешение на некоммерческое использование выдается по запросу бесплатно. За воспроизведение для перепродажи или коммерческих целей, включая образовательные, может взиматься плата. Заявки на получение разрешения на воспроизведение и распространение настоящего доклада следует направлять по электронной почте по адресу copyright@fao.org и в копии по адресу cfs-hlpe@fao.org.

Материалы третьих сторон: пользователи, желающие повторно использовать материалы из данной работы, авторство которых принадлежит третьей стороне, например таблицы, рисунки или изображения, обязаны сами установить, требуется ли разрешение для такого повторного использования, и получить разрешение у правообладателя. Удовлетворение исков, поданных в результате нарушения прав в отношении той или иной составляющей части, авторские права на которую принадлежат третьей стороне, лежит исключительно на пользователе.

Ссылка на настоящее резюме: ГЭВУ. 2023 год. *Сокращение неравенства в области продовольственной безопасности и питания*. Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим.

Серия докладов ГЭВУ

- №1 Волатильность цен и продовольственная безопасность (2011 год)
- №2 Землевладение и международные инвестиции в сельское хозяйство (2011 год)
- №3 Продовольственная безопасность и изменение климата (2012 год)
- №4 Социальная защита как средство обеспечения продовольственной безопасности (2012 год)
- №5 Биотопливо и продовольственная безопасность (2013 год)
- №6 Инвестирование в мелкомасштабное сельское хозяйство в интересах продовольственной безопасности (2013 год)
- №7 Устойчивое рыболовство и аквакультура для обеспечения продовольственной безопасности и питания (2014 год)
- №8 Продовольственные потери и пищевые отходы в контексте устойчивых продовольственных систем (2014 год)
- №9 Водные ресурсы и обеспечение продовольственной безопасности и питания (2015 год)
- №10 Роль животноводства в устойчивом развитии сельского хозяйства в интересах продовольственной безопасности и питания (2016 год)
- №11 Устойчивое развитие лесного хозяйства в интересах продовольственной безопасности и питания (2017 год)
- №12 Питание и продовольственные системы (2017 год)
- iv] №13 Многосторонние партнерские механизмы финансирования и укрепления продовольственной безопасности и улучшения питания в рамках осуществления Повестки дня на период до 2030 года (2018 год)
- №14 Агроэкологические и другие инновационные подходы в поддержку устойчивых сельскохозяйственных и продовольственных систем, повышающих уровень продовольственной безопасности и качество питания (2019 год)
- №15 Продовольственная безопасность и питание: создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года (2020 год)
- №16 Содействие вовлечению молодежи и ее трудоустройству в агропродовольственных системах (2021 год)
- №17 Инструменты сбора и анализа данных в области продовольственной безопасности и питания: на пути к эффективному и инклюзивному процессу принятия доказательно обоснованных решений (2022 год)
- №18 Сокращение неравенства в области продовольственной безопасности и питания (2023 год)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	xv
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	xvii
СОКРАЩЕНИЯ	xviii
РЕЗЮМЕ	xx
ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ	4
1.1 Почему этот доклад посвящен проблеме неравенства и его связи с несправедливостью	5
1.2 Почему нужны не постепенные, а кардинальные меры	6
1.3 Основные понятия и определения	7
1.3.1 Продовольственная безопасность	7
1.3.2 Равенство и справедливость	7
1.4 Концептуальная модель	9
1.5 Подходы к проведению исследований проблемы неравенства	11
1.5.1 Виды знаний и фактологических данных	11
1.5.2 Связь с правами человека	12
ГЛАВА 2. ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С НЕРАВЕНСТВОМ РЕЗУЛЬТАТОВ В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ	14
2.1 Глобальное и региональное неравенство в области ПБП	15
2.2 Глобальное и региональное неравенство в области продовольственной безопасности и показателей голода: положение дел и тенденции	16
2.2.1. Глобальные и региональные тенденции в области продовольственной безопасности: гендерный разрыв	16
2.2.2. Тяжелое отсутствие продовольственной безопасности и неравенство	16
2.2.3. Средний доход, неравенство доходов и связи этих показателей с продовольственной безопасностью во всем мире	17

2.2.4. Как неравенство в области ПБП связано с местом проживания	22
2.3 Неравенство в рационе питания и пищевом статусе на глобальном, региональном и страновом уровнях	22
2.3.1. Неравенство в пищевом статусе и двойное бремя неполноценного питания	22
2.3.2. Рацион питания и кормление детей	24
2.4 Неравенство: долгосрочные тенденции	26
2.5 Углубленный анализ: неравенство внутри стран	27
2.5.1 Отсутствие продовольственной безопасности: причины неравенства внутри стран	27
2.5.2 Питание и рацион: причины неравенства внутри стран	31

ГЛАВА 3. НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ И ДРУГИХ СВЯЗАННЫХ С НИМИ СИСТЕМАХ

38

3.1 Неравенство в отношении ресурсов для производства продовольствия	39
3.2 Неравенство в продовольственных товаропроводящих цепочках	42
3.2.1 Доступ к финансовым услугам	42
3.2.2 Доступ к информации и технологиям	42
3.2.3 Труд и использование времени	43
3.2.4 Взаимодействие производителей с производственно-сбытовыми цепочками	44
3.2.5 Хранение, организация сбыта и переработка продовольствия	46
3.2.6 Международная торговля продовольствием	47
3.3 Неравенство, связанное с продовольственной средой и потребительским поведением	50
3.3.1 Экономическая доступность продовольствия	50
3.3.2 Физический доступ к продовольствию	51
3.3.3 Реклама продуктов питания и коммерческие факторы, оказывающие влияние на здоровье	52
3.3.4 Безопасность пищевых продуктов	53
3.4 Неравенство в других системах, имеющих отношение к ПБП	54
3.4.1 Системы и услуги здравоохранения	54
3.4.2 Жилищные условия, вода, санитария, энергетика и инфраструктура	54
3.4.3 Образование	55

ГЛАВА 4. СИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ И КОРЕННЫЕ ПРИЧИНЫ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП

56

4.1 Биофизические и экологические факторы	58
4.1.1 Утрата биоразнообразия, истощение почв и водных ресурсов и загрязнение окружающей среды	58
4.1.2 Изменение климата	59
4.1.3 Окружающая среда и здоровье человека	60

4.2 Технологии, инновации и инфраструктура	62
4.3 Экономические и рыночные факторы	63
4.3.1 Международная торговля	63
4.3.2 Маркет-мейкинг, спекуляции и концентрация рынка	65
4.4 Политические и институциональные факторы	67
4.4.1 Насилие и вооруженные конфликты	67
4.4.2 Меры политики и управление	68
4.5 Социокультурные факторы	71
4.5.1 Культурные нормы	71
4.5.2 Гендерное насилие	73
4.6 Демографические факторы	74

ГЛАВА 5. МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ И ДРУГИХ СИСТЕМАХ В ЦЕЛЯХ УЛУЧШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ В ОБЛАСТИ ПБП

76

5.1 Главные принципы, которым нужно следовать, разрабатывая мероприятия, ориентированные на обеспечение справедливости	78
5.1.1 Умение адаптироваться к местным реалиям	78
5.1.2 Обеспечение субъектности и отмена несправедливых норм	78
5.1.3 Устранение дисбаланса сил	78
5.2 Меры по сокращению неравенства в области производства продовольствия	79
5.2.1 Обеспечение более справедливого доступа к ресурсам для производства продовольствия	79
5.2.2 Агроэкологические принципы в производстве и в продовольственных системах в целом	80
5.2.3 Инклюзивные объединения производителей	81
5.2.4 Государственные исследования в области сельского хозяйства и продовольственных систем, обеспечивающие учет соображений справедливости, и другие государственные инвестиции в развитие сельских районов	82
5.3 Меры по сокращению неравенства в продовольственных товаропроводящих цепочках	84
5.3.1 Инклюзивные подходы в масштабах всей производственно-сбытовой цепочки	84
5.3.2 Охрана труда и права работников продовольственных систем	85
5.3.3 Территориальные подходы в продовольственных системах, а также в политике и планировании регионального развития	85
5.3.4 Организация хранения, переработки и распределения продовольствия с учетом соображений справедливости	86
5.3.5 Совершенствование информационных систем, использование цифровых технологий	88
5.4 Меры по сокращению неравенства в продовольственной среде и в области потребления	89
5.4.1 Планирование и управление в области розничной торговли продовольствием	89

5.4.2 Учет поведенческих аспектов при разработке политики по сокращению неравенства в области ПБП	90
5.4.3 Социальная защита	91
5.5 Создание благоприятных условий, общая ситуация и управление	93
5.5.1 Политика, планирование и разработка программ, способствующие улучшению ситуации с продовольствием и питанием	93
5.5.2 Устранение доминирования корпораций в вопросах управления	95
5.5.3 Всеобщий охват услугами здравоохранения, в том числе связанными с питанием	96
5.5.4 Кардинальные меры: целостный подход к вопросам климата и устойчивости	97
5.5.5 Инклюзивный рост в интересах обеспечения ПБП и политика, ориентированная не только на экономический рост	97

ГЛАВА 6. РЕКОМЕНДАЦИИ 100

6.1 Принципы организации политики и мероприятий, обеспечивающие учет соображений справедливости и позволяющие сократить неравенство в области ПБП	101
6.2 Рекомендации по организации мероприятий, обеспечивающих учет соображений справедливости и устранение неравенства в сфере ПБП	102
6.3 Дорожная карта для разработки политики, обеспечивающей учет соображений справедливости и направленной на сокращение неравенства	113

БИБЛИОГРАФИЯ 114

ПРИЛОЖЕНИЯ 161

Приложение 1 Глоссарий	161
Приложение 2 Определения показателей достижения ЦУР 2, имеющих отношение к ПБП	168

ТАБЛИЦЫ

ТАБЛИЦА 1 ОСНОВНЫЕ ВИДЫ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ МЕЖДУ РЕГИОНАМИ И ВНУТРИ НИХ	18
ТАБЛИЦА 2 РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И ИХ ВАЖНОСТЬ ДЛЯ СОКРАЩЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП	92
ТАБЛИЦА 3 КАК В РЕКОМЕНДАЦИЯХ РЕШАЮТСЯ ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА, ПРИЗНАНИЯ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ	108
ТАБЛИЦА А1 ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ	161
ТАБЛИЦА А2 ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ ЦУР 2, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ГЛАВЕ 2 ДЛЯ ОПИСАНИЯ СИТУАЦИИ В ОБЛАСТИ ПБП	169

РИСУНКИ

РИСУНОК 1 СТРУКТУРА ДОКЛАДА И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ	3
РИСУНОК 2 КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ: МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЛАСТИ ПБП	11
РИСУНОК 3 ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АБСОЛЮТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СРЕДНИХ ЗНАЧЕНИЙ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ИНДЕКСА ЗДОРОВОГО ПИТАНИЯ У ВЗРОСЛЫХ В ПЕРИОД С 1990 ПО 2018 ГОД, В РАЗБИВКЕ ПО КОМПОНЕНТАМ РАЦИОНА	25
РИСУНОК 4 КОЭФФИЦИЕНТЫ ДЖИНИ ДЛЯ ЗАПАСОВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ, СОДЕРЖАНИЯ ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ В РАЦИОНЕ И РЕЗУЛЬТАТОВ В ОБЛАСТИ ПИТАНИЯ	27
РИСУНОК 5 РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ НЕДОСТАТОЧНОГО ВЕСА У ЖЕНЩИН ИЗ РАЗНЫХ ДЕЦИЛЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ	32
РИСУНОК 6 РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА/ОЖИРЕНИЯ У ЖЕНЩИН ИЗ РАЗНЫХ ДЕЦИЛЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ	33
РИСУНОК 7 ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВЗВЕШЕННЫХ ПО ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КВАРТИЛЕЙ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА И ИСТОЩЕНИЯ У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ В СНСДГ В 2017 ГОДУ	35
РИСУНОК 8 НЕРАВЕНСТВО МЕЖДУ ОБЩИНАМИ ЭТНИЧЕСКОГО БОЛЬШИНСТВА И ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ОТНОШЕНИИ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН НЕДОСТАТОЧНОГО ПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, 2000–2010 ГОДЫ	37
РИСУНОК 9 НЕРАВЕНСТВО В ВОПРОСАХ ВЛАДЕНИЯ ЗЕМЛЕЙ (ИЗМЕРЯЕМЫЕ КОЭФФИЦИЕНТАМИ ДЖИНИ): ТЕНДЕНЦИИ ЗА ПЕРИОД С 1975 ГОДА	40
РИСУНОК 10 ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИМПОРТА ЗЕРНОВЫХ (ДОЛЯ ИМПОРТА В ОБЪЕМЕ ВНУТРЕННИХ ПОСТАВОК), СРЕДНИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЗА 2015–2017 ГОДЫ	48
РИСУНОК 11 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЗНЫХ СТРАНАХ В РАЗБИВКЕ ПО УРОВНЮ ДОХОДА	83
РИСУНОК 12 ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ И МЕРОПРИЯТИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ	102
РИСУНОК 13 ДОРОЖНАЯ КАРТА РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИКИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ	112

ВРЕЗКИ

ВРЕЗКА 1 ОСНОВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ	8
ВРЕЗКА 2 КАК СОЧЕТАНИЕ РАЗНЫХ ФАКТОРОВ ИДЕНТИЧНОСТИ ФОРМИРУЕТ РЕЗУЛЬТАТЫ В ОБЛАСТИ ПБП: ОПЫТ США	29
ВРЕЗКА 3 ПОЧЕМУ ПРОГРАММЫ МОГУТ БЫТЬ ПО-РАЗНОМУ ПОЛЕЗНЫ РАЗНЫМ ГРУППАМ: ВАЖНОСТЬ ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА	34
ВРЕЗКА 4 СУПЕРМАРКЕТЫ НИКАРАГУА ЗАКЛЮЧАЮТ КОНТРАКТЫ С ФЕРМЕРАМИ: ВСЕМ ЛИ ФЕРМЕРАМ ЭТО ВЫГОДНО?	45
ВРЕЗКА 5 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ: ПРИМЕР ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	51
ВРЕЗКА 6 КЛИМАТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП: ПРИМЕР БАССЕЙНА НИЖНЕГО МЕКОНГА	61
ВРЕЗКА 7 ВЛАСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ГИГАНТОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПБП	66
ВРЕЗКА 8 ПОЯВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ	69
ВРЕЗКА 9 СВОБОДНЫЙ, НО КАБАЛЬНЫЙ И НЕВИДИМЫЙ: ПРИМЕР НЕПАЛА	70
ВРЕЗКА 10 УСПЕШНЫЙ ОПЫТ РЕГИСТРАЦИИ И УДОСТОВЕРЕНИЯ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ В ЭФИОПИИ	80
ВРЕЗКА 11 УСПЕШНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЛКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ КОФЕ КОЛУМБИИ	82
ВРЕЗКА 12 ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ: ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА ДЛЯ ГОРОДА-РЕГИОНА КИТО, ЭКВАДОР	86
ВРЕЗКА 13 МАЛОМАСШТАБНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ, ПОМОГАЮЩИЕ СОКРАТИТЬ ПОТЕРИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И ВЫГОДНЫЕ ДЛЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВ И ПОТРЕБИТЕЛЕЙ	87
ВРЕЗКА 14 УСЛУГИ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЗНАНИЙ В ФОРМЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕМАТИКЕ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ С УЧЕТОМ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, В ЭФИОПИИ, ИНДИИ И КЕНИИ	89

ВРЕЗКА 15 В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ – ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ	93
ВРЕЗКА 16 НАЛОГ НА САХАРОСОДЕРЖАЩИЕ НАПИТКИ В МЕКСИКЕ	95
ВРЕЗКА 17 ПРОЕКТ ПО СОЗДАНИЮ УСТОЙЧИВОСТИ К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА В СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ БРАЗИЛИИ	98

ПРЕДИСЛОВИЕ

Группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ-ПБП) действует под эгидой Комитета по всемирной продовольственной безопасности Организации Объединенных Наций (КВПБ) в качестве связующего звена между наукой и политикой и является важнейшей инклюзивной международной и межправительственной платформой для рассмотрения вопросов продовольственной безопасности и питания (ПБП) на основе эмпирических данных. по поручению КВПБ ГЭВУ-ПБП проводит всесторонний независимый фактологически обоснованный анализ и разрабатывает необходимые рекомендации. Она готовит свои доклады на основе инклюзивного и прозрачного научного процесса, предусматривающего широкие консультации и использование различных форм знаний и компетенций, а также строгую научную экспертную оценку.

Доклад "Сокращение неравенства в области продовольственной безопасности и питания" подготовлен ГЭВУ-ПБП по поручению КВПБ с целью анализа количественных и качественных данных о том, как различные виды неравенства в продовольственных системах препятствует решению проблемы неполноценного питания и отсутствия продовольственной безопасности. в докладе рассматриваются возможные способы устранения этих видов неравенства и тех факторов, которыми они обусловлены, и даются соответствующие рекомендации.

Неравенство в области продовольственной безопасности и питания, ведущее к голоду и всем формам неполноценного питания, существует во всех регионах мира и наблюдается как между разными странами, так и внутри стран. Даже в богатых странах за низким общенациональным показателем распространенности отсутствия продовольственной безопасности могут скрываться серьезные местные диспропорции. Неравенство в сфере ПБП ограничивает возможности и снижает

качество жизни, ухудшает производительность труда и замедляет экономический рост, лишая население возможности разорвать порочный круг нищеты. Это неравенство усугубляется быстрым изменением климата и конфликтами, от которых особенно сильно страдают и без того уязвимые группы населения. Кроме того, неравенство в вопросах ПБП приводит к политическим волнениям, вызывая протесты и голодные бунты. Устранение этого неравенства является одной из главных задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в основе которой лежат защита прав человека и принцип "никто не должен остаться без внимания".

В этом контексте в докладе представлен всесторонний анализ неравенства в продовольственных системах, его глубинных системных причин и их возможного влияния на результаты в области продовольственной безопасности и питания. Различные виды неравенства в сфере ПБП существуют во всех звеньях продовольственной системы, от фермы до стола. Это может быть неравенство, связанное с доступом мелких производителей к ресурсам для производства продовольствия и к рыночным возможностям, неравная расстановка сил между крупными продовольственными корпорациями и производителями продуктов питания, а также неравный доступ потребителей к достаточному количеству питательных пищевых продуктов. Ведь продовольственная безопасность – это не только производство продуктов питания. Она включает шесть аспектов: наличие продовольствия, доступ к нему, использование, стабильность, устойчивость и свобода выбора. Ключевую роль в сокращении неравенства в вопросах продовольственной безопасности и питания играет свобода выбора. Свобода выбора – это "возможность отдельных людей или групп самостоятельно решать, какими продуктами им питаться, какие продукты производить, как производить, перерабатывать и реализовывать эти продукты внутри продовольственных систем, а также возможность

участвовать в процессах разработки политики формирования продовольственных систем и управления ими” (ГЭВУ 2020). Неравенство в вопросах ПБП, как правило, сопровождается отсутствием свободы выбора в продовольственных системах, особенно у маргинализированных групп населения.

В этом докладе используется интерсекциональный подход и систематический анализ различных видов неравенства в области ПБП. Неблагоприятные обстоятельства, в которых оказываются люди, часто усугубляются такими факторами, как пол, образование, экономический и социальный статус, местоположение и этническая принадлежность. Все эти факторы взаимодействуют друг с другом и создают кумулятивный эффект. Поэтому, при том что неравенство в области ПБП затрагивает жителей всех стран мира, в невыгодном положении почти всегда оказываются совершенно определенные группы людей: женщины, сельскохозяйственные работники, мигранты, представители коренного населения, работники неформального сектора и люди с инвалидностью. Этот вывод имеет важные последствия для политики: возможности исправить ситуацию в каком-то одном аспекте могут быть ограничены или затруднены другим фактором или причиной неравенства в области ПБП. в докладе продемонстрированы эти кумулятивные эффекты и связанные с этим компромиссы, а также необходимость целостного подхода к проблеме.

Ввиду интерсекционального характера неравенства в продовольственных системах в докладе обосновывается необходимость программы преобразований, реализация которой позволит устранить системные причины неравенства в области ПБП. Представлена совокупность принципов разработки мер политики, нацеленных на достижение справедливости во всей продовольственной системе в целом, устранение дисбаланса сил и расширение свободы выбора за счет признания роли и обеспечения представительства маргинализированных групп, а также перераспределения доходов и ресурсов. Предложен ряд мероприятий и приведены наглядные примеры решения таких задач, как интеграция принципов справедливости в процесс разработки мер политики и обеспечение равноправного доступа к ресурсам для производства продовольствия, обеспечение учета в государственных сельскохозяйственных исследованиях соображений справедливости и потребностей социально незащищенных групп населения, создание инклюзивных производственно-сбытовых цепочек и внедрение территориальных многоотраслевых подходов к развитию продовольственных систем. в докладе отмечено, что социальная защита является одним из важнейших инструментов реагирования на продовольственные кризисы и сокращения неравенства в области ПБП. Авторы также

призывают включать в инициативы в области питания принцип всеобщего охвата услугами здравоохранения. Итоговые рекомендации адресованы КВПБ, правительствам, Организации Объединенных Наций и международным учреждениям, частному сектору и гражданскому обществу, а также научным кругам.

В условиях сохраняющегося неравенства в сфере ПБП и быстрого изменения климата необходимы решительные меры. КВПБ и его члены могут использовать этот доклад для повышения осведомленности общественности о неравенстве в сфере ПБП и его причинах, а также для ускорения реализации стратегий и мер политики, ориентированных на преобразования и достижение справедливости.

От имени Руководящего комитета ГЭВУ-ПБП я хотел бы поблагодарить международных экспертов редакционной группы во главе с Бхавани Шанкармом, чей опыт, преданность делу и колоссальная (и безвозмездная) работа над докладом сыграли решающую роль в подготовке этого всестороннего анализа проблемы неравенства в сфере ПБП, который является призывом к действиям.

Я также хотел бы выразить свою искреннюю признательность многочисленным экспертам, в том числе членам Руководящего комитета ГЭВУ-ПБП, и организациям, которые приняли участие в общественных консультациях и представили свои замечания по более ранним проектам этого доклада, а также рецензентам, чье внимательное прочтение и предложения очень помогли доработать доклад в его окончательной редакции. И, наконец, я хотел бы выразить благодарность Секретариату ГЭВУ-ПБП за его огромную помощь в нашей работе.

Задачами ГЭВУ-ПБП являются подготовка научных докладов, которые могут послужить подспорьем для обсуждений между партнерами КВПБ, и разработка рекомендаций для процессов сближения политики. Мы надеемся, что, благодаря работе КВПБ, этот доклад о неравенстве в области ПБП на долгое время станет эффективным инструментом содействия ликвидации голода и всех форм неполноценного питания. в плане углубления понимания ситуации с неравенством и способами его устранения он несомненно будет полезен не только КВПБ, но и каждому отдельному человеку или организации, которые занимаются вопросами продовольственных систем, сельского хозяйства, питания, здравоохранения, охраны окружающей среды и другими смежными дисциплинами.

Искренне ваш,

Бернард Леманн

Председатель Руководящего комитета ГЭВУ-ПБП

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ-ПБП) Комитета по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) выражает искреннюю благодарность всем участникам, внесшим ценнейший вклад в работу группы и предоставившим свои замечания в ходе **двух раундов открытых электронных консультаций**. ГЭВУ-ПБП занимается многими вопросами, стоящими как перед разработчиками политики, так и перед специалистами-практиками в области продовольствия и питания, и эти ценные идеи были основополагающими в рабочем процессе: они обеспечили правомерность и научное качество, а также учет различных видов знаний и опыта. В первом раунде консультаций, который был посвящен обсуждению содержания доклада, поступили материалы от 38 участников, а во втором, по предварительному проекту доклада ("V0"), приняли участие 87 специалистов, работающих в различных областях знаний, из различных стран и организаций. Эти материалы передавались через Глобальный форум ФАО по продовольственной безопасности и питанию (Форум по ПБП). С полным текстом всех представленных материалов можно ознакомиться на [веб-сайте Форума по ПБП](#).

ГЭВУ-ПБП также благодарит всех **независимых рецензентов** за их ценные замечания по первой редакции доклада ("V1"). С полным списком независимых рецензентов можно ознакомиться на [веб-сайте ГЭВУ-ПБП](#).

Мы также адресуем теплые слова признательности участникам состоявшегося 22 ноября 2022 года **открытого мероприятия КВПБ** "Сокращение неравенства в области продовольственной безопасности и питания" за их ценный и своевременный вклад в нашу работу; с соответствующими материалами можно ознакомиться [на веб-сайте КВПБ](#).

В подготовке этого доклада в различном качестве также приняли участие Грегори Купер,

Стивен Деверо, Кити Ролен, Мэтью Фишер-Пост, Эмили Фивиан, Сунита Кадьяла, Хелен Харрис-Фрай, Винни Белл, Кит Ливидини, Рикин Ганди, Джессика Фанзо, Уильям Мастерс.

ГЭВУ-ПБП благодарит Дайану Берест за тщательное **редактирование** англоязычной версии и выражает признательность Джанлуке Джулини и Группе перевода ФАО за **перевод** доклада на все шесть официальных языков ООН.

Разработка **макета и верстка** доклада в сотрудничестве с Vision time International LLC прошли в благожелательной и продуктивной атмосфере.

Необходимо отметить, что доклады ГЭВУ-ПБП являются результатом независимой коллективной научной работы по темам, определяемым на пленарной сессии Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Эти доклады считаются глобальным общественным благом: все привлеченные эксперты работают на безвозмездной основе, и этот процесс финансируется только за счет **добровольных взносов**. ГЭВУ-ПБП выражает благодарность донорам, которые с 2010 года вносят пожертвования в Целевой фонд или предоставляют взносы в неденежной форме, что позволяет ГЭВУ-ПБП вести работу в полностью независимом режиме. С момента своего создания в 2010 году ГЭВУ-ПБП получает поддержку следующих стран и доноров: Австралии, провинции Квебек, Германии, Европейского союза, Ирландии, Испании, Китая, Монако, Новой Зеландии, Норвегии, Российской Федерации, Словакии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Судана, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции и Эфиопии.

СОКРАЩЕНИЯ

COVID-19	коронавирусная инфекция
FEDCAFE	Национальная федерация производителей кофе Колумбии
UNDRDP	Декларация Организации Объединенных Наций о правах крестьян и других лиц, работающих в сельских районах
АИЗП	Альтернативный индекс здорового питания
БМД	бассейн Мюррей-Дарлинг
ВВП	валовой внутренний продукт
ВИЧ/СПИД	вирус иммунодефицита человека/синдром приобретенного иммунодефицита
ВНД	валовой национальный доход
ВНП	валовой национальный продукт
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВПП	Всемирная продовольственная программа
ВСГ	водоснабжение, санитария и гигиена
ВТО	Всемирная торговая организация
ГН	гендерное насилие
ГФФ	Глобальный фонд финансирования в поддержку инициативы "Каждая женщина, каждый ребенок"
ГЭВУ	Группа экспертов высокого уровня
ДБНП	двойное бремя неполноценного питания
ДПКН ООН	Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов
КВПБ	Комитет по всемирной продовольственной безопасности
КОСД	Коллективное обучение и совместные действия
КС	Конференция сторон
МГЭИК	Межправительственная группа экспертов по изменению климата
МЗК	Международная земельная коалиция
ММСР	микро-, малые и средние предприятия
МОТ	Международная организация труда
МФСР	Международный фонд сельскохозяйственного развития
МЭГУС	Международная экспертная группа по устойчивым продовольственным системам
НИЗ	неинфекционное заболевание
НИОКР	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

НПО	неправительственная организация
ООН	Организация Объединенных Наций
ОП	объединение производителей
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПБП	продовольственная безопасность и питание
ПГП	пищевые продукты глубокой переработки
ПЖП	пищевые продукты животного происхождения
ПРООН	Программа развития Организации Объединенных Наций
РН	распространенность недоедания
СВД	страны с высоким уровнем дохода
СНД	страны с низким уровнем дохода
СНСД	страны с низким и средним уровнями дохода
ССН	сахаросодержащий напиток
СХП	сельское хозяйство, ориентированное на улучшение качества питания
УПАВАН	проект "Расширение масштабов совместных действий и создания видеоматериалов по вопросам сельского хозяйства и питания"
ФАО	Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций
ЦУ	цель в области устойчивого развития
ШВОПБ	Шкала восприятия отсутствия продовольственной безопасности
ЮНЕП	Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде
ЮНИСЕФ	Детский фонд Организации Объединенных Наций

РЕЗЮМЕ

Доклад "Сокращение неравенства в области продовольственной безопасности и питания" подготовлен Группой экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ-ПБП) по поручению Комитета по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) Организации Объединенных Наций: этот доклад включен в его Многолетнюю программу работы (МПР) на 2020–2023 годы.

В частности, поручая ГЭВУ-ПБП подготовку данного доклада, КВПБ просил проанализировать: i) фактологические данные о том, как неравенство в доступе к активам (особенно к земельным и другим природным ресурсам и финансам) и неравенство доходов в продовольственных системах лишает многих участников этих систем возможностей для эффективного решения проблем, связанных с отсутствием продовольственной безопасности и неполноценным питанием; ii) причины возникновения неравенства и дать рекомендации, которые помогут его устранить; и iii) аспекты, требующие дальнейших исследований и сбора данных.

Этот доклад послужит подспорьем для нового тематического направления работы КВПБ по проблеме неравенства. Целью этого нового направления является **устранение коренных причин отсутствия продовольственной безопасности, особенно среди тех, "кто сильнее всех страдает от голода и неполноценного питания"**.

ОБОСНОВАНИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Доклад содержит шесть глав. В **первой главе** объясняется, почему предметом доклада являются неравенство и несправедливость. Неравенство возможностей в продовольственных системах лежит в основе неравенства результатов в области продовольственной безопасности и питания (ПБП). **Неравенство**

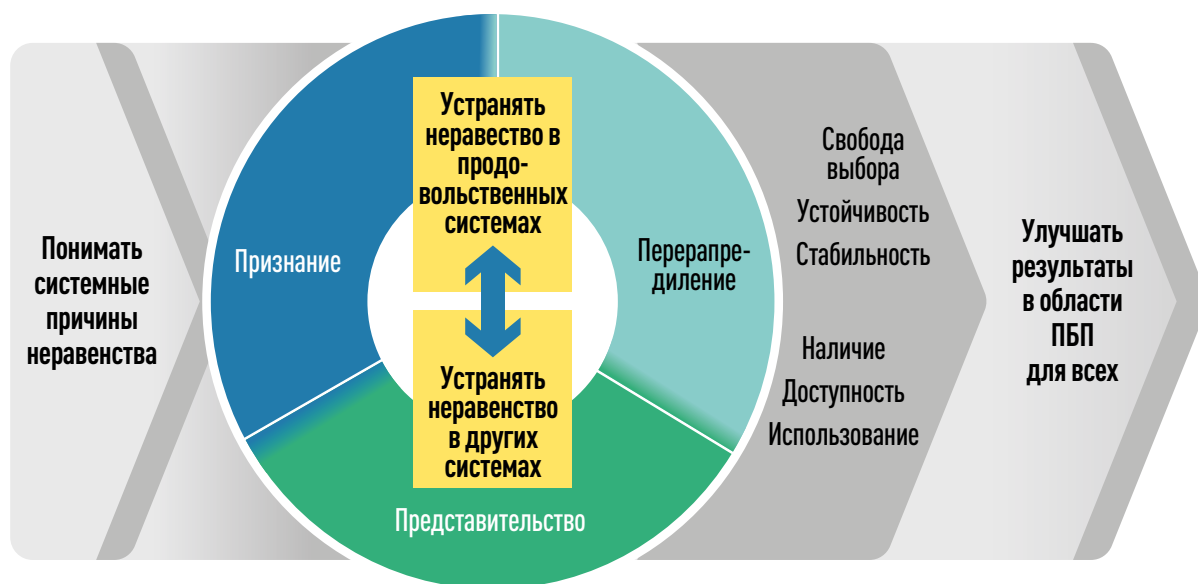
абсолютно необходимо устранить, поскольку оно угрожает прогрессу в области обеспечения ПБП. Сокращение неравенства предусмотрено пактами о правах человека, которые государства обязались соблюдать. Необходимость бороться с неравенством отвечает естественному человеческому чувству справедливости, которое воплощено в основополагающем принципе Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: "никто не должен остаться без внимания". Этот доклад поможет разобраться с основными понятиями и терминами, такими как неравенство и несправедливость в контексте ПБП. Авторы **определяют неравенство** в продовольственных системах **как наблюдаемые различия в результатах в области ПБП** или в связанных с продовольственными системами факторах (таких как доступ к ресурсам для производства продовольствия) **между отдельными лицами и группами** (в разбивке по признаку социального, экономического и географического положения). В основе неравенства лежат различные виды **несправедливости, определяемые как предотвратимые причины, по которым существует неравное распределение** и систематически накапливаются негативные факторы, обусловленные асимметрией в плане социального положения, дискриминации и расстановки сил.

Доклад подготовлен на базе общей концепции прав человека и опирается на различные формы фактологических и других данных, включая научные исследования и доклады, качественные и этнографические данные, количественные и смоделированные подходы, а также знания коренных народов, местного населения, знания, размещенные в конкретном социальном пространстве в конкретное время, и неявные знания. В нем используются различные подходы к решению проблемы неравенства и несправедливости в области ПБП, включая экономическое перераспределение, соблюдение прав человека и принцип социальной справедливости.

РИСУНОК 2:

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ: МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЛАСТИ ПБП

Учитывать интерсекциональный, межтерриториальный аспект неравенства

Содействовать соблюдению прав человека, созданию инклюзивных систем знаний и обеспечению справедливости

Источник: собственная разработка авторов

Предложенная **концептуальная модель** описывает оптимальные способы сокращения неравенства результатов в области ПБП за счет устранения различных видов неравенства возможностей в продовольственных и других связанных с ними системах. **Для того чтобы изменения были устойчивыми, необходимо понять и устранить системные факторы и коренные причины несправедливости в местных реалиях.** Для понимания проблемы неравенства и несправедливости нужно разобраться, кто, каким образом и почему оказался обойден возможностями в плане продовольствия и питания. Чтобы это понять, необходимо изучить проблему несправедливости в различных аспектах: интерсекциональном (различные виды неравенства накладываются друг на друга и взаимодействуют друг с другом), межпоколенческим (с проблемой несправедливости люди сталкиваются из поколения в поколение)

и межтерриториальном (несправедливость определяется пространственным и геополитическим факторами). **Меры борьбы с неравенством и несправедливостью должны осуществляться в рамках процессов признания (т.е. установления специфики и истории возникновения несправедливости в каждом конкретном случае), представительства (подлинного расширения прав и возможностей маргинализированных групп и обеспечения им свободы выбора в борьбе с несправедливостью) и перераспределения (т.е. справедливого распределения возможностей и ресурсов и недопущения ситуации, когда издержки ложатся на плечи тех, кто обладает меньшей политической властью).** Меры по устранению неравенства результатов в области ПБП и несправедливости, лежащей в его основе, должны основываться на принципах прав человека и справедливости, а формулировать проблемы и меры по их решению следует с учетом всего спектра

имеющихся знаний и фактологических данных по этой тематике.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Во второй главе на основании имеющихся данных описаны закономерности и тенденции, касающиеся неравенства результатов в области ПБП. Если неравенство в области продовольственной безопасности особенно заметно сказывается на положении населения стран Африки, Южной Азии и Карибского бассейна, то **неравенство в плане пищевого статуса наблюдается повсеместно**. Кроме того, несмотря на успехи в сокращении масштабов недоедания в СНСД, рост показателей избыточного веса и ожирения как у взрослых, так и у детей во всем мире подрывает достигнутый в прошлом прогресс в области питания, и по сравнению с 2015 годом показатели отсутствия продовольственной безопасности в большинстве регионов ухудшились.

Факторы, провоцирующие неравенство внутри стран, **могут меняться в зависимости от контекста**; исключение составляют некоторые группы, которые маргинализированы всегда: это женщины, люди без образования, коренное население и бедняки. Для систематической количественной оценки и отслеживания проявлений неравенства в сфере ПБП требуется больше качественных данных (т.е. данных о жизненном опыте) **и данных в разбивке** по полу, местоположению, экономическому статусу, этнической принадлежности, социальным группам, а также физическим возможностям. Наконец, нельзя не отметить, что **многие важные проявления неравенства носят интерсекциональный характер**, но для характеристики этой интерсекциональности и своевременного и систематического определения наиболее уязвимых групп населения данных пока недостаточно.

В третьей главе рассматриваются **непосредственные причины неравенства в области ПБП в продовольственных системах и в других системах, имеющих отношение к ПБП**. Внутри продовольственных систем рассмотрены три общих аспекта неравенства: i) неравенство, связанное с ресурсами для производства продовольствия; ii) неравенство внутри продовольственных

товаропроводящих цепочек; iii) неравенство, связанное с продовольственной средой и поведением потребителей.

В продовольственных системах во всех звеньях продовольственной цепи имеет место **серьезное, постоянное и зачастую усиливающееся неравенство**, ограничивающее возможность достижения желаемых результатов в области ПБП. Речь идет о **неравенстве в распределении ресурсов для производства продовольствия**, о доступе к знаниям и финансам, о способности с выгодой взаимодействовать с современными производственно-сбытовыми цепочками и рынками, о технологиях хранения, переработки и распределения продовольствия, а также о международной торговле продуктами питания. Кроме того, во всей продовольственной цепи серьезными аспектами неравенства являются размер и экономический статус фермерского хозяйства (например, мелкое оно или крупное), а также гендерный фактор, но ПБП часто зависят и от других источников неравенства, таких как принадлежность к коренному населению и географическое положение. **Абсолютно неравные возможности для обеспечения ПБП предоставляет также продовольственная среда**, и особенно сильно это неравенство сказывается на положении малоимущих групп населения и меньшинств.

Неравенство результатов в области ПБП бывает обусловлено неравенством возможностей в других областях, например в системах образования и здравоохранения. Поэтому **уменьшению неравенства в области ПБП могут способствовать многоотраслевые механизмы управления, но это требует соблюдения четкого порядка взаимодействия, позволяющего смягчить дисбаланс сил**.

В четвертой главе проблема рассматривается в более широком социальном и историческом аспекте и проводится анализ **более глубоких системных факторов и коренных причин неравенства в области ПБП**. Колоссальное неравенство результатов в области ПБП необходимо рассматривать не только как следствие неравенства возможностей в продовольственных и других связанных с ними системах, но и как результат более глубоких системных причин. **Многие факторы, оказывающие влияние на продовольственные системы, имеют под собой другие, которые присущи уже самим продовольственным системам**. Например, изменение климата и ухудшение

состояния окружающей среды наносят вред работникам продовольственных систем и представляют угрозу для ПБП, особенно там, где люди и территории наиболее уязвимы к изменениям. Функционирование самих продовольственных систем тоже является серьезным фактором, провоцирующим изменение климата. Устранение этой пагубной обратной связи может способствовать существенному сокращению неравенства результатов в области ПБП.

Продовольственные системы коренным образом изменились под действием **экономических и рыночных факторов**, которые сформировали рыночные процессы, финансовые потоки и модели глобальной торговли и привели к консолидации полномочий по принятию решений и ответственности за них. Все это **во многих смыслах изменило модели питания и ограничило свободу выбора большинства работников продовольственной системы**. Несмотря на определенные преимущества западной модели питания, последствия перехода на нее вызывают опасения, поскольку она способствует ожирению, а это ухудшает результаты в области ПБП: поначалу это затрагивает лишь самые обеспеченные слои общества, но постепенно превращается в проблему и для наиболее маргинализированных, неблагополучных в социально-экономическом отношении групп.

Меры политики, связанные с различными аспектами и участниками продовольственных систем, **по-прежнему разрознены** и редко ориентированы на удовлетворение потребностей наиболее маргинализированных групп. Это во многих случаях усугубляет давление и создает факторы уязвимости. **Главными причинами острого и хронического голода являются насилие и конфликты**, которые лишают людей свободы выбора и усугубляют неблагоприятные результаты в области ПБП для наиболее уязвимых слоев населения. Как именно и где конфликты повлияют на результаты в области ПБП, обычно определяется геополитическими интересами. **Подтверждение права человека на достаточное питание во всех геополитических конфликтах может способствовать сокращению неравенства результатов в области ПБП.**

Со всеми категориями причин тесно переплетаются социокультурные факторы, создавая барьеры, которые порождают и усиливают существующие виды неравенства. Поэтому

исторически сложившаяся несправедливость будет сохраняться до тех пор, пока ее явным образом не устранят политика и практика, обеспечивающие учет принципа справедливости.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В пятой главе представлены **меры, которые могут быть приняты в рамках продовольственной и других систем для улучшения ситуации в области ПБП**. Эти меры не претендуют на исчерпывающий характер, но дают представление о приоритетных направлениях работы, которые обладают значительным потенциалом с точки зрения сокращения неравенства в области ПБП. Для того чтобы обеспечить учет соображений справедливости в политике и программах, в их основу должны быть положены следующие **основные принципы: способность адаптироваться к местным реалиям; обеспечение свободы выбора и работа над отменой несправедливых норм; и устранение дисбаланса сил**. Действовать в прежнем режиме, в том числе поэтапно, уже не получится: это слишком медленно, чтобы справиться с такими масштабами несправедливости в продовольственных системах и с такими высокими темпами изменений, связанных с климатическими и экологическими угрозами: **сейчас необходимы кардинальные перемены, непосредственно нацеленные на устранение неравенства и несправедливости.**

Для адаптации к местным условиям в продовольственных и связанных с ними системах необходим целый спектр мер по устранению неравенства. Эти меры сгруппированы по четырем большим категориям: производство продовольствия; продовольственные товаропроводящие цепочки; продовольственная среда и потребление; и создание благоприятных условий, более широкий контекст и управление.

В области **производства продовольствия** основными направлениями работы по сокращению неравенства в области ПБП являются: i) обеспечение более справедливого доступа к земельным, лесным, животноводческим и рыбным ресурсам; ii) применение агроэкологических принципов в производстве и в продовольственных системах в целом; iii) создание инклюзивных

объединений производителей;
и iv) инвестиции в государственные исследования агропродовольственных систем и другие государственные инвестиции в развитие сельских районов с учетом принципа справедливости.

Направления работы, связанные с **продовольственными товаропроводящими цепочками**, включают: i) внедрение инклюзивных подходов в масштабах всей цепочки; ii) разработка мер политики, стратегий и программ по охране труда для работников продовольственной системы; iii) рассмотрение возможности применения территориальных подходов в продовольственных системах и в планировании регионального развития; iv) инвестирование в инфраструктуру хранения, переработки и распределения продовольствия с учетом принципа справедливости; и v) инвестирование в совершенствование информационных систем, использование преимуществ цифровых технологий.

В том, что касается **продовольственной среды и потребления**, основными направлениями работы являются: i) планирование и управление в продовольственной среде; ii) учет поведенческих аспектов при разработке политики и программ; и iii) укрепление систем социальной защиты.

В плане **создания благоприятных условий, более широкого контекста и управления** направлениями работы могут быть: i) политика и планирование, оказывающие влияние на ситуацию с продовольствием и питанием; ii) устранение асимметрии прав корпораций в вопросах управления; iii) всеобщий охват услугами здравоохранения, включая вопросы питания; iv) целостный подход к вопросам климата и устойчивости; и v) инклюзивный рост в интересах обеспечения ПБП и политика, ориентированная не только на экономический рост.

ВВЕДЕНИЕ

В записке Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ-ПБП) о критически важных и новых вопросах от 2017 года (ГЭВУ, 2017а) очень четко раскрыто значение неравенства для продовольственной безопасности и питания. На своей 46-й пленарной сессии (14–18 октября 2019 года) Комитет по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) утвердил Многолетнюю программу работы Комитета (МПР) на 2020–2023 годы. Эта МПР включает поручение Группе экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ-ПБП) подготовить доклад "Сокращение неравенства в области продовольственной безопасности и питания", который должен быть представлен на 51-й сессии КВПБ в 2023 году (КВПБ, 2019).

В обосновании этого поручения КВПБ было указано, что:

Стойкие диспропорциональные различия между уязвимыми и другими социальными группами, отражающие социальное неравенство между странами и в пределах стран, могут обуславливать замедление экономического роста и приводить к политической нестабильности и росту миграционных потоков с вытекающими неблагоприятными последствиями для продовольственной безопасности и питания. Резкие проявления неравенства – в том числе между сельскими и городскими районами – в доступе к основным услугам и активам ведут к дисбалансу в процессах экономического роста и преобразований. Неравенство влияет на перспективы домохозяйств по преодолению таких проблем, как сельская бедность, отсутствие продовольственной безопасности и неполноценное питание (CFS 2019/46/7, 2019, стр. 11).

В докладе будут представлены рекомендации для нового тематического направления работы КВПБ по проблеме неравенства.

В частности, поручая ГЭВУ-ПБП подготовку этого доклада, КВПБ просил проанализировать: i) фактологические данные о том, как неравенство в доступе к активам (особенно к земельным и другим природным ресурсам и финансовым услугам) и неравенство доходов

в продовольственных системах лишает многих участников этих систем возможностей для эффективного решения проблем, связанных с отсутствием продовольственной безопасности и неполноценным питанием; ii) причины возникновения неравенства и дать рекомендации, которые помогут его устранить; и iii) аспекты, требующие дальнейших исследований и сбора данных (CFS 2019/46/7, 2019, стр. 12).

Этот доклад послужит подспорьем для нового тематического направления работы КВПБ по проблеме неравенства. Целью этого нового направления является **устранение коренных причин отсутствия продовольственной безопасности, особенно среди тех, "кто сильнее всех страдает от голода и неполноценного питания"**, а основное внимание будет уделено неравенству в продовольственных системах. В рамках этого тематического направления на основе настоящего доклада ГЭВУ-ПБП будет проведен анализ тех причин социально-экономического неравенства между участниками продовольственных систем, которые влияют на продовольственную безопасность и результаты в области питания.

СОДЕРЖАНИЕ ДОКЛАДА

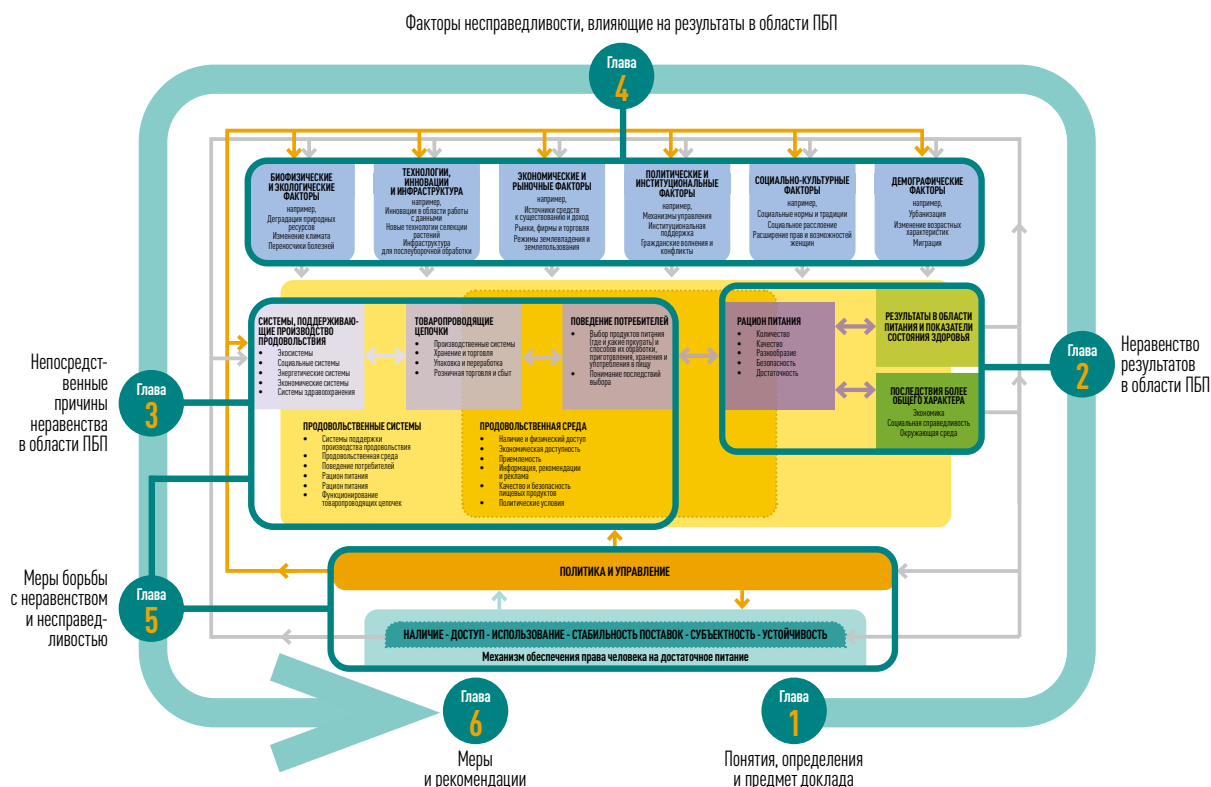
В настоящем докладе представлена краткая характеристика современного уровня знаний о различных видах неравенства и несправедливости, имеющих отношение к ПБП. Большая часть представленной здесь фактологической информации актуальна; она иллюстрирует неравенство между различными группами населения на основе самых последних данных. Взяв за исходную точку настоящее время, мы по возможности рассматриваем ситуацию с неравенством в динамике (мобильность), исследуем, как эта проблема передается дальше (из поколения в поколение), и анализируем исторические причины наблюдаемой сейчас несправедливости. Мы также изучаем важные будущие тенденции, связанные с неравенством, в частности обусловленные изменением климата, и то, как меры по обеспечению справедливости могли бы смягчить эти тенденции. Все виды неравенства и несправедливости, связанные с продовольственными системами и результатами в области ПБП, в рамках одного доклада рассмотреть невозможно. Поэтому мы сосредоточимся

на основных проблемах и группах населения, которых эти проблемы затрагивают сильнее всего, и призываем к проведению дальнейших исследований и реализации необходимых мер с учетом конкретных условий.

Настоящий доклад состоит из шести глав и организован в соответствии с разработанной ГЭВУ-ПБП концепцией продовольственных систем (ГЭВУ, 2020). В нем рассматриваются проблемы и решения по устранению неравенства и несправедливости в масштабах всей системы (рисунк 1). В первой главе приведены основные понятия и определения и изложена концептуальная модель, а в следующих трех главах говорится о неравенстве результатов в области ПБП и рассматриваются его причины. Во второй главе дается характеристика основных видов неравенства результатов в области ПБП

между странами и внутри них. В третьей главе рассмотрены основные виды неравенства в продовольственных и других системах, связанных с ПБП, влекущие за собой неравенство результатов в области ПБП. В четвертой главе проводится анализ более глубинных структурных факторов, имеющих принципиальное значение для понимания проблемы несправедливости, включая социокультурные, экономические и политические аспекты. Пятая и шестая главы посвящены обсуждению возможных решений: в пятой рассмотрены меры, которые могут быть приняты внутри продовольственных и других систем, имеющих отношение к ПБП, а также подходы к осуществлению преобразований более общего характера, а шестая глава завершает доклад перечнем рекомендаций с указанием их приоритетов.

РИСУНОК 1:
СТРУКТУРА ДОКЛАДА И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Источник: по материалам доклада ГЭВУ 2020 года "Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года". Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- Неравенство возможностей в продовольственных системах лежит в основе неравенства результатов в области продовольственной безопасности и питания (ПБП). Неравенство абсолютно необходимо устранить, поскольку оно угрожает прогрессу в области обеспечения ПБП; кроме того, сокращение неравенства предусмотрено глобальными целями и пактами о правах человека, которые государства обязались соблюдать. Необходимость бороться с неравенством отвечает естественному человеческому чувству справедливости, которое воплощено в основополагающем принципе Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: "никто не должен остаться без внимания".
- В этом докладе неравенство определяется как наблюдаемые различия в результатах в области ПБП или в связанных с продовольственными системами факторах (таких как доступ к ресурсам для производства продовольствия) между отдельными лицами и группами (в разбивке по признаку социального, экономического и географического положения). В основе неравенства лежат различные виды несправедливости, определяемые как предотвратимые причины, по которым существует неравное распределение и систематически накапливаются негативные факторы, обусловленные асимметрией в плане социального положения, дискриминации и расстановки сил (ВРЕЗКА 1).
- Анализ проведен на основе различных видов фактологических данных, включая научные исследования и доклады, качественные и этнографические данные, количественные и смоделированные подходы, а также знания коренных народов, местного населения, знания, размещенные в конкретном социальном пространстве в конкретное время, и неявные знания. В докладе используются различные подходы к решению проблемы неравенства и несправедливости в области ПБП, включая экономическое перераспределение, соблюдение прав человека и принцип социальной справедливости.
- Предложенная концептуальная модель описывает оптимальные способы сокращения неравенства результатов в области ПБП за счет устранения различных видов неравенства возможностей в продовольственных и других связанных с ними системах. Для того чтобы добиться устойчивых результатов, необходимо устранить коренные причины неравенства, т. е. понять, что собой представляет маргинализация в различных обстоятельствах, и реализовать меры политики, обеспечивающие признание, представительство и перераспределение в интересах маргинализированных групп и других лиц – как непосредственно в продовольственных системах, так и в смежных областях политики и управления.

1.1 ПОЧЕМУ ЭТОТ ДОКЛАД ПОСВЯЩЕН ПРОБЛЕМЕ НЕРАВЕНСТВА И ЕГО СВЯЗИ С НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ

В мире наблюдается как неравенство возможностей, так и неравенство результатов. Особенно ярко эти виды неравенства проявляются в продовольственных системах (ВРЕЗКА 1), где они усугубляют и без того тревожную ситуацию с голодом и неполноценным питанием и создают серьезные препятствия для любых успешных преобразований. Каждый пятый ребенок в возрасте до пяти лет отстает в росте. Каждый третий житель планеты лишен доступа к достаточному питанию (Development Initiatives, 2021). При этом три миллиарда человек не могут позволить себе здоровое питание, а ожирением, по данным за 2016 год, страдают 671 млн взрослых и 124 млн детей (ФАО и др., 2021; Herforth *et al.*, 2020; The GBD 2015 Obesity Collaborators, 2017). Важно отметить, что эти показатели распределены по странам или социальным группам неравномерно.

Например, распространенность отставания в росте у детей выше всего в Меланезии, Центральной Африке и среди сельской бедноты во всем мире. Избыточный же вес у детей больше всего распространен в определенных группах населения Австралии и Новой Зеландии, а у взрослых он в основном наблюдается в социально и экономически неблагополучных слоях общества многих богатых стран.

Неравенство влечет серьезные экономические, экологические и социальные издержки, которые ограничивают возможность достижения желаемых результатов в области ПБП.

В свою очередь, низкие результаты в области ПБП ограничивают возможности и снижают качество жизни людей, ухудшают производительность труда, лишают население возможности разорвать порочный круг нищеты и замедляют экономический рост как прямо (например, из-за медицинских расходов), так и косвенно (например, из-за снижения производительности) (Kleinman *et al.*, 2014; World Obesity Federation, 2017). Так, по оценкам, в некоторых странах косвенные издержки, связанные с ожирением, составляют

до 8 процентов валового национального продукта (ВНП) (Popkin *et al.*, 2006), а издержки, связанные с дефицитом микронутриентов, могут достигать 11 процентов ВНП (Horton and Steckel, 2013). Неравенство в распределении и потреблении продовольствия является одной из причин того, что порядка трети продовольствия, производимого для потребления человеком, пропадает впустую, что обходится в 70 млрд долл. США ежегодно, а также к неоправданной потере земель, воды и биоразнообразия (ФАО, 2013). Биоразнообразие и разнообразие рациона неразрывно связаны друг с другом, и утрата одного отражается на состоянии другого, при этом и то, и другое сильнее всего сказываются на положении наиболее маргинализированных групп населения (Harris *et al.*, 2022b). Помимо экологических и экономических последствий это колоссальное неравенство всегда приводило к политической нестабильности, а голод и неопределенность в отношении продовольственной безопасности вызывали протесты и голодные бунты (Bush and Martiniello, 2017).

Неравенство сказывается на положении людей во всех странах, и зачастую несколько неблагоприятных факторов накладываются друг на друга, усугубляя ситуацию. Например, быть женщиной там, где положение женщин в обществе и без того неблагоприятно, может быть еще труднее для тех из них, кто принадлежит также к маргинализированным этническим группам или кастам; такое наложение негативных эффектов известно под названием "интерсекциональность". Это означает, что наиболее маргинализированные члены общества – обычно те самые люди, чьи интересы в продовольственных системах чаще всего игнорируются (Development Initiatives, 2021; Harris *et al.*, 2021; Nisbett *et al.*, 2022).

Именно из-за этих губительных разноплановых последствий неравенства вопрос борьбы с ним занимает центральное место в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, причем это в равной степени касается стран как с высоким, так и с низким уровнями дохода. Любая цель, связанная со снижением распространенности всех форм неполноценного питания, неинфекционных заболеваний (НИЗ), голода и отсутствия продовольственной безопасности, должна иметь в своей основе принцип "никто не должен остаться без внимания" (ГООНУР, 2023). Вопросы ПБП рассматриваются в контексте прав человека: в нескольких международных конвенциях подписавшие их государства подтверждают, что "все люди, независимо от их расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного статуса, имеют право на достаточное питание и право быть свободным от голода" (УВКБ ООН, 2010). Звучат призывы к усилению взаимосвязи

прав человека с неравенством (De Schutter, 2023): если неравенство приводит к нарушениям прав человека, таким как создание препятствий на пути реализации права на достаточное питание, то государства несут юридическое обязательство устранить это неравенство (УВКПЧ, 1966).

В этом докладе рассматривается проблема неравенства и факторы, его определяющие, как внутри стран и регионов, так и между ними. Он подготовлен на основе результатов проведенной ранее работы ГЭВУ-ПБП и фактологических данных из разных областей и форм знаний и призван помочь мировому сообществу найти способы признания, оценки и устранения неравенства в области ПБП. Задачи этого доклада состоят в следующем: i) прояснить смысл и дать определения неравенства и его детерминантов в целях упрощения обсуждений и уточнения мер, необходимых в этой связи (ГЛАВА 1); ii) описать ситуацию с неравенством результатов в области ПБП (ГЛАВА 2); iii) показать, как именно различные виды неравенства в продовольственных и других связанных с ними системах приводят к таким результатам в области ПБП (ГЛАВА 3); iv) исследовать более глубокие системные причины этих видов неравенства (ГЛАВА 4); и v) определить оптимальные способы устранения этих видов неравенства (ГЛАВА 5), предоставить набор рекомендаций по созданию более справедливых и равноправных продовольственных систем в интересах обеспечения ПБП (ГЛАВА 6).

1.2 ПОЧЕМУ НУЖНЫ НЕ ПОСТЕПЕННЫЕ, А КАРДИНАЛЬНЫЕ МЕРЫ

Кардинальные меры борьбы с неравенством в области ПБП определяются по-разному: от реализации значимых преобразований в рамках существующего пространства для маневра в политике (таких как улучшение доступа к знаниям и технологиям и поддержка потребителей в целях обеспечения возможности выбора и покупки продуктов для здорового питания) (Ruben *et al.*, 2021) до серьезных преобразований в структурах власти и в политике (в целях уменьшения сопротивления со стороны могущественных корпораций или недопущения применения таких подходов к осуществлению постепенных преобразований, которые только усугубляют неравенство) (Béné *et al.*, 2021; Newell *et al.*, 2021). Очевидно, что масштабы проблем в продовольственных системах (и в других антропогенных и природных системах, о которых идет речь в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года) требуют такого подхода, в котором были бы учтены соображения здоровья и благополучия человека и планеты,

и что для решения этих сложных проблем лучше всего подойдут меры, направленные на устранение коренных причин отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания во всех его формах (Hawkes *et al.*, 2020). Сейчас настало время комплексных мер, обеспечивающих воздействие сразу на многие взаимосвязанные системные факторы, которые усугубляют негативное влияние продовольственных систем на положение наиболее маргинализированных групп населения (Swinburn *et al.*, 2019).

Кардинальные преобразования необходимы по трем причинам: 1) если действовать постепенно, то процесс достижения глобальных целей пойдет слишком медленно, а неспособность устранить неравенство замедляет прогресс в целом, поскольку в маргинализированных группах результаты в области ПБП меняются медленнее (Development Initiatives, 2021; GloPan, 2020; Harris *et al.*, 2021; ГЭВУ, 2020); 2) экосистемные услуги и биоразнообразие, обеспечиваемые продовольственными системами природными системами, находятся под беспрецедентной угрозой, что повышает необходимость немедленных преобразований (МЗК, 2020; Steffen *et al.*, 2015; КБООН, 2019), а последствия деградации природных ресурсов сильнее всего ощущают на себе те, кто в продовольственных системах находится в наиболее уязвимом положении, в том числе коренные народы, мелкие фермеры, рыбаки, безземельные работники и мигранты, которые вместе производят большую часть продовольствия в мире (КБООН, 2019); 3) темпы изменения климата, вызванного деятельностью человека, превзошли первоначальные прогнозы (ЮНЕП, 2022) и существенно сказываются на возможностях людей производить продовольствие теми способами, которые мы используем сейчас, и больше всего страдают от этого наиболее маргинализированные производители, т. е. те, кто всегда был меньше всего ответствен за изменение климата (ЮНЕП, 2022).

В этом докладе кардинальные преобразования в сфере ПБП определяются как меры, принимаемые во всей продовольственной и экономической системе и влекущие за собой принципиальные изменения в управлении продовольственными системами и в политических системах вообще в целях устранения дисбаланса сил, из-за которого высокие показатели неполноценного питания и отсутствия продовольственной безопасности стали нормой (Devereux *et al.*, 2022). Кардинальные преобразования должны происходить теми темпами, которые, по результатам научного консенсуса, будут соответствовать темпам роста фундаментальных угроз для здоровья человека и планеты, но при этом нельзя допустить усугубления существующей ситуации с неравенством и возложения этого бремени на будущие поколения.

1.3 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

1.3.1 ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

После появления в 1974 году первого общепринятого определения продовольственной безопасности, сформулированного ФАО, в котором основное внимание уделялось снабжению продовольствием, концепция продовольственной безопасности получила дальнейшее развитие. Относительно недавно к четырем ранее определенным составляющим продовольственной безопасности – наличию продовольствия, доступу к нему, использованию и стабильности поставок – были добавлены субъектность и устойчивость, а главным для продовольственной безопасности было признано право человека на достаточное питание (Clapp *et al.*, 2022; ГЭВУ, 2020). В более ранних определениях продовольственной безопасности не были должным образом учтены ни условия, в которых осуществляются производство и распределение продовольствия, ни то, кто и почему страдает от голода или неполноценного питания (Development Initiatives, 2021; Sunam and Adhikari, 2016). Для того чтобы обеспечить субъектность в продовольственных системах, нужно предусмотреть политические и программные меры, с помощью которых необходимыми возможностями будут наделены те, у кого результаты в области ПБП самые низкие и кто находится в маргинализованном положении в системах, производящих для нас продукты питания; кроме того, надо помочь людям призвать к ответственности тех, кто обязан их поддерживать. Включение аспекта устойчивости явным образом увязывает результаты в области продовольственной безопасности с характером продовольственных систем и требует радикальных преобразований, которые "ориентированы на расширение прав и возможностей населения, обеспечение равенства, восстановление ресурсов, повышение продуктивности и достижение процветания", а также на "кардинальное изменение основополагающих принципов на всех этапах – от производства до потребления" (ГЭВУ, 2020). Для обеспечения как субъектности, так и устойчивости необходимо, чтобы политика и практика были направлены на устранение систематического отсутствия равных возможностей, несправедливости и социальной изоляции в продовольственных системах (в настоящем докладе для описания этого явления используется термин "несправедливость") в целях ликвидации систематических различий результатов в области ПБП (в настоящем докладе для описания этого явления используется термин "неравенство"). Во ВРЕЗКЕ 1 приведены определения

ВРЕЗКА 1: ОСНОВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Продовольственная система включает все элементы (окружающую среду, людские ресурсы, производственные ресурсы, процессы, инфраструктуру, организации и т. д.) и все виды деятельности, связанные с производством, обработкой, распределением, переработкой и потреблением продовольствия, а также результаты такой деятельности, в том числе ее социально-экономические и экологические последствия (ГЭВУ, 2014).

Продовольственная безопасность считается достигнутой при наличии у всех людей постоянного физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активной и здоровой жизни (ФАО, 2001). Ключевыми аспектами продовольственной безопасности являются наличие продовольствия, доступ к нему, использование продовольствия, устойчивость, субъектность и стабильность поставок (ГЭВУ, 2020).

Неравенство – это наблюдаемые различия в результатах в области питания или продовольственной безопасности или в связанных с продовольственными системами факторах (таких как доступ к финансированию) между отдельными лицами и группами по признаку социального, экономического и географического положения (например, в зависимости от социально-экономического статуса, расы или этнической принадлежности, пола или гендера) (Nisbett *et al.*, 2022).

Несправедливость – это те социальные, экономические или политические причины, по которым существуют систематические различия в связанных с продовольственными системами возможностях или в распределении результатов в области продовольственной безопасности и питания, обусловленные восприятием остальной частью общества социальных групп и отношением к ним как внутри продовольственной системы, так и за ее пределами (ВОЗ, 2008).

Субъектность была определена в предыдущих докладах ГЭВУ-ПБП как “то, что человек волен делать и достигать в стремлении к любым целям или ценностям, которые считает важными” (Sen, 1985, p.203). Важнейшим аспектом субъектности, позволяющим людям участвовать в жизни общества и вносить свой вклад в формирование и улучшение условий собственной жизни и благополучия, является расширение прав и возможностей (Alsop and Heinsohn, 2005).

Источник: собственная разработка авторов

основных терминов, связанных с неравенством и ПБП. (Определения других важнейших терминов, используемых в настоящем докладе, см. в Приложении 1.

1.3.2 РАВЕНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Различия между людьми и группами населения существовали всегда из-за естественной вариативности условий, связанных с местом проживания людей и имеющимися у них ресурсами. Например, из-за различий в географии и обеспеченности природными ресурсами у людей, которые живут на определенных территориях, меньше пресной воды, менее плодородные почвы или меньше доступных им земельных, лесных и морских ресурсов, что снижает их возможность

производства или добычи продовольствия. Но естественные различия, как правило, являются не главными препятствиями для обеспечения ПБП: различия создаются и усугубляются обществом. Например, женщины исторически были исключены из экономических и политических процессов и лишены соответствующих возможностей, в результате показатели экономической активности, состояния здоровья и уровня образования у женщин всех стран остаются ниже, чем у мужчин (Nussbaum, 2000; ПРООН, 2015; WEF, 2021). Поэтому для достижения одних и тех же результатов определенные группы населения необходимо в той или иной степени поддерживать вне зависимости от того, обусловлены ли различия “естественной” или рукотворной вариативностью. Иногда это называется антидискриминационными мероприятиями (Romany and Chu, 2004).

Основное внимание в этом докладе уделяется случаям, когда действия (или бездействие) общества либо сами создают вариативность, либо усугубляют ситуацию, связанную с естественной вариативностью (ВОЗ, 2008). Бывает, например, что влияние худшей обеспеченности природными ресурсами на ПБП усугубляется постоянным отсутствием контроля и инвестиций на таких территориях, а также недостаточной представленностью живущих там подгрупп населения в процессах принятия решений. Таким образом, естественная вариативность (обеспеченность) становится предотвратимой причиной **неравенства** (разницы результатов), если действия общества позволяют таким различиям сохраняться или даже усугубляют их. Эта ситуация может еще более усугубиться, когда определенные социальные группы перемещаются из тех мест, где они жили всегда, в менее благоприятные условия, как это произошло со многими общинами коренных народов. Таким образом, даже кажущееся "естественным" неравенство в области ПБП, связанное с обеспеченностью природными ресурсами, вполне может иметь и социально обусловленные причины.

Действия общества (в том числе социальные, политические и экономические) определяются тем, как общество видит себя и разных людей внутри себя. В каждом обществе культурные нормы и ценности определяют социальное положение человека на основе таких признаков идентичности, как гендер, этническая принадлежность, раса, религия, возраст, инвалидность и другие социально обусловленные характеристики.

В результате разные группы занимают в обществе различные ступени иерархии. Одни получают власть, позволяющую им определять политику и формировать жизнь общества, другие оказываются исключенными из этих процессов. Если из-за принятых в обществе норм определенные его группы из-за своих характеристик систематически оказываются ущемлены или маргинализированы, то это определяется как **несправедливость** (ВОЗ, 2008).

Эта совокупность различий, неравенства и несправедливости создает циклически повторяющуюся ситуацию, когда в определенных обстоятельствах определенные социальные группы из поколения в поколение оказываются в маргинализованном и ущемленном положении, и без прямого вмешательства, которое позволит создать более справедливые условия и уменьшить неравенство, эту проблему решить очень трудно. В силу той же цикличности маргинализация напрямую влияет на результаты в области ПБП, потому что нищета и другие формы неблагополучия напрямую связаны с отсутствием продовольственной безопасности и плохим питанием, а плохая ситуация с ПБП может стать фактором, ведущим к усугублению нищеты и маргинализации, в том числе через межпоколенческие механизмы (например, матери, страдающие от недоедания, рожают маловесных детей) (Perez-Escamilla *et al.*, 2018).

Эти определения составлены по данным многочисленных исследований, охватывающих различные дисциплины (включая социологию, общественное здравоохранение и обеспечение равенства в вопросах здравоохранения, экономики, права человека и питание в интересах охраны здоровья), что позволило отразить в настоящем докладе различные профессиональные точки зрения.

1.4 КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Концептуальная модель для этого доклада (РИСУНОК 2) составлена по материалам из различных источников по вопросам социальной справедливости, неравенства и несправедливости (CSDH, 2008; Fraser, 2009; Nisbett *et al.*, 2022). Модель имеет три уровня: системные причины неравенства, неравенство в продовольственных и других связанных с ними системах и неравенство результатов в области ПБП.

Понимание и устранение глубинных причин неравенства в области ПБП в конкретных обстоятельствах является наиболее эффективным способом сокращения этого неравенства. Для этого прежде всего необходимо понять, какие экономические или социальные группы оказались в наиболее маргинализированном положении (это могут быть, например, мелкие производители, городская и сельская беднота или те, кто подвергается дискриминации по признаку их идентичности), и установить, почему это происходит (причиной может быть, например, отсутствие у них доступа к информации или к процессам принятия решений и власти, или то, что их ценности, культура и системы знаний не представлены в основных институтах и системах управления).

В представленной в докладе концептуальной модели этот аспект обозначен как "признание", то есть установление, кто именно и почему находится в маргинализированном положении и в чем это выражается (Fraser, 2009).

Далее для понимания и устранения основных причин неравенства в области ПБП необходимо выяснить, кто представлен в процессах принятия решений на различных уровнях, от местного до национального и выше, т. е. там, где разрабатываются меры политики, а главное – как организовано включение в эти процессы и исключение из них. Но одного присутствия мало, если признание (см. выше) является неполным или для полноценного участия не хватает ресурсов. В своей концептуальной модели мы называем это "представительством": представительство самих маргинализированных групп или выбранных ими представителей в процессах принятия решений, которые их касаются. Этот принцип обычно формулируется так: "ничего для нас без нас" (Charlton, 1998).

Затем для устранения системных причин неравенства в области ПБП необходимо задаться вопросами, почему экономические возможности и ресурсы распределяются именно таким образом, и как их можно перераспределить в пользу маргинализированных групп (например, направить инвестиции в ранее недопредставленные области или обеспечить социальную защиту группам населения, которые ранее не считались маргинализированными). В своей концептуальной модели мы называем это "перераспределением": речь идет о перераспределении ресурсов, возможностей или иных благ, которых эти маргинализированные группы были лишены и потому не могли реализовать свой потенциал в области ПБП.

Этот процесс обеспечения признания, представительства и перераспределения (круг в центре РИСУНКА 2, "Механизм обеспечения справедливости") необходим для полного устранения тех многочисленных негативных социальных и политических факторов, которые приводят к неравенству в сфере ПБП. Для того чтобы добиться коренных преобразований, позволяющих устранить это неравенство, каждый элемент этого механизма должен взаимодействовать с другими его элементами. Эти проблемы могут быть решены не только путем устранения их коренных социальных причин, но и на уровне продовольственных систем, например за счет мер по сокращению неравенства в вопросах доступа к ресурсам для производства продовольствия, к финансовым услугам, информации и возможностям, которые предоставляют производственно-бытовые цепочки.

А так как основа ПБП имеет многоотраслевой характер, эти виды неравенства можно устранить, действуя в рамках других систем, связанных с продовольственными, таких как экономическая, система здравоохранения и система образования, а также в контексте других основных прав, например прав на жилище и на воду. Эти многоотраслевые мероприятия важны для улучшения ситуации с ПБП ввиду наличия синергии между мерами по сокращению

РИСУНОК 2:
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ: МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЛАСТИ ПБП

Источник: собственная разработка авторов.

неравенства во всех системах. Для устранения неравенства в других системах необходим тот же самый процесс: надо установить, кто страдает от маргинализации и неравенства внутри системы, почему и как именно это происходит, и признать этот факт, затем обеспечить подлинное представительство маргинализированных групп наряду с остальными в вопросах выработки решений и поиска путей устранения неравенства в расстановке сил, после чего, как правило, перераспределить ресурсы или возможности таким образом, чтобы эти группы могли участвовать в соответствующих процессах наравне с остальными. Реализуя классические принципы обеспечения ПБП (наличие, доступность и использование продовольствия, а также стабильность поставок, устойчивость продовольственных систем и субъектность всех заинтересованных сторон), этот "механизм обеспечения справедливости" может привести к улучшению результатов в области ПБП для всех.

Главный принцип состоит в том, что несправедливость часто носит интерсекциональный характер (т. е. несколько видов неравенства взаимодействуют между собой, что приводит к пагубным последствиям), и этот эффект повторяется из поколения в поколение (от чего постоянно страдают одни и те же социальные группы) и является межтерриториальным (в разных обстоятельствах это может проявляться по-разному, но одни и те же проблемы со справедливостью наблюдаются повсюду). Эти аспекты несправедливости показаны в верхней части **РИСУНКА 2**, и их всегда следует учитывать, обдумывая решения для конкретной ситуации. Одной из главных целей создания справедливых систем, о которой не следует забывать в борьбе с неравенством, является последовательная реализация прав человека и использование различных корпусов знаний и формулировок проблем неравенства и ПБП. Это отражено в нижней части **РИСУНКА 2** и обсуждается в следующем разделе.

1.5 ПОДХОДЫ К ПРОВЕДЕНИЮ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА

1.5.1 ВИДЫ ЗНАНИЙ И ФАКТОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В этом докладе использовано множество разных видов научного знания и подходов к исследованию проблемы несправедливости и неравенства в области ПБП, начиная с коэффициентов Джини и кривых Лоренца, которыми оперируют экономисты, и заканчивая популяционными данными о результатах на уровне всего населения в разбивке по группам, которыми пользуются эпидемиологи, и качественными этнографическими описаниями жизненного опыта людей, сталкивающихся с неравенством (с этими данными работают антропологи).

Для понимания и устранения неравенства в области ПБП используются также разные пути познания, например знания коренных народов и местных общин и традиционные экологические знания. Признание и поддержка различных систем знаний помогают учитывать различные эпистемологические, онтологические и этические соображения при решении сложных проблем неравенства и несправедливости в продовольственных системах (Huambachano *et al.*, 2022; Kennedy *et al.*, 2022; Vijayan *et al.*, 2022) и крайне важны для устойчивого преобразования продовольственных систем и расширения субъектности маргинализированных групп населения в их исторической и природной среде (Coté, 2022a; Huambachano, 2020). Исключение этих корпусов знаний усугубило проблему неравенства в области продовольственной безопасности, поскольку собственные решения маргинализированных групп населения игнорировались. Но не следует допускать, чтобы эти знания были вырваны из их культурного контекста, обработаны и синтезированы таким образом, что это подорвет их первоначальный смысл и постоянную способность к проверке достоверности, изменению и адаптации (Casimirri, 2003).

В докладе также показан целый ряд подходов к пониманию вопросов равноправия, равенства и социальной справедливости. Концептуальная модель опирается преимущественно на понятия социальной справедливости (Fraser, 2009; Rawls, 1999) и прав человека (De Schutter, 2012), заимствованные из традиций западной мысли. Однако в докладе эти идеи интерпретируются не только с точки зрения прав и благополучия отдельного человека, но и с точки зрения благополучной жизни в плане отношений, а также концепций взаимосвязи, взаимозависимости и социальной общности, которые нашли свое воплощение в африканском этическом учении убунту (Jecker, Atuire and Kenworthy, 2022), социально-экологических ценностях и принципах коренных народов (Huambachano, 2018) и азиатских идеях справедливости (Norden, 2013). В докладе используется универсальный подход к развитию (Longhurst, 2017): определяя проблемы и подходы в области равенства и справедливости, мы опираемся на опыт всего мира, от Севера до Юга и включая страны со всеми уровнями дохода, от высокого до низкого.

1.5.2 СВЯЗЬ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА

Права человека являются общепризнанным принципом Организации Объединенных Наций, и рекомендации Комитета Организации Объединенных Наций по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) основываются на таких принципах прав человека, как человеческое достоинство, недопущение дискриминации, участие, подотчетность, прозрачность, расширение прав и возможностей и верховенство закона (КВПБ, 2021). В частности, право человека на достаточное питание, будучи неотделимым от других прав, признается с 1948 года и с течением времени постепенно конкретизируется и закрепляется в различных международных документах, одобренных большинством государств – членов ООН. Международные пакты о правах человека были подписаны и ратифицированы большинством стран мира и во многих случаях стали основой для национального законодательства; право человека на достаточное питание также было признано и включено в национальное законодательство многих стран (De Schutter, 2012; Harris *et al.*, 2022a) и закреплено в конституциях более чем ста стран (Knuth and Vidar, 2011). Право человека на достаточное питание порождает юридические обязательства государств уважать, защищать и осуществлять это право.

Права человека устанавливают “нижний предел” достойной жизни для большинства, но проблему “верхнего предела” экономического неравенства они не решают (Ragnarsson, 2020), поэтому в концепции прав человека можно также рассмотреть вопрос справедливости.

В самой концепции прав человека заложена идея “статусного равенства”: это означает, что дискриминация по любым социальным признакам (таким, какими они обычно бывают у маргинализированных групп, описанных выше) запрещена (ГА ООН, 1948). В этом смысле суть подходов, основанных на принципах соблюдения прав человека (т. е. признание маргинализированных групп, обеспечение их представительства и участия в решении вопросов, которые касаются их жизни), в значительной степени совпадает с определениями справедливости. Однако было высказано предположение, что, сосредоточившись на достижении минимальных стандартов достойного существования, правозащитники уделяли недостаточно внимания вопросам имущественного неравенства и аспекту справедливости в распределении (Brinks, Dehm and Engle, 2020). Основные концепции прав человека и справедливости во многом совпадают, и концепция прав человека обеспечивает многостороннюю и юридическую поддержку морально-этическим призывам к действию, звучащим со стороны движений, которые занимаются продвижением идей равноправия, равенства и социальной справедливости. Но если говорить об улучшении результатов в области ПБП для всех, то правозащитные подходы будут эффективнее, если в процессе их применения уделить должное внимание вопросу справедливости (Braveman, 2010).

Глава 2

ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С НЕРАВЕНСТВОМ РЕЗУЛЬТАТОВ В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- Если **неравенство в области продовольственной безопасности особенно заметно сказывается на положении населения стран Африки, Южной Азии и Карибского бассейна, то неравенство, связанное с пищевым статусом, наблюдается повсеместно**. Несмотря на успехи в сокращении масштабов недоедания в СНСД, рост показателей избыточного веса и ожирения как у взрослых, так и у детей во всем мире подрывает достигнутый прогресс в области питания.
- **Факторы, провоцирующие неравенство внутри стран, могут меняться в зависимости от ситуации, но есть группы, которые маргинализированы всегда: это женщины, люди без образования, коренное население и бедняки.**
- Для систематической количественной оценки и отслеживания проявлений неравенства в сфере ПБП требуется больше **данных о реальном жизненном опыте, а также данных в разбивке** по полу, местоположению, экономическому статусу, этнической принадлежности, социальным группам и физическим возможностям.
- **Многие важные проявления неравенства носят интерсекциональный характер, но для характеристики этой интерсекциональности и систематического определения наиболее уязвимых групп населения детализированных данных пока недостаточно.**

В этой главе рассматривается проблема неравенства результатов в области ПБП между странами и регионами и внутри них (само наличие этой проблемы говорит о том, что во многих случаях субъекты, на которых лежит обязательство по осуществлению права человека на достаточное питание, пока реализуют его не в полной мере). Здесь представлены проявления неравенства результатов в области ПБП, а в последующих главах описаны непосредственные причины неравенства, которые определяют эти результаты (ГЛАВА 3), а также их исторические и систематические структурные причины (ГЛАВА 4); многие из этих проявлений неравенства, как правило, накладываются и взаимно усиливают друг друга.

Основными рассматриваемыми здесь результатами в области ПБП являются метрики и показатели пищевого статуса и связанные с питанием аспекты продовольственной безопасности, в частности наличие продовольствия, доступ к нему и его использование (FAO and Intake-Center for dietary assessment, 2022; INDDEx Project, 2022). В случае необходимости рассматриваются также составляющие продовольственной безопасности, связанные с качеством, количеством, предпочтениями и устойчивостью. Проводится анализ проявлений неравенства среди населения разных стран мира, между странами и регионами и внутри стран с учетом основных параметров, которые могут повлечь неравенство, включая географическое положение, гендер, место жительства (город или деревня), доход и бедность, этническую принадлежность, принадлежность к коренному населению, расу и социально-

экономический статус, а также случаи пересечений этих параметров; некоторым аспектам уделяется больше внимания по причине большей доступности соответствующих данных

2.1 ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОБЛАСТИ ПБП

Неравномерное распределение показателей отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания во всех его формах среди взрослых и детей наблюдается во всем мире, даже если основные оси неравенства разнятся. На глобальном и региональном уровнях неравенство в области ПБП продемонстрировано с помощью ключевых показателей достижения ЦУР 2 (они представлены в ТАБЛИЦЕ 1, а пояснения к ним даны в Приложении 1), расчет которых производился преимущественно на основе последних имеющихся репрезентативных данных и новейших тенденций, взятых из доклада "Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире" за 2022 год (ФАО и др., 2022) и из совместных оценок, касающихся неполноценного питания среди детей, за 2021 год (ЮНИСЕФ, ВОЗ и Группа Всемирного банка, 2021). Сочетание этого неравномерного распределения с глобализацией, урбанизацией, конфликтами и войнами, пандемиями, изменением климата и другими экологическими кризисами,

а также с системными и институциональными факторами создало условия, при которых ни один регион и ни одна страна мира не застрахованы от уязвимости перед голодом, отсутствием продовольственной безопасности и неравенством, связанным с неполноценным питанием (ФАО и др., 2022; Swinburn *et al.*, 2019). На глобальном уровне распространенность отсутствия продовольственной безопасности (измеряемая по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности [ШВОПБ]), недоедания среди женщин (недостаточный вес и анемия) и недоедания среди детей в возрасте до пяти лет (отставание в росте) выше всего на Африканском континенте. Ниже всего эти показатели в регионах Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии, где, напротив, зафиксированы одни из самых высоких показателей бремени избыточного веса (индекс массы тела >25) и ожирения (индекс массы тела >30).

2.2 ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ГОЛОДА: ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ И ТЕНДЕНЦИИ

Помимо наблюдаемых между регионами диспропорций в плане в распространенности умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности имеют место также существенные различия в уровнях остроты этой проблемы внутри регионов. Среди основных регионов мира (Африка, Северная Америка и Европа, Латинская Америка и Карибский бассейн, а также Азия) наибольшее бремя острого отсутствия продовольственной безопасности приходится на Центральную Африку (37,7 процента), Южную Европу (2,8 процента), Карибский бассейн (30,5 процента) и Южную Азию (21 процент). Кроме того, в период с 2015 по 2019 год имели место явные различия в тенденциях к ухудшению ситуации с продовольственной безопасностью внутри регионов (ТАБЛИЦА 1). На другом конце распределения показателей отсутствия продовольственной безопасности распространенность мягкой формы отсутствия продовольственной безопасности наблюдалась в Южной Африке (75,5 процента), Западной и Северной Европе (>95 процентов), Центральной Америке (65,9 процента) и Восточной Азии

(93,8 процента). В Африке внутрирегиональные тенденции распространенности недоедания (РН) или голода, а также распространенности отсутствия продовольственной безопасности аналогичны. РН резко росла в период с 2019 по 2020 год и, в меньшей степени, в течение следующего года. Более 60 процентов страдающих от недоедания жителей континента проживают в Центральной и Восточной Африке; эта статистика остается неизменной с 2005 года. Соответствующие различия внутри регионов и между ними приведены в ТАБЛИЦЕ 1.

2.2.1. ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ

Гендерные различия в тенденциях развития ситуации с отсутствием продовольственной безопасности (2014–2019 годы) с течением времени отмечаются постоянно как в глобальном масштабе, так и между регионами; в период с 2020 по 2021 год этот разрыв еще больше увеличился повсюду, за исключением Африки (ТАБЛИЦА 1). Во всем мире число женщин, страдающих от отсутствия продовольственной безопасности, больше числа мужчин, сталкивающихся с этой проблемой, и среди женщин проблема острого отсутствия продовольственной безопасности более распространена, чем среди мужчин (ФАО и др., 2021). Внутрирегиональные оценки показывают наличие таких же гендерных закономерностей; исключение составляют Восточная, Южная и Западная Европа, Австралия и Новая Зеландия, а также Центральная, Восточная и Юго-Восточная Азия, где распространенность острого отсутствия продовольственной безопасности среди мужчин несколько выше, чем среди женщин. Серьезным пробелом является нехватка данных в разбивке по полу в субрегионах с самой высокой распространенностью отсутствия продовольственной безопасности, таких как Центральная Африка (ФАО, 2022е).

С повышением уровня доходов в странах гендерный разрыв в области продовольственной безопасности не сокращается. Фактологические данные свидетельствуют о том, что ВНД играет минимальную роль в сокращении неравенства по признаку пола. Вне зависимости от уровня дохода страны женщины всегда относятся к той категории населения, которая больше всего страдает от отсутствия продовольственной безопасности: разница между мужчинами и женщинами по этому показателю внутри одной страны достигает 19 процентных пунктов

(Broussard, 2019). Гендерное неравенство часто накладывается на разделения по этническому и географическому признакам и по признаку принадлежности к коренному населению, что усугубляет уязвимость к отсутствию продовольственной безопасности (Lemke and Delormier, 2018).

Наконец, и качественные, и количественные данные мета-анализа показывают, что в СНСД отсутствие продовольственной безопасности ассоциировано с более высокой вероятностью регистрируемых случаев насилия в отношении женщин и девочек (Hatcher *et al.*, 2022). Механизмы такой взаимосвязи неясны, но это исследование показало, что возможными факторами, объясняющими, как и почему связаны между собой продовольственная безопасность и насилие в отношении женщин и девочек, являются несправедливые гендерные нормы, экономические лишения и социальная изоляция. Это усиливает уязвимость женщин и девочек в плане отсутствия продовольственной безопасности.

2.2.2. ТЯЖЕЛОЕ ОТСУТСТВИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НЕРАВЕНСТВО

В соответствии с Комплексной классификацией стадий продовольственной безопасности (ККС), в ситуации острого голода (стадия 3), голода чрезвычайного уровня (стадия 4) или катастрофического/массового голода находятся те группы населения, которые испытывают наиболее острую потребность в защите источников средств к существованию и среди которых риск смертности из-за отсутствия продовольственной безопасности наиболее высок (ККС, 2022). Самые последние оценки показывают, что от тяжелого отсутствия продовольственной безопасности страдают 258 млн человек, проживающих в 58 странах. Больше всего таких людей живет в Афганистане, Демократической Республике Конго, Йемене, Мьянме, Нигерии, Пакистане, Сирийской Арабской Республике, Судане, Украине и Эфиопии (FSIN and Global Network Against Food Crises, 2023). В данных мониторинга острого отсутствия продовольственной безопасности в разных странах есть пробелы; неполна также информация о том, какие группы внутри стран наиболее уязвимы. Одной из причин этого являются нестандартизированные подходы к сбору данных и составлению отчетности. Но если судить по имеющимся данным, группами, которые регулярно относят к категории "стадия 3" и выше по ККС, являются перемещенные лица, лица, проживающие в зонах конфликтов, беременные и кормящие женщины и дети в возрасте до пяти лет (FSIN and Global Network Against Food Crises, 2023).

2.2.3. СРЕДНИЙ ДОХОД, НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ И СВЯЗИ ЭТИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ С ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ВО ВСЕМ МИРЕ

Экономический рост и увеличение средних доходов в стране не всегда обеспечивают преобладание продовольственной безопасности или высокий уровень равенства в области продовольственной безопасности между разными группами населения.

Несмотря на то, что с 1990 года показатели распространенности нищеты в мире неуклонно снижаются (Всемирный банк, 2020, 2023а), по сравнению с 2010 годом голод усилился, и в последнее время в связи с пандемией COVID-19 и войной на Украине ситуация усугубилась (КГМСХИ, 2022; ФАО и др., 2022). Это говорит о том, что результаты в области ПБП, помимо среднего дохода и распространенности нищеты, в значительной степени определяются и другими факторами. Нищета, обусловленная низкими доходами, лишь частично отражает многофакторный характер проблемы голода, отсутствия продовольственной безопасности и (в том числе) биологических аспектов результатов в области питания (Barrett, 2010; Prydz, Jolliffe and Serajuddin, 2021; Webb *et al.*, 2006). Глобальный анализ данных опроса частных лиц из 134 стран показывает, что, вне зависимости от принадлежности страны к соответствующей группе по уровню дохода, основными факторами, с которыми ассоциирована более высокая вероятность отсутствия продовольственной безопасности, являются низкий уровень образования, слабые социальные связи, меньший социальный капитал и низкий доход домохозяйств (Smith, Rabbitt and Coleman-Jensen, 2017a).

Даже там, где уровень продовольственной безопасности повышается с ростом доходов, неравенство между группами в плане продовольственной безопасности может сохраняться или даже усиливаться (Wesselbaum *et al.*, 2023). Вессельбаум и соавторы (Wesselbaum *et al.*, 2023), проанализировав глобальные данные, полученные в результате применения шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности (ШВОПБ), обнаружили, что между уровнем продовольственной безопасности среди населения и неравенством в области продовольственной безопасности между различными группами населения существует связь, описываемая кривой Кузнецца (перевернутая U-образная кривая). Они пришли к выводу, что неравенство в области продовольственной безопасности между различными группами населения наиболее велико в странах со средним уровнем дохода. Их выводы позволяют предположить, что странам,

ТАБЛИЦА 1:

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ МЕЖДУ РЕГИОНАМИ И ВНУТРИ НИХ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПИТАНИЕ: МЕТРИКИ	ВАЖНЫЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ И ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ	ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ (2015–2019 ГОДЫ, ЕСЛИ НЕ УКАЗАНО ИНОЕ)	ВАЖНЫЕ ВИДЫ ГЕНДЕРНОГО И ДРУГОГО НЕРАВЕНСТВА
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ НЕДОЕДАНИЯ (ГОЛОДА) (Показатель достижения ЦУР 2.1.1)	В Африке самый высокий уровень распространенности голода: от него страдают 20,2 процента населения, тогда как в Азии и Латинской Америке этот показатель составляет менее 10 процентов, а в Северной Америке и Европе – менее 2,5 процентов (ФАО и др., 2022). Особенно высока распространенность голода в Восточной (29,8 процента) и Центральной Африке (32,8 процента), однако численность голодающих выше всего в Южной Азии (331,6 млн человек) (ФАО и др., 2022). В Северной Америке и в Европе, напротив, показатели самые низкие (<2,5 процента), за ними следует Океания (5,8 процента) (ФАО и др., 2022). Непропорционально высокие показатели РН в Восточной и Центральной Африке, Южной Азии и Карибском бассейне усугубляют общее региональное бремя голода в Африке, Азии и Латинской Америке и Карибском бассейне, соответственно (ФАО и др., 2022).	В период с 2015 по 2019 год в Азии наблюдалось медленное, но неуклонное снижение показателей голода (на 0,6 процентного пункта), а в Африке и Латинской Америке и Карибском бассейне они увеличивались (на 1,6 и 0,9 процентного пункта соответственно) (ФАО и др., 2022). Однако в период с 2019 по 2021 год рост показателей голода наблюдался во всех регионах: в Африке (на 2,8 п. п.), Азии (на 1,7 п. п.), Океании (на 0,2 п. п.) и Латинской Америке и Карибском бассейне (на 1,9 п. п.) (ФАО и др., 2022). С 2017 года более резкая тенденция к росту (на 4,5 п. п.) наблюдается в Южной Азии по сравнению с остальными азиатскими субрегионами (<0,3 п. п.).	В период с 2004–2006 по 2021 год были отмечены долгосрочные тенденции к снижению показателей голода в странах всех уровней дохода, кроме стран с высоким уровнем дохода, где этот показатель оставался неизменным (ФАО и др., 2022).
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ УМЕРЕННОГО ИЛИ ОСТРОГО ОТСУТСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Показатель достижения ЦУР 2.1.2)	Самым высоким этот показатель был в Африке (57,9 процента населения), в Азии же он составлял менее 25 процентов; в Латинской Америке и Карибском бассейне – 40,6 процента, а в Северной Америке и Европе – 8 процентов (ФАО и др., 2022). Особенно высокими показатели голода были в Восточной (66,9 процента) и Центральной Африке (75,3 процента) и в Карибском бассейне (64 процента) (ФАО и др., 2022). Численность тех, кто испытывает умеренное/острое отсутствие продовольственной безопасности, больше всего в Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары (ФАО и др., 2022).	В период с 2014 по 2021 год показатели отсутствия продовольственной безопасности возросли в Африке (на 13,5 процентных пункта), Азии и Латинской Америке и Карибском бассейне (на 16 процентных пунктов) (ФАО и др., 2022). Особенно резкий рост наблюдался в Западной Африке (на 23,9 п. п.), за которой следуют Центральная Азия (на 11,7 п. п.), Южная Азия (на 13,3 п. п.), Латинская Америка (на 17,1 п. п.) и Южная Америка (на 22,5 п. п.) (ФАО и др., 2022). В Северной Америке и Европе показатели отсутствия продовольственной безопасности за этот период снизились (на 0,7 п. п.) (ФАО и др., 2022).	Во всех регионах мира показатели отсутствия продовольственной безопасности среди женщин выше, чем среди мужчин, и у женщин эта проблема стоит острее (ФАО и др., 2022).

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПИТАНИЕ: МЕТРИКИ	ВАЖНЫЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ И ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ	ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ (2015–2019 ГОДЫ, ЕСЛИ НЕ УКАЗАНО ИНОЕ)	ВАЖНЫЕ ВИДЫ ГЕНДЕРНОГО И ДРУГОГО НЕРАВЕНСТВА
ДОЛЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ ТЕХ, КТО НЕ МОЖЕТ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ ЗДОРОВЫЙ РАЦИОН (Показатель достижения ЦУР 2.1.1)	В Восточной, Центральной и Западной Африке здоровый рацион не могут себе позволить более 85 процентов населения; далее следует Южная Азия (70 процентов) (ФАО и др., 2022). В Европе и Северной Америке с этой проблемой сталкиваются менее 2 процентов населения (ФАО и др., 2022). Показатель недоступности здорового рациона монотонно убывает в зависимости от статуса группы стран по уровню дохода: в странах с низким уровнем дохода он составляет 88 процентов, в странах с низким и средним уровнями дохода – 69,4 процента, в странах с уровнем дохода выше среднего – 15,2 процента, в странах с высоким уровнем дохода – 1,4 процента (Bai, Herforth and Masters, 2022; Raghunathan, Headey and Herforth, 2021).	Недавний рост цен на продовольствие, сопровождавшийся резким падением доходов населения во время пандемии, ухудшил показатели доступности здорового рациона почти во всех регионах (ФАО и др., 2022). С 2017 года здоровый рацион остается недоступным (>90 процентов населения не могут себе его позволить) в следующих странах: Ангола, Бурунди, Центральноафриканская Республика, Конго, Гвинея, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Нигерия, Судан (ФАО и др., 2022).	Хуже всего по этому показателю обстоят дела у женщин, девочек и сельского населения (Bai, Herforth and Masters, 2022; ФАО и др., 2022; Raghunathan, Headey and Herforth, 2021).
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ АНЕМИИ У ЖЕНЩИН (Показатель достижения ЦУР 2.2.3)	Распространенность анемии у женщин выше всего в Западной Африке (51,8 процента), далее следуют Южная Азия (48,2 процента) и Центральная Африка (43,2 процента) (ФАО и др., 2022). Для оценки бремени анемии в странах с высоким уровнем дохода данных недостаточно (Bai, Herforth and Masters, 2022; Development Initiatives, 2020; Raghunathan, Headey and Herforth, 2021).	За последнее десятилетие были достигнуты некоторые успехи в снижении распространенности анемии среди небеременных женщин (Development Initiatives, 2020). По последним оценкам, среди беременных женщин наблюдается тенденция к снижению распространенности анемии: в 2000 году она составляла 41 процент, в 2019 году – 30 процентов (Stevens <i>et al.</i>, 2022). В период с 2000 по 2009 год и с 2010 по 2019 год цели Всемирной ассамблеи здравоохранения по сокращению масштабов анемии удалось добиться только Гватемале и Филиппинам (Stevens <i>et al.</i>, 2022).	Женщины, страдающие анемией, чаще всего бедны, не имеют формального образования и являются выходцами из сельской местности (ФАО и др., 2022).

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПИТАНИЕ: МЕТРИКИ	ВАЖНЫЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ И ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ	ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ (2015–2019 ГОДЫ, ЕСЛИ НЕ УКАЗАНО ИНОЕ)	ВАЖНЫЕ ВИДЫ ГЕНДЕРНОГО И ДРУГОГО НЕРАВЕНСТВА
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ОЖИРЕНИЯ У ВЗРОСЛЫХ	Распространенность ожирения у взрослых выше всего в Северной Америке, Европе, Австралии и Новой Зеландии.В Азии и Африке распространенность ожирения значительно ниже, хотя в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки она сравнима с показателями западных стран.В первую тройку стран с самой высокой распространенностью ожирения (от 41 до 65 процентов) среди мужчин и женщин входят островные государства Микронезия, Меланезия и Полинезия [Global Obesity Observatory, 2023].В Австралии, Канаде, Кувейте, Мальте, Новой Зеландии, Катаре, Саудовской Аравии и Соединенных Штатах Америки ожирением страдают более трети мужчин. Страдают ожирением более двух пятых женщин на Бермудских островах, в Египте, Иордании, Кувейте, Ливии, Палестине, Пуэрто-Рико, Катаре, Саудовской Аравии, Южной Африке, Турции и Объединенных Арабских Эмиратах.	В последние два десятилетия тенденция к росту показателей ожирения у взрослых наблюдалась во всех регионах.Глобальные тенденции, стандартизированные по полу и возрасту, показывают увеличение распространенности ожирения на 7,6 п. п. и 8,5 п. п. у мужчин и женщин соответственно в период с 1975 по 2014 год.	Женщины с избыточным весом, как правило, являются городскими жительницами и происходят из более состоятельных семей. В целом же показатели избыточного веса и ожирения в более богатых странах впятеро выше, чем в бедных [Development Initiatives, 2021]. Непропорционально высокая распространенность ожирения наблюдается в странах с высоким уровнем дохода – Австралии, Канаде, Новой Зеландии, Соединенных Штатах Америки – и среди коренных народов [Batal and Decelles, 2019; Goins et al., 2022; Thurber et al., 2018].
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ОТСТАВАНИЯ В РОСТЕ У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ (Показатель достижения ЦУР 2.2.1)	Распространенность отставания в росте наиболее высока в Меланезии (40,6 процента), за ней следуют Центральная Африка (36,8 процента), Восточная Африка (32,6 процента), Западная Африка (30,9 процента) и Южная Азия (30,7 процента) (ФАО и др., 2022).В Европе же и Северной Америке распространенность отставания в росте составляет всего от 3 до 5 процентов.Наибольшая численность отстающих в росте детей приходится на Южную Азию. Две из трех стран, в которых проживает почти половина (47,2 процента) всех детей с отставанием в росте, находятся в Южной Азии: это Индия и Пакистан [Development Initiatives, 2020].	В течение последних двух десятилетий показатель отставания в росте у детей неуклонно снижался, и сейчас эта проблема чаще всего наблюдается в странах с низким уровнем дохода. Однако в последнее время наблюдается резкий рост этого показателя в некоторых странах Северной Африки, Океании и Карибского бассейна.	Чаще всего отстают в росте живущие в сельской местности мальчики из бедных семей, чьи матери не имеют формального образования.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПИТАНИЕ: МЕТРИКИ	ВАЖНЫЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ И ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ	ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ (2015–2019 ГОДЫ, ЕСЛИ НЕ УКАЗАНО ИНОЕ)	ВАЖНЫЕ ВИДЫ ГЕНДЕРНОГО И ДРУГОГО НЕРАВЕНСТВА
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ИСТОЩЕНИЯ У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ (Показатель достижения ЦУР 2.2.2.)	Распространенность детского истощения выше всего в Южной Азии (14,1 процента), за которой следует Океания (Меланезия, Микронезия и Полинезия) (9,0 процента). Высока распространенность истощения (>15 процентов) в таких странах, как Джибути, Индия, Нигер, Шри-Ланка и Судан (Development Initiatives, 2020). В Европе и Северной Америке этот показатель пренебрежимо мал.	Несмотря на то, что некоторые страны добиваются определенных успехов в этом направлении, темпы снижения показателя распространенности истощения недостаточны для достижения целевого уровня в пять процентов. Учитывая связь между истощением и смертностью, а также то, что одна из пяти смертей детей в возрасте до пяти лет может быть связана с тяжелым истощением, эта ситуация вызывает особую обеспокоенность. Что еще хуже, во время пандемии ситуация с истощением у детей усугубилась, особенно в Южной и Юго-Восточной Азии, где этот показатель является высоким (ФАО и др., 2022).	Истощение у детей относительно слабо связано с принадлежностью к определенным социально-экономическим группам. Однако дети из менее обеспеченных сельских семей и те, чьи матери не имеют формального образования, более уязвимы к истощению (Development Initiatives, 2020).
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ (Показатель достижения ЦУР 2.2.2)	Распространенность избыточного веса у детей наиболее высока в Австралии и Новой Зеландии (16,9 процента), за ними следуют Северная Африка (13 процентов) и Южная Африка (12 процентов), Восточная Европа (9,9 процента) и Северная Америка (9,1 процента) (ФАО и др., 2022).	Распространенность избыточного веса растет во многих странах Южной Африки, Юго-Восточной Азии, Океании, Южной Америки и Карибского бассейна (ФАО и др., 2022).	Дети с избыточным весом чаще всего являются выходцами из более состоятельных семей, а их матери окончили как минимум среднюю школу (Development Initiatives, 2020).

Примечание. Определения метрик, характеризующих ситуацию с продовольственной безопасностью и питанием, приведены в [ПРИЛОЖЕНИИ 1](#).

Источник: собственная разработка авторов

которые стремятся сократить неравенство в области продовольственной безопасности, следует не просто полагаться на рост средних доходов населения, а инвестировать в системы социальной защиты и другие меры политики и институты в сфере социального обеспечения.

Помимо увеличения среднего дохода меры по сокращению неравенства доходов могут способствовать улучшению ситуации и уменьшению неравенства в области ПБП между различными группами, но одних этих мер едва ли их будет достаточно. Потенциал экономического роста, способного вывести людей из нищеты, подрывают высокие или увеличивающиеся уровни неравенства доходов (World Bank, 2016). В этой ситуации беднейшие слои населения могут столкнуться с отсутствием продовольственной безопасности в условиях сильного экономического роста в стране или регионе. Холлеман и Конти (Holleman and Conti, 2020) проанализировали взаимосвязи между отсутствием продовольственной безопасности (по ШВОПБ) на уровне отдельного человека и ВВП на душу населения и коэффициентами Джини на уровне страны. Они обнаружили, что у жителей стран с высоким уровнем неравенства доходов вероятность столкнуться с умеренным или острым отсутствием продовольственной безопасности значительно выше, чем у жителей стран, где уровень неравенства доходов ниже. Они также установили, что высокий уровень неравенства доходов подрывает потенциал, создаваемый более высоким ВВП на душу населения, в плане возможности повышения продовольственной безопасности отдельного человека (Holleman and Conti, 2020). Однако Алао и соавторы (Alao *et al.*, 2021) в своем систематическом обзоре пришли к выводу, что литературы, в которой неравенство доходов связывается с результатами в области питания, слишком мало, чтобы делать однозначные выводы на этот счет. Некоторые предварительные данные, подтверждающие интуитивное представление о том, что высокий уровень неравенства доходов усугубляет проблему отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания, есть, но соответствующая доказательная база на удивление скудна, и это важная область для будущих исследований (Alao *et al.*, 2021)

Таким образом, результаты этих исследований свидетельствуют о том, что в странах, стремящихся достичь высокого уровня продовольственной безопасности и низкого уровня неравенства в области продовольственной безопасности среди своего населения, доход (в том числе низкий уровень неравенства доходов) действительно имеет значение, но дело не только в нем. Необходимы соответствующие меры политики и мероприятия в ряде взаимодополняющих областей, а также учет других аспектов неблагополучия.

2.2.4. КАК НЕРАВЕНСТВО В ОБЛАСТИ ПБП СВЯЗАНО С МЕСТОМ ЖИТЕЛЬСТВА

Неравенство в области ПБП связано с местом жительства (в городе или в деревне) и с географическим положением (пространственные вариации в зависимости от местоположения). Неравенство в области продовольственной безопасности, связанное с местом жительства, может быть отражением проблем структурного характера, поскольку некоторым территориям уделяется меньше внимания политиками и выделяется меньше инвестиций. Удаленность, обусловленная либо сложными геофизическими особенностями, либо недостатком инвестиций, особенно пагубно сказывается на ситуации с питанием (Headey, Hoddinott and Park, 2017).

Анализ глобальных различий в уровнях продовольственной безопасности между городами и сельской местностью проводится редко (Ruel *et al.*, 2017), но сейчас, благодаря объединению данных национальных обследований, в которых используется опросный лист ШВОПБ, позволяющий получить достаточно точные дезагрегированные оценки, таких данных становится больше. Один из таких анализов показывает, что проживание в сельской местности увеличивает вероятность отсутствия продовольственной безопасности по сравнению с проживанием в крупном городе (Smith, Rabbitt and Coleman-Jensen, 2017b). Фактологические данные по СНСД свидетельствуют не только о том, что у женщин вероятность столкнуться с проблемой отсутствия продовольственной безопасности выше, чем у мужчин, но и о том, что это неравенство более выражено среди сельских женщин по сравнению с сельскими мужчинами (D'Souza and Jolliffe, 2013; Sinclair *et al.*, 2022). Но если рассмотреть данные по странам в разбивке по уровню их развития, можно увидеть, что городское население не всегда защищено от отсутствия продовольственной безопасности. Исследование, в ходе которого были проанализированы собранные в 2014–2015 годах данные по ШВОПБ из 146 стран, показало, что в наименее развитых странах с проблемой отсутствия продовольственной безопасности сталкиваются 50 процентов городского и 43 процента сельского населения (Tefft *et al.*, 2017). Данные анализа двенадцати африканских стран, в ходе которого продовольственная безопасность оценивалась по энергетической ценности рациона на душу населения, также показали, что в большинстве этих стран этот показатель в городских районах был ниже, чем в сельских (Smith, Alderman and Aduayom, 2006). Бедность тесно связана с местом проживания, и в этом смысле городская беднота более уязвима к отсутствию продовольственной безопасности, чем сельская.

Во время продовольственного, топливного и финансового кризисов городская беднота (наряду с безземельными сельскими жителями и чистыми покупателями продовольствия) становится одной из групп, наиболее уязвимых к отсутствию продовольственной безопасности, неполноценному питанию и экономическим потрясениям (Ruel *et al.*, 2010).

Во всем мире общины, чьи средства к существованию сильно зависят от лесов, обычно уязвимы с точки зрения ПБП, поскольку лесные ресурсы истощаются (ГЭВУ, 2017b). Площадь лесов в мире сократилась на 81,7 млн га, в результате сокращения площади лесов на душу населения составило более 60 процентов (Estoque *et al.*, 2022). Такая утрата лесных площадей представляет угрозу для биоразнообразия и оказывает влияние на жизнь 1,6 млрд человек (большинство из которых являются жителями отдаленных районов Глобального Юга), а также на их продовольственную безопасность и водоснабжение (Louman *et al.*, 2015). Эти выводы подчеркивают важность учета конкретных обстоятельств и изучения неравенства в области ПБП внутри стран.

2.3 НЕРАВЕНСТВО В РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ И ПИЩЕВОМ СТАТУСЕ НА ГЛОБАЛЬНОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ И СТРАНОВОМ УРОВНЯХ

2.3.1. НЕРАВЕНСТВО В ПИЩЕВОМ СТАТУСЕ И ДВОЙНОЕ БРЕМЯ НЕПОЛНОЦЕННОГО ПИТАНИЯ

Недостаточность питания у детей

В Центральной и Восточной Африке не только высока распространенность голода и острого отсутствия продовольственной безопасности: там значительная часть населения (>85 процентов) не может позволить себе здоровое питание, а треть детей в возрасте до пяти лет отстают в росте (ФАО и др., 2022). В Южной Азии также сохраняется высокая распространенность отставания в росте и истощения у детей, хотя в период с 2000 по 2020 год в снижении показателей отставания в росте были достигнуты определенные успехи (48,3 процента против 30,7 процента соответственно) (Development Initiatives, 2022). Если же брать шире, то исследование, проведенное в 67 странах, показывает, что в период с 1993 по 2014 год

распространенность отставания в росте постепенно снижалась во всем мире (da Silva *et al.*, 2018). Однако у сельских детей темпы снижения были выше по сравнению с городскими, а в странах с низким уровнем дохода неравенство в отставании в росте, связанное с уровнем благосостояния, усилилось. В одном из систематических обзоров (Alao *et al.*, 2021) фактологических данных о глобальном и региональном экономическом неравенстве, связанном с неполноценным питанием, и о взаимосвязи между экономическим неравенством и неполноценным питанием показано, что во всем мире отсутствие продовольственной безопасности и недостаточное питание детей в основном наблюдаются в домохозяйствах с низкими доходами, хотя в некоторых странах, например в Эфиопии и Индии, относительно высокая распространенность отставания в росте сохраняется и в более зажиточных домохозяйствах (Nguyen *et al.*, 2021). Другое исследование, репрезентативное в основном для СНСД, показало, что основными факторами, ведущими к неравенству показателей неполноценного питания среди детей, являются уровень благосостояния (бедность), место жительства (сельская местность) и низкий уровень образования матерей. В отношении истощения и избыточного веса различия по этим факторам, включая пол, были незначительными (Development Initiatives, 2020).

Анемия и недостаточный вес у женщин

Самая высокая распространенность анемии у женщин наблюдается в Западной и Центральной Африке, а также в Южной Азии. При этом от места проживания распространенность анемии среди женщин зависит мало (в сельской местности – 41 процент, в городах – 38 процентов) (ЮНИСЕФ, 2023). Бремя анемии выше среди беременных (Development Initiatives, 2020). Глобальные тенденции свидетельствуют о некоторых успехах в снижении распространенности анемии у беременных в 2000 году по сравнению с 2019 годом (36 против 41 процента), но среди небеременных женщин этот показатель практически не изменился (Stevens *et al.*, 2022). Распространенность недостаточного веса среди женщин и девочек-подростков высока (>10 процентов) в большинстве стран Африки (за исключением Северной Африки) и Южной Азии. Распространенность недостаточного веса среди девочек-подростков особенно высока в Южной Азии (19 процентов) (ЮНИСЕФ, 2023). Для оценки гендерных различий не хватает данных о пищевом статусе мальчиков-подростков и мужчин.

Избыточный вес и ожирение

Одни из самых высоких показателей распространенности избыточного веса у детей и ожирения у взрослых наблюдаются в Европе, Северной Америке, Австралии и Новой

Зеландии. Однако проблема избыточного веса и ожирения характерна не только для этих регионов. Очень высока распространенность избыточного веса у детей в Северной и в Южной Африке, а распространенность ожирения у взрослых – в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки (ТАБЛИЦА 1) (ФАО и др., 2022). Во многих регионах Азии и Африки распространенность избыточного веса и ожирения выше в домохозяйствах с высоким уровнем дохода, в Европе же и Северной Америке этот показатель выше в домохозяйствах с низкими доходами (Alao *et al.*, 2021).

Двойное бремя неполноценного питания

Двойное бремя неполноценного питания (ДБНП) определяется как сосуществование проблем недостаточности питания (результатом которой являются отставание в росте и истощение) и избыточного веса, ожирения или неинфекционных заболеваний, связанных с питанием, на всех уровнях: страны, общины, домохозяйства и отдельного человека.

В основе проблемы ДБНП лежат быстрый экономический рост и глобализация продовольственной системы, сопровождающиеся изменением моделей питания в сторону менее здорового рациона, а также все менее подвижным образом жизни (Malik, Willett and Hu, 2013; Popkin, Corvalan and Grummer-Strawn, 2020a; Wells, 2020). Попкин, Корвалан и Груммер-Строун (Popkin, Corvalan and Grummer-Strawn, 2020) отмечают, что особенно серьезное ДБНП несут страны Африки к югу от Сахары, Южная и Восточная Азия и Тихоокеанский регион (Popkin, Corvalan and Grummer-Strawn, 2020b). По сравнению с 1990 годом наибольший рост ДБНП произошел в странах с самым низким уровнем дохода, а в квартиле стран с более высокими доходами серьезное ДБНП встречается реже. Это обусловлено увеличением численности людей с избыточным весом в странах с низким уровнем дохода, которым не удалось достаточно быстро сократить масштабы недоедания (Popkin, Corvalan and Grummer-Strawn, 2020a). Другое исследование (Seferidi *et al.*, 2022) показывает, что в странах, где ВНД ниже, в парах мать–ребенок из более зажиточных слоев населения вероятность ДБНП была более высокой. Но с увеличением ВНД страны в парах мать–ребенок из группы с самым высоким доходом ДБНП наблюдалось реже, чем в парах из квартиля с самыми низкими доходами. Региональный анализ данных о девочках подростках и взрослых женщинах из стран Африки к югу от Сахары показывает, что с 2000 года там формируются модели ДБНП (определяемого как одновременное существование недостаточного веса, анемии, избыточного веса и ожирения внутри одной страны) наряду с быстрым ростом показателей избыточного веса и ожирения;

показатели же распространенности недостаточного веса и анемии, хотя и снижаются, но все равно остаются высокими (Jiwani *et al.*, 2020).

К группам высокого риска развития ДБНП в различных условиях относятся коренные народы, американские индейцы и северные народности, а также этнические меньшинства в Австралии, Канаде и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, соответственно. Высокому риску развития ДБНП также подвержены афроамериканцы в Соединенных Штатах Америки и население, ведущее племенной образ жизни, в Индии, что связано с более высокими показателями низкого веса при рождении и повышенным риском ожирения и развития неинфекционных заболеваний (Wells, 2020). Более высокому риску развития ДБНП также подвержены женщины.

Общины, живущие в лесных районах или полностью зависящие от лесов, опросить труднее, поэтому в более масштабных обследованиях они обычно не представлены. Крайне важно охарактеризовать степень их зависимости от лесов с точки зрения продовольственной безопасности в различных географических регионах. При этом, однако, есть данные о связи между зависимостью от лесов как от источника средств к существованию или проживанием вблизи лесов и результатами в области питания у детей. В 27 развивающихся странах Африки, Центральной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии и Восточной Европы наличие большей площади лесного покрова ассоциировано с увеличением разнообразия рациона детей более чем на 25 процентов, но эта взаимосвязь нивелируется наличием доступа к рынкам и дорогам (Rasolofoson *et al.*, 2018); это говорит о том, что одним из важных факторов является проживание в удаленных районах. В Африке важным фактором также является проживание в сельской местности, где близость к более крупным лесным площадям ассоциирована с более высокими результатами в области питания в городских районах и с более низкими в сельской местности. (Pienkowski *et al.*, 2018). В этой связи следует отметить, что сохранение лесов необходимо, но для смягчения проблемы неравенства в области ПБП этого недостаточно.

2.3.2. РАЦИОН ПИТАНИЯ И КОРМЛЕНИЕ ДЕТЕЙ

Необходимо устранить неравенство в **практике кормления** младенцев и детей младшего возраста, особенно в том, что касается исключительно грудного вскармливания, т. к. материнское молоко является "первым продуктом питания". Агрессивный маркетинг детских молочных смесей во всех странах, но особенно в СНСД, в сочетании с условиями и мерами политики, не благоприятствующими грудному вскармливанию, угрожает вытеснить

из рациона детей грудное молоко, что еще сильнее усугубит неравенство результатов в области ПБП (Champeny *et al.*, 2019).

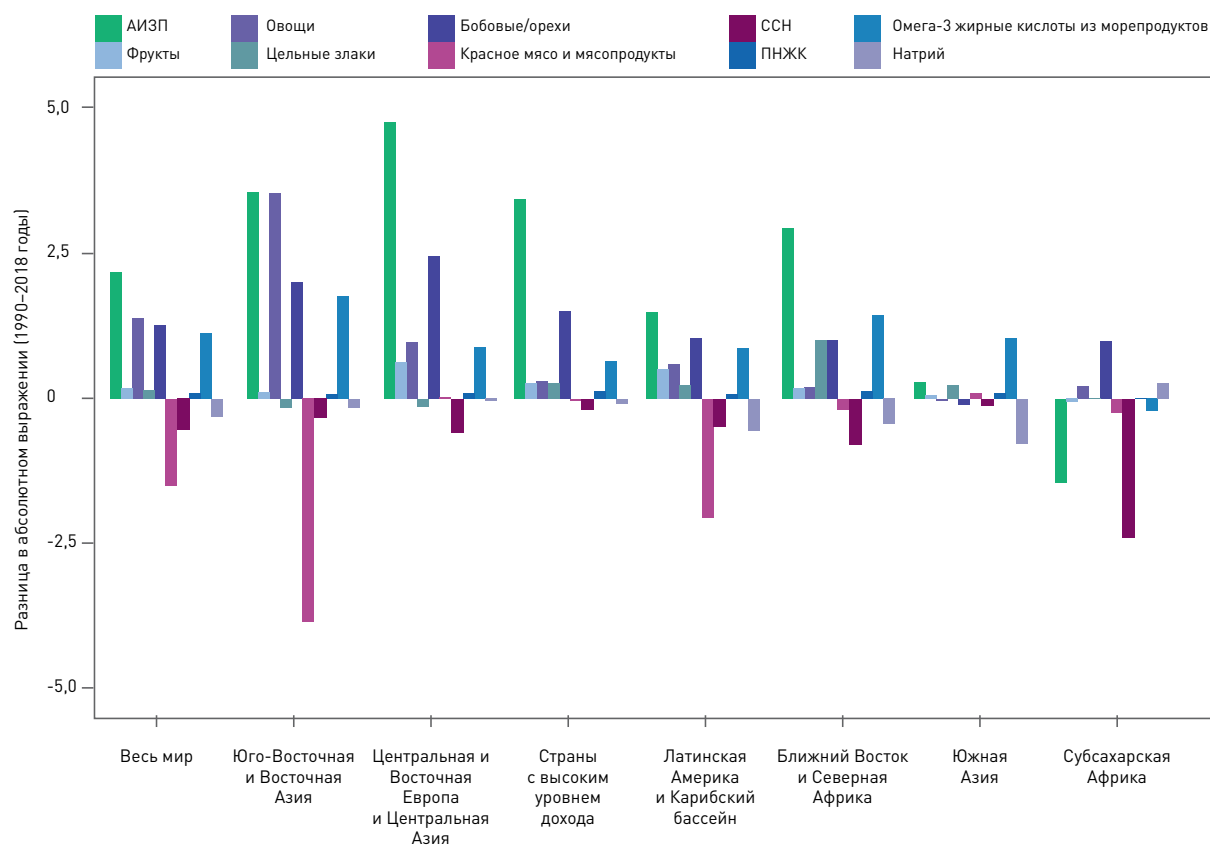
В СНСД исключительно или преимущественно грудное вскармливание получают меньше младенцев из богатых семей по сравнению с бедными: это говорит о том, что ненадлежащие методы вскармливания не всегда связаны с наблюдаемой разницей в доходах/благополучии (Neves *et al.*, 2020). По сведениям ЮНИСЕФ, в странах с высоким уровнем дохода (СВД) никогда не получал грудного вскармливания каждый пятый ребенок, а в СНСД – только один из двадцати пяти (ЮНИСЕФ, 2018). По данным за 2018 год, в СНСД показатели грудного вскармливания сильно разнятся: от двух процентов в Чаде до 88 процентов в Руанде (Bhattacharjee *et al.*, 2021). В Доминиканской Республике, Тунисе, Таиланде

и Йемене сохранялся устойчиво низкий средний показатель распространенности исключительно грудного вскармливания (<25 процентов). В Суринаме распространенность грудного вскармливания особенно низкая: она составляет порядка 6 процентов, и этот показатель сохраняется почти десять лет (Neves *et al.*, 2020; Victora *et al.*, 2016). В последние десять лет наблюдались явные тенденции к улучшению показателей распространенности исключительно грудного вскармливания в некоторых СНСД, в частности в Камбодже, Демократической Республике Конго, Гвинее-Бисау, Лесото, Либерии, Судане и Туркменистане (Bhattacharjee *et al.*, 2021).

Грудное вскармливание, хотя и считается "бесплатным", требует от матерей времени, сил и финансовых затрат. Неравенство в области питания детей, в частности связанное

РИСУНОК 3:

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СРЕДНИХ ЗНАЧЕНИЙ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ИНДЕКСА ЗДОРОВОГО ПИТАНИЯ У ВЗРОСЛЫХ В ПЕРИОД С 1990 ПО 2018 ГОД, В РАЗБИВКЕ ПО КОМПОНЕНТАМ РАЦИОНА (В АБСОЛЮТНОМ ВЫРАЖЕНИИ)

Примечания: Альтернативный индекс здорового питания (АИЗП) вычисляется по девяти компонентам, оцениваемым по шкале от 0 до 10, и масштабируется до десяти компонентов (поправка не показана). Абсолютная разница во времени была рассчитана на уровне слоя и агрегирована в глобальные и региональные средние значения различий с использованием взвешенных по численности населения коэффициентов за 2018 год. ССН – сахаросодержащие напитки, ПНЖК – полиненасыщенные жирные кислоты.

Источник: Miller, V., Webb, P., Cudhea, F., Shi, P., Zhang, J., Reedy, J., Erndt-Marino, J., Coates, J. and Mozaffarian, D. 2022. Global dietary quality in 185 countries from 1990 to 2018 show wide differences by nation, age, education, and urbanicity. *Nature Food*, 3(9): 694–702.

с продолжением грудного вскармливания (до двух лет), введением твердого, полутвердого или мягкого прикорма и минимальной частотой кормлений, проявляется в зависимости от местоположения (хуже дела обстоят в городских районах), уровня благосостояния (хуже среди беднейших слоев населения), образования матерей (хуже среди лиц без образования или имеющих только начальное) (Development Initiatives, 2020).

Качество рациона является критически важным связующим звеном между продовольственной безопасностью и пищевым благополучием. Однако актуальных данных о рационе питания на индивидуальном уровне мало, и это ограничивает возможность сравнения ситуации в разных странах. В последнее время все больше стран активно вкладывают средства в проведение оценок рациона питания, но общих данных о рационе по-прежнему сильно не хватает, особенно это касается данных о питании конкретных маргинализированных групп населения (ФАО, 2022e). Однако в целях изучения глобальных моделей питания предпринимаются усилия по созданию баз данных, содержащих имеющуюся информацию об индивидуальных рационах питания и соответствующие смоделированные оценки (ФАО и ВОЗ, 2023; Miller *et al.*, 2021). На глобальном уровне качество рациона, если измерять его с помощью альтернативного индекса здорового питания (АИЗП), оценивается в лучшем случае как умеренное. АИЗП – это утвержденный критерий оценки качества питания, в соответствии с которым рациону присваивается оценка от низкой (0) до высокой (10) в зависимости от того, насколько полезные (вредные) для здоровья продукты входят в этот рацион. Полезными компонентами рациона считаются фрукты, некрахмалистые овощи, бобовые/орехи, цельные злаки, полиненасыщенные жирные кислоты и омега-3 жирные кислоты, содержащиеся в морепродуктах. К вредным для здоровья компонентам относятся красное мясо и мясопродукты, сахаросодержащие напитки (СН) и натрий. Было показано, что низкий АИЗП ассоциирован с риском развития НИЗ, а именно сердечно-сосудистых заболеваний, диабета и рака (Schwingshackl, Bogensberger and Hoffmann, 2018). Различия в качестве рациона существуют на глобальном и региональном уровнях, что обусловлено потреблением различных групп пищевых продуктов (Miller *et al.*, 2022).

И среди взрослых, и среди детей средний показатель АИЗП был самым высоким в густонаселенных Индии, Индонезии, Исламской Республики Иран и Вьетнаме и самым низким в Бразилии, Мексике и Соединенных Штатах Америки. Региональный анализ показывает, что в Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары относительно выше потребление здоровых продуктов при низком потреблении СН, красного мяса и мясопродуктов. В Центральной и Восточной Европе, Северной Африке, Центральной Азии

и на Ближнем Востоке потребляют относительно много полезных продуктов, таких как фрукты, бобовые и омега-3 жирные кислоты, но также и относительно большое количество красного мяса, мясопродуктов и натрия. Тенденция к увеличению среднего показателя АИЗП (указывающего на более здоровый рацион питания) в период с 1990 по 2018 год наблюдалась в пяти из семи регионов; в Южной Азии никаких изменений не было, а в странах Африки к югу от Сахары этот показатель снижался (РИСУНОК 3).

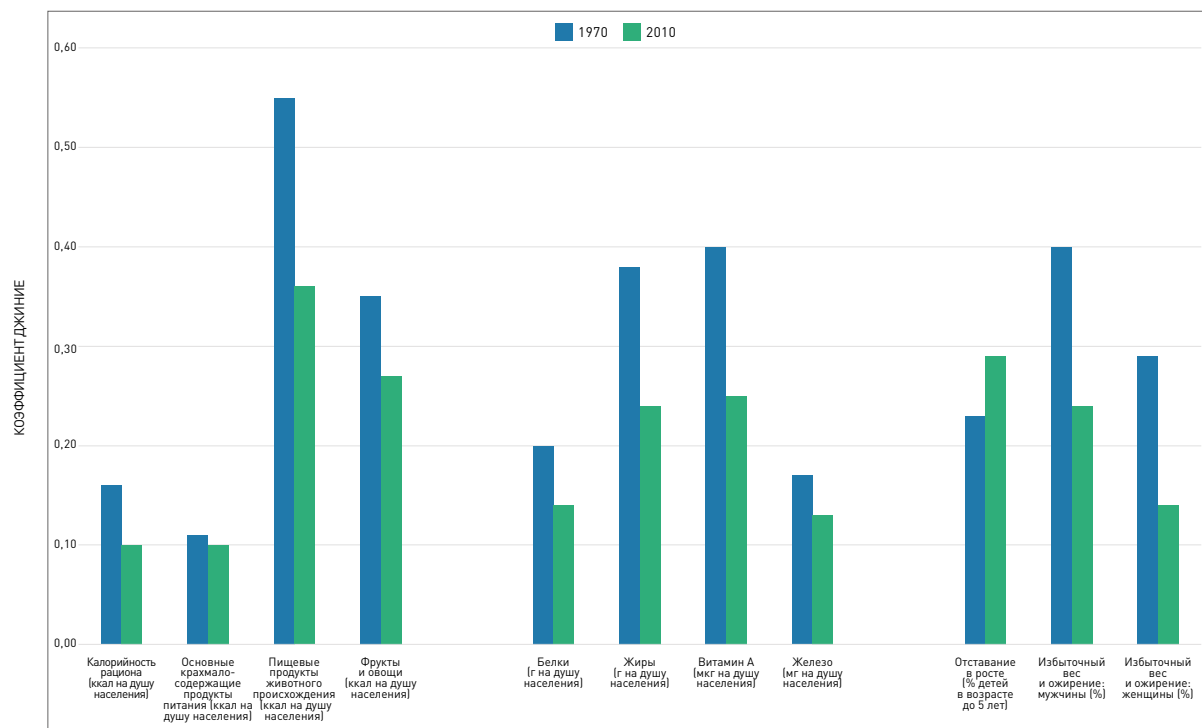
Примечательно, что у женщин показатели качества рациона были выше, чем у мужчин. Это наблюдение справедливо преимущественно для СВД. Значения АИЗП не зависели от местожительства людей (в сельской местности или в городах), но неравенство по признаку уровня образования имело место: у лиц с более высоким уровнем образования из всех регионов, за исключением Ближнего Востока, Северной Африки и стран Африки к югу от Сахары, значения АИЗП были выше.

Подростковый возраст – это важнейший этап жизни, когда хорошее питание имеет огромное значение. Последние исследования показывают, что в период между младенчеством и подростковым возрастом качество рациона снижается во всем мире, особенно в странах Африки к югу от Сахары и в Южной Азии (Miller *et al.*, 2022). Наблюдается также низкий уровень разнообразия рациона, особенно у девочек-подростков и женщин из бедных семей, при этом продукты, богатые питательными веществами, для этой группы населения непомерно дороги (Headey and Alderman, 2019; ЮНИСЕФ, 2023).

В глобальном докладе “Что едят в мире” за 2022 год (Global Diet Quality Project, 2022), в котором представлена информация более чем по 40 странам, для экспресс-оценки качества рациона используется вопросник по качеству питания (ВКП). В этом докладе показано, что большинство людей не придерживаются рациона, который хотя бы минимально соответствует рекомендациям по правильному питанию. В 34 из 41 страны, охваченной этим докладом, менее 50 процентов населения потребляют все пять рекомендуемых групп пищевых продуктов: основные крахмалосодержащие продукты питания, овощи, фрукты, зернобобовые, орехи и семена, а также продукты животного происхождения. Большая часть населения потребляет все эти группы пищевых продуктов только в Китае, Индонезии, Мексике, Никарагуа, Шри-Ланке и Таджикистане (Global Diet Quality Project, 2022).

РИСУНОК 4:

КОЭФФИЦИЕНТЫ ДЖИНИ ДЛЯ ЗАПАСОВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ, СОДЕРЖАНИЯ ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ В РАЦИОНЕ И РЕЗУЛЬТАТОВ В ОБЛАСТИ ПИТАНИЯ

Источник: Bell, W., Lividini, K. and Masters, W.A. 2021. Global dietary convergence from 1970 to 2010 altered inequality in agriculture, nutrition and health. *Nature Food*, 2(3): 156-165.

2.4 НЕРАВЕНСТВО: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Приведенная выше информация позволяет предположить наличие существенных различий в результатах в области ПБП в разных странах. Однако анализ долгосрочных тенденций показывает, что по некоторым показателям ситуация в разных странах постепенно выравнивается. Белл, Ливидини и Мастерс (Bell, Lividini and Masters, (2021), используя данные на уровне стран со всего мира, представили коэффициенты Джини

(0 = идеальное равенство, 1 = максимальное неравенство) для запасов некоторых продовольственных товаров (по признаку их наличия), содержания питательных веществ в рационе и результатов в области питания (Bell, Lividini and Masters, 2021). Эти коэффициенты показаны на [РИСУНКЕ 4](#). Интерпретируя эти результаты, следует учитывать, что используемые данные о пищевых продуктах и содержании питательных веществ основываются на информации о запасах на национальном уровне и не являются

производными данных о рационе питания отдельных людей. Как видно из [РИСУНКА 4](#), несмотря на то, что неравенство по-прежнему имеет место, в том, что касается запасов продовольствия и определенных результатов в области питания, за период с 1970 по 2010 год ситуация в разных странах примерно выравнивалась.

Продукты животного происхождения (ПЖП), а также фрукты и овощи являются особенно важными источниками витаминов, минералов и пищевой энергии, но они, как правило, дорогие. Соответственно, запасы этих продуктов распределены по странам гораздо менее равномерно, чем запасы основных крахмалосодержащих продуктов и продуктов питания в целом (косвенным показателем здесь является общая калорийность рациона). Однако на страновом уровне показатели наличия продовольствия в мире со временем стали выравниваться, особенно в случае ПЖП, несмотря на то, что для беднейших слоев населения они доступны не всегда (Bai *et al.*, 2021; Headey and Alderman, 2019). В связи с тем, что модели питания во всем мире меняются и в рацион людей теперь входит больше мяса и ПЖП, при разработке и пересмотре

рекомендаций по правильному питанию на основе имеющихся продуктов необходимо учитывать такие факторы, как экологическая устойчивость и польза для здоровья и питания, которые часто не коррелируют между собой, и найти баланс между пропагандой и ограничением потребления ПЖП (Fanzo, 2019; Weis, 2013).

Поскольку за последние десятилетия объемы запасов продовольствия во всем мире выравниваются, выравнивается и содержание питательных веществ в рационе на уровне стран (Bell *et al.*, 2021). По мере сближения объемов запасов продовольствия в мире распространенность избыточного веса и ожирения уже в меньшей степени ограничена лишь несколькими странами; другими словами, эти показатели теперь распределяются среди населения более равномерно, и этот результат является негативным. Распространенность отставания в росте – единственный критерий, показанный на [РИСУНКЕ 4](#), по которому наблюдается увеличение коэффициента Джини между странами: успехов в снижении этого показателя добиваются все больше стран, и количество стран, где имеет место отставание в росте, снижается. Белл, Ливидини и Мастерс отмечают, что сокращение межстранового неравенства в запасах продовольствия и содержании питательных веществ и в результатах в области питания за истекшие десятилетия означает, что неравенство все больше концентрируется внутри стран и групп населения (Bell, Lividini and Masters, 2021).

2.5 УГЛУБЛЕННЫЙ АНАЛИЗ: НЕРАВЕНСТВО ВНУТРИ СТРАН

Как и в случае неравенства между странами, неравенство в области ПБП в рамках одной страны тесно связано с неравенством в уровнях благосостояния и доходов (Restrepo Méndez *et al.*, 2015; Victora *et al.*, 2021), географическом положении (город/деревня) (Ruel *et al.*, 2017) и образовании (см. [ГЛАВУ 3](#), раздел 3.6.3). Серьезное неравенство в области ПБП возникает также между группами, различающимися по признакам этнической принадлежности, касты, религии, пола, инвалидности и возраста. Особенно уязвимы к отсутствию продовольственной безопасности и проблеме неполноценного питания дети в возрасте до пяти лет (Ahmed, Hossain and Sanin, 2012; ФАО и др., 2022). Имеющиеся наглядные примеры показывают, что наиболее важные причины неравенства могут варьироваться в зависимости от страны и местной специфики.

2.5.1 ОТСУТСТВИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРИЧИНЫ НЕРАВЕНСТВА ВНУТРИ СТРАН

Показатели продовольственной безопасности в пределах одной страны могут существенно различаться в зависимости от географического фактора. Этот факт был выявлен в результате рутинных национальных обследований. За низким общенациональным показателем могут скрываться серьезные местные различия. В качестве примера можно взять Соединенное Королевство. Это страна с высоким уровнем дохода, показатель голода (измеряемый как распространенность недоедания на уровне страны) там невелик, но оценки ситуации с отсутствием продовольственной безопасности, проведенные на основе репрезентативной выборки частных домохозяйств в 2022 году, показывают, что на уровне всей страны с отсутствием продовольственной безопасности в течение шести месяцев, предшествующих опросу, сталкивались порядка 16 процентов домохозяйств, но в унитарной административной единице Блэкберн и Дарвен этот показатель составил около 43 процентов. Кроме того, существенно более высокие показатели отсутствия продовольственной безопасности наблюдались среди людей с инвалидностью (36 процентов против 10,4 процента среди людей без инвалидности), а также среди белого и небелого населения (15,7 процента среди белого против 34,5 процента среди небелого) (Food Foundation, 2023; University of Sheffield and Food Foundation, 2021).

Люди с инвалидностью подвергаются большему риску отсутствия продовольственной безопасности, поскольку они также с большей вероятностью относятся к категории малоимущих (Schwartz, Buliung and Wilson, 2019) и могут столкнуться с особыми проблемами при покупке продовольствия. Инвалидность включает физические, умственные, когнитивные, сенсорные и психиатрические проблемы. В Соединенных Штатах Америки у взрослых людей с инвалидностью вероятность столкнуться с проблемой отсутствия продовольственной безопасности в два раза выше, чем у людей без инвалидности (Brucker and Coleman-Jensen, 2017), а в Тринидаде и Тобаго у лиц, нуждающихся в повседневной помощи в быту, вероятность столкнуться с проблемой отсутствия продовольственной безопасности втрое выше, чем у тех, кто не нуждается в помощи (Gulliford, Mahabir and Rocke, 2003).

Во многих СВД также наблюдается относительное неблагополучие с точки зрения ПБП, связанное с принадлежностью к некоторым социальным группам и, зачастую, интерсекциональностью этого фактора с местом проживания. Например, в отдаленных сельских районах Австралии часто не хватает здоровой пищи и затруднен доступ к ней

ВРЕЗКА 2:

КАК СОЧЕТАНИЕ РАЗНЫХ ФАКТОРОВ ИДЕНТИЧНОСТИ ФОРМИРУЕТ РЕЗУЛЬТАТЫ В ОБЛАСТИ ПБП: ОПЫТ США

В Соединенных Штатах Америки порядка трети семей сельскохозяйственных работников сталкивается с проблемой отсутствия продовольственной безопасности, а среди иммигрантов показатели отсутствия продовольственной безопасности существенно выше, чем среди населения в целом (Coleman-Jensen *et al.*, 2022). Куандт и соавторы провели в Северной Каролине исследование ситуации с продовольственной безопасностью домохозяйств среди мигрантов и сезонных сельскохозяйственных работников из Латинской Америки и обнаружили, что с отсутствием продовольственной безопасности сталкивается почти половина опрошенных домохозяйств (47,1 процента), а в домохозяйствах с детьми этот показатель оказался еще выше (56,4 процента против 36,2 процента). С помощью глубинных интервью авторы этого исследования выяснили, какие стратегии используют родители, чтобы прокормить своих детей; сами они при этом испытывают еще большие лишения. Вот что говорит один из участников исследования (Quandt *et al.*, 2004, p.572):

«Я говорил жене, чтобы она ела все, что найдет, а сам уходил с друзьями и родней. Иногда я делал так чтобы уйти. Я обедал и весь день был в поле, чтобы жене и детям оставалось больше еды. Иногда приходилось так поступать» [FW23—мужчина, 38 лет].

Было установлено, что важными прогностическими параметрами отсутствия продовольственной безопасности домохозяйств являются низкий уровень образования матерей, наличие детей, а также использование Программы дополнительного питания для женщин, младенцев и детей младшего возраста (программа социальной защиты). Большинство матерей в исследуемой популяции (>70 процентов) имели только начальное образование, а у некоторых не было и его. Стратегии преодоления включали неофициальные заимствования, позволяющие покупать еду для своих семей (Quandt *et al.*, 2004, p.573).

«Мы одалживали деньги и покупали еду. Потом, когда возвращались на работу, возвращали долг» [FW06—female, age 33].

Примерно такие же данные об отсутствии продовольственной безопасности среди обычных иммигрантов в Калифорнии, Техасе и Иллинойсе приводят Каспер с соавторами (Kasper *et al.*, 2000). Их исследование показало, что домохозяйства сталкиваются с более высоким риском отсутствия продовольственной безопасности, если доход ниже федеральной черты бедности, если респонденты плохо знают английский или если в домохозяйстве есть дети (Kasper *et al.*, 2000). Эти данные показывают, что интерсекциональность различных факторов идентичности, таких как гендер, этническая принадлежность, миграционный статус, уровень образования и наличие детей, может значительно повлиять на результаты в области продовольственной безопасности среди маргинализированных групп населения.

Источники: Coleman-Jensen, A., Rabbitt, M.P., Gregory, C.A. & Singh, A. 2022. *Household Food Security in the United States in 2021*. Economic Research Report. 309. U.S. Department of Agriculture, Economic Research Service; Kasper, J., Gupta, S.K., Tran, P., Cook, J.T. & Meyers, A.F. 2000. Hunger in legal immigrants in California, Texas, and Illinois. *American Journal of Public Health*, 90(10): 1629–1633; Quandt, S.A., Arcury, T.A., Early, J., Tapia, J. & Davis, J.D. 2004. Household food security among migrant and seasonal latino farmworkers in North Carolina. *Public Health Reports* (Washington, D.C.: 1974), 119(6): 568–576.

(Whelan *et al.*, 2018). У пожилых людей из числа коренного населения Австралии риск столкнуться с проблемой отсутствия продовольственной безопасности в пять–семь раз выше, чем у их сверстников, не принадлежащих к коренным народам (Temple and Russell, 2018). В Северной Америке наблюдается явное неравенство в вопросах продовольственной безопасности по признакам расы, этнической принадлежности, принадлежности к коренному населению и уровня благосостояния. В 2021 году общенациональный показатель

отсутствия продовольственной безопасности среди домохозяйств Соединенных Штатов Америки составлял 10 процентов, а среди домохозяйств, живущих за чертой бедности – 32 процента (USDA ERS, 2021). Среди чернокожих неиспаноязычных домохозяйств с отсутствием продовольственной безопасности сталкиваются больше семей (22,7 процента), чем среди белых неиспаноязычных домохозяйств (8,7 процента) (D'Souza and Jolliffe, 2013). ВРЕЗКА 2 дает представление о том, каким образом сочетание разных факторов идентичности

создает проблему отсутствия продовольственной безопасности у важнейших участников наших продовольственных систем – временных сельскохозяйственных работников иммигрантов – и иммигрантов в США вообще.

Другое исследование, проведенное в Канаде, показывает, что у американских индейцев и северных народностей, метисов и инуитов показатели отсутствия продовольственной безопасности гораздо выше, чем среди населения в целом. В этом исследовании также говорится о барьерах, связанных с возможностью приобрести традиционные продукты питания, и о высоких ценах на них. Механизмы преодоления включают изменение традиционного рациона питания этих народов, нормирование, распределение и совместное потребление продовольствия, а также изменение структуры покупок (Skinner *et al.*, 2013).

Есть данные о том, что в некоторых регионах определенные религиозные меньшинства сталкиваются с препятствиями в доступе к продовольствию, возникающими из-за дискриминации, но то, какие именно меньшинства подвергаются дискриминации, зависит от специфики страны. Исследование жизненного опыта демонстрирует, в каких обстоятельствах религиозные меньшинства могут подвергаться дискриминации, которая ведет к неравенству в сфере ПБП: это могут быть нападения на общину во время сельскохозяйственных работ, установление высоких цен на продукты питания в районах их проживания, гендерное насилие в отношении женщин, когда они покупают еду для своих семей, а также отсутствие доступа к государственным услугам и общественной защите (Howard *et al.*, 2021). Эти результаты свидетельствуют о том, что неравенство в сфере ПБП часто бывает глубоко укоренено в системах социальной иерархии, которые очень зависят от местной специфики.

В основе системы распределения ресурсов внутри домохозяйства лежит гендерный фактор. Оценки распространенности отсутствия продовольственной безопасности в разбивке по полу внутри стран могут быть занижены, поскольку отсутствие продовольственной безопасности обычно измеряется не на индивидуальном уровне, а на уровне домохозяйства. Для установления гендерных различий в области ПБП не хватает данных об уровне продовольственной безопасности в разбивке по полу на индивидуальном уровне, а выводы об отсутствии продовольственной безопасности в большинстве случаев делаются на основе анализа с использованием агрегированных данных (Barrett, 2010). Тем не менее во многих странах есть данные о нехватке питания в домохозяйствах среди наиболее уязвимых групп населения (женщин и детей) вне зависимости от уровня благосостояния семьи (Brown, Ravallion and van de Walle, 2017). Исследования показывают,

что пищевые продукты и питательные вещества в рационе членов домохозяйств распределяются не поровну: как правило, мужчины потребляют больше пищи, богатой питательными веществами, и показатели достаточности рациона у них выше, чем у женщин. Последнее постоянно наблюдается в Бангладеш, Непале и Сенегале (De Vreyer and Lambert, 2021; D'Souza and Tandon, 2015; Gittelsohn, 1991; Harris-Fry *et al.*, 2018). Еще одним аспектом гендерного неравенства внутри стран является его усиление в семьях на протяжении жизни женщины. Становясь старше и достигнув подросткового возраста, девочки иногда начинают сталкиваться с проблемой неполноценного питания и отсутствия продовольственной безопасности. Например, было показано, что в Бразилии девочки-подростки из семей, неблагополучных с точки зрения продовольственной безопасности, вдвое чаще имеют избыточный вес по сравнению со своими сверстницами из семей, хорошо обеспеченных продовольствием, но в детстве эта закономерность неочевидна (Schlüssel *et al.*, 2013). В Эфиопии в испытывающих острое отсутствие продовольственной безопасности домохозяйствах, где есть братья и сестры – подростки, 40 процентов девочек сообщили, что им не хватает еды, тогда как их братья на это не жаловались (Headey and Alderman, 2019).

Есть также свидетельства неравенства в области ПБП среди трансгендерных и гендерно неконформных людей. Например, в Соединенных Штатах Америки треть трансгендерных людей живет в бедности, тогда как среди населения в целом этот показатель составляет 12 процентов. Одно из качественных исследований, проведенных среди трансгендерных лиц, выявило наличие дискриминации и стигматизации по гендерному признаку, которые ограничивают экономические возможности этих людей, поэтому они не всегда могут позволить себе качественное питание в достаточном количестве и часто пропускают приемы пищи (Russomanno, Patterson and Jabson, 2019).

Гендерная проблематика часто пересекается с другими факторами, ведущими к отсутствию продовольственной безопасности, такими как конфликты. Например, в сельских районах Колумбии в постконфликтной ситуации наблюдался непропорционально высокий показатель отсутствия продовольственной безопасности, особенно среди женщин, чьи возможности были сильнее всего ограничены из-за вооруженного конфликта (среди сельских женщин показатель отсутствия продовольственной безопасности составил 50 процентов против 40 процентов среди населения в целом) (Sinclair *et al.*, 2022). Другими интерсекциональными факторами, ухудшающими ситуацию в области ПБП среди женщин, являются принадлежность к низшим социально-экономическим слоям населения, отсутствие формального образования,

этническая принадлежность и принадлежность к коренным народам (Botreau and Cohen, 2020; Munro, Parker and McIntyre, 2014). Неравенству в области ПБП, с которым сталкиваются женщины, способствуют также общественные факторы в целом, в частности патриархальные социальные и культурные нормы (Akter, 2021; Jung *et al.*, 2017).

2.5.2 ПИТАНИЕ И РАЦИОН: ПРИЧИНЫ НЕРАВЕНСТВА ВНУТРИ СТРАН

Обычно в основе неравенства результатов в области питания внутри стран лежат уровень благосостояния и доход. Если говорить об отставании в росте среди детей в СНСД, то перекрестный анализ, подкрепленный данными крупных когортных исследований, показывает, что в семьях из квартилей с более высоким уровнем благосостояния дети с меньшей вероятностью отстают в росте (Schott *et al.*, 2019). Было показано, что неравенство, связанное с недостатком веса у женщин, очень сильно связано с уровнем благосостояния, особенно в СНСД, где распространенность недостаточного веса высокая (Reyes Matos, Mesenburg and Victora, 2019) (РИСУНОК 5). К числу стран, где распространенность недостаточного веса наиболее явно зависит от имущественного положения, относятся Бангладеш, Кения, Пакистан и Йемен.

В СНСД распространенность избыточного веса/ожирения выше в децилях с более высоким уровнем благосостояния (см. РИСУНОК 6), причем показатели в децилях с более высоким и более низким уровнями благосостояния разнятся очень сильно по сравнению с теми же показателями распространенности недостаточного веса, представленными на РИСУНКЕ 5.

В СНСД эти выводы подтверждаются и другими данными. Но несмотря на то, что распространенность избыточного веса/ожирения выше всего среди самых обеспеченных домохозяйств, с ростом экономики наступает момент, когда тенденции роста распространенности избыточного веса/ожирения и благосостояния становятся противоположно направленными (Jones-Smith *et al.*, 2012; Neupane, K.C. and Doku, 2016). Это говорит о том, что внутри стран неравенство в области ПБП существует независимо от состояния национальной экономики. В исследованиях, охватывающих страны с различными уровнями дохода (СВД и СНСД), эта закономерность наблюдалась как среди мужчин, так и среди женщин (Masood and Reidpath, 2017).

В таких странах, как Гондурас, Габон, Гана, Лесото и Перу, эта разница уменьшается, если общенациональный показатель распространенности избыточного веса/ожирения высок (>20 процентов), (Reyes Matos, Mesenburg

and Victora, 2019), но неравенство показателей распространенности избыточного веса/ожирения по-прежнему значительно.

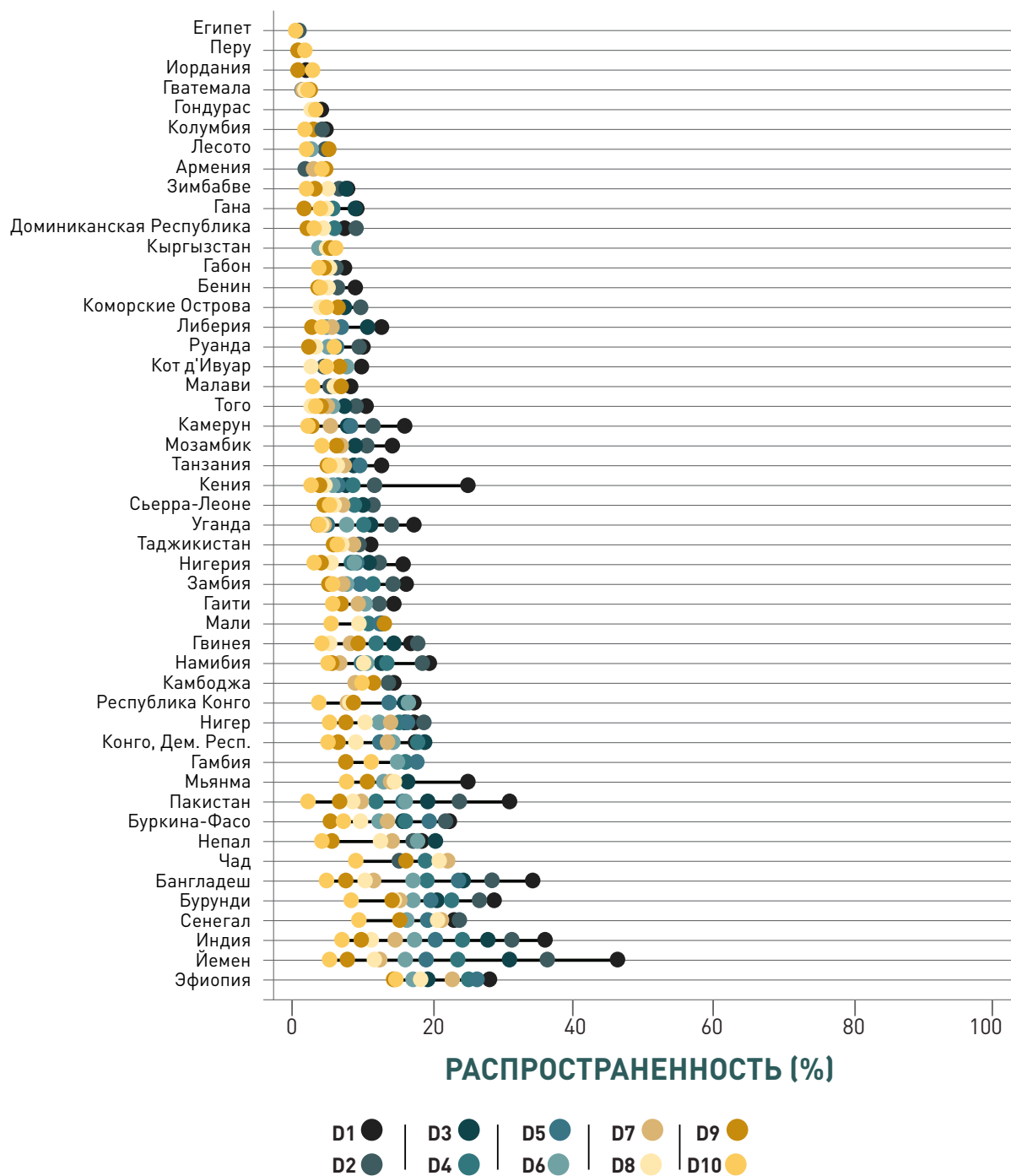
Но дело не только в уровне благосостояния и дохода. Проведенный недавно в Индии интерсекционный анализ показывает, что для улучшения результатов в области питания необходимо учитывать различные аспекты идентичности и социально-экономического неблагополучия: гендер, принадлежность к определенной касте, уровень образования и социально-экономический статус (ВРЕЗКА 3).

Передающаяся из поколения в поколение проблема недоедания подробно описана в литературе: у недоедающих (и молодых) матерей выше вероятность рождения не только маловесных детей, но и отстающих в росте впоследствии, и этот цикл, связанный с недоеданием в одном поколении за другим чаще всего наблюдается среди женщин, которые рано выходят замуж, не заканчивают среднюю школу и являются выходцами из низших социально-экономических слоев общества (Aizer and Currie, 2014; Perez-Escamilla *et al.*, 2018). Кроме того, по данным из Болгарии и Кении, у девочек-подростков и женщин репродуктивного возраста с инвалидностью пищевой статус хуже, чем у их сверстниц без инвалидности, что свидетельствует о возможности передачи плохих результатов в области питания их потомству (Groce *et al.*, 2013; Kuper *et al.*, 2015). Количество исследований по этой тематике ограничено, но для людей с ограниченными возможностями проблемой является не только доступ к продовольствию, но и вопрос питания вообще.

Неравенство, связанное с местом жительства, влечет разницу в пищевом статусе детей из СНСД даже там, где общее бремя недоедания со временем снизилось. Например, высокая географическая вариативность показателей недоедания среди детей наблюдается в Южно-Африканской Республике. В 2017 году общенациональный показатель распространенности избыточного веса составлял там 24,9 процента. Но если в Сиянде, отдаленном сельском округе Северо-Капской провинции ЮАР, детей с избыточным весом было от 12 до 14 процентов, то в Угу, в Восточно-Капской провинции на границе с Дурбаном, этот показатель составлял уже 32–36 процентов (LBD Double Burden of Malnutrition Collaborators, 2020). В рамках исследования такой анализ не входил, но если судить по характеристикам этих районов, то между их населением имеют место расовые различия, а главное – в Угу по сравнению с Сияндой заметно меньше масштабы нищеты (ZF MGCAWU District Northern Cape, 2020), чем, по видимому, помимо места жительства, и может быть обусловлено наблюдаемое неравенство. Сопоставление субнациональных оценок ДБНП, которое определяется здесь как одновременное существование истощения и избыточного

РИСУНОК 5:

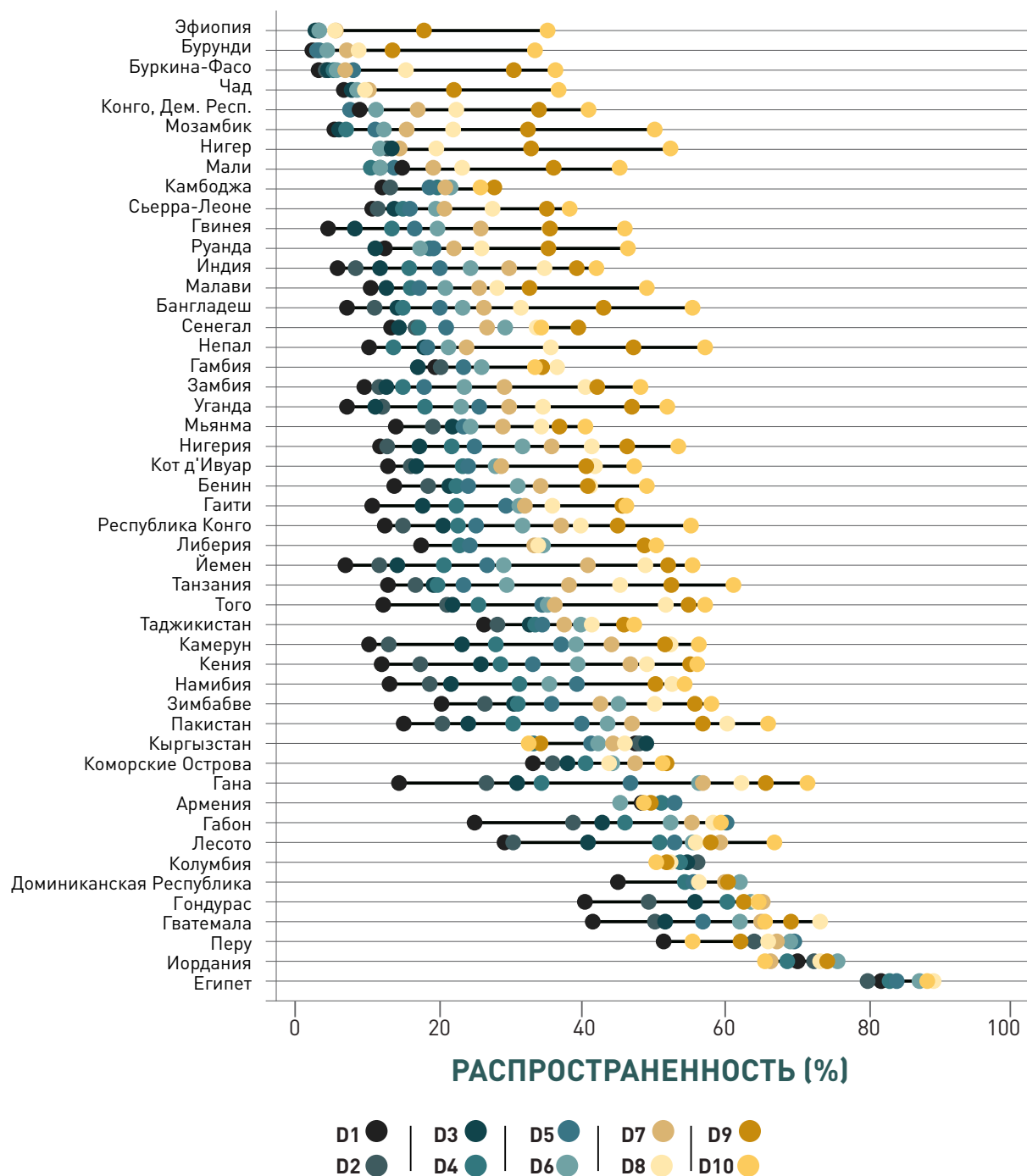
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ НЕДОСТАТОЧНОГО ВЕСА У ЖЕНЩИН ИЗ РАЗНЫХ ДЕЦИЛЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Источник: Reyes Matos, U., Mesenburg, M.A. & Victora, C.G. 2019. Socioeconomic inequalities in the prevalence of underweight, overweight, and obesity among women aged 20–49 in low- and middle-income countries. *International Journal of Obesity*, 44(3): 609–616.

РИСУНОК 6:

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА/ОЖИРЕНИЯ У ЖЕНЩИН ИЗ РАЗНЫХ ДЕЦИЛЕЙ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Примечание. Индекс благосостояния поделен на децили (D1-D10), отражающие градиент благосостояния. Первый дециль (D1) – это самые бедные 10 процентов, а десятый дециль (D10) – самые богатые 10 процентов всех домохозяйств в выборке.

Источник: Reyes Matos, U., Mesenburg, M.A. & Victora, C.G. 2019. Socioeconomic inequalities in the prevalence of underweight, overweight, and obesity among women aged 20–49 in low- and middle-income countries. *International Journal of Obesity*, 44(3): 609–616.

веса у детей, показывает, что в 70,5% СНСД распространенность ДБНП умеренная ($\geq 5\%$ предполагаемой распространенности обоих состояний), в 11,44% СНСД – высокая ($\geq 10\%$ как избыточного веса, так и истощения), а в 2,9% – очень низкая (распространенность истощения $\geq 5\%$, распространенность избыточного веса $\geq 15\%$) (РИСУНОК 7).

При наличии данных субрегионального уровня ситуация с неравенством результатов в области питания в зависимости от места

жительства может быть описана более детально. Например, в индийском штате Махараштра, который в целом имеет хорошие показатели экономического и социального развития, распространенность отставания в росте в регионе колеблется от 40 процентов детей в Северной Махараштре и Маратхване до 22 процентов в Западной Махараштре. Иллюстрируя проблему интерсекциональности неравенства, мы видим, что в Махараштре это неравенство, связанное с проживанием на определенной территории, сочетается с недоеданием, которое

ВРЕЗКА 3:

ПОЧЕМУ ПРОГРАММЫ ОКАЗЫВАЮТ РАЗНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЖИЗНЬ РАЗНЫХ ГРУПП: ВАЖНОСТЬ ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

Как именно интерсекциональное неравенство влияет на питание, непонятно. Проведенный недавно систематический обзор показывает, что большая часть литературы на эту тему ограничивается анализом ситуации в Соединенных Штатах Америки (Fivian *et al.*, 2023). Этот обзор также выявил полное отсутствие литературы по вопросу охвата программами в области питания различных интерсекциональных групп и влияния этих программ на их жизнь.

Анализ данных проекта “Расширение масштабов совместных действий и создания видеоматериалов по вопросам сельского хозяйства и питания” (УПАВАН), направленного на улучшение результатов в области питания и развитие сельского хозяйства в сельских районах Индии, демонстрирует важность применения интерсекционального подхода. УПАВАН сотрудничал с существующей государственной платформой женских групп самопомощи и был создан с целью расширения социальной интеграции женщин из маргинализированных групп (Kadiyala *et al.*, 2023). В этой ситуации важно понять, как влияет на результаты сочетание принадлежности женщины к определенной касте с уровнем ее образования. Анализ по единственному параметру – уровню образования – показал, что среди женщин с высоким и низким уровнями образования улучшения результатов в области питания были одинаковыми. Однако изучение сочетания уровня образования с принадлежностью к определенной касте показало, что среди женщин, не принадлежащих к зарегистрированной группе племен, у женщин с низким уровнем образования разнообразие рациона стало более заметным, чем у женщин с высоким уровнем образования, что сократило неравенство в области питания между этими интерсекциональными группами, составленными по признакам “каста – образование”, на 12 процентных пунктов. При этом среди женщин из зарегистрированной группы племен (наиболее обездоленной кастовой группы) ситуация была обратной: у женщин с высоким уровнем образования улучшения результатов в области питания были более заметными, чем у женщин с низким уровнем образования.

Этот интерсекциональный анализ приводит к двум важным выводам. Во-первых, анализ по единственному параметру (аспекту равенства) не позволяет понять, почему программы по улучшению питания по-разному сказываются на положении разных групп и каким именно образом это происходит. Для того чтобы понять, в каком положении находятся наиболее маргинализированные члены общества, необходим интерсекциональный анализ. Это требует более совершенных систем обработки данных. Во-вторых, программы следует изначально разрабатывать таким образом, чтобы они охватывали те группы населения, которые подвергаются воздействию сразу нескольких различных факторов уязвимости, и обеспечивали справедливые результаты в области питания.

Источники: Fivian, E., Harris-Fry, H., Shankar, B., Pradhan, R., Mohanty, S., Parida, M., Padhan, S. *et al.* (готовится к публикации). *An intersectionality investigation of nutrition-sensitive agriculture interventions on women's dietary inequalities in rural Odisha, India*; Kadiyala, S., Harris-Fry, H., Pradhan, R., Mohanty, S., Padhan, S., Rath, S., James, P. *et al.* 2021. Effect of nutrition-sensitive agriculture interventions with participatory videos and women's group meetings on maternal and child nutritional outcomes in rural Odisha, India (UPAVAN trial): a four-arm, observer-blind, cluster-randomised controlled trial. *The Lancet Planetary Health*, 5(5): e263–e276.

более характерно для сельских районов, а также с неравенством между определенными социальными группами, а именно между зарегистрированными племенами и кастами (Khadse and Chaurasia, 2020). Если говорить о рационе питания в Индии, то по сравнению с 1990-ми годами его качество улучшилось, но соответствующие показатели штатов очень сильно разнятся: улучшения главным образом обусловлены повышением качества рациона в восточных и южных штатах (Tak, Shankar and Kadiyala, 2019).

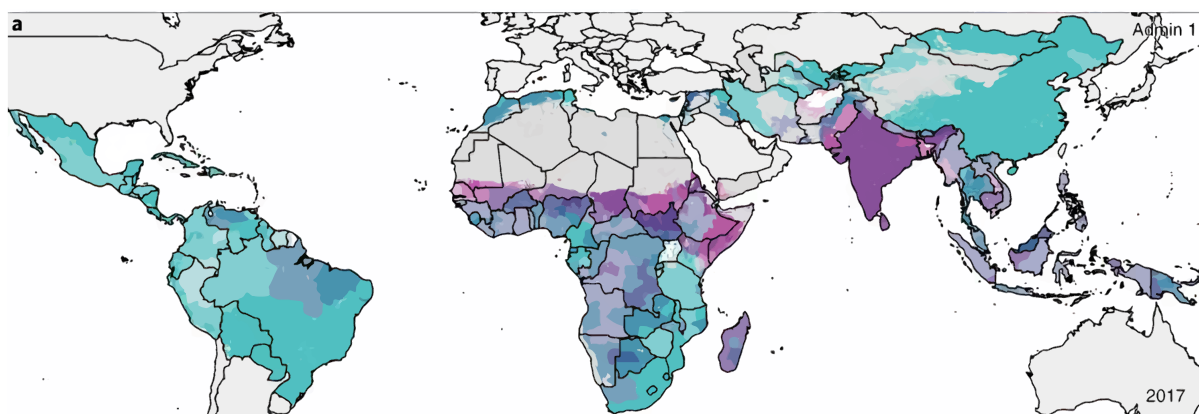
Есть много фактов, свидетельствующих о неравенстве качества рациона и результатов в области питания между жителями городских и сельских районов. Изучение неравенства между сельскими и городскими районами с точки зрения соотношения рост-возраст детей в Бангладеш и Непале (Srinivasan, Zanello and Shankar, 2013) показало, что эти различия, особенно у детей с наихудшими результатами в области питания, в первую очередь обусловлены образованием родителей, уровнем их благосостояния и доступностью воды и санитарии. В Марокко и Перу в сельской местности качество рациона хуже (меньше потребление фруктов, овощей, орехов и злаков, мяса и рыбы), чем в городских районах (McCloskey *et al.*, 2017; Nabdi, Boujraf and Benzagmout, 2022). Исследование, проведенное в Южно-Африканской Республике, выявило необходимость учета положения

общин в пригородах, которые часто живут в незаконных поселениях, где продовольственная среда может меняться. По устным рассказам жителей пригородов, их рацион питания нестабилен и бывает как недостаточным (по экономическим причинам), так и некачественным (некачественные фрукты и овощи) по сравнению с тем, что было, когда они жили в сельской местности (Hunter-Adams, Battersby and Oni, 2019). Кроме того, как описано далее в главе 3, на наличие продовольствия и доступ к нему часто влияет географическое положение, и одной из особенностей продовольственной среды является неравенство физического доступа к недорогим и питательным продуктам питания, особенно во многих странах с высоким уровнем дохода.

Как уже было отмечено ранее в этой главе, определенное сочетание места жительства и этнической принадлежности усиливает неравенство в области продовольственной безопасности, с которым сталкиваются некоторые социальные группы. Неравенство в области питания между социальными группами тесно связано с экономическим и политическим неравенством, с которым сталкиваются эти группы (Poverty Inequality Commission, 2017). Даже в тех странах, где в сокращении масштабов проблемы неполноценного питания был достигнут серьезный прогресс, за улучшенным общенациональным показателем может скрываться неравномерное распределение

РИСУНОК 7:

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВЗВЕШЕННЫХ ПО ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КВАРТИЛЕЙ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА И ИСТОЩЕНИЯ У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ В СНСДГ В 2017 ГОДУ

Примечания. Распространенность избыточного веса и истощения у детей в возрасте до 5 лет в формах от умеренной до острой в 2017 году (разрешение 5 × 5 км). Границы кварталов – 0-5%, >5-10%, >10-15% и >15% соответственно. На карте показаны административные границы, вид почвенного покрова, озера и численность населения; ячейки сетки, обозначенные серым цветом, либо были отнесены к категории территорий со "скудной растительностью или ее отсутствием" и плотностью населения в 2017 году менее десяти человек на кв. км, либо не были включены в анализ. Карты сгенерированы с помощью пакета ArcGIS Desktop 10.6.

Источник: LBD Double Burden of Malnutrition Collaborators. 2020. Mapping local patterns of childhood overweight and wasting in low- and middle-income countries between 2000 and 2017. *Nature Medicine*, 26(5): 750–759.

результатов между социальными группами, например когда достигнутые успехи меньше среди определенных этнических групп. Например, есть данные о том, что во Вьетнаме за последние 15 лет существенно снизились показатели отставания в росте, но за общими улучшениями скрыт тот факт, что среди этнических меньшинств прогресс был не так заметен, как среди этнического большинства населения (Harris, 2020) (см. [РИСУНОК 8](#)).

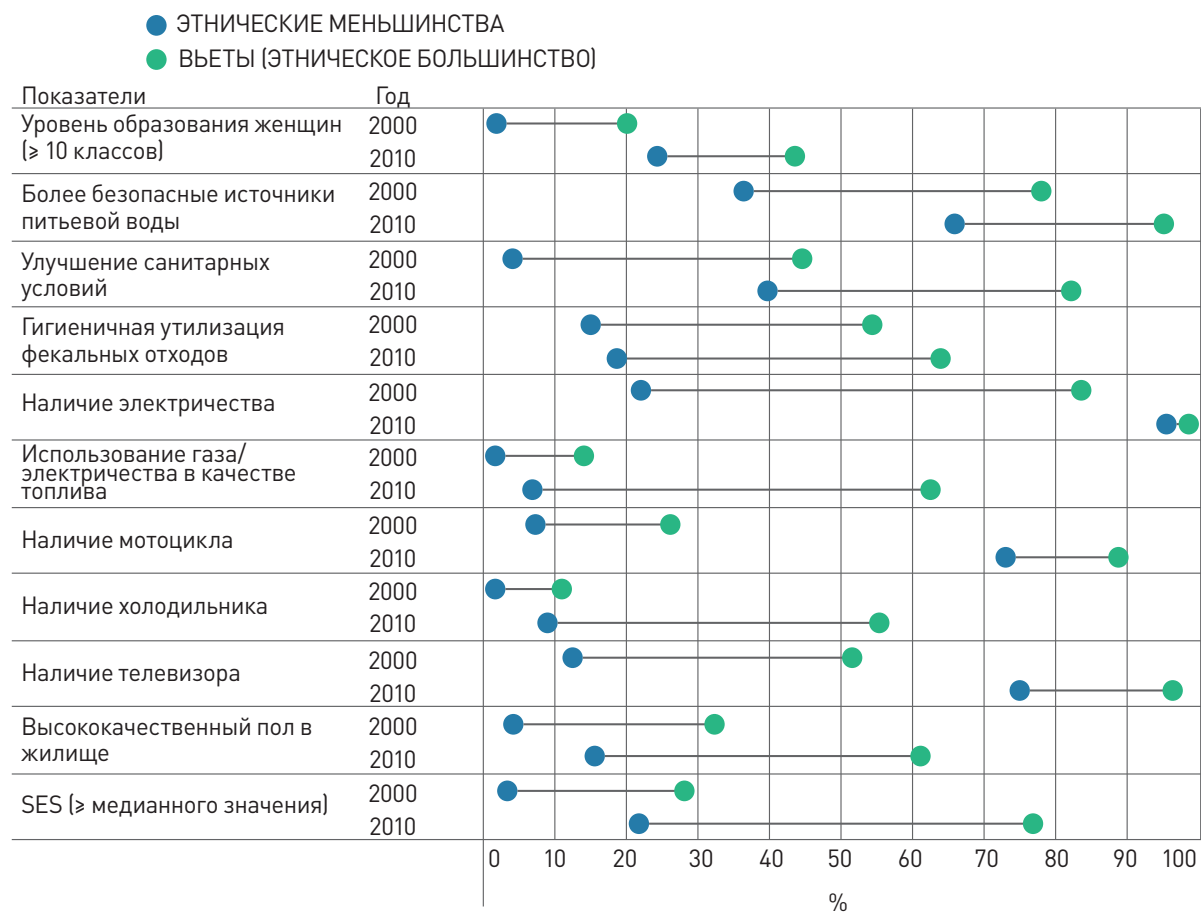
С учетом изложенного в этой главе можно дать рекомендации по устранению пробелов и подготовке следующих данных: более репрезентативных данных о ситуации с продовольственной безопасностью в регионах Центральной Африки, Океании и Восточной Европы и среди населения, живущего в условиях нестабильности и конфликтов; данных о рационе питания взрослых и подростков на индивидуальном уровне в разбивке по полу; данных о пищевом статусе мужчин, подростков и детей школьного возраста; а также данных о пищевом статусе и о распространенности анемии среди жителей СВД в целом. Следует надлежащим образом сформировать выборки из представителей соответствующих социальных групп, таких как коренные народы и этнические группы, и обеспечить дизагрегирование данных о них с целью систематического отслеживания тех видов

неравенства, с которыми они сталкиваются. Кроме того, рекомендуется собирать больше качественных данных о жизненном опыте и интерсекциональности в вопросах ПБП и использовать другие формы знаний (традиционные экологические знания и знания коренных народов и местного населения).

Наконец, поскольку неравенство в области ПБП возникает в связи с несколькими факторами идентичности человека (гендер, социальная группа, возраст и т. д.), мы видим примеры того, как интерсекциональный характер идентичности усугубляет проблему неравенства (Barak and Melgar-Quiñonez, 2022; Riley and Dodson, 2016). Однако тип генерируемых данных и используемые способы их разбивки не всегда позволяют вычленить эти взаимосвязи и оценить их результирующее воздействие. В дальнейшем данные, отражающие эти взаимосвязи и воздействия, позволят директивным органам отслеживать неравенство в области ПБП и соответствующим образом корректировать проводимую политику.

РИСУНОК 8:

НЕРАВЕНСТВО В ОТНОШЕНИИ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН НЕДОСТАТОЧНОГО ПИТАНИЯ ДЕТЕЙ МЕЖДУ ОБЩИНАМИ ЭТНИЧЕСКОГО БОЛЬШИНСТВА И ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ, 2000–2010 ГОДЫ

Источник: Harris, J., Huynh, P., Nguyen, H.T., Hoang, N., Mai, L.T., Tuyen, L.D. & Nguyen, P.H. 2021. Nobody left behind? Equity and the drivers of stunting reduction in Vietnamese ethnic minority populations. *Food Security*, 13(4): 803–818.

Глава 3

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ И ДРУГИХ СВЯЗАННЫХ С НИМИ СИСТЕМАХ

© WFP/Rein Skullerud (2017)

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- Наличие серьезного, устойчивого и зачастую усугубляющегося неравенства с точки зрения ресурсов для производства продовольствия, включая распределение таких ресурсов, способность с выгодой взаимодействовать с современными производственно-сбытовыми цепочками и рынками, а также доступ к знаниям и финансовым услугам, технологиям хранения, переработки и распределения продовольствия и международной торговле продуктами питания, ограничивает возможности для обеспечения ПБП.
- Во всей продовольственной цепочке серьезными аспектами неравенства являются размер и экономический статус фермерского хозяйства (например, мелкое оно или крупное), а также гендерный фактор, но ПБП часто зависят и от других источников неравенства, таких как принадлежность к коренному населению и географическое положение.
- Абсолютно неравные возможности для обеспечения ПБП предоставляет также продовольственная среда, и особенно сильно это неравенство сказывается на положении малоимущих групп населения и меньшинств.
- Неравенство результатов в области ПБП бывает обусловлено неравенством возможностей за пределами продовольственной системы, например в системах образования и здравоохранения. Возможности для уменьшения неравенства в вопросах ПБП могут появиться благодаря многоотраслевым механизмам управления в этой сфере.

Взяв за основу схему функционирования продовольственных систем, изображенную на РИСУНКЕ 1, в этой главе мы будем говорить о неравенстве в продовольственных системах и о его последствиях для ПБП в трех важных аспектах: i) **неравенство в отношении ресурсов для производства продовольствия**; ii) **неравенство в продовольственных товаропроводящих цепочках** (в т. ч. в отношении информации, финансов, рабочей силы, участия в производственно-сбытовых цепочках, хранения, распределения, переработки, рынков и торговли); iii) **неравенство, связанное с продовольственной средой и поведением потребителей**. Последний раздел посвящен различным видам неравенства в других системах, имеющих отношение к ПБП.

3.1 НЕРАВЕНСТВО В ОТНОШЕНИИ РЕСУРСОВ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Продовольственная безопасность в сельскохозяйственных районах определяется взаимодействием ряда факторов, включая ресурсы для производства продовольствия, доступ к рынкам, агроэкологический потенциал и несельскохозяйственные возможности (Giller *et al.*, 2021). Первостепенную роль в обеспечении ПБП, особенно в сельских районах, играют доступ к ресурсам для производства продовольствия, таким

как пахотные земли, животноводческие активы, рыбные и лесные ресурсы, их использование и контроль над ними. Тому есть несколько причин.

1. Права на ресурсы становятся особенно важны там, где в несельскохозяйственном секторе возможности создания рабочих мест и диверсификации ограничены, а основной средств к существованию и доходов в сельской местности и, соответственно, ПБП, остается производство продовольствия. Даже там, где есть возможности для организации несельскохозяйственной занятости, доступ к ресурсам для производства продовольствия может быть важен для ПБП в качестве второго, а для некоторых членов домохозяйства – главного источника средств к существованию (например, когда мужчины занимаются несельскохозяйственным трудом, а женщины – производством продовольствия).
2. Для многих бедняков ресурсы для производства продовольствия обеспечивают непосредственный доступ к продуктам питания собственного производства, особенно там, где не хватает местных рынков. Например, в работе (Hoddinott, Headey and Dereje, 2015) отмечено, что в Эфиопии при наличии в хозяйстве коровы повышается уровень потребления молока детьми и снижаются показатели отставания в росте. В СНСД к числу главных источников важных питательных микроэлементов обычно относятся местные источники пищевых продуктов из водных биоресурсов (Beal and Ortenzi, 2022).

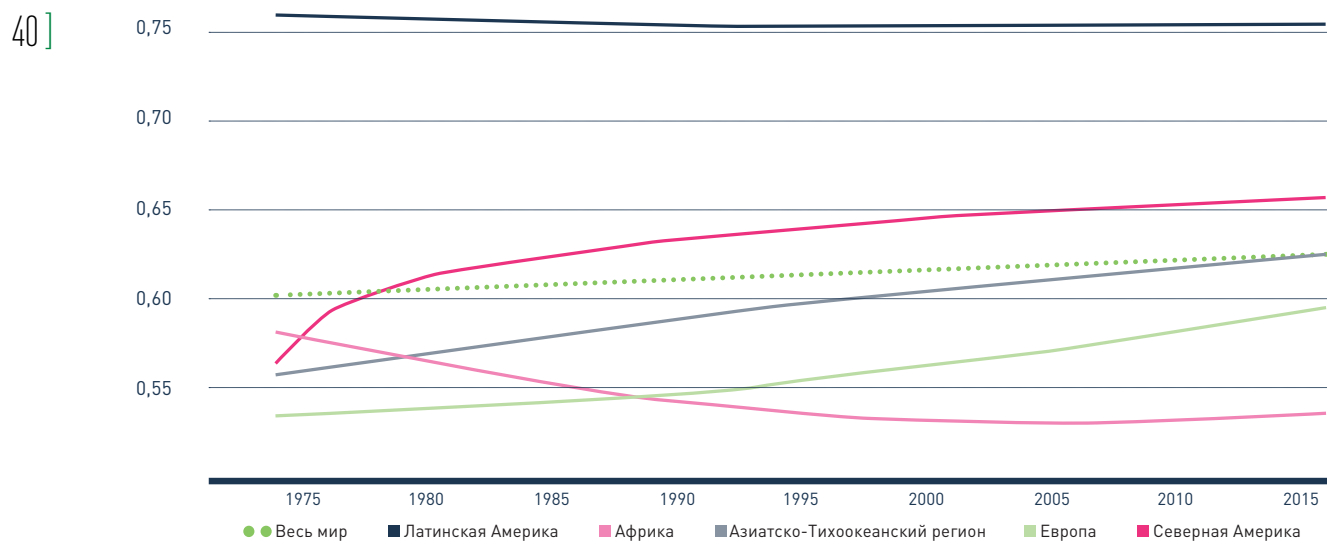
3. Помимо дохода и продуктов питания ресурсы для производства продовольствия дают возможность получения ряда дополнительных товаров и услуг, которые вносят дополнительный вклад в обеспечение средств к существованию и ПБП. Например, домашний скот обеспечивает тягловую силу, навоз, волокна, средства транспорта и финансовый и социальный капитал, а лесные ресурсы – топливную древесину для приготовления пищи и экосистемные услуги, такие как регулирование климата и водных ресурсов (Gitz *et al.*, 2021).
4. Ресурсы для производства продовольствия могут быть использованы в качестве залога и основы для доступа к кредитам и финансированию для целей как производства, так и потребления.
5. Некоторые ресурсы для производства продовольствия играют особенно важную роль в стимулировании субъектности и обеспечении равенства по гендерному и другим признакам. Например, домашний скот важен с точки зрения обеспечения гендерного равенства, поскольку получить доступ к нему женщинам проще, чем к земле, и владение животными обычно регулируется более простыми правами собственности (Njuki and Miller, 2019). Во многих случаях женщинам легче получить доступ к мелким видам животных, таким как домашняя птица и мелкие жвачные, и больше возможностей распоряжаться ими (Njuki and Mburu, 2013). Лесные

ресурсы играют особую роль в поддержании самобытности и средств к существованию многих коренных народов.

6. Во времена сильной нужды и кризисов некоторые ресурсы для производства продовольствия приобретают особое значение для ПБП. Например, в работе (Zanella, Shankar and Poole, 2019) установлено, что в Афганистане в суровый зимний сезон, когда возможностей для выращивания сельскохозяйственных культур становится меньше, возрастает важность разнообразия животных в животноводческих хозяйствах, за счет которого обеспечивается разнообразие рациона. Продажа или сдача в аренду активов для производства продовольствия, особенно земли и крупного рогатого скота, часто помогает поддерживать потребление продовольствия во время кризисов, таких как болезни или засухи. Лесные ресурсы помогают малоимущим пережить глобальные потрясения (такие как эпидемии или экономические кризисы) и, таким образом, защищают от усиления неравенства (Miller *et al.*, 2021).

В доступе к ресурсам для производства продовольствия имеет место постоянное и серьезное неравенство. Ярким примером является наблюдаемый во всем мире высокий уровень неравенства в вопросах владения землей, и эта проблема только усугубляется. Разработанные Международной земельной коалицией (МЗК) оценки коэффициента

РИСУНОК 9:
НЕРАВЕНСТВО В ВОПРОСАХ ВЛАДЕНИЯ ЗЕМЛЕЙ (ИЗМЕРЯЕМОЕ С ПОМОЩЬЮ КОЭФФИЦИЕНТА ДЖИНИ):
ТЕНДЕНЦИИ ЗА ПЕРИОД С 1975 ГОДА

Примечание. Коэффициенты Джини, показывающие распределение размеров землевладений, находящихся в частной собственности

Источник: ILC. 2020. *Uneven ground: land inequality at the heart of unequal societies*. International Land Coalition.

Джини (0 – отсутствие неравенства, 1 – максимальное неравенство), иллюстрирующие неравенство в вопросах владения землей, представлены на рисунке 9. В мире в целом и в большинстве регионов, за исключением Африки, неравенство в вопросах владения землей, измеряемое коэффициентом Джини, с 1975 года имеет тенденцию к росту.

Гендерное неравенство в области контроля за ресурсами для производства продовольствия подробно описано в литературе. Например, доля сельскохозяйственных землевладений, управляемых женщинами, выше всего в Лесото, Панаме и Перу (29–31 процент), но значительно ниже во многих других странах (ФАО, 2022а). В некоторых странах женщины традиционно не имеют права владеть землей, а права пользования могут получить только от своих покровителей-мужчин (Kameri-Mbote, 2005). Даже в тех случаях, когда женщины обладают формальным правом собственности на землю или распоряжаются ею, де-факто этот контроль может быть слабым, а земля, которой они распоряжаются, низкого качества (Guegeña and Wegerif, 2019). В отношении ресурсов для производства продовольствия с более высокой стоимостью гендерное неравенство может быть более серьезным. Во многих странах мужчины традиционно занимаются более ценными культурами, производство которых получает более значимую поддержку в плане информационно-консультационных услуг и финансирования (Hillenbrand and Miruka, 2019). В океаническом рыболовстве мужчины во многих случаях контролируют промысел более ценных видов, а женщинам достаются только дешевые прибрежные виды (Bradford and Katikiro, 2019; Fröcklin *et al.*, 2014).

Серьезное неравенство наблюдается также между категориями, различающимися по признаку принадлежности к определенным этническим группам, кастам и коренному населению. В Индии Национальное обследование состояния здоровья семей показывает, что порядка 62 процентов домохозяйств, относящихся к неблагополучным зарегистрированным кастам, являются безземельными, тогда как среди каст, не считающихся неблагополучными, этот показатель составляет 40 процентов (Rawal and Bansal, 2021). У людей из неблагополучных каст проблемой также всегда было осуществление контроля за использованием ресурсов для производства продовольствия, к которым они номинально имеют доступ. Для коренного населения право на землю и другие природные ресурсы имеет решающее значение не только потому, что оно поддерживает их средства к существованию, но и с точки зрения тех культурных и духовных ценностей, которые они воплощают. Обычно эти права закрепляются как коллективные, общинные права на управление ресурсом и его использование, основанные на нормах обычного права (МЗК, 2020). Эти механизмы управления могут быть полезны для управления хрупкими экосистемами (МФСР, 2018). Однако из-за крупных

сделок с землей, захвата земель и конфликтов из-за ресурсов эти традиционные права все чаще оказываются под угрозой. Это не только негативно сказывается на возможностях доступа коренных народов к продовольствию и их субъектности, но и ограничивает их важную роль в сохранении природы, что может ухудшить ситуацию в области ПБП в других сельских общинах и среди населения в целом.

Важным ситуативным фактором глубокого неравенства прав на ресурсы для производства продовольствия является растущий интерес к приобретению ценных ресурсов для производства продовольствия крупными корпорациями. Фактором серьезного неравенства, связанного с земельными ресурсами, является рост количества крупных сделок по покупке земель корпоративными структурами и международными инвесторами, особенно в Африке и Азии (в ГЛАВЕ 4 об этом говорится как о структурной причине неравенства). Предметом крупных земельных сделок часто становятся общинные земли (Dell'Angelo *et al.*, 2021), что особенно сильно сказывается на ПБП групп, наиболее зависимых от этих общинных земель, в том числе пастбищных скотоводов и коренных народов. Крупные хозяйства и сельскохозяйственные предприятия могут содействовать обеспечению поставок продовольствия или питательных веществ по доступным ценам и генерировать налоговые поступления и приток иностранной валюты, а также способствовать увеличению объемов продовольствия. Но несмотря на то, что мелкие фермерские хозяйства тоже стали активнее заниматься производством товарных культур и экспортом растениеводческой продукции, они с большей вероятностью, чем крупные хозяйства, будут производить и поддерживать доступность разнообразных пищевых продуктов, востребованных на местных рынках (ФАО и МФСР, 2019; ГЭВУ, 2020) и с большей вероятностью будут сохранять биоразнообразие (Ricciardi *et al.*, 2021).

Неравное соотношение сил, регулирующие доступ к облесенным землям и перепрофилирование лесных угодий под нужды проектов развития, ограничивают потенциал лесных ресурсов с точки зрения обеспечения ПБП (ИЮФРО, 2020). Причины такого неравенства могут быть опосредованными. Например, в Латинской Америке и Юго Восточной Азии прямые иностранные инвестиции сверхбогатых глобальных структур были связаны с расширением площадей, используемых под выращивание культур двойного назначения, таких как масличная пальма и соя, что в итоге привело к обезлесению (Ceddia, 2020). Неравное соотношение сил также влияет на доступ к океаническим ресурсам для производства продовольствия. Усиление механизмов управления "голубой экономикой" в интересах экономического роста делает более заметными многие виды неравенства возможностей и вытекающие из этого проблемы, особенно для мелких рыбаков, включая негативное воздействие на окружающую среду, захват океанских акваторий и растущие угрозы для благополучия женщин и общин коренных народов,

занятых в этом секторе, а также соответствующие последствия для их ПБП (Gustavsson *et al.*, 2021; Nangle, Masifundise, and FIAN International, 2023).

3.2 НЕРАВЕНСТВО В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОВОДЯЩИХ ЦЕПОЧКАХ

3.2.1 ДОСТУП К ФИНАНСОВЫМ УСЛУГАМ

Мелкие производители продовольствия и малые предприятия – участники продовольственных товаропроводящих цепочек, пытаются получить доступ к кредитам, страхованию и другим финансовым продуктам или к их использованию, уже давно сталкиваются с серьезными препятствиями. Особенно это касается взаимодействия с официальными финансовыми учреждениями, такими как банки и микрофинансовые организации. Нестабильные доходы, отсутствие залогового обеспечения (которое часто является результатом отсутствия земельных кадастров и регистрации прав землепользования) и кредитной истории, фрагментированность и неофициальный статус этих субъектов приводят к тому, что они оказываются исключены из кредитных портфелей многих финансовых учреждений (ФАО и МФСР, 2019; МФСР, 2015). Вместо этого во многих СНСД значительную долю финансирования в сельских районах обеспечивают неофициальные финансовые структуры: от ростовщиков, коммерсантов и оптовиков до сберегательных и кредитных ассоциаций.

Однако официальным каналам здесь принадлежит очень важная роль, особенно с точки зрения долгосрочного финансирования инвестиций в сельское хозяйство и обеспечения возможностей участия в производственно-сбытовых цепочках. В этой связи региональные и многосторонние банки развития (МБР) наращивают свои усилия по удовлетворению финансовых потребностей мелких фермеров и других микро-, малых и средних предприятий (ММСП) в сельских районах. При этом потребности сектора огромны, а неудовлетворенный спрос на финансирование со стороны мелких фермеров составляет почти 170 млрд долл. США (МФСР, 2015; МФСР и ЕС, 2022). МФСР (МФСР, 2015) отмечает ряд проявлений неравенства в финансировании ММСП в продовольственном секторе, в том числе в связи с их ролью в производственно-сбытовой цепочке (хуже всего дела обстоят у тех, кто занимается обеспечением факторами производства и сельскохозяйственным трудом на фермах), географическим положением, гендерной принадлежностью и способностью разбираться в рыночных реалиях.

Что касается доступа к кредитам и другим финансовым услугам, то женщины зачастую находятся в менее выгодном положении по сравнению с мужчинами. Результат сочетания малого размера предприятия и гендерной принадлежности их хозяина приводит Международная финансовая корпорация (МФК, 2017): по ее оценкам, в 128 странах, большая часть которых относится к категории СНСД, предприятия, принадлежащие женщинам, составляют 28 процентов ММСП, но на их долю приходится 32 процента дефицита финансирования (разрыв между спросом на кредиты и их предложением), хотя предприятий, руководимых женщинами, меньше, чем руководимых мужчинами. Важнейшими причинами неравного доступа женщин к кредитам являются социальные нормы, отсутствие прав собственности и контроля над активами, а также предвзятость финансовых учреждений в вопросах кредитования (Fletschner and Kenney, 2014). И хотя инициативы в области микрофинансирования обычно ориентированы на женщин, они зачастую не приспособлены для осуществления инвестиций в сельское хозяйство: например, графики выплат не увязаны с сельскохозяйственным календарем (Quisumbing and Doss, 2021). Имеет значение также принадлежность к определенной этнической группе, касте и коренному населению. Например, в Индии существует кастовое неравенство в вопросах получения кредитов: традиционно неблагополучные зарегистрированные касты с меньшей вероятностью получают одобрение заявки на кредит (Kumar, 2016).

Невозможность получить доступ к кредитам для финансирования покупки вводимых ресурсов или осуществления инвестиций может ограничивать производительность и сказываться на наличии продовольствия. Потери доходов из-за снижения производительности ограничивают доступ к продовольствию для особенно неблагополучных групп населения даже в тех случаях, когда кратковременную нехватку продовольствия помогает восполнить неофициальное финансирование. Неравноправие в вопросах доступа к кредитам, с которым сталкиваются женщины, может также препятствовать осуществлению ими той важной роли, которую они играют в принятии решений по улучшению питания своих семей, особенно в отношении потребления продуктов питания (Fletschner and Kenney, 2014). Кроме того, отсутствие финансирования для осуществления долгосрочных инвестиций, например в оздоровление почв, может препятствовать обеспечению устойчивости.

3.2.2 ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЯМ

Способы, с помощью которых мелкие производители получают информацию и повышают свою квалификацию, в последние десятилетия значительно изменились. Количество традиционных государственных служб распространения

сельскохозяйственных знаний сократилось, а на их место пришла гораздо более плюралистическая система, включающая государственные, частные и неправительственные организации, занимающиеся распространением информации (Norton and Alwang, 2020; Davis, Babu and Ragasa, 2020). Традиционные посещения хозяйств агентами по распространению знаний стали далеко не так важны, как раньше, поскольку сейчас информация чаще предоставляется в цифровом виде. Эти изменения, вероятно, способствовали сокращению некоторых проявлений неравенства в доступе к информации, наблюдавшихся ранее (Deichmann, Goyal and Mishra, 2016). Например, в отдаленных районах и районах, затронутых конфликтами, благодаря информационно-коммуникационным технологиям доступ к информации стал лучше, а разнообразие поставщиков помогает охватить более разнообразную аудиторию.

Но эти изменения способов предоставления информации могут привести и к возникновению новых видов неравенства. Более мелкие и бедные фермерские хозяйства могут оказаться не охваченными услугами частных служб распространения знаний, поскольку они не в состоянии их оплатить (Davis, Babu and Ragasa, 2020). Кроме того, несмотря на широкое распространение мобильных телефонов в сельских районах СНСД, цифровая изоляция по-прежнему является проблемой, и более современным цифровым информационным службам будет трудно охватить менее обеспеченные ресурсами и менее образованные группы населения. Многие цифровые сервисы обеспечивают охват широкой аудитории при низких затратах, но по-прежнему плохо приспособлены к местной специфике (например, не предоставляют информацию на местных языках или диалектах). Сохраняются также многие традиционные виды неравенства. Женщины реже получают информацию и услуги по распространению знаний, а имеющиеся службы в своей работе часто не учитывают гендерные аспекты, в частности те условия, в которых женщины-фермеры занимаются сельским хозяйством, и не стараются улучшить методы работы с женщинами-фермерами (Doss and Quisumbing, 2021; Quisumbing and Doss, 2021; Ragasa, 2014). Как и в случае с финансированием, снижение производительности и доходов в результате такого неравенства может иметь последствия для ПБП.

Разработка и внедрение новых технологий ведения сельского хозяйства и послеуборочной обработки урожая, а также последствия такого внедрения являются предметом многих видов неравенства. Значительная часть расходов частного сектора на НИОКР в области сельского хозяйства приходится на СВД, при этом частные расходы на НИОКР в основном ориентированы на относительно узкий набор сырьевых товаров. Государственные же инвестиции в сельское хозяйство в СНСД, за исключением Китая и Индии, невелики и остаются относительно вялыми (Stads and Rahija, 2019).

Во многих источниках также показано, что низкий уровень образования, небольшие масштабы деятельности, ненадежность прав владения и пользования ресурсами и ограниченный доступ к кредитам и сельскохозяйственным знаниям отрицательно коррелируют с внедрением многих технологий (Ruzzante, Labarta and Bilton, 2021). Распространение некоторых технологий может также усугублять ситуацию с неравенством: именно с этим связаны традиционные опасения по поводу вытеснения рабочей силы и укрупнения мелких хозяйств в результате механизации (Baudron *et al.*, 2015). Появление "умных технологий производства пищевых продуктов", цифровых технологий, использующих большие данные, развитие автоматизации и искусственного интеллекта – все это открывает возможности для повышения производительности. Вместе с тем высказываются опасения в связи с корпоративными захватами и многочисленными видами неравенства, которые возникают в результате внедрения этих технологий, включая неравенство в вопросах контроля над разработкой и использованием технологий, распределения выгод от использования технологий и суверенитета данных (FIAN and Brot für die Welt, 2018; Hackfort, 2021).

3.2.3 ТРУД И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

В продовольственных системах всего мира существует множество видов неравенства, связанных с рабочей силой. Сельскохозяйственные работники часто относятся к числу беднейших и наименее благополучных с точки зрения продовольственной безопасности людей в СНСД (Bhuyan, Sahoo and Suar, 2020), и даже в СВД у работников продовольственных систем, занятых в различных областях – от сбора урожая на фермах до логистики и розничной торговли продуктами питания, – источники средств к существованию обычно нестабильны и приносят минимальный доход (Klassen and Murphy, 2020). Труд в продовольственных системах часто характеризуется серьезным неравенством возможностей между работодателями и работниками (Friesner, 2016). Серьезной проблемой является детский труд. Во всем мире порядка 60 процентов работников в возрасте от 5 до 17 лет заняты в сельском хозяйстве, и почти 60 процентов детей, занятых на опасных работах, также работают в сельском хозяйстве (МОТ, 2022a). Во многих странах функционирование продовольственных систем зависит от труда мигрантов, однако трудящиеся-мигранты имеют минимальные права и нередко становятся объектами нарушения прав человека (Klassen and Murphy, 2020). Низкая оплата труда, нестабильные, а иногда и опасные условия работы в продовольственных системах негативно сказываются на ПБП значительной части рабочей силы.

Сельскохозяйственный труд также часто ложится непропорционально тяжелым бременем на плечи женщин, у которых он занимает больше времени, чем у мужчин. Результаты многочисленных исследований и обзоров подтверждают этот гендерно дифференцированный характер работы в сельском хозяйстве и продовольственных системах и его влияние на результаты в области ПБП. В частности, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что:

- женщинам принадлежит ключевая роль в сельском хозяйстве: это подтверждается тем, сколько времени они тратят на эту деятельность и как фермеры, и как сельскохозяйственные работники;
- женщины являются важными участниками процессов принятия и выполнения решений, касающихся сельскохозяйственных работ;
- как правило, сельскохозяйственные работы увеличивают продолжительность трудового дня женщин, мужчин и детей.

Однако исследования, включенные в этот обзор, не позволяют сделать однозначные выводы о влиянии методов ведения сельского хозяйства и сельскохозяйственных работ на питание, даже если они увеличивают время, затрачиваемое на сельскохозяйственную деятельность. Воздействие на питание варьируется, поскольку домохозяйства и члены домохозяйств по-разному реагируют на увеличение нагрузки и затрат времени. Причины этого зависят от ряда важных дифференцирующих факторов, в том числе от размера доходов и возможности покупать продукты питания, от социально-экономического статуса домохозяйства (Rao *et al.*, 2019), типа и состава домохозяйства (в частности, от наличия членов семьи, которые могут выполнять домашнюю работу), а также от показателей, используемых для оценки потребления продуктов питания, безопасности пищевых продуктов или питания (Johnson *et al.*, 2015).

3.2.4 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ С ПРОИЗВОДСТВЕННО-СБЫТОВЫМИ ЦЕПОЧКАМИ

Производственно-сбытовые цепочки объединяют заинтересованные стороны и связанные между собой процессы создания добавленной стоимости, которые происходят по мере перемещения пищевого продукта от первичного производства до конечного потребления и утилизации (ФАО, 2014). Концепция производственно-сбытовой цепочки в целом аналогична концепции товаропроводящей цепочки, но с большим упором на способы создания и распределения стоимости между участниками цепочки.

Неравенство, связанное с участием в современных производственно-сбытовых цепочках

В последние несколько десятилетий в результате экономического роста, урбанизации и изменения рациона питания происходит реструктуризация многих продовольственных производственно-сбытовых цепочек. На смену простым локальным цепочкам транзакций, как правило, приходят более длинные производственно-сбытовые цепочки с участием крупных трейдеров, заготовителей и современных предприятий розничной торговли. И сельхозпроизводителям, и работникам реструктуризация производственно-сбытовых цепочек может быть очень выгодна, поскольку она открывает возможность создания более высокой добавленной стоимости. Однако участие в современных производственно-сбытовых цепочках сопряжено с рядом серьезных проблем.

Крупные трейдеры, перерабатывающие предприятия и предприятия розничной торговли предпочитают избегать операционных затрат, связанных с закупками небольших партий товара у множества мелких производителей. Поэтому они обычно оговаривают требования в отношении минимального объема и/или стандартов качества продукции, которые мелким производителям может быть трудно соблюсти, особенно если модернизация и инвестиции в факторы производства требуют финансирования и получения новых знаний. В связи с тем проблемами, которые возникают у мелких производителей из-за необходимости соблюдения соответствующих стандартов, ООН в своей Декларации о правах крестьян и других лиц, работающих в сельских районах (ДПК ООН) призывает к созданию более справедливой системы оценки и сертификации качества их продукции и поощрению их участия в ее разработке (ООН, 2019а). Фактологические данные о влиянии участия мелких производителей в схемах ведения сельского хозяйства на контрактной основе (в рамках которых производство продовольствия осуществляется на основе соглашения между покупателем и производителем) неоднозначны. В одном из систематических обзоров влияния ведения сельского хозяйства на контрактной основе на доходы мелких производителей отмечено, что мелким производителям участие в таких схемах может быть выгодно, но что "...беднейших фермеров в эти схемы включают редко, ... и в 61 проценте случаев участниками схем были фермеры, имеющие значительно большие земельные наделы или большее количество активов по сравнению со среднестатистическими фермерами региона" (Ton *et al.*, 2018, p. 46). Тенденция к включению в схемы ведения сельского хозяйства на контрактной основе фермеров, лучше обеспеченных ресурсами, рассматривается во ВРЕЗКЕ 4 (Michelson, 2013).

ВРЕЗКА 4:

СУПЕРМАРКЕТЫ НИКАРАГУА ЗАКЛЮЧАЮТ КОНТРАКТЫ С ФЕРМЕРАМИ: ВСЕМ ЛИ ФЕРМЕРАМ ЭТО ВЫГОДНО?

В Никарагуа в розничной торговле продуктами питания доминирует розничный гигант Walmart. Чтобы обеспечить товарами свою обширную сеть торговых точек, корпорация Walmart заключила контракты на закупки с сотнями отдельных фермерских хозяйств. Было установлено, что эти договорные отношения со временем повышают уровень благосостояния домохозяйств участвующих фермеров благодаря увеличению их производственных активов, что, в свою очередь, снижает показатели бедности среди участвующих домохозяйств.

Но помимо положительных результатов такие схемы порождают неравенство фундаментального характера, связанное с участием. Факторы, определяющие возможность участия домохозяйства в таких схемах, включают проживание в регионах с более высоким сельскохозяйственным потенциалом и преимущества с точки зрения местоположения, такие как круглогодичный доступ к воде и близость к ближайшему супермаркету или торговой точке. Закупщики сельхозпродукции для супермаркетов Walmart указали, что главными условиями заключения контрактов с поставщиками были их легкая транспортная доступность и возможность связаться по телефону, а также наличие у них круглогодичного доступа к воде. Это говорит о том, что у бедных фермерских хозяйств из удаленных районов со слабой инфраструктурой возможность заключить контракт отсутствовала.

Источник: Michelson, H.C. 2013. Small Farmers, NGOs, and a Walmart World: Welfare Effects of Supermarkets Operating in Nicaragua. *American Journal of Agricultural Economics*, 95(3): 628–649.

Производители, которые могут участвовать в схемах ведения сельского хозяйства на контрактной основе, получают возможность увеличить свои доходы несколькими способами: более выгодные закупочные цены, возможность продавать крупные партии товара одному и тому же покупателю и повышение урожайности за счет использования вводимых ресурсов и информации, которые часто являются частью контракта. Однако в том, что касается доходов, в источниках приводятся неоднозначные результаты, варьирующиеся в зависимости от региона, вида товара и характера договорных отношений. В систематическом обзоре Ton *et al.* [2018] подобраны данные, на основании которых увеличение дохода благодаря ведению сельского хозяйства на контрактной основе оценивается в диапазоне от 23 до 55 процентов (правда, авторы указывают, что эта оценка может быть завышена, поскольку в исследование не вошли схемы, которые быстро прекращают свое существование).

При этом нет никаких гарантий, что вместе с увеличением доходов, которое происходит благодаря коммерциализации, повысится и уровень продовольственной безопасности, и тому есть ряд причин: благодаря росту доходов дополнительные средства могут быть направлены на решение первоочередных проблем, не связанных с продовольствием, например в области здравоохранения или образования; увеличившиеся доходы могут оказаться в руках мужчин, для которых вопрос продовольственной безопасности может быть не так важен, как для женщин (Mitra and Rao, 2019); кроме того, доходы от сбора урожая трудно сберечь до следующего предуборочного голодного сезона (Bellemare, Bloem and Lim, 2022). Соответственно,

воздействие на продовольственную безопасность, вероятно, будет варьироваться в зависимости от конкретных условий.

Но некоторые данные позволяют предполагать, что участие в схемах ведения сельского хозяйства на контрактной основе все-таки повышает продовольственную безопасность. В своем исследовании контрактных схем, связанных с производством продовольственных культур на Мадагаскаре, авторы (Bellemare and Novak, 2017) показывают, что благодаря таким контрактам продолжительность голодного сезона сокращается (что также говорит о положительном влиянии этих схем на фактор стабильности поставок, которая является одним из аспектов продовольственной безопасности), и что это, по-видимому, происходит потому, что домохозяйства получают возможность сохранить увеличившийся доход, полученный после уборки урожая, до голодного сезона. Кроме того, в работе (Chege, Andersson and Qaim, 2015) отмечено, что в Кении участие мелких фермеров, занимающихся выращиванием овощей, в договорных отношениях с супермаркетами, способствует повышению уровня потребления микронутриентов.

Подводя итог, можно констатировать, что: а) есть основания считать, что самые мелкие фермеры часто (но не всегда) не имеют возможности участвовать в договорных отношениях с участниками нижних звеньев современных производственно-сбытовых цепочек; и б) фермеры, которые участвуют в таких схемах, часто (но не всегда) могут повысить свои доходы и, потенциально, повысить уровень своей продовольственной безопасности.

Неравенство возможностей и эксплуатация в производственно-сбытовых цепочках

Те, кому все-таки удастся стать участником современных производственно-сбытовых цепочек, могут столкнуться с неравенством возможностей, которые есть у заказчиков, фермеров и сельскохозяйственных рабочих. С одной стороны, в современных производственно-сбытовых цепочках заказчик, работающим в конкурентной среде, может быть выгодно предлагать подрядчикам выгодные условия контрактов. Но бывает и так, что крупные торговые сети, перерабатывающие предприятия, предприятия розничной торговли и другие заказчики получают доминирующее положение на рынке или вступают в сговор, чтобы диктовать условия контрактов – как правило, владельцами мелких хозяйств, которые находятся на значительном удалении друг от друга. (Montalbano, Pietrelli and Salvatici, 2018; Swinnen and Vandeplas, 2014). Одной из серьезных проблем является то, что в некоторых случаях денежные средства и помощь натурой, предлагаемые заказчиками, как крупными, так и мелкими, в реальности могут обходиться фермерам довольно дорого, поскольку по контракту они обязаны продавать продукцию по низким ценам (Bellemare, Bloem and Lim, 2022). Крупные предприятия общественного питания и современные предприятия розничной торговли могут не только стремиться к монопольному положению на рынке, вытесняя местных конкурентов, но и единолично определять закупочную политику, используя свою рыночную власть для установления более низких цен фермеров-поставщиков (Bellemare, Bloem and Lim, 2022). Однако фактологических данных о неравенстве сил и его последствиях для ПБП не много, поэтому для систематического анализа этого вопроса необходимы дополнительные исследования.

и доходы. Ньюки и Миллер (Njuki and Miller, 2019) приводят пример восточноафриканских женщин – владельцев молочных ферм, которые привыкли продавать молочные продукты на неофициальных рынках за наличные и тратить полученные деньги на нужды домохозяйств. Но когда молоко продавалось владельцам холодильных установок, женщины теряли контроль над доходом от его продажи, поскольку еженедельные банковские чеки отправлялись главам домохозяйств, а ими обычно являются мужчины (Njuki and Miller, 2019).

Несмотря на то, что женщины часто сталкиваются с трудностями, пытаясь получить доступ к возможностям ведения сельского хозяйства на контрактной основе, некоторые исследования, в частности (Maertens and Swinnen, 2012), показывают, что женщины играют важную роль в качестве наемных рабочих в глобальных производственно-сбытовых цепочках и, по сравнению с другими видами наемного труда, имеют хорошие перспективы получения связанного с этим дохода. В этих случаях уровень продовольственной безопасности можно повысить не только за счет повышения дохода домохозяйств, но и за счет усиления позиции женщины в семье. Например, в сельском регионе Оромия в Эфиопии (Getahun and Villanger, 2018) занятость женщин в производстве свежих срезанных роз оказала положительное влияние на их положение в семье, а также на доходы домохозяйств, снизила показатели бедности и повысила продовольственную безопасность.

3.2.5 ХРАНЕНИЕ, СБЫТ И ПЕРЕРАБОТКА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Неравенство в вопросах хранения и сбыта

Эффективные технологии хранения и сбыта продукции после сбора урожая имеют решающее значение для предоставления потребителям доступа к безопасным и питательным продуктам питания и обеспечения достаточных средств к существованию производителям и торговцам. В настоящее время из-за ненадлежащих методов хранения и сбыта порядка 14 процентов произведенного продовольствия теряется в товаропроводящей цепочке, а еще 17 процентов идет в отходы на этапе потребления (ЮНЕП и ФАО, 2022).

Особую проблему с точки зрения питания и безопасности пищевых продуктов создают не отвечающие требованиям холодильные цепи, поскольку многие пищевые продукты из числа наиболее богатых питательными веществами, такие как овощи, фрукты, пищевая продукция из водных биоресурсов, молоко, мясо и яйца, являются скоропортящимися, и поэтому могут представлять опасность для здоровья потребителя (ГЭВУ, 2017b).

Гендерное неравенство, связанное с доступом к производственно-сбытовым цепочкам

Женщинам участвовать в современных производственно-сбытовых цепочках труднее, поскольку необходимым условием участия, как правило, является наличие соответствующих ресурсов (Doss and Quisumbing, 2020), а у женщин доступ к ним более ограничен, чем у мужчин. В некоторых обстоятельствах определенную роль могут играть социальные нормы (об этом подробнее говорится в главе 4). Например, там, где мужчинам традиционно отводится роль кормильца, а на плечи женщин ложится забота о семье, выращиванием высокодоходных товарных культур чаще занимаются именно мужчины, а женщины в основном разводят продовольственные культуры (Doss, 2002; Qian, 2008). Коммерциализация может также повысить вероятность того, что в руках мужчин окажутся

Серьезное неравенство, связанное с наличием холодильной цепи, создает неравенство и с точки зрения физической и экономической доступности продуктов, богатых питательными веществами. По оценкам, в СВД в десять раз больше холодильных камер на тысячу человек, чем в СНД (ЮНЕП и ФАО, 2022). Во многих СНСД современные частные холодильные мощности позволяют организовать сбыт высококачественных, безопасных, богатых питательными веществами продуктов питания среди городских потребителей с более высокими доходами через супермаркеты и современные розничные магазины, тогда как в каналах сбыта, обслуживающих сельских потребителей и потребителей с низкими доходами, холодильные цепи могут отсутствовать или находиться в зачаточном состоянии.

В СНСД такие различия между городскими и сельскими районами, а также между экономически благополучными и неблагополучными районами проявляются и в других аспектах, в частности в области сельского транспорта и рыночной инфраструктуры, что влечет неравенство в доступе к продуктам питания, богатым питательными веществами. Из-за неразвитой дорожной сети и высоких транспортных расходов в отдаленных районах рынки в таких районах могут быть плохо интегрированы с другими рынками, а торговцы с меньшей вероятностью будут поставлять на такие рынки скоропортящиеся продукты, даже если местные цены на них будут высокими (Cooper *et al.*, 2021; Filmer *et al.*, 2023).

Неравенство, связанное с переработкой продовольствия

Пищевая промышленность важна для ПБП по нескольким причинам. Инновации в области переработки продовольствия, включая его измельчение, сушку, упаковку, консервирование, замораживание и обогащение, могут повышать качество питания за счет сохранения или увеличения содержания питательных веществ в продуктах, повышения безопасности пищевых продуктов и снижения затрат на обеспечение доступности питательных веществ с течением времени и при перевозках (ГЭВУ, 2017b). Пищевая промышленность – это также источник занятости, а наличие малых предприятий по переработке продовольствия и созданию добавленной стоимости может содействовать повышению уровня жизни и, тем самым, улучшения ситуации в области ПБП.

С другой стороны, продукты, подвергшиеся глубокой технологической обработке (ПГО) – часто с высоким содержанием жиров, соли, сахара и вредных для здоровья ингредиентов – в настоящее время в изобилии доступны во всех регионах мира и все чаще ассоциируются с негативными последствиями для здоровья (ОЭСР, 2021). В СВД около половины потребляемой с пищей энергии в настоящее время поступает из ПГО, и чаще всего такие продукты

потребляет население из неблагополучных районов (Monteiro *et al.*, 2019; Scrinis and Monteiro, 2022). Вызывает беспокойство тот факт, что многие СНСД демонстрируют гораздо более высокие темпы роста потребления ПГО, чем наблюдалось ранее в СВД (Monteiro *et al.*, 2019). Имеет место неравенство в стимулах, размерах бюджета и в структурах власти, которые определяют траектории развития и темпы роста пищевой промышленности, способствующей укреплению здоровья или препятствующей этому процессу (Wood *et al.*, 2023).

В отличие от продуктов менее глубокой переработки, производство ПГО является прерогативой почти исключительно крупных корпораций. Рынки ПГО характеризуются высоким уровнем концентрации, а корпоративные стратегии их участников направлены на получение максимальной прибыли для акционеров за счет серьезных издержек для здоровья потребителей и состояния окружающей среды (Wood *et al.*, 2023). В создание и продвижение ПГО на мировом рынке вкладываются значительные маркетинговые ресурсы и средства на НИОКР (этот вопрос обсуждается в ГЛАВЕ 4 как фактор, провоцирующий неравенство в области ПБП) (ОЭСР, 2021), а инвестиции в методы переработки пищевых продуктов, способствующие улучшению качества питания, относительно невелики.

3.2.6. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

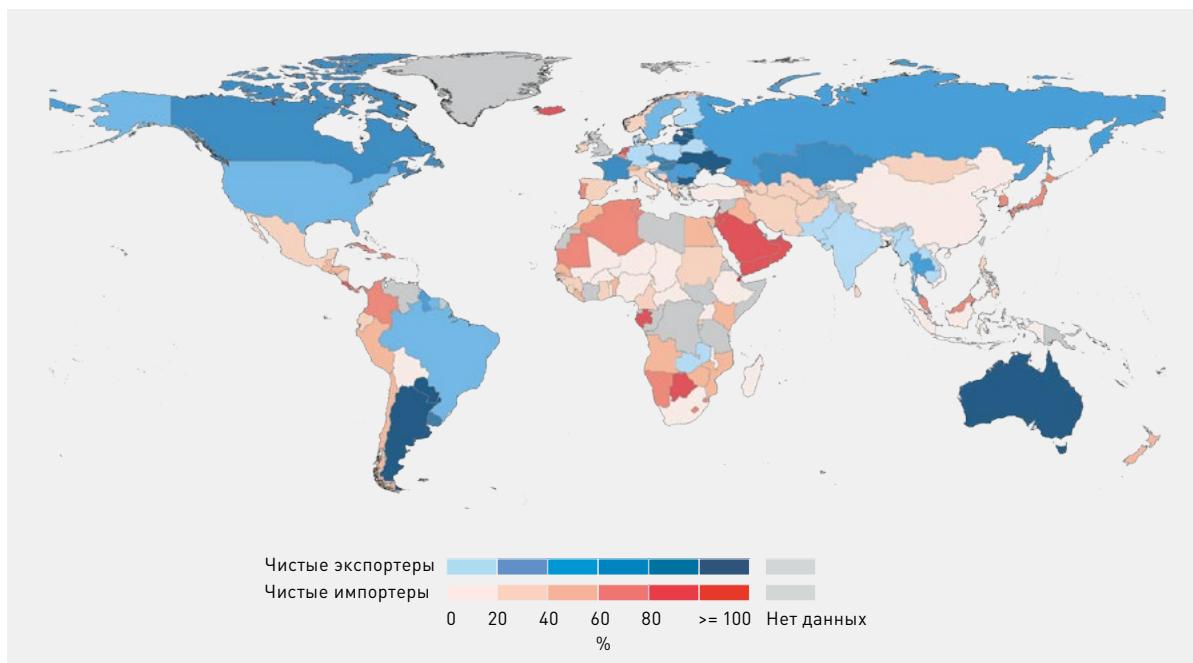
Трансграничная торговля и ее роль в обеспечении ПБП

Несмотря на то, что на международном рынке продается лишь около 23 процентов производимого продовольствия (D'Odorico *et al.*, 2014), объем международной торговли продовольствием значительно вырос: за период с 1995 по 2018 год он удвоился в реальном выражении (ФАО, 2020). В том, что касается зависимости от импорта продуктов питания, а также степени этой зависимости, между странами существуют большие различия. На рисунке 10 показаны различия зависимости стран от импорта зерновых и важность международной торговли для ПБП стран, испытывающих дефицит продовольствия. Несколько стран на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также на юге Африки в значительной степени зависят от импорта зерна. Важность этого импорта для ПБП стала еще более очевидной на том этапе войны на Украине, когда возможности для торговли были серьезно ограничены.

Одним из наиболее значимых событий в мировой продовольственной системе за последние несколько десятилетий стал начатый в 1980-х годах процесс либерализации торговли и иностранных инвестиций. Подписание Генерального соглашения по тарифам

РИСУНОК 10:

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИМПОРТА ЗЕРНОВЫХ (ДОЛЯ ИМПОРТА В ОБЪЕМЕ ВНУТРЕННИХ ЗАПАСОВ), СРЕДНИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЗА 2015–2017 ГОДЫ

Примечания. Красным показана доля импорта во внутренних запасах продовольствия в странах – чистых импортерах, рассчитанная по данным продовольственных балансов ФАОСТАТ. Страны – чистые экспортеры показаны синим.

Источник: ФАО. 2020. Положение дел на рынках сельскохозяйственной продукции.

и торговле и усилия Всемирной торговой организации (ВТО) после принятия Соглашения по сельскому хозяйству 1994 года позволили включить в меры по либерализации торговой политики снижение импортных тарифов и смягчение ряда нетарифных мер (таких как импортные квоты, лицензирование импорта и экспортные субсидии) (Staiger, 2012).

По законам экономики, либерализация может повлиять на ПБП несколькими путями, включая следующие: i) специализация производства и торговля способствуют повышению эффективности по сравнению с ситуацией самообеспечения, что приводит к росту доходов, который улучшает доступ к продовольствию; ii) торговля повышает разнообразие ассортимента продуктов питания за счет импорта; iii) торговля способствует снижению цен; и iv) торговля помогает диверсифицировать каналы поставок важнейших продуктов питания, способствуя стабильности ситуации с наличием продовольствия и снижая волатильность цен (хотя зависимость от глобальных рынков тоже может быть механизмом переноса волатильности) (ФАО, 2015а).

В целом имеющиеся данные указывают на то, что либерализация торговли сельскохозяйственной продукцией привела

к увеличению национального дохода как в СВД, так и в ЧНД (Anderson, Cockburn and Martin, 2011; Traill *et al.*, 2014). Имеющиеся данные также свидетельствуют о том, что за последние несколько десятилетий торговля помогла выровнять ситуацию с наличием основных продуктов питания (как полезных, так и вредных для здоровья) и доступностью питательных веществ в разных странах (Bell, Lividini and Masters, 2021). Сравнивая торговлю в нынешней глобальной продовольственной системе со сценариями отсутствия торговли, Вуд и соавторы (Wood *et al.*, 2018) тоже установили, что в отсутствие торговли в распределении питательных веществ между странами наблюдалось бы большее неравенство, причем в особенно неблагоприятном положении оказались бы при этом страны с низким уровнем дохода, и пришли к выводу, что "протекционистская торговая политика может... иметь серьезные негативные последствия для продовольственной безопасности" (Wood *et al.*, 2018, р. 34). Теперь, имея в виду все эти моменты, перейдем к рассмотрению тех видов неравенства, присущих глобальному торговому режиму, которые влекут за собой последствия для ПБП.

Неравенство в области торговли и его последствия для ПБП: неравенство в группах, которым торговля может быть выгодна

Несмотря на то, что либерализация торговли может способствовать улучшению ситуации в области ПБП в целом (на общенациональном уровне), внутри стран в результате этого процесса неизбежно появляются как выигравшие, так и проигравшие. Например, группы, которые могут воспользоваться новыми экспортными возможностями, оказываются в выигрыше, и их доходы повышаются, а те, кто занят в секторах, конкурирующих с импортом, могут оказаться в менее выгодном положении, поскольку столкнутся с конкуренцией со стороны импорта. В итоге вполне может оказаться, что эти выигравшие и проигравшие определяются по размеру предприятия или уровню благосостояния или по социальным признакам неблагополучия, таким как этническая принадлежность и принадлежность к коренному населению. Например, у крупных фермеров и городских потребителей может быть гораздо больше шансов воспользоваться возможностями, создаваемыми глобальными производственно-сбытовыми цепочками.

Мелкие же фермеры или рабочие, занятые в производстве продукции, которое внезапно сталкивается с всплеском конкуренции со стороны импорта, могут не располагать необходимыми ресурсами, чтобы этому противостоять. Такое обесценение источников средств к существованию может снизить доступ к продовольствию и поставить под угрозу продовольственную безопасность тех производителей продуктов питания, которые не выдержали конкуренции (Matthews, 2014). С другой стороны, потребителям и производителям, которые являются чистыми покупателями продовольствия, это может быть выгодно: когда импорт свободно поступает в страну, цены на продукты снижаются. В исследовании, увязывающем меры либеральной торговой политики с результатами в области продовольственной безопасности на уровне домохозяйств (измеряемыми респондентами самостоятельно с помощью ШВОПБ), Барлоу и соавторы пришли к выводу, что на глобальном уровне либеральная торговая политика не связана с повышением уровня продовольственной безопасности беднейших слоев населения (Barlow *et al.*, 2020).

Неравенство в области торговли и его последствия для ПБП: неравные уровни поддержки отечественных производителей

Одним из давно существующих видов неравенства, который ухудшает ситуацию в международной торговле сельскохозяйственной продукцией,

является уровень поддержки, которую страны с высоким уровнем дохода оказывают своим производителям в ущерб конкурентам из стран с низким уровнем дохода. Многие СВД всегда субсидировали своих производителей таким образом (например, посредством выплат, размер которых был привязан к объему производства или использованию вводимых ресурсов), что приводило к увеличению внутреннего производства.

В результате такой поддержки цены на мировом рынке снижаются, что потенциально может способствовать глобальной продовольственной безопасности. Но при этом более низкие цены могут негативно сказываться на средствах к существованию и продовольственной безопасности мелких фермеров из СНД, которые конкурируют в производстве субсидируемых товаров. У СНД может просто не хватить ресурсов для поддержки собственных производителей в таком же объеме, даже если они захотят ее оказать. В рамках созданной под эгидой и по правилам ВТО системы международной торговли удалось добиться существенного прогресса в плане снижения уровня поддержки производителей в СВД и продвижения принципа, согласно которому никакая поддержка по возможности не должна оказывать искажающего воздействия на торговлю (Matthews, 2014). Однако в последнее время этот прогресс застыл, а в странах с формирующейся рыночной экономикой, таких как Китай и Индия, уровень поддержки сельского хозяйства даже увеличивается (Smith and Glauber, 2019).

Другие важные виды неравенства, связанные с ПБП, которые становятся все более заметными в глобальной системе торговли продовольствием, включая влияние крупных транснациональных продовольственных корпораций и фирм, торгующих сырьевыми товарами, обсуждаются в ГЛАВЕ 4 как системные причины неравенства в области ПБП.

Торговая политика и право человека на достаточное питание

Критикуя глобальную торговую систему, Специальный докладчик ООН по вопросу о праве на питание (Fakhri, 2020) отметил, что она закрепляет давно сложившиеся проявления неравенства, выгодные государственным и корпоративным субъектам, у которых и так налажен доступ к ресурсам, кредитам и инфраструктуре, чего нельзя сказать об участниках, исторически находящихся в неблагоприятном положении. Эта критика касается концентрации корпоративной власти во всей продовольственной системе, чему способствуют глобальная торговая и финансовая системы, и содержит призыв к созданию системы, основанной на соблюдении принципов прав человека: достоинства, самодостаточности и солидарности.

3.3. НЕРАВЕНСТВО, СВЯЗАННОЕ С ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СРЕДОЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Продовольственная среда – это пространство, в котором происходит взаимодействие потребителя с продовольственной системой. ГЭВУ-ПБП устанавливает следующие важнейшие факторы улучшения продовольственной среды: наличие продовольствия, физический доступ к нему (близость), экономический доступ (доступность по цене), продвижение, реклама и информация, качество и безопасность пищевых продуктов (ГЭВУ, 2017, стр. 107). Эти компоненты продовольственной среды взаимодействуют с личной продовольственной средой людей (физическая доступность, экономическая доступность, удобство и желательность) (Turner *et al.*, 2018), которая, в свою очередь, определяет поведение потребителей. Поэтому важно как проанализировать те виды неравенства, которые присущи (внешней) продовольственной среде, так и отслеживать, как они сочетаются с другими проявлениями неравенства (личная продовольственная среда), приводя к неравенству результатов в области ПБП. Устранение этих видов неравенства повысит субъектность потребителей и создаст возможности для улучшения результатов в области ПБП для всех.

3.3.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

От экономической доступности продовольствия во многом зависит ПБП, а ее отсутствие – один из главных факторов неравенства результатов в области ПБП. Глобальные долгосрочные тенденции указывают на то, что цены на фрукты и овощи со временем существенно выросли, а относительные цены на пищевые продукты, прошедшие технологическую обработку, упали (Wiggins and Keats, 2015). Систематический обзор 27 тематических исследований, проведенных в десяти странах, показал, что более здоровый рацион обойдется на 1,48 доллара в день дороже, чем аналогичный состав менее полезных продуктов (Rao *et al.*, 2013). Из-за такой разницы в стоимости воздействие неравенства доходов на результаты в области ПБП становится еще острее.

В реальном выражении более здоровое питание в СВД, как правило, доступнее, чем в СНД, при этом в СНД доля расходов домохозяйств на продукты питания выше, чем в СВД (ВРЕЗКА 5). В 2020 году

здоровый рацион не могли себе позволить 42,0 процента мирового населения, но в разных регионах эти показатели сильно разнились: в СНД это было 88,3 процента жителей, а в СВД – всего 1,4 процента (ФАО и др., 2022). Недавно это было подтверждено путем моделирования затрат на эталонный рацион EAT-Lancet в странах с различными уровнями дохода (Hirvonen *et al.*, 2020).

Неравенство в области цен на продукты питания существует и внутри стран, что приводит к усилению неравенства в доступе к здоровому питанию (Herforth *et al.*, 2020). Во всем мире цены на продукты питания в сельской местности, как правило, выше, чем в городах, но нередко имеют место и значительные различия в ценах на продовольствие внутри городов. Эти различия связаны с логистикой продовольственной цепи: по мере перемещения пищевых продуктов с центральных рынков (часто расположенных в городских центрах) на более отдаленные рынки и в домашние хозяйства возрастают как сама стоимость продуктов питания, так и ее изменчивость (Zimmer, 2022). Это особенно заметно в отдаленных, географически изолированных районах, часто населенных маргинализированными коренными народами и сельскими общинами, как, например, на севере Канады (Veeraraghavan *et al.*, 2016). Однако в районах чистого экспорта продовольствия доступ к более дешевым товарам местного производства у сельских жителей может быть лучше, чем у горожан. Несмотря на то, что в сельской местности цены на продовольствие часто выше городских, необходимо отметить, что эти относительно более высокие цены могут не приводить к существенным различиям в плане экономической доступности продовольствия, поскольку в городских районах из-за более высокой арендной платы и транспортных расходов стоимость жизни выше, чем на селе. Субнациональный мониторинг продовольственных цен является важным инструментом, с помощью которого можно выявлять узкие места, ограничивающие доступность продовольствия на определенных территориях и потому угрожающие круглогодичной продовольственной безопасности.

Стоимость доступа к здоровому питанию определяется неравенством более общего характера, существующим в продовольственной среде (раздел 3.5.2) и за ее пределами. У малоимущих домохозяйств с нестабильными доходами, как правило, нет личного транспорта и возможности организовать хранение. Поэтому они обычно покупают изделия в упаковках меньшего размера, которые, как правило, обходятся дороже в натуральном выражении. Кроме того, домохозяйства, живущие в плохих санитарных условиях и не имеющие надежного доступа к воде и стабильному энергоснабжению для приготовления пищи, могут в большей степени зависеть от переработанных пищевых продуктов, с потреблением которых сопряжено меньше рисков в плане безопасности, а также

ВРЕЗКА 5:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ: ПРИМЕР ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Многим домохозяйствам здоровое питание не по карману. Бюро продовольственной и сельскохозяйственной политики ежеквартально подсчитывает стоимость "экономичной корзины здорового питания". Расчет основывается на затратах на "сбалансированное сочетание 26 продуктов питания из всех групп пищевых продуктов" (BFAP, 2022, р. 1) при допущении, что домохозяйство состоит из четырех человек: двух взрослых, ребенка старшего возраста и ребенка младшего возраста, при этом оба взрослых работают на полный день и получают минимальную заработную плату, а также государственные выплаты на содержание детей, а дети пользуются программами школьного питания. Согласно последним расчетам (за июнь 2022 года), стоимость продовольственной корзины составила 3 621 южноафриканский ранд (эквивалент примерно 223 долл. США), что соответствует 31,1 процента от общего дохода домохозяйства. Каждый месяц Питермарицбургский проект "Экономическая справедливость и достоинство" рассчитывает стоимость типичной продовольственной корзины домохозяйства на основе данных о розничных ценах на продукты питания, полученных от нескольких предприятий розничной торговли. В эту корзину входят те продукты и в тех объемах, которые женщины, чьи семьи состоят из семи человек (это средний размер домохозяйства с низкими доходами), стараются покупать каждый месяц. Этот расчет дает совсем другие результаты. Последние данные (за август 2022 года) показывают, что стоимость такого рациона для семьи из семи человек составляет 4 775,59 южноафриканского ранда (примерно 263 долл. США), но стоимость самой дешевой продуктовой корзины, отвечающей минимальным потребностям семьи в питании, составила бы 5 617,31 ранда (приблизительно 331 долл. США). В настоящее время 55,5 процента населения ЮАР живут за верхней границей черты бедности, которая составляет 1 335 рандов (примерно 78,72 долл. США) в месяц, а 25,2 процента живут за чертой продовольственной бедности, которая составляет 624 ранда в месяц (примерно 36,79 долл. США).

Источник: PMBEJD. 2022. *Household Affordability Index: Johannesburg, Durban, Cape Town, Springbok, Pietermaritzburg. South Africa*, Pietermaritzburg Economic Justice & Dignity Group [PMBEJD].

от покупок готовой еды (Battersby, 2019). В таких домохозяйствах недоступность здорового питания усугубляется затратами на инфраструктуру. Эти условия многомерной нищеты не только позволяют мелким неформальным участникам рынка оказывать серьезное влияние на формирование продовольственной среды бедняков, но и предоставляют мировым продовольственным гигантам еще одну возможность для завоевания позиций на этих рынках за счет сбыта продуктов глубокой переработки в небольших порционных упаковках, что имеет негативные последствия для здоровья людей и устойчивости продовольственной системы / экологической устойчивости.

3.3.2 ФИЗИЧЕСКИЙ ДОСТУП К ПРОДОВОЛЬСТВУ

Неравенство физического доступа к недорогим и питательным продуктам является важным фактором, ведущим к неравенству результатов в области ПБП, поэтому с середины 1990-х годов в исследованиях и в политике большое внимание уделяется проблеме "продовольственных пустынь". Продовольственные пустыни обычно определяются как районы и общины с ограниченным доступом к недорогим и питательным пищевым продуктам (ver Ploeg *et al.*, 2009). Это неравенство в сфере розничной торговли продуктами питания пересекается с бедностью, обусловленной низкими доходами, расовой принадлежностью, ограниченной

мобильностью и другими маркерами структурного неравенства (Shannon, 2014; Spires *et al.*, 2020; Walker, Keane and Burke, 2010).

Усилия по выявлению и устранению продовольственных пустынь, как правило, связаны с проверкой наличия или отсутствия крупных продуктовых магазинов розничной торговли, то есть супермаркетов. Но супермаркеты – не единственный источник доступных по цене и питательных пищевых продуктов, и считается, что сочетание физического доступа с наличием или отсутствием супермаркетов потенциально подрывает долгосрочную систему ПБП для уязвимых групп населения, расширяя доступ к нездоровой пище и вытесняя другие каналы розничной торговли продуктами питания, которые обеспечивают свежие продукты местного производства (Battersby, 2019; Stern, Ng and Popkin, 2015; Wertheim-Heck, Raneri and Oosterveer, 2019). Это особенно важно в странах с более разнообразной сферой розничной торговли продуктами питания, в которой супермаркеты еще не стали основным источником продовольствия, вытеснив остальные, и где фермерские, крестьянские и рыбацкие рынки до сих пор остаются главными источниками полезных и разнообразных продуктов.

На большей части территории Африки, Азии и Южной Америки для большинства населения, особенно для жителей с низким уровнем дохода, физический доступ к продовольствию обеспечивается в основном неформальными торговцами и традиционными рынками. Эти рынки обеспечивают необходимый

экономический, физический и социальный доступ к продовольствию, там можно купить продукты в меньших объемах и воспользоваться неофициальными механизмами кредитования, они почти всегда открыты, и там продаются продукты, отвечающие культурным особенностям местного населения (Wegerif, 2020). Было показано, что физический доступ к полезным продуктам питания, которые можно купить у неофициальных продавцов и на рынках, способствует увеличению объема закупок этих продуктов. Например, было обнаружено, что в Объединенной Республике Танзания те, кто живет ближе к неофициальным продавцам овощей, покупают овощи чаще (Ambikapathi *et al.*, 2021). Роль мелких и неофициальных розничных торговцев в обеспечении доступа к недорогим и питательным продуктам, особенно для жителей с низким уровнем дохода, недооценена. В последнее время получает развитие идея “продовольственных болот”, которые определяются как районы с высокой плотностью заведений, продающих вместо более здорового питания высококалорийный фаст-фуд и нездоровую пищу (Cooksey-Stowers, Schwartz and Brownell, 2017). Исследования, проведенные в Северной Америке, показали связь как продовольственных болот, так и продовольственных пустынь с расовыми, этническими и социально-экономическими различиями в показателях ожирения (Cooksey-Stowers *et al.*, 2020). Однако исследователи подвергают критике обе концепции – и продовольственной пустыни, и продовольственного болота, – утверждая, что необходимо уделять больше внимания анализу особенностей жизненного опыта людей, поскольку физический доступ к недорогой здоровой пище необязательно оказывает влияние на неравенство в области питания (Allcott *et al.*, 2019).

В последнее время, особенно после пандемии COVID-19, наблюдается массовый рост онлайн-покупок продуктов питания и услуг доставки продуктов. Это может улучшить физический доступ к продовольствию для некоторых ранее маргинализированных групп, таких как пожилые люди, люди с инвалидностью и люди, не имеющие доступа к личному транспорту. Вместе с тем существуют опасения, что менее состоятельные покупатели не смогут позволить себе минимальные расходы на покупку продуктов, не смогут оплатить расходы на доставку или воспользоваться преимуществами экономии средств, связанной с оптовыми закупками (Cummins *et al.*, 2021). Кроме того, предприятия розничной торговли, предлагающие онлайн-покупки и доставку продуктов, могут не обслуживать жителей менее обеспеченных или отдаленных районов. В Южно-Африканской Республике крупные предприятия розничной торговли не осуществляют доставку

в поселки городского типа из соображений безопасности (Odendaal, 2023).

Физический доступ к продовольствию в продовольственной среде необходимо рассматривать через призму интерсекциональности, поскольку изменение ситуации с физическим доступом к различным видам пунктов розничной продажи продуктов питания по-разному сказывается на положении разных групп населения. На основании тех же панельных данных по городским домохозяйствам в Кении в работе (Debela *et al.*, 2020; Demmler, Ecker and Qaim, 2018) было установлено, что на результаты в области ПБП разных членов домохозяйства появление супермаркетов влияет по-разному: у детей результаты в области питания улучшаются, а вот у взрослых растут показатели избыточного веса.

3.3.3. РЕКЛАМА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И КОММЕРЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ

Результаты в области ПБП формируются под влиянием ряда коммерческих факторов, действующих в продовольственной среде, включая состав пищевых продуктов, их упаковку, дизайн, маркетинг и рекламу.

В отношении маркетинга и рекламы было отмечено, что предметом последней чаще является не питательная пища, а продукты из категории неполноценного питания. Так, исследование телевизионной рекламы в 11 странах показало, что менее полезные для здоровья продукты в рекламе фигурировали чаще полезных, и что во время показа детских передач доля такой рекламы увеличивалась (Kelly *et al.*, 2010). Похожие результаты были получены и в исследовании рекламы продуктов питания в журналах Южно-Африканской Республики: предметом почти 60 процентов такой рекламы были продукты, вредные для здоровья (Abrahams *et al.*, 2017). Кроме того, размещение рекламы вредных продуктов осуществляется неравномерно, и она ориентирована на определенные демографические группы. Например, дети из числа меньшинств и неблагополучных в социально-экономическом отношении семей существенно чаще подвергаются воздействию рекламы вредных продуктов питания (Backholer *et al.*, 2021). Кроме того, бренды компаний, производящих вредные продукты, укрепляют свои позиции за счет спонсорства спортивных соревнований, школ, стипендий и других мероприятий, проводимых в рамках концепции корпоративной социальной ответственности (Beder, Varney and Gosden, 2009; Bragg *et al.*, 2018; Harris *et al.*, 2019a). Эти маркетинговые стратегии оказывают наиболее

сильное воздействие на население с низким уровнем дохода и этнические меньшинства на Глобальном Севере и становятся все более популярны на Глобальном Юге (Harris, 2020; Scrinis, 2016). Одним из вопросов, вызывающих особую озабоченность, является маркетинг детских молочных смесей, нарушающий Международный свод правил по сбыту заменителей грудного молока (The Lancet, 2023; ЮНИСЕФ и ВОЗ, 2022). Скидки и рекламные акции на продукты питания играют важную роль в стратегиях продовольственной безопасности домохозяйств с низкими доходами. Поэтому такие домохозяйства особенно уязвимы к воздействию рекламы, пропаганды и сбыта не полезных для здоровья продуктов.

3.3.4. БЕЗОПАСНОСТЬ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ

Недоброкачественные пищевые продукты оказывают серьезное влияние на результаты в области ПБП. Положительные результаты в области питания могут быть подорваны из-за болезней пищевого происхождения, т. е. нарушение безопасности пищевых продуктов препятствует использованию продовольствия. Оценки ВОЗ глобального бремени болезней пищевого происхождения за 2015 год выявили 31 вредный фактор пищевого происхождения, который в 2010 году вызвал 600 тыс. случаев заболевания и 420 тыс. случаев гибели людей (Havelaar *et al.*, 2015).

Бремя болезней пищевого происхождения распределено в мире крайне неравномерно: большая его часть приходится на СНСД, особенно в Африке (Pires *et al.*, 2021). Внутри стран болезни пищевого происхождения в основном поражают конкретные группы населения: молодых, пожилых, страдающих от недостаточности питания, беременных и лиц с ослабленным иммунитетом (Grace, 2015). ВОЗ установила, что 40 процентов бремени болезней пищевого происхождения приходится на детей в возрасте до пяти лет (Havelaar *et al.*, 2015).

Болезни пищевого происхождения увековечивают неизбывный круг нищеты, вызывая кратковременные и хронические недомогания, которые подрывают здоровье и средства к существованию. Дети, страдающие от неполноценного питания, подвергаются более высокому риску серьезных болезней пищевого происхождения, которые, в свою очередь, усугубляют проблемы неполноценного питания и ограничивают рост и развитие (ВОЗ, 2015). Несоблюдение требований безопасности пищевых продуктов гораздо сильнее сказывается на положении малоимущих и уязвимых групп населения: это связано как с их более высокой

подверженностью риску потребления небезопасных продуктов питания и некачественной воды (см. раздел 3.6 ниже), так и с их уязвимостью в плане здоровья, которая увеличивает риски и ухудшает и без того неблагоприятные результаты в области ПБП. Кроме того, проблемы с безопасностью пищевых продуктов усугубляются изменением климата, что усиливает это несоразмерное воздействие на положение малоимущих и уязвимых групп (Duchenne-Moutien and Neetoo, 2021).

Существуют также опасения по поводу долгосрочных проблем с безопасностью пищевых продуктов, возникающих в результате загрязнения почв и вод, а также воздействия пестицидов, гормонов и пищевых консервантов, накапливающихся в организме в течение длительного времени. Риск, связанный с этими опасными факторами, распределен неравномерно как географически, так и экономически (Alita, 2022; Elvar and Tuncak, 2017). Еще одной новой проблемой для безопасности пищевых продуктов является их фальсификация. В Китае это было связано с быстрой урбанизацией, индустриализацией и стремительными преобразованиями продовольственной системы (Zhang and Xue, 2016). Эти тенденции наблюдаются во многих странах с низким уровнем дохода и обусловлены также неэффективностью управления и систем надзора, экономическими проблемами и превышением спроса над предложением (Gwenzi *et al.*, 2023). Из-за быстрых демографических изменений и изменений в продовольственной системе в сочетании с низким потенциалом в области регулирования в странах с низким уровнем дохода риски фальсификации пищевых продуктов там наиболее высоки.

Еще один аспект безопасности пищевых продуктов связан с загрязнением пищевых продуктов микотоксинами, которое практически повсеместно распространено в тропических регионах с жарким и влажным климатом. Микотоксины – это природные токсины, образующиеся во многих пищевых продуктах в результате роста грибковых спор. Некачественные семена, неэффективные методы ведения сельского хозяйства, недостаточная сушка урожая и неудовлетворительная организация хранения урожая на местах (что является гораздо более серьезной проблемой для менее обеспеченных домохозяйств, домохозяйств из более отдаленных районов и других маргинализированных домохозяйств) – все это способствует росту микотоксинов.

В таких странах, как Непал и Уганда, у беременных женщин, которые употребляют продукты, загрязненные микотоксинами, исходы беременности менее благоприятные, что приводит к отставанию младенцев и детей младшего возраста в росте и развитии (Andrews-Trevino *et al.*, 2019; Lamichhane *et al.*, 2022; Lauer *et al.*, 2019).

3.4. НЕРАВЕНСТВО В ДРУГИХ СИСТЕМАХ, ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К ПБП

В целом, результаты в области ПБП формируются под влиянием факторов, находящихся вне продовольственной системы. Несмотря на то, что традиционно эти вопросы не были приоритетом политики в области продовольственной безопасности, сейчас растет интерес к более трансверсальным (или межотраслевым) подходам к управлению политикой и планированием в области ПБП (Battersby, 2022; Cohen and Ilieva, 2021; IPES-Food, 2017). Понимание этих факторов общего характера, определяющих ситуацию с ПБП, не только позволяет повысить эффективность существующих мер политики и программ, но и создает новые возможности для улучшения результатов в области ПБП в рамках достижения более масштабных целей в области развития.

3.4.1. СИСТЕМЫ И УСЛУГИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Доступ к медицинскому обслуживанию имеет основополагающее значение, особенно для результатов в области питания. В разработанной в 1990 году Стратегии улучшения питания детей и женщин в развивающихся странах ЮНИСЕФ назвал доступ к медицинскому обслуживанию одним из важнейших факторов (ЮНИСЕФ, 1990); отсутствие же постоянного доступа к качественному медицинскому обслуживанию неизменно ассоциировано с неполноценным питанием (ЮНИСЕФ, 1990). Роль услуг здравоохранения как элемента совокупности сопутствующих услуг, необходимых для обеспечения полноценного питания, была усилена в разработанной ЮНИСЕФ в 2021 году Концептуальной модели питания матери и ребенка (ЮНИСЕФ, 2021). Давно известно, что проблемы со справедливым доступом к медицинскому обслуживанию, в том числе в СВД, существуют (Mooney, 1983), и что этот доступ ограничен финансовыми, организационными, социальными и культурными барьерами (Gulliford *et al.*, 2002). Кроме того, в разных странах доступ к медицинскому обслуживанию неодинаков: несмотря на то, что в большинстве стран в период с 1990 по 2015 год глобальный индекс доступности и качества здравоохранения улучшился, разрыв между странами с наилучшими и наихудшими показателями за это время увеличился до 66 пунктов по шкале от 1 до 100 (с 28,6 до 94,6) (GBD 2015 Healthcare Access and Quality Collaborators, 2017). Неравенство имеет место и внутри регионов. Например, в странах Африки к югу от Сахары

уровень доступа к услугам здравоохранения может быть как выше, так и ниже ожидаемого (GBD 2015 Healthcare Access and Quality Collaborators, 2017).

Неравенство в доступе к медицинскому обслуживанию в зависимости от уровня благосостояния наблюдается, например, в странах – членах ОЭСР (ОЭСР, 2019), а в Соединенных Штатах Америки исследования показывают, что менее обеспеченные домохозяйства и отдельные лица (особенно из испаноязычных и афроамериканских общин) реже имеют возможность позволить себе купить страховку и, соответственно, получить доступ к медицинскому обслуживанию (Dickman, Himmelstein and Woolhandler, 2017). Аналогичная ситуация наблюдается и в 18 странах Африки к югу от Сахары: там использование медицинских услуг широко варьируется в зависимости от уровня благосостояния (особенно в более бедных странах), образования, занятости и урбанизации (Bonfrer *et al.*, 2014), а более выраженная дискриминация по гендерному признаку на уровне домохозяйств и общин ограничивает возможность использования услуг по охране материнства (Adjiwanou and LeGrand, 2014).

3.4.2. ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ, ВОДА, САНИТАРИЯ, ЭНЕРГЕТИКА И ИНФРАСТРУКТУРА

Факторами, определяющими результаты в области ПБП, были также названы доступ к основной инфраструктуре и ее использование. Важность бесперебойного доступа к воде и санитарии (ВСГ) для обеспечения ПБП с 1990 года является элементом концептуальных разработок ЮНИСЕФ по вопросам неполноценного питания и предметом масштабных исследований и политического внимания (например, (Pickering *et al.*, 2019; ВОЗ, ЮНИСЕФ и ЮСАИД, 2015)). Ограниченный доступ к ВСГ наблюдается преимущественно в общинах с более низким уровнем дохода в странах с уровнем дохода ниже среднего, что усугубляет и без того существующее там неравенство результатов в области ПБП. В этих группах населения негативное воздействие плохого водоснабжения и неудовлетворительных санитарных условий на результаты в области ПБП в наибольшей степени испытывают младенцы и дети младшего возраста, лица с заболеваниями и пожилые люди.

Влияние отсутствия надлежащей инфраструктуры на результаты в области ПБП в основном рассматривалось применительно к ВСГ, но есть и другие важные инфраструктурные факторы, которые создают неравенство в области ПБП. Плохие жилищные условия (Jonah and May, 2020), отсутствие доступа к недорогому и надежному энергоснабжению (Bednar and Reames, 2020; Masters *et al.*, 2021) и нехватка времени, которое тратится на передвижения городским транспортом

и приготовление пищи, – все это формирует подходы к организации питания и результаты в области ПБП (Masters *et al.* 2023), и особенно страдают от ограниченного доступа к основной инфраструктуре, необходимой для поддержки ПБП, домохозяйства с низкими доходами (Kulinkina *et al.*, 2016).

За последние три года рост стоимости энергоносителей усугубил неравенство в области ПБП во многих регионах мира. Малоимущие домохозяйства в Европе и Соединенном Королевстве сталкиваются с дилеммой “согреться или поесть”, что приводит к снижению качества рациона (Bardazzi, Bortolotti and Paziienza, 2021; Burlinson, Davillas and Law, 2022). В Кении и Шри-Ланке повышение цен на энергоносители привело к изменениям технологий приготовления пищи и усилению проблемы отсутствия продовольственной безопасности (Perera, 2022; Shupler *et al.*, 2021). Всемирная продовольственная программа называет доступ к безопасным, устойчивым и доступным видам топлива и технологиям приготовления пищи важнейшим аспектом продовольственной безопасности и предлагает способы расширения всеобщего доступа к источникам энергии (Bisaga *et al.*, 2022).

С инфраструктурными проблемами, с которыми сталкиваются домохозяйства с низкими доходами, сталкиваются и розничные торговцы продуктами питания, работающие на этих территориях. Ограниченный доступ к воде, санитарии, надежным источникам энергии и транспортной инфраструктуре определяет методы работы с продовольствием на этих предприятиях, которые зачастую являются основным источником пищевых продуктов для малоимущих жителей этих регионов. Эти проблемы с инфраструктурой оказывают влияние на методы хранения продовольствия (во избежание порчи продуктов торговцам приходится часто делать закупки небольшими партиями, что приводит к увеличению затрат на единицу продукции, повышению рисков для безопасности пищевых продуктов и ограничению ассортимента продаваемых продуктов, поскольку в этом случае, чтобы избежать порчи, продавцы могут продавать больше переработанных продуктов) (Ahmed *et al.*, 2019; Fuseini, Battersby and Jain, 2018). Таким образом, отдельные лица и домохозяйства, живущие в условиях неразвитой инфраструктуры, в плане ПБП проигрывают дважды. В последнее время все больше внимание уделяется проблеме равноправного доступа к инфраструктуре (Gilbert, Eakin and McPhearson, 2022) и роли инфраструктуры в обеспечении охраны здоровья и благополучия людей (Ramaswami, 2020). Несправедливость в вопросах инфраструктурного и территориального планирования ухудшает ситуацию с ПБП и оказывает влияние на характеристики продовольственной среды, подрывая возможности доступа к здоровому питанию для наиболее уязвимых слоев населения.

3.4.3. ОБРАЗОВАНИЕ

Равенство в сфере образования имеет два измерения: одно из них касается отсутствия дискриминации (гендерная принадлежность, уровень дохода и другие факторы не должны быть препятствием для реализации возможностей образования), а другое – инклюзивности (минимальный базовый стандарт образования должен быть доступен для всех) (ОЭСР, 2008). Считается, что уровень образования, особенно у женщин, связан с результатами в области питания: предполагается, что он обуславливает общую способность к пониманию информации о питании и здравоохранении и открывает доступ к квалифицированной работе и средствам к существованию (Harding *et al.*, 2018). Во многих случаях показатели недостаточности питания у детей разнятся в зависимости от уровня образования их матерей: например, среди детей, чьи матери не имеют даже начального образования, минимальное разнообразие рациона питания обеспечивается у 24,4 процента детей, а среди тех, чьи матери имеют среднее или высшее образование, разнообразие рациона обеспечивается у 35,2 процента детей (Development Initiatives, 2020).

Уровень неравенства в доступе к образованию очень высок. По сведениям из Всемирной базы данных по неравенству в области образования, в период с 2014 по 2019 год во всех СВД доля населения, имеющего начальное образование, составляла более 96 процентов (в основном 100 процентов), тогда как среди СНД такой показатель был достигнут только у одной страны (Таджикистана), а у большинства он составлял около 50 процентов. Самый высокий показатель гендерного неравенства в области начального образования был в Афганистане: там начальное образование было у 67 процентов мальчиков и у 40 процентов девочек. Во многих странах также имеют место серьезные различия в уровне образования между сельскими и городскими жителями. Например, в Многонациональном Государстве Боливия среднюю школу закончили 84 процента городских подростков и всего 50 процентов сельских. Доступ к школьному образованию зависит и от этнической принадлежности. Так, в Бразилии 25 процентов детей из числа коренного населения никогда не ходили в школу, а среди белого населения этот показатель составляет 16 процентов.

Различные виды неравенства в этих других системах накладываются друг на друга, усугубляя влияние неравенства в продовольственной системе на результаты в области ПБП. Таким образом, для сокращения неравенства результатов в области ПБП необходимы действия как внутри продовольственной системы, так и за ее пределами.

Глава 4

СИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ И КОРЕННЫЕ ПРИЧИНЫ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- Колоссальное неравенство результатов в области ПБП необходимо рассматривать не только как следствие неравенства возможностей в продовольственных и других связанных с ними системах, но и как результат более глубоких системных причин.
- Многие факторы, оказывающие влияние на продовольственные системы, имеют под собой другие, которые присущи уже самим продовольственным системам. Например, изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды наносят вред работникам продовольственных систем и представляют угрозу для ПБП, особенно там, где люди и территории наиболее уязвимы к изменениям. При этом функционирование самих продовольственных систем тоже является серьезным фактором, провоцирующим изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды. Устранение этой пагубной обратной связи может способствовать существенному сокращению неравенства результатов в области ПБП.
- Продовольственные системы коренным образом изменились под действием экономических и рыночных факторов, которые сформировали модели глобальной торговли и привели к консолидации полномочий по принятию решений и ответственности за них. Все это во многих смыслах изменило модели питания и ограничило субъектность большинства работников продовольственной системы. Несмотря на определенные преимущества западной модели питания, последствия перехода на нее вызывают опасения, поскольку она способствует ожирению, а это ухудшает результаты в области ПБП: поначалу это затрагивает лишь самые обеспеченные слои общества, но постепенно превращается в проблему и для наиболее маргинализированных, неблагополучных в социально-экономическом отношении групп.
- Меры политики, связанные с различными аспектами и участниками продовольственных систем, по-прежнему разрознены и редко ориентированы на удовлетворение потребностей наиболее маргинализированных групп. Это во многих случаях усугубляет давление и создает факторы уязвимости.
- Главными причинами острого и хронического голода являются насилие и конфликты, которые лишают людей субъектности и усугубляют неблагоприятные результаты в области ПБП для наиболее уязвимых слоев населения. Но как именно и где конфликты повлияют на результаты в области ПБП, обычно определяется геополитическими интересами. Подтверждение права человека на достаточное питание во всех геополитических конфликтах может способствовать сокращению неравенства результатов в области ПБП.
- Со всеми категориями причин тесно переплетаются социокультурные факторы, породившие историческую несправедливость, которая будет сохраняться до тех пор, пока ее явным образом не устраним. В политике и практике необходимо учитывать соображения справедливости. Неправедливость может быть обусловлена и усугублена как уже существующими, так и новыми барьерами.

Колоссальное неравенство результатов в области ПБП является следствием серьезного неравенства возможностей в продовольственных и других системах. Эти системные, т. е. непосредственные причины неравенства, в свою очередь, являются результатом более глубоких структурных (дистальных) факторов (РИСУНКИ 1 и 2), которые проявляются с течением времени и подрывают ПБП. В ГЛАВЕ 4 рассматриваются те непосредственные причины неравенства, которые были определены в ГЛАВЕ 3, а затем, на их основе, проводится более общий обзор социальных и исторических аспектов и анализ опосредованных причин, лежащих в основе неравенства, а также характер и причины их появления и влияния на ПБП. В контексте ранее проведенных ГЭВУ оценок продовольственных систем эти более общие факторы рассматриваются вне продовольственных систем и включают:

- 1) **биофизические и экологические факторы;**
- 2) **технологии, инновации и инфраструктуру;**

- 3) **экономические и рыночные факторы;**
- 4) **политические и институциональные факторы;**
- 5) **социокультурные факторы;**
- и 6) **демографические факторы** (РИСУНОК 1) (ГЭВУ, 2020). Важно понимать, что эти опосредованные причины неравенства в области ПБП накладываются друг на друга и пересекаются друг с другом. Например, социокультурные факторы формируются под влиянием политических и институциональных условий (Harris and Nisbett, 2021). Кроме того, между различными причинами существуют сложные и пересекающиеся друг с другом взаимодействия: например, взаимодействие между социокультурными факторами и технологическими инновациями или изменением климата может вызывать разные последствия и виды уязвимости, которые усугубляют маргинализацию и неравенство (O'Brien and Leichenko, 2000; Spielman *et al.*, 2021; Swer, 2019).

4.1. БИОФИЗИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Функционирование продовольственных систем, особенно промышленных, относится к числу главных причин сокращения биоразнообразия, загрязнения окружающей среды, изменения климата и инфекционных болезней (МГЭИК, 2022; Rivera-Ferre *et al.*, 2021). Эти экологические и биофизические последствия деятельности наших нынешних продовольственных систем, в сочетании с результатами деятельности общества вообще (в частности, с глобальными выбросами), распределяются неравномерно и непосредственно касаются людей и территорий, и без того уязвимых в плане результатов в области ПБП, что еще больше усугубляет существующее неравенство.

4.1.1. УТРАТА БИОРАЗНООБРАЗИЯ, ИСТОЩЕНИЕ ПОЧВ И ВОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Функционирование промышленных систем производства продовольствия сопряжено с огромными экологическими издержками, нарушает право на чистую окружающую среду (A/76/179) и пагубно сказывается на взаимоотношениях природы и человека (Fakhri, 2023; Kimmerer, 2013). Сельскохозяйственная деятельность является одной из главных причин обезлесения; по объему выбросов парниковых газов сельское хозяйство занимает третье место среди всех секторов (Crippa *et al.*, 2021; МГЭИК, 2022; Pendrill *et al.*, 2022). Обезлесение и изменение землепользования, снижая доступность воды из атмосферных осадков, приводят к истощению водных ресурсов, что подрывает продовольственную безопасность. Взаимосвязь между обезлесением и дефицитом воды еще больше усугубляет ситуацию с продовольственной безопасностью. Например, в Амазонии 4 процента засух обусловлено вырубкой лесов, а с каждым потерянным миллиметром осадков площадь обезлесения увеличивается на 0,13 процента (Staal *et al.*, 2020). Истощение водных ресурсов является серьезной угрозой для продовольственной безопасности, поскольку все сельское хозяйство зависит от наличия как природной "зеленой" (дождевой воды в почвах), так и "голубой" воды (воды, содержащейся в поверхностных и подземных резервуарах), которые доступны через общественные механизмы, в том числе через ирригационные системы (Falkenmark, 2013), и сельское хозяйство потребляет 70 процентов пресной воды (Pimentel and Pimentel, 2008). Однако доступность "зеленой"

воды варьируется географически, при этом наибольший дефицит воды наблюдается на самых густонаселенных территориях (Kumu & Varis, 2011), а способность обеспечить доступность "голубой" воды зависит от экономического потенциала региона и возможностей управления. В настоящее время из-за нехватки "зеленой" воды и дефицита капитала и технологий для обеспечения доступности "голубой" воды с отсутствием продовольственной безопасности сталкиваются 3 млрд человек (Falkenmark, 2013; FAO, 2022b; Rockström *et al.*, 2023; Vallino, Ridolfi and Laio, 2020). Некоторые проблемы, связанные с дефицитом воды, могут быть смягчены путем использования сточных вод: по оценкам, с их помощью орошается 10 процентов сельскохозяйственных угодий (Jaramillo and Restrepo, 2017; Winpenny *et al.*, 2010). Но здесь очень многое зависит от страны, в частности от того, производится ли там очистка сточных вод. Нерегулируемое использование неочищенных сточных вод, которые создают проблемы безопасности из-за воздействия токсинов на здоровье человека, в основном имеет место в более густонаселенных странах и в странах с формирующейся рыночной экономикой (таких как Китай, Индия и Пакистан) (Jaramillo and Restrepo, 2017), где численность населения, неблагополучного в плане продовольственной безопасности, наиболее высока (Wesselbaum *et al.*, 2023), что еще больше усугубляет разрыв между территориями, где обеспечена и не обеспечена продовольственная безопасность.

Регулирование водоснабжения обычно производится в пределах национальных границ, но водопользование в одном регионе оказывает влияние на доступность воды в других, и в плане водообеспеченности каждая страна в мире как минимум на 50 процентов зависит от других стран (Rockström *et al.*, 2023). Основные регионы – производители продовольствия в Азии, Африке и Южной Америке зависят от поставок пресной воды из соседних стран (Rockström *et al.*, 2023). Например, Бразилия экспортирует 25 процентов своей воды в страны, расположенные ниже по течению. Соответственно, вырубка лесов в бразильской Амазонии влияет на водообеспеченность и усугубляет проблему отсутствия продовольственной безопасности в странах, расположенных ниже по течению (Wunderling *et al.*, 2022).

Неравенство доступа к воде проявляется и внутри стран. Например, во всем мире доступ коренных народов к воде был ограничен господствующими институтами и системами управления водными ресурсами, что нарушило духовные и культурные связи этих народов с землей и возможность получить доступ к продовольствию и обеспечить свою продовольственную безопасность (Jackson, 2018). В наиболее продуктивном сельскохозяйственном регионе Австралии,

бассейне Муррей-Дарлинг (БМД), исторически сложившаяся социальная изоляция коренного населения и его исключение из процессов принятия решений и владения землей и водой привели к тому, что общины аборигенов утратили собственные средства производства продовольствия (включая прибрежное рыболовство) и связь с землей, поскольку доступ к воде и права на нее учитывают интересы исключительно представителей интенсивного сельского хозяйства. В настоящее время к коренному населению относится 9,3 процента жителей БМД, но им принадлежит всего 0,5 процента сельскохозяйственных предприятий региона, при этом они составляют большую часть его сельскохозяйственной рабочей силы (Hartwig *et al.*, 2022). Эти тенденции усугубляются тем, что коренные народы Австралии и без того более уязвимы к неблагоприятным результатам в области ПБП: у них гораздо выше показатели отсутствия продовольственной безопасности и ниже ожидаемая продолжительность жизни (Davy, 2016).

Помимо утраты биоразнообразия и потерь воды растущую озабоченность вызывает качество почв (ФАО, 2015b). Качество почв может меняться естественным образом, ухудшаясь или улучшаясь в зависимости от социокультурных норм, с которыми связаны методы производства, системы управления и интенсивность использования. В качестве иллюстрации этого тезиса можно отметить, что деградированные почвы обычно находятся на полях бедных фермеров и особенно распространены в странах Африки к югу от Сахары, где люди и так более уязвимы к отсутствию продовольственной безопасности (Tittonell and Giller, 2013; Zhang *et al.*, 2021). В агроэкосистемах можно улучшать качество и продуктивность почв за счет использования навоза домашнего скота для внесения в почву органических веществ, питательных веществ и воды (Bai and Cotrufo, 2022; Beal *et al.*, 2023). В свою очередь, исторические и современные процессы огораживания и защиты территорий, например связанные с устройством частных заповедников в Восточной Африке, на территорию которых не допускаются люди и домашний скот, могут улучшать качество почв в таких заповедниках (Bai and Cotrufo, 2022). Однако за пределами заповедников, где большинство людей живет на общинных землях, это приводит к ограничению мобильности и концентрации пастбищ, что подрывает обычные нормы и системы управления и ухудшает качество почв и ситуацию с продовольственной безопасностью (Moritz *et al.*, 2013).

4.1.2. ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА

Функционирование глобальных продовольственных систем считается одной из главных причин изменения климата, поэтому в этой сфере нужно действовать без промедления (МГЭИК, 2019). При этом изменение климата снижает продуктивность водных ресурсов, почв, работников продовольственных систем и самих продовольственных систем (Fiorella *et al.*, 2021). Кроме того, темпы изменения климата быстро растут (Lam *et al.*, 2020), и в XXI веке эта тенденция, по-видимому, сохранится (Cheung, Reygondeau and Frölicher, 2016; Lotze *et al.*, 2019). Ученые-климатологи выражают обеспокоенность в связи с превышением пороговых значений важнейших параметров, влияющих на изменение климата (Armstrong McKay *et al.*, 2022; Lenton *et al.*, 2019; Wunderling *et al.*, 2021). Последствия изменения климата распределяются неравномерно (Bindoff *et al.*, 2019; Free *et al.*, 2019). Страны, внесшие наибольший "вклад" в изменение климата, оказались и менее всего затронуты его последствиями, и более других способны адаптироваться к ним (Bruckner *et al.*, 2022). Поскольку изменение климата является глобальной проблемой, все усилия по изучению и устранению ее причин и последствий должны осуществляться с учетом принципов справедливости и равноправия (см. ВРЕЗКУ 6). В своем последнем докладе МГЭИК тоже подчеркивает необходимость учета принципа справедливости в мерах реагирования на изменение климата (Allen *et al.*, 2022), а на 26-й Конференции Сторон в Глазго прозвучали призывы к "климатическим компенсациям" (Nevitt, 2021) (подробнее об этом см. ГЛАВУ 6).

Поскольку последствия распределяются неравномерно, изменение климата усугубляет и существующее неравенство результатов в области ПБП (МГЭИК, 2001), что требует прямых действий на местном уровне. По оценкам Всемирного банка, к 2030 году из-за изменения климата в нищете окажутся от 68 до 135 млн человек, и эти новые бедняки преимущественно будут жителями стран Африки к югу от Сахары и Южной Азии (Всемирный банк, 2020). В анализе последствий изменения климата для продовольственной безопасности основное внимание уделяется вопросам производства (таким как распределение видов, разрыв в урожайности и дефицит воды). Но последствия изменения климата ощущаются во всех компонентах продовольственных систем (ГЭВУ, 2022). Изменение климата приводит к негативным во многих отношениях результатам в области ПБП, оказывая непосредственное воздействие на системы производства продовольствия, а также на те экономические, экологические и социальные системы, от которых зависит удовлетворение потребностей людей в продовольственной безопасности. Эти

многочисленные взаимосвязи указывают на наличие устойчивых и разнонаправленных связей между изменением климата, ПБП и неравенством, которые реализуются в различных пространственных и временных масштабах и, взаимодействуя друг с другом, оказывают перекрестное воздействие на неравенство результатов в области ПБП.

Это неравенство результатов в области ПБП проявляется не только в региональном масштабе. Угрозы для окружающей среды и различные виды нагрузки на нее зачастую усиливают существующее социальное неравенство и дисбаланс сил внутри стран, особенно в общинах и домохозяйствах, которым и без того приходится сталкиваться с нуждой (Chancel, Bothe and Voituriez, 2023; Schneider *et al.*, 2007). Ислам и Винкель (Islam and Winkel, 2017) утверждают, что изменение климата и бедность образуют порочный круг, в котором "первоначальное неравенство приводит к тому, что социально незащищенные группы населения непропорционально сильно страдают от неблагоприятных последствий изменения климата, что приводит к еще большему усугублению неравенства". Они определяют три основных канала, "по которым материализуется усугубляющий неравенство эффект изменения климата, а именно: а) усиление подверженности социально незащищенных групп населения неблагоприятным последствиям изменения климата; б) повышение их восприимчивости к ущербу, причиняемому изменением климата; и с) снижение их способности справиться с понесенным ущербом и восстановиться после него" (Islam and Winkel, 2017, p. 1). В настоящее время такие схемы широко используются для понимания различных факторов уязвимости людей и территорий к последствиям изменения климата (Cinner *et al.*, 2013; МГЭИК, 2022).

Компоненты продовольственных систем (такие как маломасштабное рыболовство и неформальные рынки), которые обеспечивают беднякам средства к существованию и чаще всего используются ими для обеспечения своей продовольственной безопасности, более уязвимы к изменению климата. Соответственно, конкретные факторы уязвимости к изменению климата (то есть те, которые обычно связаны с гендерной принадлежностью, уровнем благосостояния и т. д.), усиливающие неравенство результатов в области ПБП, обусловлены не только взаимодействием людей с продовольственной системой, но и совокупностью каскадных воздействий, в рамках которой изменение климата пересекается с биофизическими, экономическими и социальными механизмами, способствующими возникновению неравенства в сфере ПБП (FAO, 2015c). Всемирный банк определил группы населения, более уязвимые к последствиям изменения климата. К ним

относятся: домохозяйства, возглавляемые женщинами, дети, люди с инвалидностью, коренные народы и этнические меньшинства, безземельные арендаторы, трудящиеся-мигранты, перемещенные лица, сексуальные и гендерные меньшинства, пожилые люди и другие социально маргинализированные группы. Всемирный банк утверждает, что "коренные причины их уязвимости кроются в сочетании географического положения, финансового, социально-экономического, культурного и гендерного статуса и доступа к услугам, принятию решений и правосудию" (Всемирный банк, 2023b). Кроме того, эти группы, скорее всего, уже сталкиваются с дискриминацией, которая подрывает их продовольственную безопасность; это говорит о том, что изменение климата наложится на пагубные социально-культурные нормы, что еще больше усугубит неравенство в области ПБП.

4.1.3. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Индустриализация продовольственной системы и связанные с этим фрагментация среды обитания и изменения землепользования являются одной из главных причин возникновения инфекционных заболеваний, включая COVID-19 (IPBES, 2020; Rivera-Ferre *et al.*, 2021). В свою очередь, пандемия COVID-19 существенно повлияла на результаты в области продовольственной безопасности и питания, и пути этого влияния изучаются до сих пор, но главное - пандемия дала понять, как неравенство и хрупкость наших продовольственных систем привели к дальнейшему росту показателей голода и отсутствия продовольственной безопасности в мире (FAO и др., 2022). COVID-19 была первой из случившихся в последнее время пандемий, но были и другие вспышки заболеваний, которые позволяют собрать дополнительные данные о взаимосвязи между болезнями, средствами к существованию, бедностью и ПБП. Например, вспышка Эболы во многих западноафриканских странах существенно повлияла на оказание медицинских услуг, особенно тех, которые предоставляются в медучреждениях или по месту жительства и имеют отношение к результатам в области питания, например профилактика малярии и иммунизация (Mæstad and Shumbullo, 2020). То же самое было и во время пандемии COVID-19, когда, либо из-за болезни медицинского персонала, либо из-за правительственных ограничений или карантина, службам здравоохранения нужно было уделять первоочередное внимание уходу за людьми с COVID-19. Оказание рутинных и важных профилактических услуг, включая дорожный уход, иммунизацию детей и консультации по вопросам кормления детей грудного и раннего возраста,

ВРЕЗКА 6:

КЛИМАТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП: ПРИМЕР БАСЕЙНА НИЖНЕГО МЕКОНГА

Концепция климатической справедливости описывает, почему изменение климата воздействует на людей по-разному, почему это воздействие может быть неравномерным и несоразмерно сильным и почему и почему необходимо учитывать моральные аспекты изменения климата, а также связанную с ним проблему справедливости. (см. [Gardiner, 2011; Sultana, 2022; Whyte, 2016]). Соответственно, для достижения климатической справедливости необходимо уменьшить масштабы маргинализации, эксплуатации и угнетения (которые усугубляют проблему изменения климата и усугубляются из-за него сами) и реализовать принципы равенства и справедливости [Sultana, 2022]. Примером необходимости обеспечения климатической справедливости является ситуация, в которой оказались жители региона в нижнем течении реки Меконг: они вынуждены решать проблемы, связанные с последствиями изменения климата, вырубки лесов и строительства гидроэлектростанций.

Регион в нижнем течении реки Меконг, где проживает около 65 млн человек, отличается богатым биологическим разнообразием и имеет важное экономическое значение. Он расположен на территории шести стран Юго-Восточной Азии. За период с 1990-х годов этот регион претерпел значительные экологические изменения в связи с ростом и интенсификацией сельского хозяйства, обезлесением, строительством многочисленных плотин, усилением урбанизации, увеличением численности населения и расширением промышленных лесосырьевых плантаций вкуче с частыми стихийными бедствиями, вызванным наводнениями и засухами [Manohar *et al.*, 2023; Spruce *et al.*, 2020].

Река Меконг активно используется для пассажирских перевозок, рыболовства, снабжения питьевой водой и ирригации, и источники средств к существованию тех, кто зависит от реки Меконг, меняются. Сокращение популяций рыб и природных ресурсов усложняет их жизнь. Интенсивное развитие гидроэнергетики в бассейне Меконга привело к уничтожению рыболовства, снижению продуктивности местных фермерских хозяйств и изменению режимов стока, от которых зависят средства к существованию людей. В связи с экологическими и климатическими изменениями и с развитием гидроэнергетики продовольственная среда в бассейне Меконга становится менее предсказуемой в плане ее способности удовлетворить потребности в продовольственной безопасности тех, кто от нее зависит. Как правило, последствия изменения климата и строительства плотин в регионе ощущают на себе именно наиболее маргинализированные группы: коренное население и сельские рыболовецкие общины. На жизнь этих общин влияют решения правительства об использовании речных ресурсов, миграция и различные экологические факторы, включая разрушение береговой линии [Barrington, Dobbs and Loden, 2012]. Механизмы трансграничного управления неэффективны, поэтому звучат настоятельные призывы к организации прозрачного и своевременного обмена данными о строительстве плотин, уровнях воды и осадках [MRC, 2021].

Источник: собственная разработка авторов

во многих странах было приостановлено; это же произошло и с некоторыми важными механизмами социальной защиты, такими как денежные пособия и продовольственная помощь, что имело серьезные последствия для здоровья, питания и продовольственной безопасности людей [ЮНИСЕФ, 2020]. В Индии, например, выплаты денежных пособий в штате Бихар помогли смягчить влияние карантинных ограничений, которые были введены в связи с пандемией COVID-19, на продовольственную безопасность домохозяйств и качество рациона, хотя и не смогли нивелировать его [Makkar *et al.*, 2022].

Неравенство в сфере общественного здравоохранения и профиль заболеваемости населения в более широком смысле не только зависят от ПБП, но и сами оказывают на ПБП

влияние, что усугубляет проблему неравенства результатов в области ПБП. Например, ВИЧ/СПИД не только являются одной из причин бедности, уязвимости и неполноценного питания, но и риски заражения ВИЧ/СПИДом выше в уязвимых группах населения, включая, например, детей, которые подвергаются жестокому обращению, сексуальных работников, работников продовольственной системы и мигрантов [MacPherson *et al.*, 2020; Seeley, Tumwekwase and Grosskurth, 2009]. Кроме того, люди, живущие с ВИЧ и получающие антиретровирусную терапию, могут испытывать более сильный голод, что может существенно отразиться на их готовности продолжать лечение [de Pee and Semba, 2010], а среди маловесных детей с ВИЧ смертность в три раза

выше (Oumer, Kubsu and Mekonnen, 2019). Если говорить об интерсекциональности, то в Уганде было показано, что у ВИЧ-инфицированных женщин чаще, чем у не инфицированных, наблюдается высокий уровень афлатоксина (натурального пищевого микотоксина) в крови (Lauer *et al.*, 2020). Еще одним инфекционным заболеванием, которое, как хорошо известно, существенно связано с пищевым статусом, является малярия. Это значит, что в эндемичных районах необходимы комплексные меры лечения и профилактики малярии с учетом фактора питания (Das *et al.*, 2018; Oldenburg *et al.*, 2018). На долю инфекционных заболеваний приходится половина смертей детей в возрасте до пяти лет: они приводят к снижению аппетита, из-за чего дети становятся маловесными и ослабленными, иммунитет у них снижается, и заболевшие становятся более уязвимыми к другим инфекциям и неполноценному питанию (Katona and Katona-Apte, 2008; Perin *et al.*, 2022).

4.2. ТЕХНОЛОГИИ, ИННОВАЦИИ И ИНФРАСТРУКТУРА

Достижения в области науки и технологий способствовали повышению как урожайности сельскохозяйственных культур (Binswanger, 1986; Freebairn, 1995; Griffin, 1979), так и доходов во многих странах с низким и средним уровнями дохода, особенно в тех, которые выиграли от развития технологий зеленой революции, таких как создание новых высокоурожайных сортов основных сельскохозяйственных культур и новых факторов производства, таких как пестициды и удобрения, а также инвестиции и инновации в области технологий орошения и механизации (Pingali, 2012). Например, в Азии в результате зеленой революции общий объем производства в 1980-х и 1990-х годах рос на 2,9 процента в год; до появления новых сортов в 1965 году этот показатель составлял 2,1 процента в год (Altieri, 2009; McMichael, 2010). Успехи зеленой революции в области производства основных зерновых культур для удовлетворения потребностей населения привели к некоторому повышению урожайности других культур, таких как маниок (Patel, 2013; Thompson, 2012). Но сказать, что повышение производительности труда одинаково повлияло на положение всех слоев общества в странах, внедряющих технологии зеленой революции, нельзя. Многие исследования показывают, что зеленая революция усугубила неравенство, поскольку этими новыми вводимыми ресурсами, как правило, пользовались более крупные и состоятельные фермерские хозяйства, а многие мелкие фермеры

еще сильнее увязли в долгах и были вынуждены продавать землю (Freebairn 1995; Griffin 1979; Binswanger 1986). Взяв за основу технологический подход к осуществлению зеленой революции, которая проводилась преимущественно под эгидой государственных, кооперативных (например, Всемирный банк) и благотворительных организаций (таких как Фонд Рокфеллера), многочисленные высокотехнологичные и научно-исследовательские проекты, инициируемые преимущественно частным сектором, ставили своей целью совершенствование технологий послеуборочной обработки (КГМСХИ, 2010; Heinemann, Agapito-Tenfen and Carman, 2013), биотехнологических методов (IRR, 2013) и генетически модифицированных организмов (Howard, 2009; Robin, 2014; Schwartz, 2013).

Несмотря на то, что некоторые фермеры получили экономическую выгоду, появление агробиотехнологий, позволяющих проводить манипуляции с генами живых организмов и семян, вызывает много вопросов; особое беспокойство связано с экологическими рисками и усилением социального неравенства (см. врезку 8) (De Schutter and Vanloqueren, 2011; Friedmann, 2005; Islam, 2022). Например, в комплексном исследовании мировой семеноводческой отрасли (Howard, 2009) отмечено, что активизация инвестиций в технологические инновации, такие как создание генетически модифицированных организмов на основе аборигенных продовольственных культур (таких как кукуруза) с целью увеличения сельскохозяйственного производства, сформировала семеноводческую отрасль, в которой доминирующим стало научное и высокотехнологичное земледелие (Howard, 2009; La Vía campesina, 2011; McMichael, 2010). Кроме того, расширение патентных прав, призванное стимулировать корпоративные инвестиции в агротехнологии, позволило крупным корпорациям усилить свои позиции на рынке и установить контроль над более мелкими фермерами и фирмами (Islam, 2022). Стоит отметить, что в настоящее время отрасль семеноводства контролируют всего четыре компании (Béné, 2022; IPES-Food, 2017; Mooney, 2018), которые владеют патентами на семена высокоурожайных сортов некоторых основных аборигенных культур, таких как картофель и кукуруза (Howard, 2009; Kloppenburg, 2010; Wittman, Desmarais and Wiebe, 2010). Монополии многонациональных корпораций на семена и продовольствие все больше затрудняют крестьянам и коренным народам процесс производства полезных для здоровья и предпочтительных в культурном отношении пищевых продуктов (Wittman, Desmarais and Wiebe, 2010).

Цифровые технологии используются для автоматизации сельского хозяйства с 1970-х годов. В настоящее время спектр применения этих технологий расширяется и включает поддержку развития прецизионного земледелия, улучшение доступа к информации о рынках и прогнозах погоды, а также обеспечение коммуникаций. К числу появившихся недавно инноваций, которые особенно быстро распространились в СНСД и охватили даже некоторые наиболее удаленные сельские районы, относится расширение доступа к информации и финансовым услугам на базе мобильных приложений (Baumüller, 2017). Но несмотря на устранение некоторых проблем, пока еще сохраняются экономические, культурные и образовательные барьеры, которые либо ограничивают сферу применения этих технологий, либо делают их более доступными для пользователей или стран с высоким и средним уровнями дохода, для более экономически активных групп, для мужчин или для тех, кто говорит на основном языке страны. Например, мелкие производители, женщины, молодежь и другие группы, которые обычно маргинализированы или находятся в уязвимом положении, доступа к этим технологиям, как правило, не имеют (ФАО, 2022b). Появление цифровых технологий нового поколения может принести экономические и экологические выгоды, которые принесут пользу работникам продовольственной системы. Однако стоимость доступа к таким технологиям высока, и вполне вероятно, что воспользоваться ими смогут только крупные компании или специализированные и финансово успешные отрасли. Таким образом, неравенство, которое исторически усугублялось неравноправием доступа к технологиям, может усугубиться еще больше, если новаторы и государства не заложат в свои проекты принцип равноправного доступа.

Доступ к достижениям в области инфраструктуры, науки и технологий часто зависит от социальных или экономических факторов, и у тех, кто и без того уязвим к отсутствию продовольственной безопасности, шансов получить доступ к этим достижениям меньше всего. Например, культурные нормы могут ограничивать доступ к ним для определенных групп, в частности для женщин, у которых доступ к экологически чистым технологиям и другим инновационным методам, включая цифровизацию, обычно хуже, чем у мужчин. Ограничивают доступ и экономические барьеры. Например, отдаленные и бедные регионы и секторы часто в последнюю очередь получают доступ к усовершенствованным объектам инфраструктуры водоснабжения, гигиены и санитарии, которые снижают риск инфекционных заболеваний, таких как диарея (см. ГЛАВУ 3). То же касается и мелких неформальных участников рынка, которые не имеют доступа

к технологиям, защищающим продукты питания от порчи, таким как холодильные камеры, что повышает их уязвимость к экстремальным явлениям. Кроме того, у мелких и неформальных участников рынка зачастую нет доступа к климатической информации, экологически чистым технологиям и страхованию, что ограничивает их способность реагировать на экстремальные погодные условия.

4.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И РЫНОЧНЫЕ ФАКТОРЫ

Экономические и рыночные факторы коренным образом изменили глобальные продовольственные системы. Наиболее значимым результатами их влияния стали изменения в международной торговле и ее масштабах, а также тот факт, что контроль за формированием рынка все активнее переходит в руки лишь нескольких частных субъектов.

4.3.1. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

Международная и региональная торговля безусловно принесла пользу нескольким странам с низким, средним и высоким уровнями дохода за счет стимулирования экономического роста и улучшения показателей в области продовольственной безопасности и питания (см. раздел 3.2.4) (Allouche, 2011; Gephart *et al.*, 2023; Gephart and Pace, 2015; Tortajada and González-Gómez, 2022). Однако внутри стран торговля, как правило, приводит к усилению неравенства доходов, поскольку в результате рыночной интеграции, которая выгодна фирмам, производящим высококачественную продукцию, рынок труда становится поляризованным (Furusawa, Konishi and Tran, 2019; Lin and Fu, 2016). В свою очередь, усиление неравенства доходов отрицательно сказывается на качестве рациона и здоровье людей (Offer, Pechey and Uliaszek, 2010), поскольку способствующие ожирению западные модели питания, включающие большое количество высококалорийных продуктов, особенно широко распространяются в СНСД (Baker *et al.*, 2020; Hawkes, 2010; Popkin, 1994). Таким образом, торговля сделала доступными множество как полезных, так и вредных продуктов питания, но доступ к более разнообразным и полезным продуктам, как правило, имеют самые богатые и обеспеченные продовольствием люди, а беднейшие слои населения покупают более дешевые ПГП (GloPan, 2016; Nash *et al.*, 2022). В результате у малоимущих питание остается некачественным (GloPan, 2016).

Многие решения, касающиеся глобальной торговли и связанных с ней правил и мер политики, определяются институциональной архитектурой, разработанной для организации и регулирования торговли. Однако влияние на эти процессы всегда оказывают те, кто принимает в них наиболее активное участие и имеет возможность определять эти решения. Например, в исторических источниках есть данные о роли небольшой группы стран, в частности Канады, Европейского союза, Японии и Соединенных Штатов Америки, в формировании итогов Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров (Shaffer, 2021), одной из задач которых было уменьшение влияния субсидий, искажающих торговлю, и которые в результате привели к образованию Всемирной торговой организации (ВТО). Несмотря на намерения Уругвайского раунда, страны Севера, обладающие финансовыми возможностями, продолжали субсидировать производство продовольствия на экспорт, в то время как страны с низким и средним уровнями дохода, располагающие меньшими ресурсами, не смогли этого сделать, но были вынуждены открыть свои рынки для импорта. С появлением дешевого импорта зерна цены на продовольствие и рабочую силу снизились, но это негативно сказалось на средствах к существованию многих мелких производителей (Clapp, 2006; Gonzalez, 2002; Hawkes and Plahe, 2013; Stevens *et al.*, 2000).

ВТО, несомненно, играет важную роль в поддержке глобальных продовольственных систем, но эта ее роль становится объектом все более пристального внимания, в особенности потому, что глобальные продовольственные системы сталкиваются с нарастающими геополитическими, экологическими и экономическими потрясениями (Cottrell *et al.*, 2019). ВТО подвергается критике за то, что не устраняет недостатки своих правил и мер политики, непреднамеренно снижая положительный эффект или недостаточно быстро адаптируясь к изменениям (Barlow *et al.*, 2018; Friel *et al.*, 2013; Hawkes *et al.*, 2009; Thow and Hawkes, 2009; Tienhaara, 2011), и временами занимает позицию, не отвечающую целям по устранению неравенства в области здравоохранения и питания (см., например, (Friel

et al., 2013; Hawkes *et al.*, 2009; Thow and Hawkes, 2009)). Многие утверждают, что для того, чтобы такие институты, как ВТО, поддерживали право человека на достаточное питание, содействовали сокращению неравенства и поддерживали усилия по решению проблем окружающей среды и изменения климата, их необходимо реформировать (Fakhri, 2021). ВТО признает эти проблемы и необходимость реформ и недавно осуществила ряд шагов в этом направлении (Okonjo-Iweala, 2023). Например, в 2022 году, когда продовольственные системы приняли на себя основную тяжесть сразу нескольких кризисов, связанных с пандемией COVID-19, войной на Украине и ухудшением состояния окружающей среды в течение нескольких десятилетий, члены ВТО подписали первое соглашение, в котором во главу угла поставлен вопрос устойчивости и которое призвано защитить принципы справедливости. Это многостороннее соглашение о запрете всех субсидий, угрожающих устойчивости рыболовства, было подписано по итогам двадцатилетних переговоров и признания того факта, что многие проявления неравенства в мировой торговле являются результатом неравномерного распределения субсидий, выделявшихся на поддержку рыболовства и сельского хозяйства (ГЛАВА 3), и в подавляющем большинстве выгодны странам с высоким уровнем дохода и стимулируют перепроизводство и перелов рыбы (Arthur *et al.*, 2019; McCauley *et al.*, 2018; Melendez-Ortiz, Bellmann and Hepburn, 2009; Sumaila *et al.*, 2010). Кроме того, в этом соглашении признана необходимость защиты интересов рыбаков из стран с низким уровнем дохода, поскольку они уходят от зависимости от субсидий. Примерно в то же время члены ВТО постановили освободить гуманитарные продовольственные грузы от экспортных ограничений, что свидетельствует о растущем признании тех проблем, которые возникают в глобальных продовольственных системах в связи с неравенством (Okonjo-Iweala, 2023; Sumaila *et al.*, 2010).

4.3.2 ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА, СПЕКУЛЯЦИИ И КОНЦЕНТРАЦИЯ РЫНКА

Все чаще появляются какие-то новые факторы, благодаря которым влиятельным розничным компаниям удается менять саму институциональную структуру рынков (Ouma, 2010, 2015). За последние два десятилетия появились системы частных стандартов (такие как Natures Choice от Tesco, GLOBALGAP, Морской попечительский совет), касающихся, помимо безопасности или качества пищевых продуктов, различных социальных, экологических и этических вопросов и позволяющих сегментировать потребительский рынок и создавать дополнительную стоимость. Эти системы рыночного управления являются отражением усиливающейся концентрации влияния, в силу которой страны-потребители в обмен на более крупные и стабильные сделки получают контроль над странами-производителями, что увеличивает издержки производителей, но не вызывает связанного с этим роста цен:

“В Европе концентрация рынка привела к преобладанию рынка покупателя. Некоторые супермаркеты приходят и просто диктуют свои требования без всяких уступок и переговоров. Дальше уже некуда... Мы сейчас соблюдаем 15 различных производственных стандартов, включая Nature's Choice от Tesco, EUREPGAP, Field to Fork и Fairtrade. Это безумие какое-то (крупный экспортер плодоовощной продукции в Кении, цитата из (Ouma, 2010))”

Постоянной проблемой в продовольственных системах являются также спекулятивные инвестиции в продовольственные товары, что имеет важные последствия для справедливости

в области ПБП. Финансовые спекулянты часто увеличивают свои инвестиции во фьючерсные рынки сельскохозяйственной продукции, когда возникает какая-то неопределенность – например, из-за сбоев на рынке, вызванных войной, погодными явлениями или другими факторами, влияющими на предложение продовольствия, – что часто усиливает тенденции к росту цен на продовольствие (Tadesse *et al.*, 2014; Kornher *et al.*, 2022). Это может ухудшить доступ к продовольствию для беднейших и наиболее маргинализированных слоев населения (которые обычно тратят на продукты питания значительную часть своего дохода), что усилит неравенство (Clapp and Isakson, 2018). Вопрос о том, являются ли финансовые спекуляции главной причиной динамики цен на продовольствие, широко обсуждается, но все более широкое признание получает тот факт, что они могут играть определенную роль в создании рыночных пузырей, которые усугубляют тенденции к росту продовольственных цен (например, (Clapp, 2014; Clapp and Isakson, 2018; Ghosh, Heintz and Pollin, 2012; ГЭВУ, 2011; Tadesse *et al.*, 2014; ЮНКТАД, 2011)).

Поскольку использование ресурсов суши и океана, сельского хозяйства и развития становится все более интенсивным, а земель хорошего качества остается все меньше, спрос на более продуктивные или богатые земельные и морские ресурсы растет, что приводит к захвату наземных и морских территорий. Например, иностранные компании, стремящиеся извлечь выгоду из “голубой” экономики, которая, по прогнозам, к 2030 году будет расти на 3 трлн долл. США в год, считают многие прибрежные районы наиболее привлекательными для развития (Bennett *et al.*, 2021; Jouffray *et al.*, 2020). Захват наземных или морских территорий – это явление, возникающее в результате осуществления как внутренних, так и иностранных инвестиций и обусловленное ростом внутреннего спроса на продовольствие, биотопливо и природоохранные мероприятия. Эти процессы нарушают права местных, традиционных и других маргинализированных правообладателей (Cotula and Berger, 2017) и усугубляют проблемы, связанные с владением землей и отсутствием доступа к ПБП. Захват территорий часто сопровождается выселением местных жителей и общин с их земель для реализации целей инвестирования в земельную собственность или прав на определенные виды деятельности, такие как добыча полезных ископаемых, создание транспортной инфраструктуры или даже права на выбросы углерода (Karsenty, Vogel and Castell, 2014). Это приводит к концентрации собственности и контроля над обширными территориями в руках немногочисленных элит (Borras and Franco, 2013). Захват земель особенно распространен в Африке, где иностранные инвестиции нарушают традиционные и общинные механизмы владения и пользования землей и сопряжены с передачей

доступа и права собственности частным компаниям, иностранным правительствам и инвесторам (Batterbury and Ndi, 2018; Daniel and Mittal, 2009).

В результате либерализации экономики и технологической специализации в глобальных продовольственных системах появились продовольственные системы, способные производить и распределять огромные количества продовольствия. Это привело к значительным изменениям и концентрации контроля над продовольственными системами

(Howard, 2016), при этом основные их секторы контролируются все меньшим количеством различных субъектов (Baines and Hager, 2022; Béné, 2022; Clapp, 2021; Howard, 2009; IPES, 2017; Kloppenburg, 2010; Österblom *et al.*, 2015). Такая власть и давление на страны и фирмы с целью максимизации прибыли акционеров ослабляют продовольственный суверенитет и субъектность и могут усиливать неравенство в плане источников средств к существованию и результатов в области ПБП (см. [ВРЕЗКУ 7](#)). Кроме того, в продовольственных системах такая концентрация приводит

ВРЕЗКА 7: ВЛАСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ГИГАНТОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПБП

"Продовольственные гиганты" – это крупнейшие корпорации по производству продуктов питания, в руках которых сконцентрирована огромная власть и большая доля рынка как на национальном, так и на глобальном уровнях. Например, "Кока-Кола" и "ПепсиКо" за последние три десятилетия завоевали более 50 процентов рынка безалкогольных напитков (Howard, 2016; Wood *et al.*, 2021). Такая бесконтрольная концентрация рыночной власти позволяет этим корпорациям получать заоблачные прибыли и, формируя рынки и создавая технологии, инновации, меры политики и механизмы управления, оказывать ради получения этих прибылей настолько сильное давление на политику, что нормы регулирования просто не обеспечивают надлежащей защиты от наносимого ими экологического, медицинского и социального ущерба (Clapp, 2021).

Такое соотношение сил проявляется в различных формах, на разных уровнях и в разных областях внутри продовольственных систем, а власть осуществляется и поддерживается различными методами (включая лоббирование, создание сетей и определение повестки дня), которые прямо или косвенно влияют на политический ландшафт (Gumbert and Fuchs, 2018; Yates *et al.*, 2021). Крупные продовольственные компании обладают политической властью, обусловленной теми материальными ресурсами, которые они вкладывают в лоббирование своих интересов в правительствах путем финансирования избирательных кампаний или политического спонсорства. Например, "Кока-Кола" и "ПепсиКо" ежегодно выделяют миллиарды долларов на рекламу своей продукции и спонсирование политической деятельности (ОЭСР, 2019). Они также добиваются влияния благодаря определенному уровню компетентности и легитимности, который все чаще признается за их представителями. Используя свой авторитет в вопросах питания и заявления о питательных свойствах своих продуктов, крупные продовольственные компании укрепляют свою власть и влияние (Clapp and Scrinis, 2017). Их власть и экономическое преимущество позволяют им оказывать влияние на социальные и политические структуры, в которые встроена их деятельность (Clapp, 2017).

Вопросу влияния крупных продовольственных компаний на национальную продовольственную политику, местные рынки и личный выбор продуктов питания в последнее время уделяется серьезное внимание в глобальных политических дебатах. Несмотря на то, что эти компании добиваются улучшения экономических показателей за счет развития технологий и ноу-хау (см. раздел 4.2) и снижают риски недоедания, они по-прежнему стимулируют или поддерживают неравенство, лежащее в основе роста показателей голода и неполноценного питания (Hossain, 2017; Stuckler and Nestle, 2012; Wood *et al.*, 2021). Продовольственные системы, в рамках которых работают эти компании, нацелены не на обеспечение людям оптимального рациона, а на получение максимальной прибыли. Это одна из распространенных глубинных причин роста показателей неполноценного питания. Отечественные производители, которые поставляют полезные, в меньшей степени переработанные продукты местного производства наиболее уязвимым группам населения, не в состоянии конкурировать на таких рынках, в результате в местных и

глобальных продовольственных системах чаще всего доминируют крупные продовольственные компании, что угрожает продовольственной безопасности и суверенитету традиционных продовольственных систем.

Как показывают факты, во всем мире люди все чаще едят то, что поставляют именно эти крупные корпорации. Потребление продуктов глубокой переработки растет; выше всего объемы их продаж в Австралии, Северной Америке, Европе и Латинской Америке, но они быстро растут также в Азии, на Ближнем Востоке и в Африке (Baker *et al.*, 2020; Stuckler and Nestle, 2012). В настоящее время концентрацию рыночной власти в руках этих компаний связывают с ростом показателей избыточного веса и ожирения в странах, которые переходят из категории стран с низкими доходами в категорию стран со средним уровнем дохода, где эти компании расширяют свои доли рынка. В СВД социально неблагополучные слои населения, часто имеющие низкий уровень грамотности и живущие в социальном жилье, будут с большей вероятностью затронуты этой тенденцией ввиду более высокой доступности этих продуктов по сравнению с более здоровой пищей (Wood *et al.*, 2021; Yates *et al.*, 2021). Растущие показатели расстройств, связанных с питанием, являются одной из главных проблем со здоровьем, обусловленных чрезмерным потреблением продуктов глубокой переработки с высоким содержанием жира, масла, сахара и соли (Black, 2016; Monteiro *et al.*, 2013). Люди все чаще отдают предпочтение вредным для здоровья продуктам, продаваемым этими корпорациями, а потребление здоровой пищи сокращается, что приводит к неполноценному питанию и связанным с ним последствиям: увеличению распространенности заболеваний, бедности, снижению экономической продуктивности, уменьшению доходов и увеличению расходов на медицинское обслуживание. Усиление контроля могло бы помочь привлечь эти крупные компании к ответственности и замедлить воздействие их методов работы на продовольственную безопасность и питание.

Источник: собственная разработка авторов

к удлинению производственно-сбытовых цепочек, в результате чего у работников продовольственных систем, которые наиболее уязвимы к отсутствию продовольственной безопасности, остается меньше возможностей адаптироваться к изменениям. Когда разразилась пандемия COVID-19 и мировые рынки закрылись, более централизованные структуры смогли сменить торговых партнеров и сохранить свои потоки товаров и доходов, но были и такие, кто лишился жизненно необходимых запасов продовольствия (Love *et al.*, 2021). Например, когда Китай закрыл свои рынки, прекратился экспорт выращиваемой в рыбноводческих хозяйствах тилапии, на долю которой приходится значительная часть рыбы, продаваемой в ряде развивающихся стран. Когда Китай смог возобновить торговлю, приоритетом страны по понятным причинам стало возмещение собственных потерь. Это было достигнуто за счет переориентации экспорта на Северную Америку, что привело к 50-процентному падению экспорта в некоторые развивающиеся страны; в результате потребители оказались уязвимы к отсутствию продовольственной безопасности (Love *et al.*, 2021).

4.4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Идеи и интересы групп, борющихся за политическое влияние, часто вступают в противоречие с более общими геополитическими идеями и системами, формирующими продовольственную политику и, соответственно, результаты в области ПБП. Влияние этих групп может быть явным или неявным образом отражено в целом спектре правил и мер политики, связанных с владением землей, доступом к финансовым услугам, образованию, здравоохранению, жилью и социальному обеспечению, а также сказываться на результатах голосования и вопросах представительства и побуждать к действию или бездействию во время вооруженных конфликтов.

4.4.1. НАСИЛИЕ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Насилие и вооруженные конфликты являются основными причинами острого голода во многих регионах мира и, по прогнозам, их масштабы будут нарастать (ВПП и ФАО, 2022); отсутствие

продовольственной безопасности в настоящее время считается как причиной, так и следствием вооруженных конфликтов (Fakhri, 2023; ООН, 2021). На ПБП вооруженные конфликты влияют как прямо, так и косвенно, а последствия могут быть как немедленными, так и затяжными, и, как и в случае большинства кризисов, сильнее всего сказываются на положении наиболее уязвимых слоев населения, что еще больше усугубляет существующее неравенство. Сейчас в мире насчитывается множество зон конфликтов, включая Афганистан, Эфиопию, Сахель, Судан, Сирийскую Арабскую Республику, Украину и Йемен, и систематическими последствиями этого насилия являются голод и неравенство (IPES-Food, 2023a). Эти события приводят к перемещениям десятков тысяч человек, остановке производства продовольствия и нарушению цепочек поставок.

Продовольствие может использоваться в вооруженных конфликтах как оружие, но бывает и так, что предпочтение отдается оказанию продовольственной помощи. Какое именно решение будет принято в каждом отдельном случае, определяется геополитическими интересами, что усугубляет неравенство в области продовольственной безопасности (Fakhri, 2023; ООН, 2021). Например, во время войны на Украине было решено оказать национальную и международную поддержку поставок продовольствия, о чем свидетельствует Черноморская зерновая инициатива ("Зерновая сделка"), позволившая возобновить экспорт зерна по Черному морю (Okonjo-Iweala, 2023). Бывает, что конфликты приводят к принятию принудительных мер в форме блокад или экономических санкций, связанных с геополитическими интересами и направленных на ослабление противостоящего режима путем подрыва продовольственной безопасности и, в конечном итоге, прав человека в соответствующих странах (Bâli, 2022; Fakhri, 2023). Например, Специальный докладчик ООН по вопросу о праве на питание подчеркивает, что реакция коалиционных сил на войну в Йемене привела к одной из самых страшных гуманитарных катастроф в мире. Блокада Йемена силами коалиции действует с 2015 года, не позволяя осуществлять поставки продовольствия, топлива и воды гражданским лицам, а авиаударами коалиции были уничтожены или повреждены сельскохозяйственные угодья, объекты водоснабжения, портовая инфраструктура и медицинские учреждения. В стране, которая импортирует 90 процентов всего, что потребляет, и где в сельскохозяйственном секторе занято 60 млн человек, такие действия привели к голоду общенационального масштаба и к гибели от голода десятков тысяч человек. Показатель недостаточности питания в Йемене сейчас один из самых высоких в мире: 1,3 млн кормящих матерей и 2,2 млн детей в возрасте до 5 лет нуждаются в лечении от острой недостаточности питания (Fakhri, 2023).

С момента начала войны на Украине в феврале 2022 года продовольственному кризису уделяется все больше внимания как в национальных, так и в международной повестках дня. Вторжение в Украину вызвало серьезные сбои в цепочках поставок и экспорте зерна, что привело к резкому росту цен на продовольствие, экспортным ограничениям и усилению обеспокоенности по поводу продовольственной безопасности во всем мире (ФАО, 2022c; IPES-Food, 2023a). Цены на кукурузу достигли самого высокого уровня за всю историю наблюдений, на пшеницу – 14-летнего максимума (IPES-Food, 2022), а индекс цен на продовольственные товары бьет рекорды третий год подряд (ООН, 2022). Скачки цен, в частности, усугубили проблему отсутствия продовольственной безопасности среди домохозяйств с низкими доходами и в СНСД, население которых и так практически не может позволить себе здоровое питание (Kansime *et al.*, 2021). Многие страны, которые больше всего пострадали от этих изменений, уже переживают многочисленные продовольственные кризисы, которые в настоящее время усугубляются ростом цен и нехваткой продовольствия. Например, порядка 40 процентов импорта пшеницы в Африку приходится на Российскую Федерацию и Украину, а в некоторых странах Восточной Африки и Африканского Рога – региона, где пятый год подряд идут засухи и количество осадков ниже среднего уровня – этот показатель намного выше (90 процентов в Сомали и 100 процентов в Эритрее).

4.4.2. МЕРЫ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЕ

Несмотря на постоянную череду реформ, земельная политика и производство продовольствия остаются неразрывно связанными с историей страны и теми идеями, которые получили там наибольшее распространение. Оставшиеся в прошлом периоды колониализма, огораживания земель и коммунистического правления могут продолжать оказывать влияние на меры политики, которые определяют, что должно выращиваться и кем, а также кому принадлежат земля и средства производства и кто их контролирует (Ginzburg, 2022; Khoury *et al.*, 2016). Из-за отсутствия настоящей земельной реформы во многих странах их государственная политика в области рыболовства и сельского хозяйства не учитывает традиционные системы владения и пользования ресурсами, которые поддерживают ПБП, а зачастую и подрывает их деятельность (Chuenpagdee and Jentoft, 2015; Lau *et al.*, 2020). Вместо того чтобы поддерживать такие системы, государственная политика в области рыболовства и сельского хозяйства ориентирована на максимальное увеличение производства для удовлетворения продовольственных и экономических потребностей населения и снижения цен на продовольствие

(Leach *et al.*, 2020; Hossain and Scott-Villiers, 2017). Такие меры, наряду с мерами торговой политики (см. пункт 4.3.1), привели к увеличению количества доступных продуктов питания и снижению цен, но заработки работников продовольственной системы при этом снизились (Carolan, 2013).

Однако во многих странах давнее стремление произвести как можно больше дешевой пищевой энергии в целях снижения затрат потребителей на продукты питания было реализовано в ущерб результатам в области питания в целом, особенно среди групп населения, и без того уязвимых к отсутствию продовольственной безопасности и НИЗ (Carolan, 2013; te Lintelo and Lakshman, 2015), и привело к дальнейшему ухудшению состояния окружающей среды (см. пункт 4.1.1). Кроме того, отсутствие комплексного подхода к разработке продовольственной политики привело к тому, что политика в области сельского

хозяйства и рыболовства не ориентирована на улучшение качества продовольствия и питания, а политика в области продовольствия и питания не учитывает потребности производственных систем, что свидетельствует о проблемах в сфере планирования и разработки программ в ключевых секторах продовольственной системы (Koehn *et al.*, 2022).

Отсутствие полноценного признания права коренных народов и местных общин на землю и другие природные ресурсы представляет угрозу для групп населения, и без того уязвимых к отсутствию продовольственной безопасности, поскольку они зависят от своей земли, на которой занимаются собирательством, а также на постоянной основе выращивают, добывают и производят традиционные продукты питания. В этой связи появляются движения и обязательства в поддержку создания более

ВРЕЗКА 8: ПОЯВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Причиной появления движения за продовольственный суверенитет была критика зеленой революции 1960-х годов (Desmarais, 2012). В 1996 году международная организация фермеров, крестьян, мелких производителей и сельскохозяйственных работников La Vía Campesina стала инициатором движения за продовольственный суверенитет, которое выступило против неолиберальной модели развития сельского хозяйства и торговли. La Vía Campesina выступает за право наций и народов самим контролировать свои продовольственные системы, культуру питания и окружающую среду и требует перехода на принципиально другие способы ведения сельского хозяйства, такие как органическое земледелие и агроэкология (Gliessman and Ferguson, 2020; Village and Seligie, 2007).

Движение за продовольственный суверенитет набрало обороты во время мирового продовольственного кризиса 2007-2008 годов: тогда произошло внезапное и резкое повышение цен на продукты питания, приведшее к дефициту продовольствия, инфляции и снижению покупательной способности (Wittman, Desmarais and Wiebe, 2010). В 2007 году на форуме "За продовольственный суверенитет", организованном La Vía Campesina в Селинге, Мали, и собравшем 500 делегатов более чем из 80 стран, была принята Декларация Ньелени, выработаны общие принципы концепции продовольственного суверенитета и прозвучал призыв к действиям с учетом этих принципов. В Декларации Ньелени отмечены "права всех народов на здоровое и отвечающее культурным особенностям питание и на определение характера собственных продовольственных и сельскохозяйственных систем" (Village and Selingue, 2007, стр.1). Права крестьян на участие в создании собственных систем производства продовольствия и определение их характера являются неотъемлемым элементом продовольственного суверенитета и признаны в Декларации Организации Объединенных Наций о правах крестьян и других лиц, работающих в сельских районах (ДПК ООН, 2018). Продовольственный суверенитет во многих случаях остается инициативой снизу, возглавляемой общественными активистами, но в нескольких странах это движение было институционализировано. Так, например, в Многонациональном государстве Боливия, Эквадоре и Мали концепция продовольственного суверенитета прописана в конституции, а во Франции и Сенегале есть министры сельского хозяйства и продовольственного суверенитета.

Источник: собственная разработка авторов

справедливых, инклюзивных и интегрированных продовольственных систем. Например, право на землю и другие природные ресурсы признается государствами одним из основополагающих прав коренных народов, крестьян и других лиц, живущих в сельской местности, и закреплено в Декларации ООН о правах коренных народов (ДПКН ООН) и в Декларации ООН о правах крестьян и других лиц, работающих в сельских районах (ДПК ООН).

В разработанных ФАО Добровольных руководящих принципах обеспечения устойчивого маломасштабного рыболовства (ФАО, 2015d) и в разработанных КВПБ Добровольных руководящих принципах ответственного регулирования вопросов владения и пользования земельными, рыбными и лесными ресурсами в контексте национальной продовольственной безопасности отмечено, что "земельные, рыбные и лесные ресурсы ... имеют центральное значение для реализации прав человека, обеспечения продовольственной безопасности, искоренения нищеты, поддержания устойчивых источников средств к существованию, социальной стабильности, обеспечения жильем, развития сельских районов и социального и экономического

развития" (ФАО, 2012). Поскольку эти последние документы являются добровольными руководящими принципами, они требуют понимания и внедрения на национальном уровне. При этом было доказано, что добровольные руководящие принципы закладывают основу для национальных норм регулирования (IPBES, 2022). Разработка многих из этих документов, а также дебаты по поводу продовольственных систем в последние два-три десятилетия определялись движением за продовольственный суверенитет, которое в какой-то степени стало политическим ответом на те подходы, из-за которых коренные народы, крестьяне и мелкие фермеры в результате интеграции в национальные и международные агропродовольственные системы оказывались в проигрыше (ВРЕЗКА 8).

Помимо политики в области производства продовольствия на неравенство в сфере продовольственной безопасности и питания большое влияние оказывает политическая система, поскольку государственная политика в целом может в значительной степени формировать или, наоборот, игнорировать причины неравенства в первичном звене

ВРЕЗКА 9:

СВОБОДНЫЙ, НО КАБАЛЬНЫЙ И НЕВИДИМЫЙ: ПРИМЕР НЕПАЛА

Практика использования кабального труда, хотя и была официально отменена в Непале в 2002 году, негативно отразилась на положении тех, чьи семьи оказались втянуты в эту систему. По оценкам на 2017–2018 годы, принудительным трудом в Непале были вынуждены заниматься более 31 000 человек, 17 процентов из которых – дети (МОТ, 2019). Эти оценки, вероятно, занижены, поскольку из-за скрытого характера этих условий установить факт кабального труда очень трудно. Многие из жертв работают в системе кабального труда в сельском хозяйстве, которая в первую очередь эксплуатирует этнические и кастовые меньшинства, такие как тару и далиты (Girir, 2009). Те, кто занимается кабальным сельскохозяйственным трудом, часто живут в крайней нищете и в долгах перед своими землевладельцами. Они работают, чтобы иметь возможность удовлетворять свои повседневные нужды, что только усиливает их зависимость. В 2016 году 29 процентов домохозяйств в обследуемом районе, где, как предполагалось, по-прежнему очень распространен кабальный труд, действительно им занимались, и большинство из них были безземельными (Oosterhoff, Sharma and Burns, 2017). Подневольные работники гораздо реже владели домашним скотом, лишь небольшая часть из них владела землей, и более половины в течение 4–9 месяцев в году не имели доступа к продовольствию. Особенно уязвимыми к отсутствию продовольственной безопасности оказались далиты, живущие в равнинном регионе Тараи (Kumar *et al.*, 2013). Другие исследования показали, что распространенность отставания в росте, истощения и недостаточного веса среди детей в возрасте до пяти лет в семьях бывших камайя (так называется традиционная система кабального труда, ныне отмененная) была выше, чем в среднем по стране (Khatrri *et al.*, 2015), что указывает на постоянное пагубное воздействие этих систем на одно поколение за другим, хотя официально эти системы упразднены.

Источник: собственная разработка авторов.

производства продовольствия (Friel and Ford, 2015; Marmot *et al.*, 2008; Nisbett *et al.*, 2022; ВОЗ, 2008). Сюда относится городское планирование, в рамках которого неформальные компоненты продовольственных систем постоянно маргинализируются или подавляются в погоне за современным идеалом и упорядоченным урбанизмом (Boonjubun, 2017; Hayden, 2021; Kamete, 2013). В то же время национальные и местные органы власти разрешают, а иногда и активно поддерживают строительство супермаркетов и торговых центров как символов модернизации, источников официальной занятости и генераторов муниципальных доходов. В отсутствие продовольственного планирования эти решения трансформируют продовольственную среду, и часто это происходит в ущерб маргинализированным группам, которые, как правило, покупают еду в неформальном секторе (обычно это дешевле) (Battersby, 2017; Wertheim-Heck, Vellema and Spaargaren, 2015). Последствия таких управленческих решений для продовольственной системы и ПБП учитываются редко, поскольку вопросы продовольственного снабжения, как правило, относятся к компетенции местных органов власти.

То же касается регулирования и стимулирования рынка труда, обеспечения жильем и базовой инфраструктурой, социального обеспечения, выплат на детей (дотаций на детей дошкольного возраста) и социальной защиты, которая может включать обеспечение продовольствием: все это тоже может усиливать неравенство в области продовольственной безопасности и питания. Например, регулирование рынка труда может оказывать непосредственное воздействие на агропродовольственный сектор, определяя права мигрантов, детей и заемных работников, которые часто заняты в низкооплачиваемом и неформальном или полуформальном секторах, таких как сбор фруктов и другие сезонные работы по уборке урожая (Southern Poverty Law Centre, 2010), а механизмы эксплуатации подневольного и рабского труда могут существовать параллельно с официальными рынками труда на море (Kittinger *et al.*, 2017) и на суше или даже быть их частью (ВРЕЗКА 9).

4.5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

На результаты в области ПБП прямо или косвенно влияют социокультурные факторы. Эти факторы оказывают свое воздействие на социальные группы различными способами, особенно когда в доминирующей или институционализированной культуре люди с определенной идентичностью не признаются равными и не имеют возможности полноценно участвовать в жизни общества (РИСУНОК 1). Социокультурные факторы формируются как в современном (например, маркеры современности), так и в историческом (например, традиции, наследие патриархальных и колониальных систем) контекстах, и связанное с ними неравенство будет сохраняться до тех пор, пока его не устранят. В этом разделе мы рассмотрим, каким образом социокультурные факторы, а также отказ в полной мере признать ценности, культуру и идентичность различных социальных групп, влияют на результаты в области ПБП.

4.5.1. КУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ

Еда тесно связана с идентичностью людей, а культурные нормы определяют способы производства продовольствия, его покупки, приготовления и употребления в пищу (Cole *et al.*, 2020; Huambachano, 2018; Mintz and Bois, 2002; Phillips, 2006; Purdam, Garratt and Esmail, 2016; Counihan, Esterik and Julier, 2018; Watson and Caldwell, 2005). Культурные нормы могут оказывать непосредственное влияние на выбор и потребление пищевых продуктов и, соответственно, на результаты в области питания. Это, например, тот случай, когда в культуре питания отдается предпочтение свежим продуктам, таким как фрукты, овощи и орехи, полезным маслам и оптимальному количеству белков животного происхождения (Martínez-González *et al.*, 2015) или традиционным альтернативным продуктам, таким как тофу (Qin, Wang and Luo, 2022). Табу на употребление определенных продуктов существуют практически во всех обществах, имеют долгую историю и часто связаны с определенными социальными группами, жизненными этапами (например, беременностью) или особыми событиями. И если какие-то из них действительно полезны, то другие могут приводить к ухудшению здоровья, особенно в сочетании с гендерными допущениями или в случае их применения в уязвимых группах таким образом, что это создает или усугубляет неравенство в распределении продуктов с высоким содержанием питательных веществ (Chakona and Shackleton, 2019). Например, во многих культурах детям младшего возраста, женщинам вообще либо беременным или кормящим может быть запрещено употреблять в пищу определенные богатые питательными веществами продукты

животного происхождения, включая свежее мясо, рыбу, молоко и яйца, а также некоторые фрукты (Meyer-Rochow, 2009). Однако именно на этих этапах жизни продукты, богатые питательными веществами, особенно важны для роста и развития в долгосрочной перспективе. Гендерные нормы влияют не только на положение женщин. Например, употребление мяса и частое потребление большого количества "мужской пищи" часто рассматриваются как признаки маскулинности, но связаны с повышенным риском развития ожирения и диабета, а производство таких продуктов сопряжено с большой нагрузкой на окружающую среду (Al-Shaar *et al.*, 2020; Godfray *et al.*, 2018; Guasch-Ferré *et al.*, 2019; Helgeson, 1994; Sobal, 2005).

Культурные нормы могут также влиять на результаты в области ПБП косвенно, оказывая на социальные, экономические и продовольственные системы воздействие более общего характера. Национальное законодательство и обычное право, социальные нормы и традиционное распределение ролей, связанное с гендерной, классовой и этнической принадлежностью, инвалидностью и расой, распространяются на все аспекты продовольственных систем и определяют, кто может получить доступ к ресурсам и вообще контролировать их, а кто вынужден сталкиваться с социальными, экономическими или политическими барьерами, приводящими к маргинализации определенных идентичностей (Krishna, Aravalath and Vikraman, 2019) (см. ГЛАВУ 3). Эти формы несправедливости и дискриминации обусловлены социальной идентичностью, а также связаны с экономическими характеристиками субъекта или операции. Таким образом, культурные нормы могут пересекаться друг с другом и с параметрами, характеризующими принадлежность к экономическому классу, делая тех, кто был отнесен к социальным меньшинствам, еще более бесправными и отбирая у них ресурсы и еще прочнее закрепляя несправедливые модели распределения, признания и представительства (Lips, 2020). Например, существуют гендерные нормы, диктующие женщинам те роли, которые им могут принадлежать в системах производства, и указывающие, какие культуры они могут выращивать (Arndt and Tarp, 2000; Carr, 2008). Помимо производства, обрабатывающей промышленности и торговли, гендерные допущения распространяются на ведение домашнего хозяйства и уход за членами семьи: именно женщины чаще всего заботятся о детях и занимаются закупками продуктов и приготовлением пищи. Эти роли и допущения обусловлены и усиливаются гендерными различиями в вопросах доступа к земле, кредитам и знаниям, что сказывается на возможностях женщин и мелких участников рынка получить доступ к рынкам и выполнять важные функции собственников и управленцев в производственно-сбытовых цепочках в целом.

Культурные нормы могут оказывать влияние и на политическое представительство, т. е. определять, у кого есть право голоса и субъектность в процессах принятия решений, что, в свою очередь, влияет на возможность людей на равных участвовать в экономической жизни и усугубляет существующее неравенство в плане распределения активов и результатов в области ПБП. Например, во многих секторах функции, традиционно выполняемые женщинами, недооцениваются, поэтому в политике не учитываются гендерные аспекты: женщинам не предоставляется политическое представительство, а сектора, в которых преобладают женщины (например, неформальный послепромысловый сегмент), с наименьшей вероятностью получают государственную поддержку. (Hicks *et al.*, 2022; Lawless *et al.*, 2019; Njuki, Parkins and Kaler, 2016). Примером является различное отношение к рыбакам во время пандемии COVID-19.

В нескольких странах рыбакам (обычно это мужчины) было разрешено продолжать работать, тогда как неофициальным продавцам рыбы (а это, как правило, женщины) такого разрешения не дали (Love *et al.*, 2021). Но когда у женщин – как в семье, так и на национальном уровне – больше прав на собственное мнение и инициативу, показатели в области производства продовольствия, питания и сокращения послеуборочных потерь и отходов (которые непосредственно связаны с результатами в области ПБП) в целом улучшаются (Cole *et al.*, 2020). Устранение препятствий для выражения женщинами из всех социальных групп своего мнения и обретения ими субъектности имеет решающее значение для преобразований, которые необходимы для создания справедливых продовольственных систем (Njuki, Parkins and Kaler, 2016). Но меры по устранению дисбаланса сил должны быть очень хорошо продуманными, иначе они могут вызвать общественное недовольство (ВПП, 2021).

В некоторых случаях институционализированные культурные нормы, которые не признают права определенных социальных групп и, таким образом, маргинализируют их, являются результатом исторических процессов, но имеют и проявления в настоящем. Например, некоторые коренные народы считают всех живых и неживых существ равными (ФАО, 2021) и рассматривают природу – горы, аборигенные культуры, ландшафты и дикую флору и фауну – как неотъемлемую часть наследия их предков и самобытности, что укрепляет их связь с предками и моральную ответственность перед будущими поколениями (Norgaard, Reed and Horn, 2011; Whyte, 2016). Правительства некоторых стран, в том числе Канады и Соединенных Штатов Америки, стремясь исправить историческую

несправедливость и поддержать процессы признания и представительства (von der Porten *et al.*, 2016), активно сотрудничают с коренными народами в целях содействия созданию прочной, здоровой и устойчивой окружающей среды, которая имеет основополагающее значение для их благополучия и средств к существованию (см., например, (Donatuto *et al.*, 2020; Donatuto, Campbell and Gregory, 2016)).

Культура не стоит на месте, а социальные, экономические и политические механизмы, меняясь, могут пересекаться с существующими социальными и культурными нормами таким образом, что результаты в области ПБП могут как улучшиться, так и ухудшиться. Меры политики могут усугублять существующее неравенство тремя основными способами: возложение бремени, связанного с преобразованиями, на и без того маргинализированные слои населения; оказание поддержки преобразованиям, которые осуществляются в интересах наиболее благополучных групп населения; непреднамеренное возложение вины и стигматизация (Hicks *et al.*, 2022; Rollins, 2023). Например, когда в рамках политики здорового питания проводится пропаганда свежих продуктов, которые нужно готовить ежедневно, и это сочетается с культурными нормами, согласно которым готовить еду должны женщины, бремя преобразований, т. е. мер, необходимых для обеспечения этой свежести, ложится на плечи женщин – и обычно это происходит в дополнение к существующему бремени забот по уходу за домашними и тех обязанностей, которые женщины выполняют на работе. Даже эффективные меры политики могут усугублять неравенство, если они в большей степени ориентированы на улучшение результатов для более благополучных групп, у которых больше возможностей извлечь выгоду из соответствующих мероприятий (Adams *et al.*, 2016). Наконец, в тех случаях, когда пагубные социальные нормы остаются невыявленными и не оспариваются, им может быть найдено "разумное" объяснение. Например, менее обеспеченные слои сельского населения часто стигматизируют, называя их "отсталыми", и лишают их или считают недостойными каких-то возможностей (Nichols, 2020). То же касается формулировок и тезисов по проблемам и мерам политики, связанным с общественным здравоохранением, продовольствием и социальной помощью, включая такие вопросы, как продовольственная помощь, отсутствие продовольственной безопасности и социальная поддержка: в этой сфере нередко формируется обвинительный дискурс, людей стигматизируют и стыдят, затрудняя доступ к продовольственной помощи тем, кто больше всего в ней нуждается (van der Horst, Pascucci and Bol, 2014; Purdam, Garratt and Esmail, 2016). Результатом плохо продуманных

мероприятий в области общественного здравоохранения, которые не поддерживают, а стигматизируют людей с ожирением, могут быть низкая самооценка и ухудшение психического здоровья таких людей, а также дискриминация на рабочем месте (van der Horst, Pascucci and Bol, 2014; Purdam, Garratt and Esmail, 2016; World Obesity Federation, 2021). Поэтому жизненно важно, чтобы в мерах политики учитывались соображения справедливости и ПБП (см. ГЛАВУ 6), так чтобы меры, воздействующие на продовольственные системы, не поощряли пагубные виды практики, а, напротив, бросали вызов несправедливым социальным нормам. В мерах политики, касающихся перераспределения, должны быть четко определены, названы и устранены причины, лежащие в основе неравенства результатов в области ПБП.

4.5.2. ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ

Берущее свое начало в дискриминационных по признаку пола культурных нормах, гендерное насилие (ГН) является формой контроля, подчинения и эксплуатации, которая усиливает гендерное неравенство и защищает существующие привилегии. Это одно из самых крайних и широко распространенных проявлений нарушений прав человека. Гендерное насилие включает в себя множество форм физического, сексуального, экономического и психологического насилия, направленного против отдельных лиц под предлогом приписываемых обществом гендерных различий (Okpara and Anugwa, 2022). Гендерное насилие встречается во всех обществах по всему миру (Castañeda Carney *et al.*, 2020): по оценкам, с гендерным насилием хотя бы раз в жизни сталкивается каждая третья женщина (ВОЗ, 2021). Гендерное насилие подрывает продовольственную безопасность отдельных лиц, домохозяйств и общин и, в свою очередь, более распространено там, где семьи плохо обеспечены продовольствием (Gibbs *et al.*, 2017; Hatcher *et al.*, 2019; Okpara and Anugwa, 2022). Лица, совершающие гендерное насилие, стремятся контролировать женщин, намеренно разрушая их связи с обществом, иногда включая и те, которые позволяют нормально функционировать продовольственным производственно-сбытовым цепочкам. Таким образом, гендерное насилие разрушает социальные связи, тогда как для обеспечения продовольственной безопасности люди должны работать сообща (Okpara and Anugwa, 2022). Риск подвергнуться гендерному насилию на рабочем месте выше в неформальном секторе, на низкооплачиваемых

работах, связанных со сбытом и дистрибуцией продуктов питания, или в случаях, когда женщины устраиваются на работу, которая традиционно считается мужской. Когда происходят интенсификация и коммерциализация секторов, женщины часто оказываются вытесненными с работы или подвергаются гендерному насилию. Именно так ведут себя мужчины, например, в молочной промышленности Кении (Castañeda Carney *et al.*, 2020) и в рыбной промышленности Объединенной Республики Танзания (Fröcklin *et al.*, 2013).

Из-за гендерной дифференциации ролей и прав женщины могут оказаться в уязвимом положении в процессе выполнения повседневных действий, необходимых для обеспечения продовольственной безопасности, таких как сбор воды или дров (Sommer *et al.*, 2015). Например, женщины, находящиеся в уязвимом положении, могут подвергаться сексуальной эксплуатации, когда власти требуют от них сексуальных услуг за право пользования землей (ПРООН, 2012) или за доступ к рыбным ресурсам (Béné and Merten, 2008; Castañeda Carney *et al.*, 2020; Fröcklin *et al.*, 2013). При попытке выйти на сельскохозяйственные рынки женщины могут столкнуться с принуждением как с формой гендерного насилия, если их партнеры стремятся контролировать финансы (Castañeda Carney *et al.*, 2020).

Во многих обстоятельствах женщины подвергаются насилию и дискриминации по целому ряду признаков. Например, женщины из числа коренного населения часто сталкиваются с пересекающимися и усиливающими друг друга формами гендерного и других видов насилия (Wijdekop, 2017). Гендерные нормы также накладываются на этническую принадлежность или гражданский статус, как в случае с женщинами мигрантами, работающими на фермах в Соединенных Штатах Америки: они могут сталкиваться сразу с несколькими формами эксплуатации, включая более низкую заработную плату, и подвергаться сексуальным домогательствам и насилию (National Farm Worker Ministry, 2018; Southern Poverty Law Centre, 2010). Кроме того, многие факторы, связанные с трудом женщин-мигрантов на фермах, включая недостаточные меры безопасности и чрезмерное использование пестицидов, могут создавать дополнительные риски для женского и репродуктивного здоровья (Habib and Fathallah, 2012).

4.6. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Увеличение численности населения в сочетании с экономическим ростом всегда будут стимулировать спрос на продовольствие и другие ресурсы (Beddington *et al.*, 2012). Однако страхи по поводу возможного демографического взрыва, который приведет к голоду и отсутствию продовольственной безопасности, часто подпитывали более общий нарратив о ПБП, и в результате от репрессивных мер больше всего страдали малоимущие слои населения. Впервые об этом заговорил живший в XVIII-XIX веках демограф и экономист Томас Мальтус. В социальных и исторических исследованиях есть свидетельства того, как меры контроля рождаемости применялись к маргинализированным общинам или использовались в качестве средства контроля и подавления, особенно в отношении женщин (Carter, 2018; Hartmann, 2016; Packard, 2016). Вместе с тем современные демографические исследования уже давно показывают, что с ростом доходов бедных слоев населения, а также уровней грамотности и образования женщин, суммарный коэффициент рождаемости снижается (PRB, 2011). Одно только образование способствует расширению прав и возможностей женщин и обеспечению равенства, а также улучшению результатов в области питания и здоровья как матерей, так и детей (Black, 2016; PRB, 2011). Улучшению результатов в области питания и здоровья матерей и детей способствуют также откладывание материнства на более поздний срок и увеличение интервала между деторождениями, что сулит и потенциальные преимущества для будущих поколений (Kozuki *et al.*, 2015).

Демографические изменения происходят неравномерно. Например, доля мирового населения, проживающего в городских районах, в 2018 году увеличилась с 30 до 55 процентов по сравнению с 1950 годом и, по прогнозам, к 2050 году достигнет 68 процентов (ООН, 2019). Но показатели урбанизации неоднородны: в Северной Америке в городских районах проживает 82 процента населения, а в Африке – всего 43 процента. Однако Африканский континент, начиная с более низкой базы, урбанизируется самыми быстрыми темпами: по прогнозам, за период с 2018 по 2050 год численность городского населения должна там увеличиться втрое (ООН, 2019b). Принято считать, что причиной урбанизации является отток населения из сельской местности в города, но в СНСД урбанизация все в большей степени обусловлена естественным ростом (Menashe-Oren and Vosquier, 2021). Эта непрерывная урбанизация преобразует продовольственные системы

и результаты в области ПБП. Воздействие этого процесса на неравенство результатов в области ПБП носит комплексный и разнонаправленный характер. По итогам обзора существующей литературы по этой тематике де Брин, Денгеринк и ван Влит разработали концептуальную модель разнонаправленных взаимосвязей между урбанизацией (представленной как рост населения, миграция из сельской местности в города, рост городов и социально-экономическое развитие) и преобразованием источников средств к существованию в сельской местности и продовольственных систем (de Bruin, Dengerink and van Vliet, 2021). Авторы утверждают, что урбанизация стимулирует четыре ключевых элемента преобразований продовольственных систем: увеличение совокупного спроса, изменения покупательной способности и пищевых предпочтений, формализация и усложнение производственно-сбытовых цепочек и изменения землепользования. Впоследствии эти преобразования продовольственных систем играют свою роль в возникновении неравенства и в формировании результатов в области ПБП как в сельских, так и в городских районах. Поэтому очень важно понимать, как урбанизация влияет на развитие городов и сельских районов и продовольственных систем в конкретных условиях.

Несмотря на то, что во всем мире доля бедного населения в сельских районах остается выше, чем в городских (ДЭСВ ООН, 2021), урбанизация и естественный прирост населения в городах привели к тому, что в городских трущобах сейчас живет порядка миллиарда человек. Это городское население часто более уязвимо к отсутствию продовольственной безопасности, чем сельское, и имеет более высокие показатели ожирения и отставания в росте у детей (см. раздел 2.2.4). В период с 1985 по 2011 год количество детей

с отставанием в росте сократилось во всем мире, а в сельских районах сократилось значительно, но в городах показатели отставания в росте детей практически не изменились (Ruel *et al.*, 2017). Следует также отметить, что, хотя показатели ожирения растут во всем мире, в городах эта проблема распространена больше, чем в сельских районах (Ruel *et al.*, 2017). Таким образом, и в сельских, и в городских районах необходимы целенаправленные меры политики, мероприятия и инвестиции, и необходима постоянная работа по изучению характера связей между городом и деревней (как в местном масштабе, так и более отдаленных). Коренные народы давно знают о косвенном воздействии урбанизации на риски, связанные с ПБП. Как сказала Норма Касси, говоря о своей общине Гвичин, "Мы же не можем просто взять и изменить свой рацион. Если бы мы вдруг начали есть больше магазинных продуктов, то у нас увеличилась бы заболеваемость и стал бы выше уровень смертности, потому что это были бы слишком быстрые изменения, слишком сильный шок для организма" (Whyte, 2018, p. 138). У коренных народов, живущих при поселенческом колониализме, как, например, народ онондага в Северной Америке, более высокие показатели заболеваемости диабетом второго типа и сердечно-сосудистыми заболеваниями, чем у их белых собратьев. Согласно недавнему отчету, 65,9 процента взрослых в округе Онондага имеют избыточный вес или страдают ожирением, что повышает их риски развития ряда хронических заболеваний (Onondaga County Health Department, 2021).

Глава 5

МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ И ДРУГИХ СИСТЕМАХ В ЦЕЛЯХ УЛУЧШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ В ОБЛАСТИ ПБП

©Quang Nguyen vinh

©Wirestock

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

- Для того чтобы обеспечить учет соображений справедливости в политике и программах, в их основу должны быть положены следующие основные принципы: умение адаптироваться к местным реалиям; обеспечение субъектности и работа над отменой несправедливых норм; и устранение дисбаланса сил.
- В продовольственных и связанных с ними системах возможны самые разные меры по сокращению неравенства в области ПБП.
- В области **производства продовольствия** основными направлениями деятельности по сокращению неравенства в области ПБП являются: i) обеспечение более справедливого доступа к земельным, лесным, животноводческим и рыбным ресурсам; ii) применение агроэкологических принципов в производстве и в продовольственных системах в целом; iii) создание инклюзивных объединений производителей; и iv) инвестиции в государственные исследования агропродовольственных систем и другие государственных инвестиции в развитие сельских районов с учетом принципа справедливости.
- Направления деятельности, связанные с **продовольственными товаропроводящими цепочками**, включают: i) внедрение инклюзивных подходов в масштабах всей цепочки; ii) разработка мер политики, стратегий и программ по охране труда для работников продовольственной системы; iii) рассмотрение возможности применения территориальных подходов в продовольственных системах и в планировании регионального развития; iv) инвестирование в инфраструктуру хранения, переработки и распределения продовольствия с учетом принципа справедливости; и v) инвестирование в совершенствование информационных систем, использование преимуществ цифровых технологий.
- Основными направлениями деятельности, связанной с **продовольственной средой и потреблением**, являются: i) планирование и управление в продовольственной среде; ii) учет поведенческих аспектов при разработке политики и программ; и iii) укрепление систем социальной защиты.
- Основными направлениями деятельности, связанными с **созданием благоприятных условий, общей ситуацией и управлением**, являются: i) политика и планирование, способствующие улучшению ситуации с продовольствием и питанием; ii) устранение доминирования корпораций в вопросах управления; iii) всеобщий охват услугами здравоохранения, включая вопросы питания; iv) целостный подход к вопросам климата и устойчивости; и v) инклюзивный рост в интересах обеспечения ПБП и политика, ориентированная не только на экономический рост.

В этой главе представлены меры, которые могут быть приняты в продовольственных системах и других секторах, имеющих отношение к ПБП, для уменьшения неравенства в области ПБП (см. разделы 5.2–5.5). Этот перечень направлений деятельности не является исчерпывающим. Правильнее будет сказать, что это приоритетные направления, обладающие значительным потенциалом в плане сокращения основных описанных ранее видов неравенства в области ПБП. Они включают как постепенные, так и кардинальные меры, охватывающие продовольственную систему и ситуацию в целом. Ради простоты изложения мы сгруппировали эти направления деятельности по четырем большим категориям: **производство продовольствия; продовольственные товаропроводящие цепочки; продовольственная среда и потребление; и создание благоприятных**

условий, общая ситуация и управление. При этом, однако, следует отметить, что некоторые из этих направлений попадают сразу в несколько категорий, а какие-то даже охватывают всю продовольственную систему в целом.

Эти направления были определены с учетом общих основных принципов обеспечения справедливости, описанных в разделе 5.1 (умение адаптироваться к местным реалиям, обеспечение субъектности и устранение дисбаланса сил), которые следует иметь в виду в процессе решения проблемы неравенства в области ПБП, чтобы обеспечить стабильные результаты. Эти принципы можно рассматривать вместе с **РИСУНКОМ 12** из **ГЛАВЫ 6** ("Рекомендации"), в которой подробно описана дорожная карта для разработки политики, обеспечивающей учет соображений справедливости.

5.1. ГЛАВНЫЕ ПРИНЦИПЫ, КОТОРЫМ НУЖНО СЛЕДОВАТЬ, РАЗРАБАТЫВАЯ МЕРОПРИЯТИЯ, ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

5.1.1. УМЕНИЕ АДАПТИРОВАТЬСЯ К МЕСТНЫМ РЕАЛИЯМ

ГЭВУ-ПБП подчеркивает, что необходимо признавать разнообразие ситуаций в разных странах и внутри них и предлагать меры с учетом местных реалий, поскольку продовольственные системы находятся в различных экологических, политических, социокультурных и экономических условиях и сталкиваются с разными вызовами. Как уже говорилось в этом докладе, понимание контекста абсолютно необходимо для понимания масштабов проблемы неравенства в сфере ПБП и различного характера воздействия этого неравенства на разные группы населения, для установления основных причин неравенства и, соответственно, для разработки политики с учетом специфики конкретных стран, способствующей достижению более высоких и более справедливых результатов. Местные реалии важны настолько, что ни одна мера политики и ни один комплекс мероприятий не могут быть приняты в полном объеме без учета местной ситуации с неравенством. В том же докладе ГЭВУ-ПБП отмечает, что предлагаемые меры должны сочетать технические и политические аспекты с местными, привлекать соответствующих субъектов на справедливой основе в различных масштабах и сочетать местные и поэтапные изменения со структурными преобразованиями более общего характера в зависимости от конкретной ситуации.

5.1.2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ И ОТМЕНА НЕСПРАВЕДЛИВЫХ НОРМ

Субъектность – это важнейший принцип, обеспечение которого способствует решению проблем неравенства и несправедливости. В решении вопросов распределения в "механизме обеспечения справедливости" основополагающим моментом является признание взглядов, потребностей и предпочтений различных групп, а также обеспечение подлинного представительства, т. е. участия различных групп в принятии решений

о действиях, наиболее соответствующих конкретным реалиям. Это важнейшие аспекты субъектности. Например, девиз, давно используемый в движении инвалидов, звучит так: "ничего для нас без нас". Имеется в виду, что общение с маргинализированными группами или разговоры о них (например, информирование их о новой программе или политике) – это не то же самое, что политика, приносящая им непосредственную пользу. И получать пользу от каких-то преобразований – не то же самое, что иметь возможность в полной мере участвовать в процессах принятия решений, что, опять же, не то же самое, что преобразование общественных отношений, которые являются главным фактором, ограничивающим субъектность людей (Quisumbing, 2019). Устранение такого фундаментального дисбаланса сил, как, например, гендерная или этническая дискриминация, является наиболее масштабной целью обеспечения справедливости. Акцент на расширении прав и возможностей как аспекте субъектности без учета перераспределения ресурсов и властных полномочий (Kabeer, 1999) не приведет к преобразованию основных структур власти, которые и мешают людям реализовать свою субъектность в вопросах ПБП. В представленной в настоящем докладе концептуальной модели это предполагает меры, обеспечивающие реализацию сразу трех задач: перераспределения, признания и представительства.

5.1.3. УСТРАНЕНИЕ ДИСБАЛАНСА СИЛ

Дисбаланс сил имеет много различных измерений: от концентрации корпоративной власти и неравенства в плане участия в политической жизни до социальных норм, ограничивающих права и возможности определенных групп населения. Коллективные подходы, применяемые для обеспечения равноправного участия и устранения дисбаланса сил в процессе принятия решений и разработки программ, практикуются очень давно (George *et al.*, 2015). Методы коллективного обучения и оценки – например, когда женщины из числа сельского населения и маргинализированных групп вместе определяли проблемы и находили решения, связанные с неполноценным питанием – были более эффективны в борьбе с детским истощением (Gore *et al.*, 2019) и в обеспечении разнообразия рациона (Prost *et al.*, 2022), если это сочеталось с другими мероприятиями, такими как организация детских яслей, помощь с питанием на дому и создание обучающих видеоматериалов. Меры социальной ответственности, такие как общественный контроль качества продуктов питания или медицинских услуг, также продемонстрировали свой потенциал в плане совершенствования местных форм гражданского участия и принятия решений маргинализированными группами в Одише, Индия (Gordon *et al.*, 2019). Если говорить о проведении исследований, то методы, основанные на широком участии и практических

действиях, могут заложить фундамент справедливого подхода к разработке политики на основе фактологических данных и мероприятий с учетом интересов общин. Устранение дисбаланса сил как элемент инклюзивного управления является также важным аспектом подхода, ориентированного на обеспечение справедливости (см. раздел 5.5), и может осуществляться в самых разных ситуациях. Однако необходимо позаботиться о том, чтобы повышение уровня участия граждан не давало государству возможности отказаться от ответственности за преобразование продовольственной системы.

5.2. МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

5.2.1. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЛЕЕ СПРАВЕДЛИВОГО ДОСТУПА К РЕСУРСАМ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Меры по обеспечению более справедливого доступа к производственным ресурсам, таким как земля, домашний скот, леса и рыболовство, должны соответствовать местным реалиям, пользоваться широкой поддержкой в обществе и быть элементом процесса, основанного на полноценном участии. Они должны касаться не только права собственности, но и в полной мере учитывать вопросы доступа и контроля, а также интересы групп, которые в этом контексте находятся в особенно неблагоприятном положении, включая женщин, коренные народы и малоимущие слои населения (МЗК, 2020). Меры по сокращению неравенства в доступе к ресурсам для производства продовольствия наиболее эффективны, если они включены в комплекс дополнительных мер по сокращению неравенства более общего характера, таких как содействие созданию инклюзивных производственно-сбытовых цепочек и территориальных рынков (этот вопрос рассматривается в последующих разделах).

Прежде всего необходимо обеспечить защиту коллективных прав владения и пользования земельными, лесными и водными ресурсами, которые жизненно необходимы для обеспечения ПБП многих уязвимых общин во всем мире (при этом необходимо также признать, что некоторым системам коллективного владения и пользования ресурсами неравенство может быть присуще по определению) (Goldstein and Udry, 2008). Примером

здесь являются постоянные усилия по обеспечению признания и защиты традиционных прав коренных народов на землю посредством составления карт и соответствующей документации (Guereña and Wegerif, 2019). Необходимо разработать конструктивные механизмы повсеместного применения прописанного в ДПКН ООН принципа свободного, предварительного и обоснованного согласия (ООН, 2007), так чтобы реализация проектов, связанных с земельными, лесными и водными ресурсами, полностью зависела от согласия общин (ФАО, 2016).

Крайне необходимы меры, позволяющие существенно улучшить ситуацию, связанную с переуступкой прав, подотчетностью и получением согласия местных или общинных органов на приобретение земельных, лесных и водных ресурсов корпорациями и международными структурами. Несмотря на наличие соответствующих рекомендаций, таких как Принципы ответственного инвестирования в агропродовольственные системы и разработанные КВПБ Добровольные руководящие принципы ответственного регулирования вопросов владения и пользования земельными, рыбными и лесными ресурсами, с их реализацией на практике есть серьезные проблемы (МЗК, 2020). Один из методов повышения прозрачности и подотчетности заключается в том, что страны должны требовать у проектов и компаний, чтобы они размещали данные о крупных инвестициях в земельные и другие природные ресурсы в открытом доступе, например в общедоступной базе данных Landmatrix.org (Flachsbarth *et al.*, 2020).

Содействие обеспечению более справедливого доступа к земле является столь же сложной, сколь и важной задачей. Для того чтобы обеспечить баланс всех плюсов и минусов, присущих функционированию земельных рынков, необходимо разработать нормативные требования, отвечающие местным реалиям. Гарантированные права владения и пользования землей и хорошо функционирующие земельные рынки, наличие которых способствует созданию земельных кадастров и обеспечению правовой определенности в отношении прав собственности, могут стимулировать передачу земель для их наиболее продуктивного использования, содействовать инвестициям в земельные ресурсы и создавать обеспечение по кредитам (Deininger, 2003), тогда как нерегулируемые земельные рынки часто становятся инструментами социальной изоляции и концентрации. При передаче и перераспределении земель, возможно, придется столкнуться с тем, что простая переуступка юридических прав может не быть гарантией владения и пользования и не стать стимулом для инвестирования в эту землю. Сохранение этих прав может зависеть от политической власти (Goldstein and Udry, 2008). Для усиления гарантий владения и пользования и облегчения процедур купли-продажи земли необходимо рассмотреть возможность введения институциональных

ВРЕЗКА 10:

УСПЕШНЫЙ ОПЫТ РЕГИСТРАЦИИ И УДОСТОВЕРЕНИЯ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ В ЭФИОПИИ

Признавая важность гарантированных прав на землю для обеспечения средств к существованию, справедливости, продуктивности и, соответственно, продовольственной безопасности, многие страны создали правовые механизмы для официального оформления прав на землю. Но на практике успешными оказались далеко не все: к числу распространенных недостатков таких механизмов можно отнести подходы "сверху вниз", недостаточно активную работу по повышению осведомленности населения о правах и высокие затраты на внедрение. Исключением стала программа регистрации и сертификации земель в Эфиопии, проводившаяся в период с 1998 по 2005 год, в рамках которой регистрировались, а затем удостоверялись права на землю, что позволило в течение нескольких лет обеспечить высокий охват при низких затратах. Ключевыми факторами успеха этой программы были практичность (во главу угла были поставлены права пользования, а не полная гарантия прав собственности), основанный на широком участии подход "снизу вверх" к вынесению решений на уровне общин и использование малозатратных общинных методов определения границ полей. Важной особенностью был акцент на гендерном равенстве: свидетельства о правах на землю оформлялись совместно на обоих супругов. Целый ряд исследований показал, что эта программа укрепила гарантии прав владения и пользования землей, стимулировала приток инвестиций в земельные ресурсы и повысила продуктивность; кроме того, с увеличением срока действия свидетельств о праве собственности увеличились потребительские расходы домохозяйств.

Источники: Bezu, S. & Holden, S. 2014. *Demand for second-stage land certification in Ethiopia: Evidence from household panel data*. *Land Use Policy*, 41: 193–205 and Deininger, K., Ali, D.A., Holden, S. & Zevenbergen, J. 2008. *Rural Land Certification in Ethiopia: Process, Initial Impact, and Implications for Other African Countries*. *World Development*, 36(10): 1786–1812.

инноваций, таких как создание "земельных банков" (Aryeetey and Udry, 2010), а также соответствующих нормативных требований, например ограничений иностранной собственности на землю и обеспечения правовой защиты арендаторов. Важно также применять целостный подход к организации мер по созданию более справедливого доступа к земле и понять, что еще нужно для того, чтобы перераспределение приводило к укреплению источников средств к существованию и улучшению ситуации в области ПБП. Например, мероприятия, проводимые в рамках земельной реформы, должны также гарантировать, что получатели обладают соответствующей квалификацией в области производства продовольствия.

Меры по укреплению прав женщин на землю, включая их юридическое признание и права наследования, абсолютно необходимы для укрепления гендерного равенства как внутри домохозяйств, так и в целом и, соответственно, для улучшения результатов в области ПБП. Это необязательно подразумевает передачу правового титула. Мощное воздействие могут оказать программы, предусматривающие официальное признание и документальное оформление прав и полностью открытые для женщин, как, например, программа сертификации земель в сельских районах Эфиопии (см. врезку 10) и программа упорядочения земельных отношений в Руанде (Ali, Deininger and Goldstein, 2014). При этом следует иметь в виду, что во многих странах само по себе юридическое признание или передача титула не всегда обеспечивают женщинам реальную возможность контролировать активы (Harris-Fry *et al.*, 2020), и что потребуются дальнейшая работа

по адаптации соответствующих социальных норм и установок.

Животноводство является менее сложной альтернативой, используемой для выравнивания активов, особенно в плане обеспечения женщинам прав доступа и возможностей контроля. Одной из распространенных мер, применяемых для достижения паритета в вопросах владения животноводческими активами и обеспечения потенциала для увеличения потребления продуктов животного происхождения (Rawlins *et al.*, 2014), а также для участия в производственно-сбытовых цепочках и рыночной торговле, является раздача скота мелким фермерам. С точки зрения гендерного равенства и обеспечения ПБП особенно многообещающими оказались программы в области мелкого животноводства. Устойчивые способы поддержки малоимущих и маргинализированных групп и улучшения ситуации с ПБП в таких группах предлагают программы в области маломасштабного рыболовства (March and Failler, 2022) и решения, связанные с посадкой деревьев (Ickowitz *et al.*, 2022).

5.2.2. АГРОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ И В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ В ЦЕЛОМ

Агроэкология определяется как "применение экологических концепций и принципов к созданию устойчивых агроэкосистем и управлению ими" (Altieri, 1995, p. 8). Она является отражением

научного, практического и общественного движения, предполагающего полное переосмысление сути продовольственных систем в том виде, в котором они существуют сейчас. Одним из основополагающих принципов агроэкологии является социальная справедливость, связанная с совместным созданием знаний, социальных ценностей и рационов питания, управлением земельными и другими ресурсами, участием, добросовестностью и связностью. ГЭВУ-ПБП в своем докладе за 2019 год приводит фактологические данные, демонстрирующие ценность использования агроэкологии как одного из главных элементов структурной реформы продовольственных систем, необходимой для достижения глобальных целей в области устойчивости и справедливости. В шестом оценочном докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата также отмечена важность "использования агроэкологических принципов и практик и других подходов, в которых задействуются природные процессы" в качестве эффективной стратегии адаптации к климатическим рискам и их снижения и отмечена "высокая степень доверия" к доказательной базе (МГЭИК, 2023, р. 8).

Агроэкология стала одним из ключевых подходов, используемых для укрепления источников средств к существованию мелких фермеров, искоренения голода и повышения устойчивости агроэкосистем к внешним факторам (Gliessman and Ferguson, 2020). Агроэкология часто – хотя и не всегда – связана с рядом политических преобразований более общего характера, за которые выступают сторонники идеи продовольственного суверенитета (Wezel *et al.*, 2020). Утверждается, что агроэкология в сочетании с преобразованиями более общего характера обеспечивает совокупность важных мер, которые можно использовать для устранения структурного социально экономического неравенства в сфере ПБП с точки зрения владения землей, самообеспеченности и политического контроля. Эти две концепции также позволяют коренным народам осуществлять свои права в качестве хранителей земель и принимать участие в восстановлении отношений между человеком и природой в рамках естественных процессов.

База фактологических данных о влиянии агроэкологии на ПБП быстро растет по мере апробирования и адаптации различных подходов в различных условиях. По итогам обзора 56 исследований почти в четырех пятых из них были выявлены положительные результаты (Bezner Kerr *et al.*, 2021) и отмечено, что для масштабирования воздействия очень важен аспект социальной справедливости в агроэкологических системах. Если же сравнивать агроэкологию с системами интенсивного земледелия, то выявляются проблемы с воздействием на окружающую среду, воздействием на климат и интенсивностью землепользования (ГЭВУ, 2019). В этой области предстоит еще большая работа, которая поможет очень многим научиться, особенно в плане ведения документации

о воздействии агроэкологии на неравенство в области ПБП, а также о ее роли в улучшении рациона питания и повышении продовольственной безопасности (Bezner Kerr *et al.*, 2022).

Если говорить о практических изменениях в системах ПБП, то ГЭВУ-ПБП сформулировала 13 принципов агроэкологии (ГЭВУ, 2019) (которые являются развитием десяти принципов, предложенных ФАО в рамках процесса консультаций) (ФАО, 2018a), шесть из которых были отмечены ГЭВУ-ПБП как ориентированные на обеспечение справедливости, а остальные, в контексте настоящего доклада, мы обозначаем как обеспечивающие учет соображений справедливости, имея в виду экологическую и социальную уязвимость маргинализированных общин. Принципами агроэкологии, ориентированными на обеспечение справедливости, были названы: развитие процесса совместного создания знаний; признание того факта, что социальные ценности являются неотъемлемым элементом рациона и формируют его; признание того факта, что достойные источники средств к существованию и справедливое отношение к правам интеллектуальной собственности критически важны для всех участников продовольственной системы; улучшение связности и близкого взаимодействия между производителями и потребителями; укрепление механизмов управления земельными и природными ресурсами в интересах маргинализированных групп и расширение участия в более децентрализованных и адаптивных системах управления (ГЭВУ, 2019).

5.2.3. ИНКЛЮЗИВНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Преодолению многих видов неравенства и социальной изоляции, с которыми сталкиваются мелкие производители, могут способствовать коллективные действия, осуществляемые путем официального объединения производителей. Сейчас появились различные типы объединений производителей (ОП), включая кооперативы, сбытовые объединения фермеров, группы самопомощи, финансовые ассоциации, компании производители и их различные комбинации.

В зависимости от своей ориентации ОП могут обеспечивать различные механизмы расширения участия, инклюзии и влияния мелких производителей. Сотрудничество в вопросах производства может способствовать объединению технических знаний и помогать в управлении природными ресурсами, в том числе, например, водными на территории смежных хозяйств. Сторонним поставщикам услуг, таким как информационно-консультационные службы, тоже выгоднее работать с группами, чем с отдельными производителями. Например, Программа субсидирования затрат фермерских хозяйств Замбии использует ОП для предоставления

ВРЕЗКА 11:

УСПЕШНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЛКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ КОФЕ КОЛУМБИИ

Национальная федерация производителей кофе Колумбии (FEDCAFE) – одно из самых старых и успешных объединений производителей в мире. Она была образована в 1927 году, когда могущественные иностранные экспортные компании скупали кофе у колумбийских производителей по ценам в несколько раз ниже мировых. Сейчас федерация насчитывает более полумиллиона членов, большинство из которых являются мелкими семейными фермерскими хозяйствами. Благодаря этой коллективной мощи федерация заключает выгодные контракты с крупными обжарочными фирмами, занимающими доминирующее положение на кофейном рынке. В сотрудничестве с правительством Колумбии федерация управляет кофейным фондом, который обеспечивает стабильность доходов членов за счет пополнения фонда в период, когда цены на кофе повышаются, и используя этот фонд для хранения кофе при низких ценах на него. Одной из главных особенностей FEDCAFE является то, что она вкладывает значительные средства в исследования кофе в Колумбии, а также в инфраструктуру и государственные услуги в регионах – производителях кофе, финансируемые за счет экспортных пошлин. Таким образом, FEDCAFE удалось объединить общим делом как элитных, так и мелких колумбийских производителей, что пошло на пользу их общим интересам.

Источники: Bentley, J.W. & Baker, P.S. 2000. *The Colombian coffee growers' federation: organised, successful smallholder farmers for 70 years*. The Colombian coffee growers' federation: organised, successful smallholder farmers for 70 years and Bosc, P.-M. 2018. *Empowering through collective action*. IFAD Research Series 29. International Fund for Agricultural Development (IFAD).

фермерам субсидий на покупку удобрений (Minah and Carletti, 2019). Коллективный маркетинг может снизить транзакционные издержки, особенно для мелких производителей (например, за счет совместной транспортировки продукции на рынок), усилить их позиции на рынке, а также увеличить прибыль и уменьшить риски за счет предоставления рыночной информации и поиска стабильных рынков. Кроме того, он может помочь преодолеть проблему масштаба в случае поставок в современные производственно-сбытовые цепочки. Во ВРЕЗКЕ 11 описан пример весьма успешного ОП, которое позволило мелким производителям усилить свои позиции в сложной международной производственно-сбытовой цепочке.

На практике результаты деятельности многих ОП неоднозначны. Чаще всего обнаруживается, что участие влечет увеличение дохода, однако связь с продовольственной безопасностью пока изучена и выявлена лишь в редких случаях (Bizikova *et al.*, 2020). Участие в ОП может уменьшать неравенство за счет создания каких-то возможностей для участников. Но предметом неравенства может быть и сама возможность участия в ОП (Bijman and Wijers, 2019; Chirwa *et al.*, 2005; Shiferaw *et al.*, 2015). Бизикова и соавторы (2020) обнаружили, что важными факторами, определяющими возможность участия в ОП, являются доступ к земле и другим активам,

бедность, уровень образования и удаленность от рынка. Препятствием может быть и гендерный фактор, а участие в ОП может усиливать контроль мужчин над ресурсами в домохозяйствах (Bizikova *et al.*, 2020).

Организуя ОП, важно обеспечить его инклюзивность: это будет гарантией справедливого представительства. В этой связи нужно учитывать следующие соображения:

1. Необходимо найти баланс: добиться бизнес-целей при максимально возможной инклюзивности (Shiferaw *et al.*, 2015).
2. Могут потребоваться дополнительные меры для содействия участию маргинализированных групп. Это может быть финансовая помощь в оплате взносов или мероприятия по снижению высоких альтернативных издержек участия женщин – с учетом их нагрузки на работе и домашних обязанностей (Minah and Carletti, 2019).
3. Состав и принципы работы группы обеспечивают различные преимущества. Более крупные и разнородные ОП могут получить более значимую экономию от масштаба и инклюзивности, но бывают менее сплоченными.

5.2.4 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, И ДРУГИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ

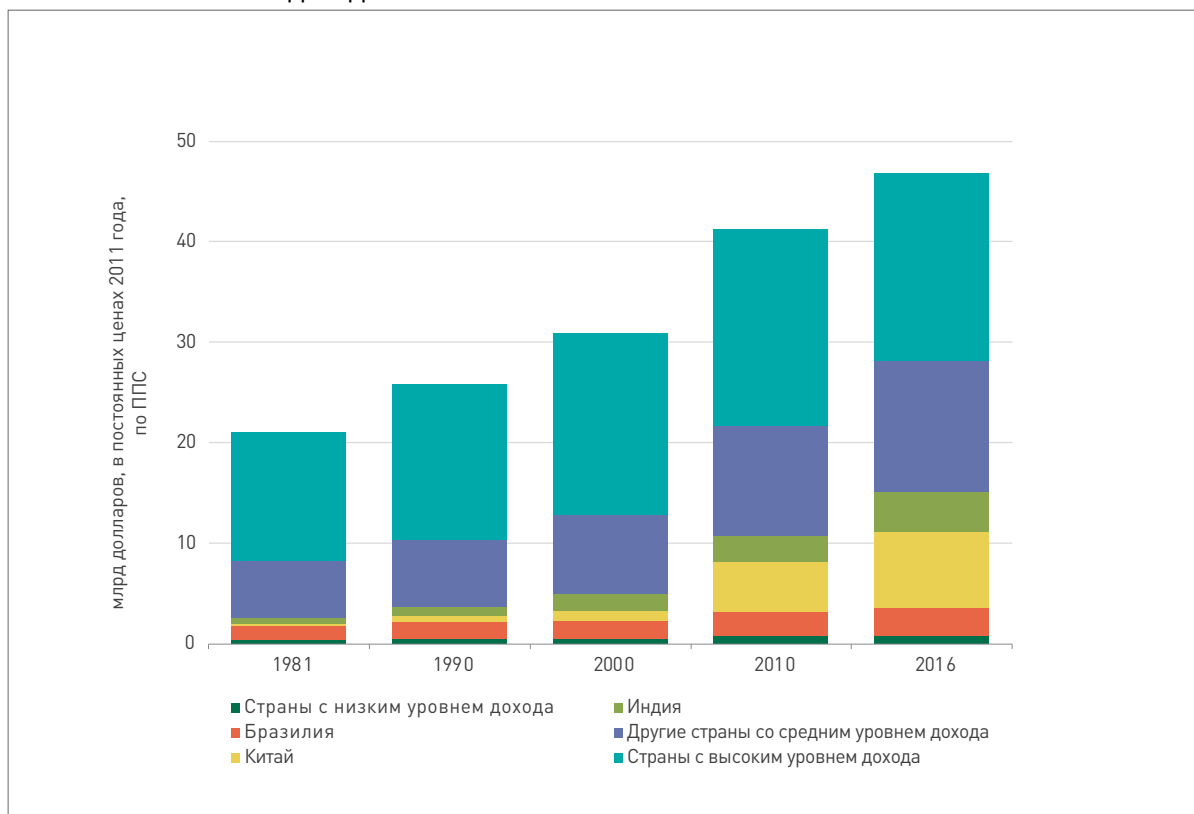
Для повышения доходов сельских жителей правительства часто используют субсидии и другие формы поддержки, но повышение доходов как от сельскохозяйственной, так и от несельскохозяйственной деятельности на селе должно быть элементом какого-то долгосрочного и устойчивого решения (Byerlee, de Janvry and Sadoulet, 2009). Это особенно необходимо потому, что разрыв между доходами городских и сельских жителей и их результатами в области ПБП увеличивается, а кроме того, появляется неравенство в самих сельских районах: в крайне неблагоприятном

положении оказываются те, кто живет в отдаленных и богарных районах.

Рост сельского хозяйства помогает сократить масштабы нищеты (Christiaensen, Demery and Kuhl, 2011) и является важным фактором сокращения неравенства доходов (Imai, Cheng and Gaiha, 2015). Важными механизмами обеспечения роста и повышения доходов сельских жителей являются государственные инвестиции в сельские районы, в том числе в сельскохозяйственные исследования и сельскую инфраструктуру. Необходимо обеспечить, чтобы страны не просто инвестировали в сельское хозяйство и развитие сельских районов, но и соблюдали при этом баланс между районами с высоким и низким потенциалом. Инвестиции в районы с высоким потенциалом важны для обеспечения наличия продовольствия и поддержания низких цен на него, а инвестиции в районы с низким потенциалом (в сельскохозяйственную или несельскохозяйственную деятельность, в зависимости от местных условий) особенно важны с точки зрения обеспечения равенства (Fan and Hazell, 2001).

РИСУНОК 11:

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЗНЫХ СТРАНАХ В РАЗБИВКЕ ПО УРОВНЮ ДОХОДА

Источник: Stads, G.-J., Wiebe, K.D., Nin-Pratt, A., Sulser, T.B., Benfica, R., Reda, F. & Khetarpal, R. 2022. *Research for the future: Investments for efficiency, sustainability, and equity*. International Food Policy Research Institute (IFPRI).

Было доказано, что сельскохозяйственные исследования являются важным инструментом стимулирования роста сельского хозяйства и сокращения масштабов нищеты (Pray, Masters and Ayoub, 2017; Thirtle, Lin and Piesse, 2003). И если частные системы НИОКР по понятным причинам ориентированы на технологии, рассчитанные на более состоятельных производителей и регионы, где генерируется большая прибыль, то глобальная система государственных сельскохозяйственных исследований и национальные системы сельскохозяйственных исследований необходимы для содействия справедливому росту в сельских районах, который имеет решающее значение для сокращения неравенства и улучшения ситуации в области ПБП. Поэтому стимулирование государственных сельскохозяйственных исследований является важным инструментом содействия равенству в области ПБП. В центре внимания государственных сельскохозяйственных НИОКР всегда были исследования в области сельскохозяйственного производства. Но нужно также усилить внимание к исследованиям в нижних звеньях производственно-сбытовой цепочки, включая организацию цепочки, дистрибуцию, переработку, хранение и рынки сбыта, отразив текущие преобразования продовольственных систем, а также потребности в инновациях, связанные с изменением климата.

В области инвестиций в сельскохозяйственные исследования имеет место сильное региональное неравенство, которое необходимо устранить. Например, существенно разнятся расходы на сельскохозяйственные НИОКР в разных странах. На [РИСУНКЕ 11](#) видно, что расходы на сельскохозяйственные НИОКР в Бразилии, Китае, Индии и других странах со средним уровнем дохода за последние десятилетия заметно выросли, а в странах с низким уровнем дохода эти расходы очень низкие и практически не растут (Stads *et al.*, 2022).

В частности, в Африке расходы на НИОКР значительно ниже, чем в большинстве других регионов, а на самом африканском континенте расходы в Центральной, Северной и Западной Африке намного ниже, чем в Восточной и Южной (Suri and Udry, 2022). Недавние оценки (Sulser *et al.*, 2021) показывают, что стимулирование НИОКР в области сельского хозяйства может сыграть важную роль в смягчении воздействия изменения климата на ситуацию с голодом. Одним из главных компонентов государственных сельскохозяйственных исследований всегда будет повышение продуктивности традиционно важных сырьевых товаров, но нужно сделать так, чтобы в портфеле исследований пристальное внимание уделялось вопросам справедливости, в том числе инвестициям в растениеводство и животноводство в маргинальных условиях и в малопродуктивных богарных районах, а также инвестициям в технологии, обеспечивающие устойчивость к изменению климата, в интересах

мелких фермеров. Это может включать разработку исследований с учетом местных условий, например с применением методов НИОКР, предполагающих коллективное участие (Etten *et al.*, 2016).

Важно также, чтобы системы сельскохозяйственных исследований были в большей степени ориентированы на гендерные преобразования. В работе (Meinzen-Dick *et al.*, 2010) названы некоторые важные аспекты в этой связи: i) включение проблематики гендерного равенства в перечень стратегических приоритетов, в результате чего могут появиться новые важные направления работы, например связанные с растениеводством или животноводством, особенно важные для ПБП домохозяйств; ii) учет гендерной проблематики во всех аспектах исследовательского цикла, от расстановки приоритетов до разработки, распространения и оценки технологий; и iii) включение соображений гендерного равенства в систему создания благоприятных условий, включая меры политики и институты.

5.3. МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОВОДЯЩИХ ЦЕПОЧКАХ

5.3.1. ИНКЛЮЗИВНЫЕ ПОДХОДЫ В МАСШТАБАХ ВСЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННО-СБЫТОВОЙ ЦЕПОЧКИ

Инклюзивные подходы в масштабах всей производственно-сбытовой цепочки призваны расширить участие в рыночной деятельности, обеспечить справедливое распределение результатов этой деятельности (таких как доход и наличие продовольствия) и усилить субъектность всех участников производственно-сбытовой цепочки независимо от гендерной принадлежности, социально-экономического статуса и роли в этой цепочке (ЮНИДО, 2011). Набирают популярность многосторонние платформы (а также инновационные платформы и коллективные подходы в масштабах торговой сети), объединяющие различных, в том числе маргинализированных, субъектов для участия в принятии решений в производственно-сбытовой цепочке (Barzola Iza, Dentoni and Omta, 2020; Devaux *et al.*, 2018). Результаты изучения цепочек производства и сбыта продукции садоводства

и животноводства в странах Африки к югу от Сахары и Латинской Америки говорят о том, что производительность мелких фермеров, их рыночные связи и возможности получения дохода можно улучшить за счет создания стратегических альянсов во всех звеньях производственно-сбытовой цепочки (с поставщиками вводимых ресурсов из верхних звеньев, а также с поставщиками услуг и с покупателями из нижних звеньев), предоставления им финансовой помощи для приобретения производственных активов (такой как гранты и льготные кредиты), а также организации взаимодействия с местными субъектами (такими как исследователи и специалисты-практики), которые могут поделиться какими-то идеями и новой информацией (Devaux *et al.*, 2009; Donovan and Poole, 2014; van Ewijk and Ros-Tonen, 2021). Результатом этого процесса взаимного обучения становятся всевозможные инновации в производственно-сбытовой цепочке, положительно отражающиеся на источниках средств к существованию и ситуации с продовольственной безопасностью (Cavatassi *et al.*, 2011; Horton *et al.*, 2022).

В то же время роль этих платформ подвергается критике на глобальном и местном уровнях, поскольку некоторые считают, что эти платформы захвачены элитами и вместо того чтобы устранять существующее неравенство возможностей, они его только укрепляют (Clapp, 2017; McKeon, 2017; Nisbett *et al.*, 2021). Координаторами платформ должны быть местные субъекты с хорошими связями, чутко реагирующие на ситуацию с расстановкой сил, а доноры должны понимать, что процессы совместного обучения и выстраивания доверительных отношений могут занимать годы (Horton *et al.*, 2022). Кроме того, многосторонние платформы могут работать, используя подходы на основе стоимости активов, стимулирующие накопление социального и финансового капитала и позволяющие мелким фермерам достичь пороговых значений инвестиций, необходимых для приобретения производственных активов и поглощения рисков, связанных с новыми рынками (Ros-Tonen *et al.*, 2019; Stoian *et al.*, 2012). В глобальном же масштабе мелкие фермеры рискуют столкнуться с изменениями стандартов и требований экспортных рынков (Ashraf, Giné and Karlan, 2009).

5.3.2. ОХРАНА ТРУДА И ПРАВА РАБОТНИКОВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ

В основе способности людей производить и приобретать продукты питания лежит занятость, позволяющая им использовать доход от своего труда (ФАО, 2012), однако подавляющее большинство малоимущих в мире страдают от неполной занятости, безработицы, неравенства,

отсутствия доступа к производственным ресурсам, нестабильной занятости и низкооплачиваемой работы, что серьезно ограничивает их возможность достойно удовлетворить свои потребности и реализовать свои права человека, включая право на достаточное питание (Haini *et al.*, 2022).

В этой связи в последнее десятилетие возросла потребность в мерах политики, стратегиях и программах в области охраны труда (например, касающихся обеспечения безопасности и гигиены труда, регулирования продолжительности рабочего дня и оплаты труда, охраны материнства), которые защищают как трудовые права работников продовольственных систем, так и их права человека (Rantanen, Muchiri and Lehtinen, 2020). В обновленной в 2010 году первой Всеобъемлющей рамочной программе действий Целевой группы высокого уровня по глобальному кризису в области продовольственной безопасности и на 97-й сессии Международной конференции труда было отмечено, что для смягчения проблемы отсутствия продовольственной безопасности необходимо обеспечить охрану труда и социальную защиту, в рамках которых признается право человека на достаточное питание и право на достойную работу (ЦГВУ, 2010; МОТ, 2008). В последние годы о связи ПБП с достойной работой говорилось также Специальным докладчиком по вопросу о праве на питание (Fakhri, 2023).

Данные о реализации индийского Национального закона о гарантиях занятости в сельской местности имени Махатмы Ганди (India Ministry of Rural development, 2005), бразильской стратегии "Нулевой голод" (ФАО, 2011) и организуемых ФАО школ труда и жизни молодых фермеров (ФАО, 2023) являются примерами того, как синергия между мероприятиями по обеспечению права на достаточное питание и мероприятиями по обеспечению права на достойную работу становится мощным фактором, способствующими долгосрочной продовольственной безопасности, сокращению неравенства и устойчивому росту, особенно для уязвимых групп населения (ФАО, 2012; Termine and Huambachano, 2022).

5.3.3. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ, А ТАКЖЕ В ПОЛИТИКЕ И ПЛАНИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Некоторые из основных форм неравенства, о которых говорится в этом докладе, очень сильно обусловлены пространственным измерением, в частности различиями и связями между сельскими и городскими районами, а также проблемами, связанными с удаленностью. Несмотря на это, политика в области агропродовольственного сектора,

ВРЕЗКА 12:

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ: ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА ДЛЯ ГОРОДА-РЕГИОНА КИТО, ЭКВАДОР

Ярким примером территориального подхода является создание продовольственной системы для городов-регионов. В рамках этого подхода в качестве единицы анализа и планирования рассматривается город или несколько городов (которые могут быть меньшего размера), их пригородные районы и сельские водосборные бассейны или "продовольственные базы", с которыми они связаны. Учитываются различные виды существующих в регионе перетоков: перетоки продовольствия и рабочей силы из сельских и пригородных районов в город, переток отходов из города и переток финансов из городов в остальные части региона. Составление карты этих перетоков и указание на ней объектов инфраструктуры (включая рынки, дороги, склады и т. д.), демографических и социально-экономических характеристик (таких как земли коренных народов) и географических и сельскохозяйственных характеристик (таких как землепользование и сельскохозяйственный потенциал) позволяет применять целостный подход к региональному планированию. Например, под эгидой программы ФАО "Продовольствие для городов" в городе Кито, Эквадор, был применен территориальный подход и совместно с заинтересованными сторонами разработана концепция более устойчивой и жизнестойкой продовольственной системы и продовольственной стратегии для города-региона Кито. Другие инициативы для городов-регионов в рамках этой программы реализованы в Торонто в Канаде, Медельине в Колумбии, Утрехте в Королевстве Нидерландов, в Коломбо на Шри-Ланке, а также в Китве и Лусаку в Замбии (ФАО, 2018).

Источники: Blay-Palmer, A., Santini, G., Dubbeling, M., Renting, H., Taguchi, M. & Giordano, T. 2018. Validating the City Region Food System Approach: Enacting Inclusive, Transformational City Region Food Systems. *Sustainability*, 10(5): 1680 and FAO. 2018. *City Region Food System Toolkit: Assessing and planning sustainable city region food systems*. Food and Agriculture Organization of the United Nations.

развития сельских районов и ПБП по большей части разрабатывается на отраслевой основе (как, например, сельскохозяйственная политика, призванная повысить доступность продовольствия, и политика социальной защиты, содействующая доступу к нему) или в рамках административных границ (Cistulli, Heikkilä and Vos, 2016).

В территориальных же подходах учитываются и используются пространственные связи и взаимозависимости, а при планировании во главу угла ставится разнообразие ресурсов и людей на разных территориях (МФСР, 2015). Один из примеров территориального подхода приведен во ВРЕЗКЕ 12.

Такие территориальные подходы позволяют распознать и учесть при планировании несколько различных видов неравенства, имеющих последствия для ПБП. Например, мелким фермерам в городах-регионах может быть трудно (по сравнению с более крупными производителями) обеспечивать поставки в сложные производственно-бытовые цепочки, обслуживающие элитарное потребление в мире в целом или в крупных городах. При этом в малых и средних городах региона может наблюдаться рост и неудовлетворенный спрос на питательные пищевые продукты, поскольку многие современные инициативы по созданию производственно-бытовых цепочек нацелены на обеспечение крупных городов и глобальных рынков. Территориальный подход в этом примере может стать возможностью для развития этих

небольших рынков, на которые будут поставлять свою продукцию преимущественно мелкие фермеры региона. Это может подразумевать стратегические инвестиции в рыночную и транспортную инфраструктуру, в устройство холодильного хранения и в перерабатывающие мощности (МФСР, 2015).

Но эти рекомендуемые меры не следует воспринимать как призыв отказаться от всех удаленных рынков в пользу местных. Территориальные подходы – не панацея, все проблемы продовольственной системы они не решат. Авторы (Born and Purcell, 2006) еще в 2006 году предупреждали о "местной ловушке" – предположении, что локализация продовольственных систем обязательно приведет к созданию более устойчивых и справедливых продовольственных систем. Лучше использовать разумное стратегическое сочетание преимуществ удаленных и местных рынков, которое позволит обеспечить максимум возможностей, уменьшить неравенство и повысить устойчивость к внешним факторам (Wood *et al.*, 2023).

5.3.4. ОРГАНИЗАЦИЯ ХРАНЕНИЯ, ПЕРЕРАБОТКИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ С УЧЕТОМ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Стратегические инвестиции правительств в устройство складских помещений, сельский

транспорт и рыночную инфраструктуру призваны сыграть свою роль в сокращении экономических расстояний и издержек, с которыми сталкиваются мелкие фермеры, торговцы и другие участники производственно-сбытовой цепочки, в сокращении потерь скоропортящихся продуктов и, в конечном счете, в повышении физической и экономической доступности продовольствия на всей подведомственной территории.

Исследования, проведенные в Эфиопии (Rammelt and Leung, 2017), Индии (Cooper *et al.*, 2021) и Кении (Chege, Andersson and Qaim, 2015), показывают, что улучшение сельской транспортной инфраструктуры, обеспечивая надежный доступ к дорожной сети, положительно коррелирует с участием мелких фермеров в рыночных отношениях. Экспериментальные данные, полученные в Кении (Huss *et al.*, 2021) и Объединенной

Республике Танзания (Brander, Bernauer and Huss, 2021), говорят о том, что домохозяйства, у которых были усовершенствованные емкости для хранения (такие как герметичные пакеты), поддерживали свою продовольственную безопасность в периоды сезонной нехватки продовольствия и рыночных сбоев во время пандемии COVID-19. Важную роль в улучшении условий жизни и доступа нуждающихся слоев населения к скоропортящимся продуктам, богатым питательными веществами, могут сыграть небольшие холодильные установки, работающие на возобновляемых источниках энергии, и другие технологии сохранения пищевых продуктов (см. [ВРЕЗКУ 13](#)).

Инвестируя в инфраструктуру, следует учитывать стратегическую роль территориальных рынков (см. предыдущий раздел). Например, инвестиции

ВРЕЗКА 13:

МАЛОМАСШТАБНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ, ПОМОГАЮЩИЕ СОКРАТИТЬ ПОТЕРИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И ВЫГОДНЫЕ ДЛЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВ И ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Значительный вклад в обеспечение ПБП могут внести сокращение потерь пищевой продукции и повышение безопасности пищевых продуктов, особенно скоропортящихся и богатых питательными веществами, таких как фрукты и овощи, а также продукты животного происхождения. Актуальность этого вопроса, по-видимому, будет возрастать, поскольку в связи с потеплением растут риски для сохранения скоропортящихся продуктов и для безопасности пищевых продуктов вообще. Однако в прошлом большинство технологий, например для холодильного хранения, разрабатывались для дорогостоящих продуктов и для удовлетворения потребностей крупных игроков продовольственной системы и были энергоемкими. Сейчас свой потенциал в качестве справедливых и устойчивых решений по сокращению потерь продовольствия и улучшения ситуации в области ПБП демонстрируют маломасштабные технологии, работающие на солнечной энергии.

Морозильные камеры на солнечных батареях для торговли рыбой на Соломоновых островах

На Соломоновых островах рыболовство является главным источником средств к существованию. Географическая удаленность этих островов и рынков создает серьезную проблему для мелких рыбаков, которым из-за этого трудно продать свой улов. Отказавшись от традиционных подходов в этой сфере, которые основаны на централизации, крупномасштабны и ориентированы на мужчин, WorldFish и местная женская организация West Are'are Rokotani Keni Association подошли к делу иначе. Они решили установить в деревнях морозильные камеры на солнечных батареях. Эта мера, реализуемая под руководством соответствующих женских комитетов, позволила обойти необходимость в надежном источнике электроснабжения и дала возможность местным рыбакам и торговцам арендовать морозильные камеры для хранения рыбы на продажу.

Солнечные сушилки для консервирования фруктов и овощей в Афганистане

Технологии сушки уже давно используются в Афганистане для улучшения доступа к фруктам и овощам, особенно вне сезона сбора урожая. Однако традиционные методы сушки на открытом воздухе часто трудоемки и чреваты загрязнением продукции. В 2020 году ПРООН совместно с правительством Афганистана разработала простые малогабаритные солнечные сушилки, которые способны упростить процесс сушки и снизить риск загрязнения. В рамках проекта проводилось обучение женщин, поскольку переработкой урожая обычно занимаются именно они, а небольшие масштабы и низкий технологический/информационный барьер обеспечили учет соображений справедливости.

в дорожную сеть, соединяющую сельские районы с небольшими городами (а не только в строительство национальных автомагистралей, ведущих к столицам), и устройство или модернизация рыночной инфраструктуры, такой как холодильные склады в этих городах, создают более благоприятные условия для привлечения потоков питательных продуктов питания. Наконец, инвестиции в сельскую инфраструктуру, в том числе в недорогие маломасштабные решения, могут повысить доходы более широких слоев сельского населения и содействовать сокращению неравенства доходов между сельскими и городскими районами, что положительно скажется на ПБП.

Важно обеспечить сбалансированное развитие секторов пищевой промышленности, которое будет способствовать улучшению ситуации с ПБП. Это требует учета дисбаланса сил и ресурсов между малыми и крупными фирмами, а также стимулирования развития пищевых технологий, способствующей улучшению ПБП. Для поддержки ММСП, занимающихся технологиями переработки пищевых продуктов в целях их сохранения и обогащения, необходимы стратегические инвестиции, такие как недорогие кредиты и помощь в развитии инфраструктуры путем устройства агропромышленных парков. При этом необходимо разработать более строгие стандарты, касающиеся содержания питательных веществ в пищевых продуктах, особенно жиров, соли и сахара, и обеспечить соблюдение этих стандартов.

5.3.5. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Считается, что быстрое распространение относительно недорогих мобильных и интернет-технологий может обеспечить равные условия для участников продовольственной системы (Aker, 2011; Deichmann, Goyal and Mishra, 2016). Фермеры, имеющие доступ к услугам по распространению сельскохозяйственных знаний через специальные приложения для мобильных телефонов, с большей вероятностью будут применять новые и рекомендуемые методы производства (Cole and Fernando, 2021; Fu and Akter, 2016). Критически важно то, что цифровые услуги по распространению

сельскохозяйственных знаний помогают преодолеть проблемы, связанные с удаленностью и затратами на масштабирование, позволяя распространять информацию в пространстве одним нажатием кнопки (Bellemare, Bloem and Lim, 2022). Имеющиеся данные говорят о том, что информирование фермеров о рыночных ценах практически в режиме реального времени может помочь им ослабить влияние посредников на ценообразование (Oura and Kouassi, 2015). Широкая доступность и относительно низкая стоимость информации о ценах на разных рынках помогает уменьшить региональное неравенство, связанное с экономической и физической доступностью продовольствия. Например, когда в каком-то регионе резко растут цены на продовольствие, быстрая передача этой информации торговцам создает для них стимул организовать поставки в этот регион, что стабилизирует доступность и цены для потребителей.

Однако цифровые информационные системы создают и определенные проблемы, которые могут варьироваться от факторов индивидуального характера (таких как проблемы с цифровой грамотностью и недоверие к технологиям) до системных (включая доступность электроэнергии и покрытие мобильной связью) (Coggins *et al.*, 2022). Исследования показывают, что для устранения этого неравенства цифровое распространение информации лучше сочетать с индивидуальными подходами, в том числе с привлечением местных специалистов, которые могут обеспечить личное информирование о технологиях (Fu and Akter, 2016), вовлечение потенциальных конечных пользователей в совместную разработку цифровых платформ, а также реализацию программ, в которых учитывается гендерный фактор и различия в доступе к технологиям на уровне домохозяйств (Dhehibi *et al.*, 2022). Важно также адаптировать контент к конкретным потребностям неблагополучных общин и инвестировать в цифровую инфраструктуру в отдаленных и не охваченных покрытием регионах (см. ВРЕЗКУ 14).

Необходимо также разработать общую глобальную и национальную политику демократизации цифровых технологий, чтобы подготовить почву для обеспечения суверенитета данных, особенно в интересах мелких, маргинальных и неблагополучных участников продовольственных систем (Hackfort, 2021).

ВРЕЗКА 14:

УСЛУГИ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗНАНИЙ В ФОРМЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ С УЧЕТОМ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, В ЭФИОПИИ, ИНДИИ И КЕНИИ

Глобальная неправительственная организация Digital Green стала пионером в области предоставления услуг по распространению сельскохозяйственных знаний в форме видеоматериалов в Эфиопии, Индии и Кении, а также в других странах. Важной особенностью этого подхода является то, что видеоматериалы делают сами фермеры и для фермеров с учетом местных потребностей, а чтобы эти материалы были максимально актуальными и интересными, рассказывают в них о местных фермерах, пример которых может быть достоин подражания. Ориентированность на интересы мелких фермеров и фермерских организаций позволяет уделять особое внимание вопросам справедливости, особенно по отношению к женщинам и наиболее уязвимым группам населения. С момента своего основания в 2006 году Digital Green удалось охватить своими услугами более 4,1 млн фермеров (70 процентов из которых женщины), работая с партнерами национального уровня, такими как Национальная миссия по обеспечению средств к существованию в сельских районах и Министерство сельского хозяйства Индии, Эфиопский институт преобразований сельского хозяйства и Кенийская научно-исследовательская организация растениеводства и животноводства. Как показывают независимые исследования, этот подход с использованием видеоматериалов значительно более эффективен с точки зрения затрат, чем традиционные услуги по распространению знаний, и увеличивает доходы фермеров. Распространение видеоматериалов по вопросам питания, подготовленных на основе коллективного подхода, продемонстрировало также потенциал в плане улучшения качества питания матерей и детей.

Источники: Abate, G.T., Bernard, T., Makhija, S. & Spielman, D.J. 2023. Accelerating technical change through ICT: Evidence from a video-mediated extension experiment in Ethiopia. *World Development*, 161: 106089; Kadiyala, S., Harris-Fry, H., Pradhan, R., Mohanty, S., Padhan, S., Rath, S., James, P. *et al.* 2021. Effect of nutrition-sensitive agriculture interventions with participatory videos and women's group meetings on maternal and child nutritional outcomes in rural Odisha, India (UPAVAN trial): a four-arm, observer-blind, cluster-randomised controlled trial. *The Lancet Planetary Health*, 5(5): e263–e276.; Vasilaky, K., Toyama, K., Baul, T. & Karlan, D. 2015. *Learning Digitally: Evaluating the Impact of Farmer Training via Mediated Videos*. 2015.

5.4. МЕРЫ ПО СОКРАЩЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СРЕДЕ И В ОБЛАСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ

5.4.1. ПЛАНИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Планирование и управление в области розничной торговли продовольствием дают возможность устранить некоторые виды неравенства в сфере ПБП. Во многих городских районах разработаны комплексы мероприятий, нацеленных на то, чтобы продовольственная среда обеспечивала всех жителей доступными по цене, питательными, доброкачественными и отвечающими культурным традициям продуктами питания и регулировала доступ к менее полезным продуктам. Некоторые мероприятия не решают проблему неравенства возможностей в продовольственной системе (например, когда в районах проживания людей с низким уровнем дохода поощряется строительство крупных продуктовых магазинов), но есть и такие, которые явным образом нацелены

на расширение как доступа к продовольствию, так и свободы выбора (например, предоставление безопасного рыночного пространства уличным торговцам).

В этом разделе представлены четыре направления деятельности, связанные с планированием и управлением в области розничной торговли продовольствием. Первое направление – это мероприятия, разработанные с учетом практического опыта и позволяющие предприятиям розничной торговли продовольствием удовлетворять потребности в ПБП. Довольно много внимания уделяется улучшению доступа к супермаркетам, которые считаются инструментом решения проблемы отсутствия продовольственной безопасности, но недавно были предприняты усилия по внедрению более целостного подхода к планированию розничной торговли продуктами питания и управлению ею. С этой целью были использованы, например, такие процессы, как составление общей карты продовольственных активов в Торонто (Baker, 2018) и подробное картографирование продовольственной среды на основе практического опыта, проведенное в разных городах компанией Gehl Architects (см., например, Gehl Architects, 2021). Результатом являются комплексные меры политики и планирования, связанные с созданием продовольственной среды, которая обеспечивает более справедливый доступ к здоровому питанию для всех. Городским советом Бирмингема (Birmingham City Council, [2019]), например, был принят указ "О здоровом питании", призванный

решить многочисленные проблемы зонирования, связанные с доступностью здоровой пищи и продуктов питания во всем городе: этот указ не только улучшает доступ к здоровому питанию, но и предусматривает упреждающий подход к городскому планированию в целях ограничения розничной торговли менее полезными продуктами. Альтернативные продовольственные сети (такие как продажа сельхозпродукции по подписке, фермерские рынки и общинные сады) могут обеспечить более справедливый доступ к здоровым продуктам питания в том и только том случае, если при разработке соответствующих программ явным образом учитываются соображения справедливости (Allen, 2010; Horst, McClintock and Hoyer, 2017).

Второе направление – это упреждающее планирование продовольственной среды в районах быстрого демографического роста. Учитывая стремительную урбанизацию во многих регионах мира, планирование продовольственной среды по мере расширения городских районов является важным шагом по обеспечению равноправного доступа к продовольствию, особенно с учетом того, что новые горожане часто бедны и живут на периферии. В Нанкине, Китай, по мере роста города и застройки новых жилых кварталов градостроители обязаны включать в планы новые рынки, которые должны появляться в случае превышения определенного порога численности жилых единиц. Это элемент гораздо более широкого комплекса мероприятий по планированию продовольственной среды (Zhong *et al.*, 2021). В Генеральном плане развития Дар эс Салама на 2016–2036 годы указано, что в каждом микрорайоне с населением порядка 24 000 человек и площадью 48 гектаров должны быть рынки и торговые предприятия как элемент предоставляемых базовых услуг. Этот план также предусматривает надомные предприятия, торговые точки вдоль/на оживленных транспортных маршрутах/узлах и коммерческие площади для целого ряда развивающихся секторов, включая пищевую промышленность (Wegerif and Kissoly, 2022).

Третье направление – это разработка инструментов планирования и политики для вовлечения в продовольственную среду неформальных торговцев. Создание благоприятных условий для таких продавцов формирует более инклюзивную продовольственную среду, расширяет доступ к здоровому питанию для малоимущих и потенциально повышает безопасность пищевых продуктов. Примером инклюзивного планирования в интересах неформальных торговцев является закон Индии о защите источников средств к существованию и регулировании уличной торговли 2014 года (Roever and Skinner, 2016). Этот закон учреждает городские комитеты по торговле, 40 процентов членов которых должны быть уличными

торговцами. Закон также признает “естественные рынки” “традиционными местами скопления продавцов и покупателей” (Roever and Skinner, 2016, p. 370) и запрещает городским комитетам по торговле объявлять эти зоны закрытыми для торговли: это означает, что продавцов нельзя перемещать в труднодоступные районы с низкой проходимостью. Эта модель учитывает потребности жителей в плане доступа и, в рамках коллективного подхода к управлению, предусматривает контроль безопасности пищевых продуктов, что обеспечивает жителям с низким уровнем дохода доступ к доброкачественным, недорогим и питательным продуктам.

Последним направлением являются специальные мероприятия в сфере розничной торговли продуктами питания, направленные на решение проблемы ПБП особо уязвимых групп. Например, в 2009 году Республика Корея приняла Специальный закон о контроле за безопасностью детского питания, устанавливающий “зеленые зоны”, в которых продажа фастфуда и газированных напитков запрещена в радиусе 200 метров от некоторых школ (ВОЗ, 2009). В начале 2010-х годов ряд аналогичных постановлений был принят в городах Филиппин. Еще одним видом мероприятий, направленных на обеспечение справедливости в продовольственной среде, являются программы государственных закупок продуктов для здорового питания (ФАО и др., 2022).

5.4.2. УЧЕТ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПОЛИТИКИ ПО СОКРАЩЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП

Сокращение неравенства изначально требует подхода, который помогает понять, как и почему одни люди находятся в менее выгодном положении по сравнению с остальными. Часто бывает, что обстоятельства, разделяющие различные группы (например, экономический статус), связаны с различными моделями человеческого поведения (например, у богатых и бедных модели поведения разные). Понимание и учет этих различий в поведении могут быть полезны при проведении мероприятий по сокращению разрыва в области ПБП. В последние годы было проведено много исследований, в частности связанных с поведенческой экономикой, целью которых было понять, как можно использовать знания о человеческом поведении для разработки мероприятий и политики, в том числе в продовольственных системах (Just and Gabrielyan, 2016; Reisch, 2021).

Вот некоторые примеры использования знаний о человеческом поведении для уменьшения неравенства в области ПБП:

- i. Исследования показывают, что в некоторых обстоятельствах для бедняков в большей степени характерен "уклон в настоящее", чем для более обеспеченных людей, т. е. для бедняков гораздо важнее сиюминутная выгода, чем возможная польза в более отдаленном будущем. В мероприятиях по пропаганде здорового питания может быть необходимо иметь в виду, что эту проблему надо будет как-то преодолевать.
- ii. У мужчин и женщин в семье могут быть разные приоритеты с точки зрения здорового питания, и то, чьи приоритеты окажутся важнее, может зависеть от того, у кого больше власти. Мероприятия по пропаганде здорового питания, в которых этот вопрос учтен (например, в случае ориентации на конкретных членов домохозяйства при распространении информации о здоровом питании или оказании содействия коллективному принятию решений по вопросам питания в семье), могут иметь больше шансов на успех.

В некоторых странах учреждены консультативные подразделения, которые помогают учесть поведенческие аспекты при разработке политики. Например, команда бихевиористов Behavioral Insights из Соединенного Королевства с момента своего создания в 2010 году помогает формировать базу фактологических данных о поведенческих аспектах в широком спектре областей политики. В 2014 году она была преобразована в некоммерческую компанию, одним из направлений деятельности которой стала разработка возможных вариантов использования бихевиористики в пропаганде устойчивого рациона (The Behavioural Insights Team, 2020).

5.4.3. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

Системы социальной защиты могут способствовать устранению неравенства в вопросах доступа к продовольствию, доходам и другим ресурсам (Travasso *et al.*, 2023). База фактологических данных по этой тематике – иногда это называется "учет проблематики питания в системе социальной защиты" – совершенствуется (Gentilini, 2022), и в настоящее время системы социальной защиты повсеместно считаются ключевым элементом профилактики многомерной нищеты (подхода, предусматривающего перераспределение благ). На 110-й сессии Международной конференции труда (МОТ, 2022b) государства-члены призвали к созданию универсальных, отвечающих необходимым требованиям, всеобъемлющих и устойчивых систем социальной защиты, а МОТ рекомендовала ввести на национальном уровне наборы базовых гарантий социального обеспечения, которые, посредством ряда стратегий и программ, включающих защиту

трудовых прав, обеспечат людям защиту от нищеты и ухудшения здоровья на протяжении всей жизни.

Социальная защита, имеющая отношение к ПБП, включает различные формы социальной помощи (например, денежные пособия и продовольственная помощь, а также школьное питание), социального страхования (например, медицинское страхование или страхование по безработице) и экономического развития или приносящей доход деятельности (например, программы трудоустройства или профессиональной подготовки молодежи), призванные решить различные задачи, которые могут носить характер защиты, профилактики или стимулирования (Gentilini, 2022; Ortiz, Kalaivani and Cummins, 2015) (см. ТАБЛИЦУ 2). В связи событиями, происшедшими за последние 20 лет, фокус обсуждений сместился также в сторону более радикальных форм социальной защиты, которые непосредственно касаются вопросов справедливости (Devereux and Sabates-Wheeler, 2004) и включают модели "градации", обычно предусматривающие пакет мер поддержки для живущих в крайней нищете (Devereux and Sabates-Wheeler, 2015; Gentilini, 2022).

В последнее десятилетие растет корпус фактологических данных о взаимосвязи социальной защиты с результатами в области ПБП. Во многих исследованиях рассматривался вопрос о том, как сделать так, чтобы система социальной защиты была в большей степени ориентирована на улучшение питания, но имеющиеся фактологические данные по-прежнему неоднозначны и предостерегают от применения какого-то универсального подхода (Barnett *et al.*, 2022; Drimie and Yosef, 2016; Groot *et al.*, 2016; Manley *et al.*, 2020; Olney *et al.*, 2022). В одном систематическом обзоре 74 исследований было показано, что денежные пособия способствуют улучшению показателей линейного роста детей и снижают распространенность отставания в росте, в том числе благодаря расширению доступа к разнообразным продуктам, богатым питательными веществами (Manley *et al.*, 2020). В других исследованиях сравнивались различные виды помощи (денежная, продовольственная, ваучеры) и было установлено, что оптимальный вариант помощи зависит от конкретных обстоятельств (Hoddinott *et al.*, 2013). Некоторые исследователи, говоря об учете проблематики питания в системе социальной защиты, делают важное замечание: они говорят, что планируемые мероприятия – из соображений справедливости – не должны отнимать у бедняков слишком много времени, поскольку они и так несут на себе груз многочисленных забот. Такое может случиться, например, при проведении сразу нескольких мероприятий, ориентированных в первую очередь на матерей, особенно на тех, кто уже находится в маргинальном положении (Barnett *et al.*, 2022; Caillavet *et al.*, 2022; Gillespie, 2016).

ТАБЛИЦА 2:

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И ИХ ВАЖНОСТЬ ДЛЯ СОКРАЩЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП

ЗАДАЧИ	ВИДЫ МЕРОПРИЯТИЙ	ВАЖНОСТЬ ДЛЯ СОКРАЩЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА В ОБЛАСТИ ПБП
Защита (оказание помощи в связи с социальной депривацией)	Социальная помощь (например, денежные пособия, школьное питание, продовольственная помощь)	Денежные пособия и продовольственная помощь могут непосредственно предотвратить проблему отсутствия продовольственной безопасности. Эти меры могут сочетаться с обучением и оказанием помощи в вопросах кормления детей, обеспечения разнообразия рациона и результатов в области питания в целом, включая рост ребенка.
Профилактика (предотвращение возможности депривации)	Социальное страхование (например, медицинское страхование и страхование по безработице)	Помогает семьям справиться с потрясениями, которые в противном случае могут ввергнуть их в нищету или лишить источников дохода. Страхование урожая может помочь производителям смягчить сезонные потрясения или последствия нашествия вредителей / болезней.
Содействие (повышение доходов и расширение возможностей)	Получение дохода (например, микрокредитование, производственные активы, занятость, обучение и поддержка)	Производственные активы обычно связаны с производством продовольствия (например, с выращиванием домашнего скота или птицы). Микрокредиты могут помочь беднейшим слоям населения преодолеть финансовую изоляцию, лишаящую их возможности доступа к факторам производства (таким, как удобрения, семена, орошение, механизация). Обучение может способствовать получению дохода от несельскохозяйственной деятельности на селе, что позволит мелким фермерам диверсифицировать свои доходы.
Преобразование (обеспечение социальной справедливости и инклюзии)	Борьба с дискриминацией, информационно-разъяснительные кампании, внесение изменений в законодательство и в нормативные требования в целях защиты уязвимых слоев населения	Преобразования в сочетании с различными мерами защиты, профилактики и содействия могут помочь устранить как непосредственные (отсутствие дохода/продовольствия), так и коренные причины неравенства.

Источник: Собственная разработка авторов по материалам Devereux, S. & Sabates-Wheeler, R. 2004. Transformative social protection; ГЗБУ. 2012. *Продовольственная безопасность и изменение климата*. Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим, Италия. ФАО. Авторами проведен также дополнительный анализ ситуации с ПБП.

В таких ситуациях жесткая обусловленность помощи (когда семьи теряют пособия, если, например, дети не посещают школу) подвергалась критике как ухудшающая, а не улучшающая положение уязвимых общин (Cookson, 2018; Gillespie, 2016).

Социальной защите отводится важная роль в мерах реагирования на глобальные продовольственные кризисы (GloPan, 2020; ГЭВУ, 2020), как, например, было в 2007–2008 годах и во время пандемии COVID-19. При наличии хорошего системного потенциала (ВПП) социальная защита может обеспечить быстрое решение проблемы роста цен на продовольствие или потерь доходов и средств к существованию в результате потрясений, которые могут носить экологический, политический или экономический характер. При этом следует очень внимательно подойти к отбору бенефициаров, не допуская “ошибок исключения” (случаев, когда имеющим право на получение помощи отказывают в ней), особенно когда масштабы кризисов нарастают и они затрагивают те секторы экономики, которых это обычно не касается, если судить по опыту многих стран (CUL, 2023). В таких случаях может быть необходимо расширить бюджетные возможности для социальной защиты (см. [ВРЕЗКА 15](#)), а скрупулезный анализ существующих расходов может показать, что это возможно и без сокращения других форм социальных расходов (Ortiz, Kalaivani and Cummins, 2015).

5.5. СОЗДАНИЕ БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ, ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

5.5.1. ПОЛИТИКА, ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗРАБОТКА ПРОГРАММ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ УЛУЧШЕНИЮ СИТУАЦИИ С ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ И ПИТАНИЕМ

Многие результаты в области ПБП являются следствием неравенства, обусловленного факторами вне продовольственной системы, а также взаимодействия этих видов неравенства с неравенством внутри продовольственной системы. Давно признана необходимость мероприятий, ориентированных на улучшение питания, и комплексного подхода к охране здоровья посредством “процесса объединения общих функций внутри организаций и между ними для решения общих проблем, выработки приверженности общему видению и целям, и использования общих технологий и ресурсов для достижения этих целей” (ВОЗ, 1996). Говорилось также о том, что в мерах политики необходимо учитывать соображения справедливости

ВРЕЗКА 15:

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ – ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Давно существующие в странах ОЭСР, программы социальной защиты играют значительную роль в СВД, где на них выделяется в среднем более 12 процентов ВВП (из которых более пяти процентов приходится только на социальную помощь), и эта доля остается более или менее неизменной вот уже 40 лет. В Латинской Америке же во многих странах по сравнению с 1990-ми годами объем социальной помощи увеличился (особенно в рамках программ обусловленной денежной помощи). Улучшается социальная защита и в Азии. А вот в Африке, несмотря на переход к программам денежных пособий в странах к югу от Сахары, масштаб этих расходов остается незначительным. Расходы на социальную помощь в африканских странах составляют в среднем всего один процент ВВП. Более углубленный анализ доли расходов африканских стран, направляемой на помощь беднейшим и наиболее уязвимым слоям населения, в частности сельским семьям и домохозяйствам, занимающимся сельскохозяйственным трудом, показывает достаточно сложную картину: расходы на социальную помощь, как правило, носят прогрессивный характер (т. е. больший объем помощи направляется беднейшей половине населения), но применительно к домохозяйствам, занимающимся сельскохозяйственным трудом, это не так: там социальную помощь обычно получают более состоятельные домохозяйства, что подразумевает необходимость принятия дальнейших мер, нацеленных на сельский аграрный сектор.

Источник: Fisher-Post, M. & Gethin, A. 2023. *Preliminary Estimates of Global Posttax Income Distributions*. Technical Note. N° 2023/02. World Inequality Lab.

и включать в них вопросы перераспределения, признания и представительства (во всех аспектах, включая те, которые оказывают влияние на ПБП) (Nisbett, Harris et al 2022).

Все чаще слышны призывы обеспечить не просто управление в сфере питания, а "управление в интересах улучшения питания" (Friel *et al.*, 2017). Управление в интересах улучшения питания – понятие более широкое, чем управление в сфере питания, и определяется оно как процесс, посредством которого воздействие на питание мер политики, не связанных с питанием, усиливается или смягчается. Управление в интересах улучшения питания предполагает также усиление внимания к вопросам планирования и политики, ориентированных на улучшение питания (Haysom, Battersby and Park-Ross, 2020). Мероприятиями, ориентированными на улучшение питания, могут быть: инвестиции в водоснабжение, санитарии и гигиену; планирование семьи; расширение прав и возможностей женщин; и развитие детей младшего возраста. Планирование и политика, ориентированные на улучшение питания, включают, например, транспортное планирование, территориальное планирование, нормы жилищного строительства и политику в области "зеленой" инфраструктуры. Усиление внимания к вопросам справедливости в управлении может включать различные формы децентрализации и приближение власти к народу (Baker *et al.*, 2018; Milsom *et al.*, 2021; Zaidi *et al.*, 2018b). Сюда, в частности, относится возрождение определенных форм демократии и принятия решений на местном уровне, например на уровне муниципальных продовольственных систем (Rocha and Lessa, 2009). Управление в интересах создания справедливых продовольственных систем не всегда полностью находится в руках государства: важными способами, с помощью которых граждане призывают к созданию более справедливых продовольственных систем, являются гражданский активизм, демонстрации и даже беспорядки (Baker *et al.*, 2018; Hossain and Scott-Villiers, 2017; Walls and Smith, 2015; Zaidi *et al.*, 2018b). Другие формы активизма включают вынесение этих вопросов в формальное политическое пространство: примером здесь может служить работа Группы по информации и действиям "Продовольствие прежде всего" и Механизма взаимодействия с гражданским обществом и коренными народами (МГО), связанная с координацией вклада гражданского общества и привлечением маргинализированных слоев населения к участию в принятии решений. Инициативы снизу по обеспечению справедливости в продовольственной сфере включает движения за альтернативные продовольственные системы (Sage, Kropf and Antoni-Komar, 2020), доступ к правовым механизмам для защиты своих прав (Dancer, 2018) и разнообразную информационно-пропагандистскую деятельность (Jurkovich, 2020); все это тоже можно считать формами активизма. Устранению неравенства результатов в области

ПБП может также способствовать обеспечение справедливости в вопросах предоставления и планирования объектов инфраструктуры (Gilbert, Eakin and McPhearson, 2022)

Для того чтобы максимально улучшить результаты в области ПБП, необходимо увязать меры политики, планирование и разработку программ в области продовольствия и питания (направленные на устранение непосредственных причин неравенства в области ПБП) с мерами политики, планированием и разработкой программ, ориентированными на улучшение ситуации в области продовольствия и питания (направленными на устранение глубинных причин неравенства в области ПБП) (Ruel, Alderman, and Maternal and Child Nutrition Study Group, 2013). Но для этого требуются трансверсальные процессы управления (т. е. процессы без прямых иерархических связей). До сих пор такие усилия были наиболее успешны на субнациональном уровне управления, т. е. в случае, когда правительственные учреждения традиционно менее удалены от народа, чем правительства национального уровня. На веб-сайте Миланской конвенции о городской продовольственной политике представлены примеры передового опыта в области трансверсального управления (Forster *et al.*, 2015). Некоторые проблемы, с которыми сталкиваются должностные лица, стремящиеся стимулировать принятие мер по улучшению ситуации в области продовольствия, связаны с превышением полномочий и нехваткой ресурсов. В Кейптауне для решения этой проблемы была создана трансверсальная рабочая группа по продовольственным системам и проведено исследование по определению мандатов, которое продемонстрировало, каким образом мандаты в области продовольствия и питания пересекаются с существующими мандатами и программами (ФАО, 2022d).

В качестве способов обеспечения учета соображений справедливости в политике было названо несколько процессов. ВОЗ (2014) выдвигает на первый план проблему неравенства и предлагает сосредоточить усилия на улучшении состояния здоровья наиболее обездоленных, сократить разрыв между наиболее благополучными и наиболее обездоленными, стремиться сгладить различия результатов в области охраны здоровья у населения в целом и обеспечить, чтобы выбор политического курса не усугублял неравенство. Другие больше внимания уделяют вопросам справедливости, предлагая разрабатывать справедливую политику путем тщательной проработки вопросов участия, чтобы обеспечить баланс сил, и явным образом учитывать в планах и действиях альтернативные мнения, чтобы активизировать политические пространства и системы, которые затрагивают интересы маргинализированных групп (Cornwall, 2003).

5.5.2. УСТРАНЕНИЕ ДОМИНИРОВАНИЯ КОРПОРАЦИЙ В ВОПРОСАХ УПРАВЛЕНИЯ

Могут потребоваться специальные меры противодействия доминированию корпоративных субъектов, особенно национальных монополий или мировых олигополий, которое возникает, когда они участвуют в форумах по принятию решений (Baker *et al.*, 2018; Brooks, 2016; Mialon, 2020). Высказывались опасения по поводу характера многосторонних процессов, в рамках которых

у корпоративных субъектов может возникать слишком много власти при формировании политики и управления продовольственными системами (IPES-Food, 2023b; McKeon, 2017). Поиск эффективных мер борьбы с таким дисбалансом сил сопряжен с определенными трудностями (Fanzo *et al.*, 2020). В этой связи предлагаются разные варианты: от изучения опыта КВПБ в области управления этими отношениями (через его партнеров в деловых кругах и структурах гражданского общества и взаимодействие с ними) (Duncan and Claeys, 2018; Turnhout *et al.*, 2021) до создания рамочной конвенции о продовольственных системах (по

ВРЕЗКА 16:

НАЛОГ НА САХАРОСОДЕРЖАЩИЕ НАПИТКИ В МЕКСИКЕ

В 2012 году Мексика была в числе стран с самыми высокими показателями смертности и заболеваемости, обусловленными чрезмерным потреблением сахара (Gutiérrez *et al.*, 2012; Pan American Health Organization, 2015; Sigh *et al.*, 2015). Чтобы снизить бремя неинфекционных заболеваний (НИЗ), в 2014 году правительство ввело налог на сахаросодержащие напитки (ССН), обложив все ССН, произведенные с добавлением сахара, акцизным налогом в размере 1 песо за литр (т. е. порядка 10 процентов от розничной цены ССН) (Camara de Diputados LXII Legislatura, 2013). Этот налог был разработан и введен по нескольким причинам: появились данные о неудовлетворительных результатах мер саморегулирования в отрасли; в стране были высокие показатели распространенности НИЗ; новая государственная администрация искала дополнительные источники доходов бюджета; а гражданское общество вело соответствующие информационно-просветительские кампании (Carriedo Lutzenkirchen, 2018). Поступления от налога на ССН были инвестированы в мероприятия по пропаганде здорового питания, включая кампании по информированию потребителей, призванные поддержать изменения в поведении, и организационные мероприятия по повышению доступности питьевой воды в школах и общинах. Ассигнование налоговых поступлений на такие мероприятия было задокументировано как одно из положительных последствий введения налога на ССН, в результате этот налог был сохранен несмотря на противодействие крупных корпораций по производству газированных напитков и других субъектов отрасли (Colchero *et al.*, 2016; Thow *et al.*, 2018).

Всего через год после введения налога на ССН стали очевидны такие явные его плюсы, как снижение объема закупок облагаемых налогом напитков и увеличение закупок воды. Колчери и соавторы (2016; 2017) обнаружили, что объем продаж облагаемых налогом напитков был на 6 процентов ниже по сравнению с ожидаемым в отсутствие налога, и этот процесс шел ускоренными темпами: к концу 2014 года продажи сократились уже на 12 процентов. Сокращения были более заметными в домохозяйствах с низким социально-экономическим статусом: в среднем этот показатель составлял 9,1 процента и достиг 17,4 процента в том же году. Объем закупок сократился в среднем на 4 процента в сельской местности и на 6,3 процента в городах. Закупки воды увеличились на 16,2 процента, а в домохозяйствах с низким доходом и городских домохозяйствах даже больше (Colchero *et al.*, 2016; Colchero, Molina and Guerrero-López, 2017).

Но несмотря на все эти успехи, налог на ССН в Мексике стал объектом политических разногласий, которые были главным образом вызваны настойчивым лоббированием выступающих против него промышленных корпораций. В ответ НПО, представители научных кругов и политические лоббисты сформировали сильную коалицию для противодействия оппозиции со стороны промышленных групп (James, Lajous and Reich, 2020). Имеющиеся данные говорят о том, что неуклонное соблюдение принципов ответственного и добросовестного управления, его поддержка правовыми мерами и широкие межотраслевые альянсы обеспечат дальнейшее сокращение бремени НИЗ в Мексике (Carriedo Lutzenkirchen, 2018).

Источник: собственная разработка авторов.

образцу других международных конвенций и мер борьбы с табакокурением), которая бы явным образом исключала участие субъектов частного сектора ввиду опасности вмешательства промышленности в политику по борьбе с ожирением (Swinburn *et al.*, 2019). Во ВРЕЗКЕ 16 эти трудности проиллюстрированы на примере Мексики.

Такое доминирование корпораций имеет место и в процессах принятия решений в отношении землепользования, особенно когда речь идет о приобретении земли для инвестиций в сельское хозяйство (или в ресурсодобывающие отрасли, включая добычу полезных ископаемых, из-за чего земля может отобрана у сельскохозяйственных или агролесоводческих систем). В разработанных КВПБ Принципах ответственного инвестирования в агропродовольственные системы отмечена необходимость обеспечения "эффективных и содержательных консультаций с коренными народами через их представительные институты с целью заручиться в соответствии с Декларацией Организации Объединенных Наций о правах коренных народов свободным, предварительным и осознанным согласием" (ФАО, 2018, р.17) при принятии таких решений (ФАО, 2018с; Vallet *et al.*, 2019). Понятие "эффективные и содержательные" подразумевает право сказать "нет" таким инвестициям, если это не отвечает долгосрочным интересам общин, которых это касается.

5.5.3. ВСЕОБЩИЙ ОХВАТ УСЛУГАМИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ СВЯЗАННЫМИ С ПИТАНИЕМ

Разрабатывая эффективные меры в области питания крайне важно учитывать проблему неравенства, которое приводит к двойному бремени неполноценного питания (ДБНП): экономическую недоступность здорового питания для некоторых слоев населения, влияние крупных продовольственных корпораций, в результате которого на рынке активно распространяются продукты с низкой пищевой ценностью (Clapp and Scrinis, 2017), и другие социально-экономические причины неравенства в области ПБП. Обеспечение доступа к услугам в области питания в рамках всеобщего охвата услугами здравоохранения на всех уровнях – общинном, первичном и высокотехнологичном – открывает множество возможностей для решения проблемы неравенства, вызывающей ДБНП. Рассматривая меры в области питания, которые должны быть включены в совокупность медико-санитарных услуг, предоставляемых в рамках всеобщего охвата услугами здравоохранения, имеет смысл отдать предпочтение мерам "двойного действия", поскольку ДБНП распространено повсеместно, но распределено неравномерно. Меры двойного действия направлены на решение обеих главных проблем, связанных с неполноценным

питанием: и недоедания, и избыточного веса/ожирения, в зависимости от ситуации в стране. Эти меры касаются, в частности, питания матерей и детей в первую тысячу дней жизни и расширения масштабов применения научно обоснованных рекомендаций ВОЗ по дородовому уходу для профилактики неполноценного питания в раннем возрасте (Hawkes *et al.*, 2020).. Ключевыми подходами к организации мер двойного действия, в которых учитываются соображения справедливости, являются:

- программы предоставления рекомендаций по здоровому питанию в рамках консультирования во время беременности, включая информирование о необходимости изменений в поведении;
- ориентация на группы населения с более высокими показателями распространенности недоедания в целях расширения программ дополнительного питания для матерей с использованием денежных пособий или продовольственных ваучеров;
- инвестирование в масштабирование программ по созданию благоприятных условий для защиты и поддержки практики кормления детей раннего возраста (грудное вскармливание и прикорм);
- программы мониторинга показателей роста детей, проводимые в целях контроля избыточного веса, поскольку распространенность избыточного веса у детей растет;
- стратегии пропаганды и консультирования по вопросам здорового питания, включая тщательный мониторинг и назначение необходимых обогащенных продуктов и дополнительного питания.

Вне зависимости от того, какие политические меры принимаются для устранения неравенства, ведущего к ДБНП, крайне важно, чтобы в мерах политики, находящихся в стадии разработки или пересмотра, были четко сформулированы те проблемы справедливости, связанные с питанием, которые эти меры призваны решить, и указаны глубинные причины этих проблем. Особенно это касается мер в области питания, связанных с образованием, социальных коммуникаций и информирования о необходимости изменения поведения. В противном случае такого рода политические действия рискуют оказаться ограничительными, а их мишенью станут уязвимые группы населения, чье поведение будет оцениваться без учета структурных факторов, таких как дисбаланс сил, коммерческие интересы и давняя социальная изоляция (Zorbas *et al.*, 2021).

Эффективная реализация идеи всеобщего охвата услугами здравоохранения, включая услуги в области питания, требует значительных инвестиций; в частности, странам с низким уровнем дохода,

вероятно, будет непросто привлечь финансирование в необходимом объеме. В последние годы Глобальный фонд финансирования Всемирного банка (ГФФ) в поддержку инициативы "Каждая женщина, каждый ребенок" стал эффективным инструментом финансирования инвестиций в мероприятия по охране репродуктивного здоровья, а также по охране здоровья и обеспечения питания матерей, новорожденных, детей и подростков. ГФФ позволяет странам воспользоваться донорским финансированием для осуществления более крупных инвестиций в этой сфере, предлагая им возможность использовать в областях с высокой отдачей четыре доллара кредитных средств на каждый доллар донорского финансирования (Fernandes and Sridhar, 2017). Это способствует существенному увеличению инвестиций в здравоохранение и питание в странах – получателях помощи. Однако у ГФФ есть возможность повысить эффективность и добиться более справедливых результатов своей деятельности, улучшив представленность стран – получателей помощи и гражданского общества в процессах принятия важнейших решений на глобальном уровне и повысив инклюзивность платформ принятия решений на национальном уровне (Seidelmann *et al.*, 2020).

5.5.4. КАРДИНАЛЬНЫЕ МЕРЫ: ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД К ВОПРОСАМ КЛИМАТА И УСТОЙЧИВОСТИ

Неустойчивая деятельность продовольственных систем является серьезным фактором изменения климата: на долю продовольственных систем приходится более трети глобальных выбросов парниковых газов (Crippa *et al.*, 2021). Как показывает проведенное недавно моделирование, с каждым 1°C температурной аномалии показатели тяжелого отсутствия продовольственной безопасности увеличиваются на 1,64 процента, а умеренной и тяжелой – на 2,14 процента (Dasgupta and Robinson, 2022). Темпы изменения климата ускоряются, поэтому необходимо обеспечить, чтобы вся продовольственная политика выстраивалась с учетом этого обстоятельства и на основе принципов устойчивости и имела своей целью как адаптацию к изменению климата, так и смягчение его последствий для наиболее маргинализированных слоев населения.

В политике и информационно-пропагандистской деятельности по вопросам изменения климата набирает популярность концепция климатической справедливости. В работе (Manzo, 2021) рассмотрен механизм справедливого режима в отношении борьбы с изменением климата, основанный на трех ключевых принципах: защита наиболее уязвимых слоев населения от неблагоприятных последствий глобального потепления, обеспечение справедливого распределения между нынешним и будущими поколениями и обеспечение инклюзивного

и прозрачного переговорного процесса. Клински и Уинклер (2018) предлагают пять принципов оценки последствий климатической политики с точки зрения справедливости, которые хорошо согласуются с принципами обеспечения справедливости в области ПБП, изложенными в разделе 5.1 (Klinsky and Winkler, 2018). Важным прорывом в области обеспечения климатической справедливости является решение КС-27 о создании механизма компенсации убытков и ущерба от изменения климата, которое было принято в знак признания того факта, что финансовое бремя, связанное с последствиями изменения климата, вынуждены нести на себе люди и страны, которые в наименьшей степени ответственны за изменение климата, но при этом меньше всего способны адаптироваться или смягчить эти последствия (Wyns, 2023). Этот механизм мог бы сыграть важную роль в устранении некоторых наиболее пагубных последствий изменения климата для продовольственных систем (Laganda, 2023; Wyns, 2023). Сближение принципов справедливости в контексте изменения климата и в сфере продовольственной политики открывает возможности для диалога и политических инноваций. Примером приверженности этим принципам является Декларация Глазго по вопросам продовольствия и климата, принятая на КС-26 (IPES-Food, 2021), которая призывает к совместным действиям в этой области. Во ВРЕЗКЕ 17 приведен пример проекта, ориентированного на сельские общины на северо-востоке Бразилии, в котором реализована концепция климатической справедливости.

5.5.5. ИНКЛЮЗИВНЫЙ РОСТ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПБП И ПОЛИТИКА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НЕ ТОЛЬКО НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Проявлениями неравенства обычно являются разрыв в доходах и бедность: фактором, напрямую определяющим качество жизни и возможности человека, является покупательная способность. Однако, как показано в этом докладе, есть виды несправедливости, которые определяют, какие группы населения вероятнее всего будут бедны хотя бы потому, что это обусловлено их социальным положением в условиях преобладающих культурных норм и исторически сложившегося влияния этих норм на возможности этих групп в плане признания и участия. Эти виды несправедливости должны быть устранены как таковые. Жизненно важно также, чтобы в экономической стратегии и политике в целом были отражены принципы инклюзивности, справедливости и устойчивости. Это будет означать отказ от экономического роста как единственной парадигмы успеха, о чем говорилось уже давно, с момента введения Индекса человеческого развития и других более общих показателей благосостояния (ПРООН, 2023). Некоторые комментаторы отмечают, что если полагаться только на экономический

ВРЕЗКА 17:

ПРОЕКТ ПО СОЗДАНИЮ УСТОЙЧИВОСТИ К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА В СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ БРАЗИЛИИ

Проект "Создание устойчивости к изменению климата в сельских общинах Северо-Востока", начатый недавно (в марте 2020 года) Бразильским национальным банком развития в партнерстве с МФСР и Зеленым климатическим фондом (ЗКФ), направлен на повышение жизнестойкости сельских производственных систем, пострадавших от изменения климата, и, соответственно, на улучшение условий жизни и повышение устойчивости сельских общин к внешним воздействиям. Проект предоставит безвозмездную помощь в размере 1 млрд бразильских реалов 250 тысячам фермерских семей на полузасушливом северо-востоке страны; в основном это семьи, включенные в Национальный реестр лиц, находящихся в уязвимом положении (CAD ÚNICO).

Проект позволит усовершенствовать методы производства мелких фермеров, что повысит их производительность и способность противостоять постоянным вызовам, связанным с изменением климата в каатинге (регионе с кустарниковой растительностью и колючим редколесьем). Учитывая засушливые условия этого региона, проект также предусматривает приобретение тысяч цистерн и установок для очистки сточных вод в целях их повторного использования и обеспечения доступа к воде. Все мероприятия проекта спланированы с акцентом на расширение возможностей женщин и молодежи (женщины и молодежь составляют, соответственно, 40 и 50 процентов целевых бенефициаров), включая их подготовку к активному лидерству. Первоочередное внимание также будет уделяться участию традиционных общин, общин коренных народов и общин африканского происхождения (киломбола).

Ожидается, что по итогам реализации этого проекта на площади в 84 000 га будут созданы производственные системы, устойчивые к внешним факторам (агролесоводческие системы для семейных фермерских хозяйств, общинные производственные площади и огороды в тысяче школ). Ожидаемыми результатами являются повышение продовольственной безопасности, увеличение доходов мелких фермеров и снижение выбросов углерода. В общей сложности проект должен обеспечить сокращение выбросов углерода на 11 млн тонн.

Есть надежда, что этот проект станет моделью устойчивого сельского хозяйства для живущих в аналогичных условиях мелких фермеров всего мира, которые также страдают от неблагоприятных последствий изменения климата. С этой целью планируются мероприятия по обмену опытом между фермерами из аналогичных биомов в Латинской Америке и Африке.

Источник: IFAD. 2020. *Brasil: Projeto Semeando Resiliência nas Comunidades Rurais do Nordeste (PCRP)*. Brasil, International Fund for Agricultural Development.

рост, то на искоренение крайней нищеты потребуется слишком много времени (более 100 лет для искоренения бедности, если черта бедности составляет 1,25 долл. США в день, и более 200 лет при более реалистичном показателе в 5 долл. США в день) (Woodward, 2015). Это требует переосмысления парадигмы роста – не отказа от необходимости экономического роста вообще, но понимания преимуществ и недостатков подхода, при котором рост ставится во главу угла, наряду с растущим спектром альтернатив, включая использование более общих метрик для оценки уровня благосостояния или состояния экономики на основе различных форм общего достояния и того, что все чаще называют "социальной и солидарной экономикой" (ОЭСР, 2023; RIPPSS, 2023).

В ГЛАВЕ 2 было показано, почему экономический рост важен для сокращения масштабов нищеты и почему высокий уровень неравенства доходов ограничивает возможности экономического роста в плане борьбы с бедностью, и отмечено, что неравенство может тормозить сам этот рост. Эти последствия высокого уровня неравенства ограничивают возможности в сфере ПБП. На фоне признания проблем парадигмы, ориентированной исключительно на экономический рост в условиях неравенства, все большую популярность приобретают подходы, предусматривающие инклюзивный рост и стратегии всеобъемлющего роста, в которых приоритет отдается справедливому распределению возможностей и выгод между всеми членами общества. Понятие инклюзивности не ограничивается экономическими аспектами благосостояния и включает также благополучие, право голоса и возможность участия (De Mello and Dutz, 2012).

На практике подходы, ориентированные на инклюзивный рост, требуют учета принципа инклюзивности в политике и стратегических решениях. Например, важно не обойти вниманием секторы, которые, в стремлении воспользоваться возможностями роста в высокотехнологичных секторах, обеспечивают больше рабочих мест: рост не должен приводить к созданию двойной экономики, усилению неравенства и неизбывной нищете. Если говорить об агропродовольственном секторе, то некоторые меры, описанные в этом докладе, соответствуют концепции инклюзивного роста: это, например, инвестирование в сельскохозяйственные НИОКР в интересах малоимущих слоев населения и с учетом маргинальных условий, а также обеспечение доступа мелких субъектов к возможностям коммерциализации. Эти подходы также требуют признания исторически сложившегося неравенства "условий игры": страны Глобального Юга интегрированы в глобальную экономику на несправедливых условиях, что нередко приводит к выводу их природных богатств и непосильному международному долгу (Hickel, 2018). Это может быть выгодно местным элитам, но население в целом из-за этого нищает, а страны остаются в долгах перед международными финансовыми учреждениями. Для многих стран единственным способом избавиться от долгов и их влияния на продовольственные системы является реструктуризация или аннулирование долга (IPES-Food, 2023a).

Становится также все более очевидным, что этот рост и развитие необходимо удерживать в рамках социальных и планетарных границ (Raworth, 2018), поскольку для искоренения нищеты в этом столетии размер глобальной экономики должен быть в 175 раз больше нынешнего, и в тех же масштабах должны увеличиться объемы неустойчивых добычи и производства (Woodward, 2015). В своем докладе для Римского клуба (Randers *et al.*, 2018) Стокгольмский центр устойчивости предупреждает, что парадигма традиционного роста несовместима с достижением ЦУР и что неизбежным следствием стремления к традиционному росту будет усиление противоречий между социально-

экономическими и экологическими ЦУР. В этом докладе предложено пять мер выхода из кризиса, в том числе форсирование процесса повышения производительности в продовольственных цепях и активное сокращение неравенства (когда в руках 10 процентов богатейших жителей планеты сосредоточено не более 40 процентов дохода) (Randers *et al.*, 2018).

Для того чтобы экономический рост был инклюзивным и устойчивым, важно учесть ряд аспектов. Первый – это перераспределительное налогообложение. Было подсчитано, что пятипроцентный налог на богатство для одного процента самых богатых людей, если бы его введение было осуществимо с политической точки зрения, принес бы 1,7 трлн долл. США в год, которые можно было бы потратить на сокращение масштабов нищеты (Christensen *et al.*, 2023). Помимо налогов, больше зарабатывать на своем экспорте бедным странам позволили бы более справедливые правила торговли (включая сокращение субсидий и дискриминационных тарифов со стороны богатых стран, а также устранение технических барьеров в торговле, которые ограничивают доступ на рынки менее обеспеченным производителям).

Некоторые предлагают просто отменить огораживание земель и ресурсов, переосмыслив представление о продовольствии как о товаре, и объявить его всеобщим достоянием (Vivero-Pol *et al.*, 2019). Такие подходы к продовольствию совместимы с подходами, упомянутыми ранее в этой главе: в их основу положены права человека, но их практическая реализация может происходить по-разному в зависимости от национальной или субнациональной политики. Они могут варьироваться от агроэкологии и концепции продовольственного суверенитета до форм распределения ресурсов, которые помогают реализовать право человека на достаточное питание, например форм социальной защиты.

Часть 6

РЕКОМЕНДАЦИИ

В этом докладе представлены рекомендации по проведению кардинального преобразования продовольственных систем, благодаря которому они приобретут более справедливый и инклюзивный характер, что позволит сократить неравенство и улучшить результаты в области ПБП. Эти рекомендации составлены по материалам различных глав, а именно в контексте тех направлений деятельности, которые подробно описаны в ГЛАВЕ 5, и ориентированы на различные категории участников разработки политики, проведения исследований и осуществления практической работы в области ПБП, включая правительства, международные организации, частный сектор, гражданское общество и научно-исследовательские институты. Эта глава начинается с изложения принципов, лежащих в основе этих рекомендаций (раздел 6.1). Для того чтобы предпринимаемые действия действительно привели к сокращению неравенства и улучшению результатов в области ПБП для всех, рекомендации, представленные в разделе 6.2, следует рассматривать в свете этих принципов. В разделе 6.3 представлена "дорожная карта" для разработки политики, в которой учитывается принцип справедливости и которая позволит решать проблему неравенства с учетом специфики каждой конкретной страны или общины.

6.1. ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ И МЕРОПРИЯТИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПОЗВОЛЯЮЩИЕ СОКРАТИТЬ НЕРАВЕНСТВО В ОБЛАСТИ ПБП

В основе практических рекомендаций, представленных в этой главе, лежат следующие общие принципы (РИСУНОК 12).

- A. Политика в области ПБП и продовольственных систем должна быть явным образом ориентирована на сокращение неравенства. Особое внимание следует уделять взаимодействию нескольких разных видов неравенства, которые оказывают кумулятивное воздействие на одни и те же группы людей (т.е. интерсекциональному неравенству), и исходить из того, что концентрация власти в продовольственных системах усиливается.
- B. В дополнение к длительным поэтапным мерам по сокращению неравенства и улучшению результатов в области ПБП необходимо разработать эффективную политику преобразований, направленную на устранение системных причин неравенства, и претворять ее в жизнь.
- C. Меры политики и программы в области ПБП должны быть основаны на правозащитном подходе и существующих документах по правам человека, касающихся права на питание и других взаимосвязанных прав.
- D. Меры политики и программы в области ПБП, нацеленные на справедливое распределение ресурсов между всеми участниками, должны также обеспечивать представительство маргинализированных групп населения и признание их прав. Для того чтобы обеспечить свободу выбора и интеграцию маргинализированных групп, политика и программы должны быть четко ориентированы на устранение асимметрии власти между заинтересованными сторонами, а для этого в процессы финансирования, разработки, реализации, мониторинга и оценки программ необходимо внедрить принцип "ничего для нас без нас".
- E. Политику и законодательство в области ПБП следует разрабатывать на основе самых

разных видов знаний, включая знания коренных народов, и разных форм данных: спектр используемых фактологических данных должен быть как можно шире.

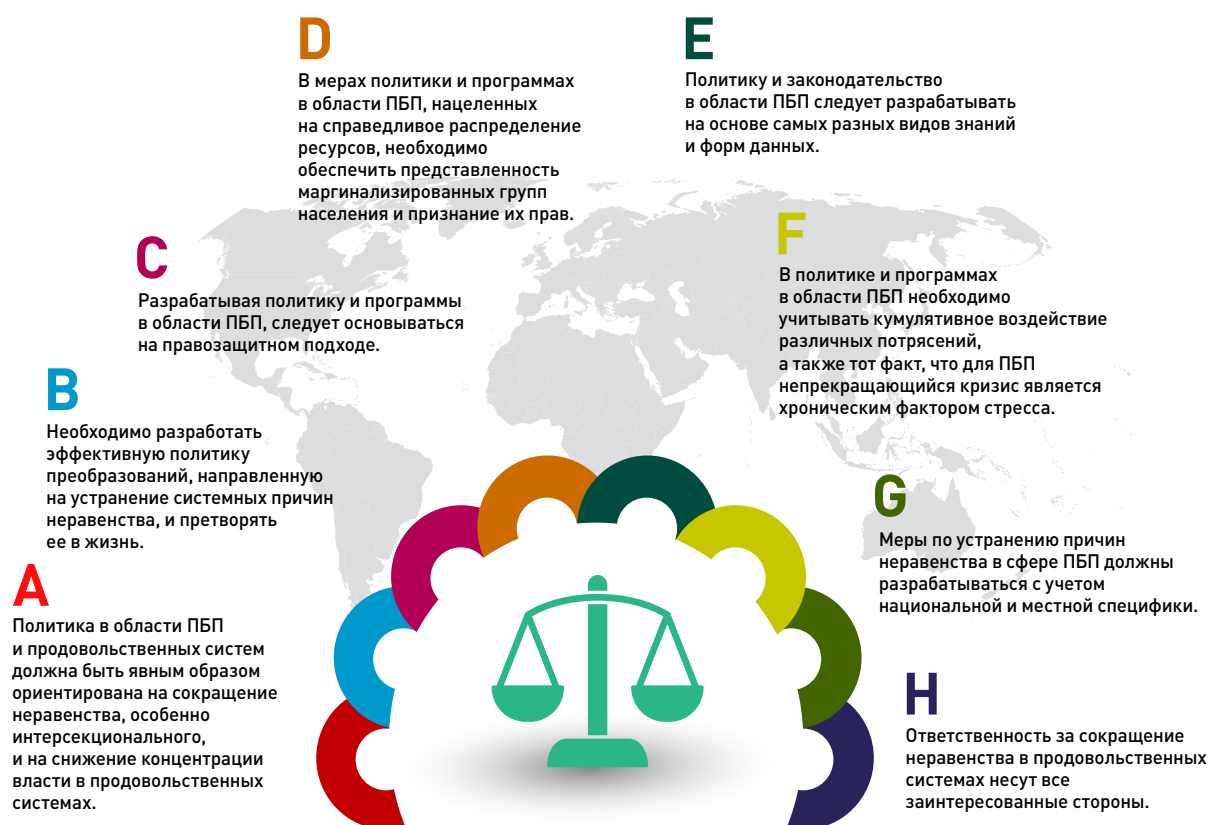
- F.** В политике и программах в области ПБП необходимо учитывать кумулятивное воздействие различных потрясений (изменения климата, утраты биоразнообразия, кризисов в области здравоохранения, экономических и политических кризисов) на наиболее маргинализированные группы населения, а также тот факт, что для ПБП непрекращающийся кризис является хроническим фактором стресса.
- G.** Меры по устранению причин неравенства в сфере ПБП должны разрабатываться с учетом национальной и местной специфики.
- H.** Ответственность за сокращение неравенства в продовольственных системах несут все заинтересованные стороны: правительства, международные организации, гражданское общество и частный сектор. Свою роль в этом должен сыграть каждый, лично или в сотрудничестве с другими, не допуская конфликта интересов.

6.2 РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И УСТРАНЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА В СФЕРЕ ПБП

В основу представленных в этом докладе рекомендаций по вопросам политики положены концептуальная модель (см. [РИСУНОК 2, ГЛАВА 2](#)) и анализ непосредственных и системных причин неравенства в области ПБП, а также приоритетные направления деятельности, рассмотренные в предыдущих главах. Первая группа рекомендаций включает меры по устранению неравенства в продовольственных системах, в частности:

РИСУНОК 12:

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ И МЕРОПРИЯТИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

содействие равноправному доступу к земельным, животноводческим, лесным и рыбным ресурсам; инвестирование в системы распространения знаний, информационные системы, инфраструктуру и технологии переработки и хранения продовольствия, организованные с учетом принципа справедливости; и регулирование розничной торговли продуктами питания с учетом соображений справедливости. Вторая группа касается неравенства в других секторах, связанных с ПБП, включая здравоохранение и образование, а также обеспечения всеобщего доступа к государственным услугам и социальной защите и внедрения принципа справедливости в области торговли, инвестиций и управления государственным долгом. Третья группа касается мер по устранению социальных и политических причин неравенства, включая достижение ЦУР 10 ("сокращение неравенства внутри стран и между ними"), активное использование подходов на основе широкого участия, опору на правозащитные подходы и учет обстоятельств, связанных с климатическим и другими кризисами. В четвертой и последней группе рекомендаций подчеркивается необходимость инвестирования в инклюзивные системы данных и знаний и использования таких систем.

Это, в частности, предусматривает признание и использование различных способов познания, совершенствование глобальных и национальных механизмов сбора данных об основных проявлениях неравенства и инвестирование в государственные исследования агропродовольственных систем в целях обеспечения более четкой ориентированности этих исследований на изучение ситуации с обеспечением справедливости и на мониторинг соблюдения принципов равенства и справедливости в областях, связанных с ПБП.

Рекомендации представлены в ТАБЛИЦЕ 3 и сгруппированы в соответствии с их направленностью на различные аспекты обеспечения справедливости (перераспределение, признание и представительство), как это предусмотрено концептуальной моделью и положениями ГЛАВЫ 1. Целью этих рекомендаций является создание благоприятных условий для того, чтобы все люди могли жить достойно и иметь свободу выбора и доступ к достаточному количеству здоровых, безопасных, питательных и соответствующих культурным особенностям продуктов питания и участвовать в функционировании устойчивых продовольственных систем, созданных справедливым и инклюзивным обществом.

Рекомендации адресованы самым разным субъектам и заинтересованным сторонам, включая государства, межправительственные организации, частный сектор и гражданское общество. В каждой рекомендации указаны основные заинтересованные стороны, которых она касается.

А. Устранение неравенства в продовольственных системах

1. Государствам, межправительственным организациям, частному сектору и гражданскому обществу следует организовать межотраслевое взаимодействие в целях обеспечения более справедливого доступа к земельным, лесным, водным и другим ресурсам для производства продовольствия, используя подходы, основанные на принципах соблюдения прав человека.
 - i. Поддерживать права женщин, крестьян, коренных народов и других маргинализированных групп населения на землю и ресурсы, включая юридическое признание этих прав и права наследования; защищать общинные и коллективные права владения и пользования ресурсами, включая закрепление принципа свободного, предварительного и обоснованного согласия, и оказывать содействие устойчивому управлению этими ресурсами на уровне общин.
 - ii. Разработать нормативные положения с целью улучшения функционирования рынков земли, вводимых ресурсов, услуг и воды, обеспечив защиту уязвимых групп и предотвращение концентрации ресурсов.
 - iii. Усилить механизмы подотчетности и мониторинга и требование о получении согласия местных общин на приобретение земельных, лесных и водных ресурсов корпорациями и международными структурами.
 - iv. Разрабатывать и осуществлять программы по созданию активов и источников средств к существованию, такие как передача земли и домашнего скота, ориентированные на малоимущие и социально незащищенные группы населения.
 - v. Отслеживать и ограничивать концентрацию прав собственности (на землю, транспорт, оптовую и розничную торговлю и т. д.) в продовольственных системах.
2. Государствам, межправительственным организациям, частному сектору и гражданскому обществу следует оказывать содействие объединению социально незащищенных групп населения и создавать инклюзивные институты и партнерские связи в целях расширения представительства таких групп.
 - i. Создавать и поддерживать объединения фермеров, рыбаков, крестьян, производителей продовольствия, безземельных и трудящихся-мигрантов, группы самопомощи и кооперативы, а также

ассоциации работников во всех звеньях продовольственных систем, особенно там, где есть женщины, в целях расширения представительства и свободы выбора. Особое внимание следует уделять инклюзивному подходу к вопросам участия и принятия коллективных решений, а также соблюдению права на свободу ассоциаций и на ведение переговоров о заключении коллективных трудовых договоров.

- ii. Использовать преимущества коллективных действий для улучшения доступа к вводимым ресурсам, финансам, информации, возможностям участия в производственно-сбытовых цепочках и сертификации (на предмет соответствия стандартам) и рыночным возможностям, а также к достойной работе, безопасным условиям труда и получению дохода, необходимого для минимально достойного уровня жизни, обеспечив скрупулезный учет местных условий и асимметрии власти и четкий план действий в этой связи.

3. Государствам, межправительственным организациям, частному сектору и гражданскому обществу следует осуществлять инвестиции в товаропроводящие цепочки и в развитие неблагополучных территорий с целью устранения неравенства и обеспечения принципа справедливости.

- i. Инвестировать в реализацию территориальных подходов к продовольственным системам и в планирование регионального развития, в том числе в агроэкологические методы и местные рынки, в укрепление региональной торговли и рыночных связей, в целях обеспечения разумного сочетания рыночных возможностей для мелких производителей (на местных и отдаленных рынках) и выгод для местных потребителей.
- ii. Расширять возможности товаропроводящих цепочек, особенно местных, с целью обеспечения всем потребителям доступа к пищевым продуктам, богатым питательными веществами, по доступным ценам.
- iii. Инвестировать в развитие сельского транспорта, рыночной инфраструктуры, технологий переработки и хранения пищевых продуктов, позволяющих сохранить питательные вещества, уделяя особое внимание социально незащищенным группам населения и неблагополучным территориям и оказывая поддержку территориальным рынкам.

- iv. Инвестировать в восполнение пробелов в доступе к финансированию среди микро-, малых и средних предприятий (ММСП) во всех звеньях производственно-сбытовой цепочки, уделяя особое внимание группам, которые традиционно находятся в менее выгодном положении, в том числе мелким производителям, мелким поставщикам вводимых ресурсов и торговцам, женщинам, а также лицам, плохо разбирающимся в коммерции.

- v. Инвестировать в информационные системы для всех звеньев продовольственных систем, используя возможности цифровых технологий, таких как службы информации о рыночных ценах и обучающие видеоматериалы по сельскохозяйственной тематике, с целью преодоления асимметрии в доступе к информации и обеспечения равноправия в вопросах распространения знаний и предоставления возможностей, поддерживая конфиденциальность данных и соблюдая право собственности на них.

- vi. Инвестировать в расширение возможностей несельскохозяйственной занятости в сельской местности в целях создания возможностей получения дохода не в сельскохозяйственном секторе как альтернативного способа обеспечения ПБП.

- vii. Инвестировать в развитие гражданского общества и компетенций государственных служащих, более тесно работающих с маргинализированными общинами, включая расширение их правоспособности в целях отстаивания своего права на питание, достойную работу и чистую окружающую среду.

4. Государства, межправительственные организации, частный сектор и гражданское общество должны планировать и регулировать продовольственную среду, в том числе оптовую и розничную торговлю и пищевую промышленность, уделяя особое внимание вопросам обеспечения справедливости.

- i. Осуществлять упреждающее планирование продовольственной среды в районах быстрого демографического роста в целях обеспечения справедливого доступа к продовольствию и его экономическую доступность; при этом необходимо расширять доступ к продуктам, богатым питательными веществами, обеспечивать доступ к местным рыбацким и фермерским рынкам, а также ограничивать сбыт и рекламу продуктов, вредных для здоровья.

- ii. Признать роль неформальных поставщиков в удовлетворении потребностей населения, включая маргинализированные группы, в ПБП и разработать инструменты планирования и политики, позволяющие создать благоприятные условия для расширения их возможностей по продаже безопасных и питательных продуктов питания.
 - iii. Осуществлять адресные мероприятия в сфере розничной торговли продуктами питания с целью улучшения результатов в области ПБП, особенно в группах населения, сильнее других подверженных риску отсутствия продовольственной безопасности и всех форм неполноценного питания (таких как дети, молодежь и городская беднота). В зависимости от обстоятельств такими мероприятиями могут быть ограничение продажи вредных для здоровья продуктов питания вблизи учебных заведений и продвижение программ государственных закупок питательных пищевых продуктов.
 - iv. Принимать конкретные меры по ограничению производства и сбыта вредных для здоровья продуктов с целью пропаганды здорового питания. Это могут быть фискальные меры, такие как налоги на сахаросодержащие напитки и другие вредные для здоровья продукты питания, и субсидирование [производства и продажи] продуктов для здорового питания, а также указание в маркировке питательной ценности и/или вредных последствий для здоровья, связанных с потреблением продуктов глубокой переработки, в целях содействия улучшению результатов в области ПБП в особенно уязвимых группах.
- В. Устранение неравенства в смежных секторах**
- 5. Государствам следует **обеспечить всеобщий доступ к услугам и ресурсам, которые оказывают непосредственное влияние на ПБП.**
 - i. Обеспечить всеобщий доступ к услугам, связанным с ПБП, включая первичную медико-санитарную помощь, иммунизацию, просвещение по вопросам питания, санитарии и снабжение безопасной питьевой водой.
 - ii. Обеспечить всеобщий доступ к социальной защите как прямой поддержке ПБП в наиболее маргинализированных группах и расширить доступ к производственным активам для тех, чьи средства к существованию зависят от продовольственных систем.
 - iii. Максимально использовать имеющиеся бюджетные средства для повышения качества основных государственных услуг, включая введение всеобщих прогрессивных национальных и международных налогов на доход, прибыль, землю, богатство и спекуляцию сырьевыми товарами, и использовать полученные средства для поддержки наиболее маргинализированных слоев населения и устранения причин неравенства в области ПБП.
 - iv. Содействовать обеспечению всеобщего доступа к достойной работе, в том числе в продовольственных системах, как ключевого условия обеспечения прожиточного минимума и доступа к продовольствию. Это может включать реализацию мер политики, стратегий и программ в области охраны труда (например, касающихся обеспечения безопасности и гигиены труда, регулирования продолжительности рабочего дня и оплаты труда, охраны материнства), которые защищают трудовые права работников продовольственных систем, так и их права человека.
 - 6. Государствам и международным организациям следует **уделять особое внимание вопросу обеспечения справедливости в области торговли, инвестиций и управления государственным долгом, связанным с ПБП.**
 - i. Отслеживать и, по мере необходимости, регулировать асимметрию прав корпораций в вопросах управления продовольственными системами и принятия решений, а также последствия экспансии крупного агробизнеса и продовольственных корпораций для ПБП.
 - ii. С участием тех групп населения, которых это затрагивает, проводить оценки воздействия многосторонних и двусторонних торговых и инвестиционных соглашений на ситуацию с соблюдением принципа справедливости и обеспечить, чтобы эти соглашения не оказывали негативного влияния на продовольственную среду и рацион питания, в том числе предусмотреть механизм удовлетворения жалоб в случае их возникновения, доступный для представителей маргинализированных групп.

- iii. Повысить прозрачность процесса подготовки международных и двусторонних переговоров по вопросам торговли и инвестиций и разработать системы поддержки принятия решений на национальном уровне, обеспечив координацию работы секторов, связанных с продовольствием, охраной окружающей среды, здравоохранением, промышленностью и торговлей, с целью учета вопросов соблюдения принципа справедливости и интересов маргинализированных групп.
- iv. Принять меры по реструктуризации или списанию долга стран, где возможности обеспечения ПБП ограничены государственным долгом.
- v. Продолжить усилия по сокращению субсидий сельскохозяйственного производства в странах с высоким уровнем дохода и в странах с формирующейся рыночной экономикой, за исключением случаев, когда такие субсидии направлены на улучшение питания или качества окружающей среды для производства продовольствия, с целью устранения неравенства в области ПБП и создания равных условий для стран с низким и средним уровнями дохода.

С. Устранение социальных и политических причин неравенства

7. Для устранения системных причин неравенства в вопросах распределения, доступа и представительства государствам, межправительственным организациям, частному сектору и гражданскому обществу следует **активнее задействовать принципы ЦУР 10** ("сокращение неравенства"), в том числе путем повсеместного внедрения коллективных подходов к разработке политики и практики с целью усиления позиций маргинализированных групп.
 - i. Обеспечить, чтобы меры политики были ориентированы на защиту интересов наиболее маргинализированных слоев населения, явным образом указывать, на какие именно группы эти меры рассчитаны, стараться устранять барьеры и не создавать бремя для наиболее уязвимых; напрямую высказываться в поддержку подхода, который лежит в основе Повестки дня на период до 2030 года: "никто не должен остаться без внимания".
 - ii. В социальной политике особое внимание следует уделять роли женщин, времени, затрачиваемому ими на обеспечение ПБП, и другим связанным с этим видам нагрузки; следует предусмотреть, чтобы мужчины брали на себя более значимую роль в обеспечении ПБП, чтобы социальные работники и местные медработники получали адекватное вознаграждение за свой труд, и не допускать использования механизмов, усугубляющих "тройное бремя" ухода, ложащееся на плечи женщин.
 - iii. Создавать межведомственные платформы по вопросам ПБП с участием министерств сельского хозяйства, животноводства, рыболовства, лесного хозяйства, здравоохранения, экономики и финансов, а также торговли, чтобы обеспечить согласованность действий различных министерств по вопросам политики в области ПБП; организовать работу этих платформ таким образом, чтобы они были ориентированы на сокращение неравенства.
 - iv. Выявлять и устранять конфликты интересов между более и менее влиятельными группами в продовольственных системах, в том числе там, где интересы частного сектора вступают в противоречие с целями государственной политики; защищать исследования от проявлений неправомерного влияния, предвзятости и коррупции.
 - v. Укреплять инклюзивные площадки для диалога, участия и скоординированных действий на глобальном, национальном и местном уровнях, задачей которых является обеспечение справедливости, в том числе в рамках переговоров по соглашениям по вопросам климата, торговли и инвестиций и связанных с этим политических форумов.
8. Опираясь на правозащитный подход, государства и межправительственные организации должны **внедрять в политику принципы равенства и справедливости**.
 - i. Определить меры политики и мероприятия, способные помочь отдельным лицам и группам вырваться из круга проблем, связанных с отсутствием продовольственной безопасности и с неполноценным питанием, которые преследуют одно поколение за другим.

- ii. Использовать существующие документы по правам человека, такие как ЮНДРО, ДПКН ООН, Право на питание, Рекомендации КВПБ по продовольственным системам и питанию и другие руководящие документы КВПБ в целях более тщательного учета принципа справедливости в мерах политики.
 - iii. Оказывать поддержку национальным учреждениям и содействовать пониманию и применению конвенций по правам человека в целях гармонизации мер политики, имеющих отношение к продовольственным системам, сельскому хозяйству и питанию, с точки зрения реализации принципа справедливости.
 - iv. Обеспечить маргинализированным общинам доступ к механизмам удовлетворения жалоб в случае выявления фактов неравенства.
9. Во всех действиях, связанных с ПБП, государства, межправительственные организации и гражданское общество должны учитывать **ситуацию, сложившуюся в результате климатического, экологического, политического и экономического кризисов**.
- i. Разрабатывая политику и распределяя ресурсы, уделять первоочередное внимание группам населения, сильнее всего пострадавшим от изменения климата, конфликтов и других современных кризисов глобального масштаба.
 - ii. Прорабатывать весь комплекс вопросов гуманитарного характера, развития и поддержания мира с целью устранения многочисленных причин и проявлений неравенства в сфере ПБП в государствах, где политическая ситуация нестабильна.
 - iii. Рассмотреть возможность создания фонда, например с использованием финансирования на страновом уровне, для выполнения решений и рекомендаций СПС ООН и поддержки преобразований, необходимых для создания более справедливых продовольственных систем.
- D. Укрепление систем знаний и информационных систем в целях углубления понимания и совершенствования механизмов мониторинга соблюдения принципа справедливости в областях деятельности, имеющих отношение к ПБП**
- i. Восполнять пробелы в данных (особенно связанных с рационом питания, содержанием микронутриентов в рационе, составом пищевых продуктов) путем систематического сбора информации, позволяющей определить, в каких группах результаты в области ПБП самые низкие, а возможности продовольственных систем меньше в различных контекстах, уделяя особое внимание исторически маргинализированным группам населения, женщинам и неблагополучным регионам.
 - ii. Совершенствовать основные рутинные механизмы сбора и анализа общедоступных данных, формируя адекватные выборки по основным видам неравенства в каждом контексте, так чтобы можно было получить полную картину, характеризующую ситуацию с неравенством; при подготовке данных для глобальных докладов, таких как СОФИ и Доклад по вопросам питания в мире, использовать подход, обеспечивающий учет соображений справедливости.
 - iii. В исследованиях, посвященных ПБП, учитывать соображения справедливости и применять разные виды знаний.
 - iv. Стимулировать проведение государственных исследований в области агропродовольственных систем, уделяя особое внимание вопросу обеспечения справедливости программы исследований, которая должна включать исследования, разработанные специально для маргинальных условий и устойчивых к изменению климата технологий для мелких производителей. Обеспечить всесторонний учет гендерной проблематики, соображений справедливости и интерсекциональности во всех аспектах исследований. Обеспечить применение во всех исследованиях принципа предосторожности, с тем чтобы ни одна из групп в результате исследования не пострадала; обеспечить также сохранение права отдельных лиц и общин отказаться от участия в исследованиях.
 - v. Способствовать более глубокому пониманию коренных причин и системных факторов неравенства в области ПБП, поощряя и финансируя проведение качественных исследований, касающихся жизненного опыта участников продовольственных систем. Это подразумевает меры содействия пониманию традиционных экологических знаний коренных народов и местных общин и учету этих знаний в процессах разработки политики.

ТАБЛИЦА 3:

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ И МЕРОПРИЯТИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

	ПРИЗНАНИЕ	ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО	ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ
А. УСТРАНЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ			
1. Государствам, межправительственным организациям, частному сектору и гражданскому обществу следует организовать межотраслевое взаимодействие в целях обеспечения более справедливого доступа к ресурсам, используя подходы, основанные на принципах соблюдения прав человека.			
i. Поддерживать права женщин, крестьян, коренных народов и других маргинализированных групп населения на землю и ресурсы и защищать общинные и коллективные права владения и пользования ресурсами.			
ii. Разработать нормативные положения с целью улучшения функционирования рынков земли, вводимых ресурсов, услуг и воды, обеспечив защиту уязвимых групп и предотвращение концентрации ресурсов.			
iii. Обеспечить должную подотчетность и мониторинг и неукоснительное соблюдение требования о получении согласия местных общин на приобретение ресурсов.			
iv. Разрабатывать и осуществлять программы по созданию активов и источников средств к существованию в интересах социально незащищенных групп населения.			
v. Отслеживать и ограничивать концентрацию прав собственности в продовольственных системах.			
2. Государствам, межправительственным организациям, частному сектору и гражданскому обществу следует оказывать содействие объединению социально незащищенных групп населения и создавать инклюзивные институты и партнерские связи в целях расширения представительства таких групп.			
i. Создавать и поддерживать инклюзивные объединения производителей и ассоциации работников во всех звеньях продовольственных систем.			
ii. Использовать преимущества коллективных действий для улучшения доступа к вводимым ресурсам, финансам, информации и рыночным возможностям, а также к достойной работе, безопасным условиям труда и получению дохода, необходимого для минимально достойного уровня жизни, обеспечив скрупулезный учет местных условий и асимметрии власти и четкий план действий в этой связи.			
3. Государствам, межправительственным организациям и гражданскому обществу следует осуществлять инвестиции в товаропроводящие цепочки и в развитие неблагополучных территорий с целью устранения неравенства и обеспечения принципа справедливости.			
i. Инвестировать в реализацию территориальных подходов к продовольственным системам и в планирование регионального развития.			
ii. Расширять возможности товаропроводящих цепочек целью обеспечения всем потребителям доступа к пищевым продуктам, богатым питательными веществами, по доступным ценам.			
iii. Инвестировать в развитие сельского транспорта, рыночной инфраструктуры, технологий переработки и хранения пищевых продуктов, позволяющих сохранить питательные вещества, уделяя особое внимание социально незащищенным группам населения и неблагополучным территориям.			
iv. Инвестировать в восполнение пробелов в спросе на финансирование среди ММСП во всех звеньях производственно-сбытовой цепочки.			

	ПРИЗНАНИЕ	ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО	ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ
v. Инвестировать в информационные системы для всех звеньев продовольственных систем, используя возможности цифровых технологий для обеспечения равноправия в вопросах распространения знаний и предоставления возможностей, поддерживая конфиденциальность данных и соблюдая право собственности на них.			
vi. Инвестировать в расширение возможностей несельскохозяйственной занятости в сельской местности.			
vii. Инвестировать в развитие гражданского общества и компетенций государственных служащих, более тесно работающих с маргинализированными общинами.			

4. Государства, межправительственные организации, частный сектор и гражданское общество должны **планировать и регулировать оптовую и розничную торговлю продовольствием, пищевую промышленность и продовольственную среду, уделяя особое внимание вопросам обеспечения справедливости.**

- i. Осуществлять упреждающее планирование продовольственной среды в районах быстрого демографического роста.
- ii. Признать роль неформальных поставщиков в удовлетворении потребностей маргинализированных групп в ПБП.
- iii. Осуществлять адресные мероприятия в сфере розничной торговли продуктами питания с целью улучшения результатов в области ПБП.
- iv. Принимать конкретные меры по ограничению производства и сбыта вредных для здоровья продуктов с целью пропаганды здорового питания.

В. УСТРАНЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА В СМЕЖНЫХ СИСТЕМАХ

5. Государствам, межправительственным организациям и гражданскому обществу следует **обеспечить всеобщий доступ к услугам и ресурсам, которые оказывают непосредственное влияние на ПБП.**

- i. Обеспечить всеобщий доступ к услугам, связанным с ПБП, включая первичную медико-санитарную помощь, иммунизацию, просвещение по вопросам питания, санитарии и снабжение безопасной питьевой водой.
- ii. Обеспечить всеобщий доступ к социальной защите в целях улучшения ситуации в области ПБП и расширить доступ к производственным активам.
- iii. Максимально использовать имеющиеся бюджетные средства для повышения качества основных государственных услуг.
- iv. Содействовать обеспечению всеобщего доступа к достойной работе, в том числе в продовольственных системах, как ключевого условия обеспечения прожиточного минимума и доступа к продовольствию.

6. Государствам и международным организациям следует уделять особое внимание вопросу **обеспечения справедливости в области торговли, инвестиций и управления государственным долгом, связанным с ПБП.**

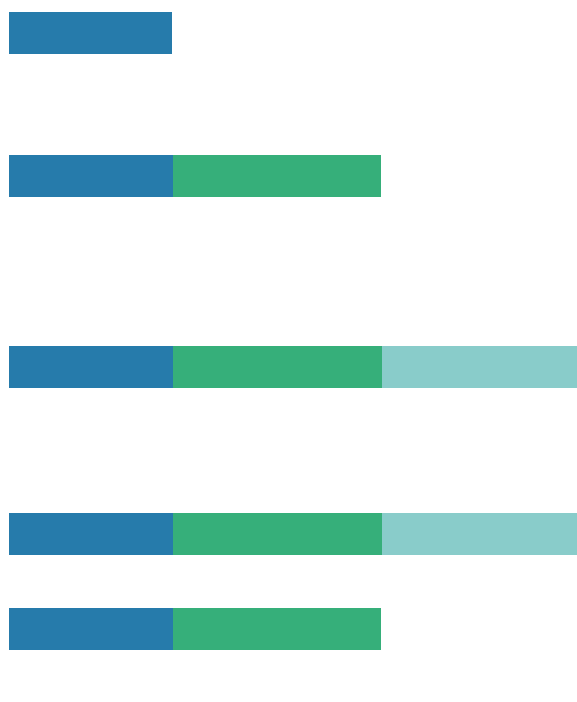
- i. Отслеживать и, по мере необходимости, регулировать асимметрию прав корпораций в вопросах управления продовольственными системами и принятия решений.
- ii. Обеспечить, чтобы многосторонние и двусторонние торговые и инвестиционные соглашения не оказывали негативного влияния на продовольственную среду и рацион питания, в том числе предусмотреть механизм удовлетворения жалоб в случае их возникновения, доступный для представителей маргинализированных групп.

	ПРИЗНАНИЕ	ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО	ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ
iii. Повысить прозрачность процесса подготовки международных и двусторонних переговоров по вопросам торговли и инвестиций и создать системы поддержки принятия решений на национальном уровне.			
iv. Принять меры по реструктуризации или списанию долга стран, где возможности обеспечения ПБП ограничены государственным долгом.			
v. Продолжить усилия по сокращению субсидий сельскохозяйственного производства в странах с высоким уровнем дохода и в странах с формирующейся рыночной экономикой, за исключением случаев, когда такие субсидии направлены на улучшение питания или качества окружающей среды для производства продовольствия, с целью устранения неравенства и создания равных условий для стран с низким и средним уровнями дохода.			

С. УСТРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИЧИН НЕРАВЕНСТВА

7. Государствам, межправительственным организациям, частному сектору и гражданскому обществу следует активнее задействовать **принципы ЦУР 10** "Сокращение неравенства".

- i. Обеспечить, чтобы меры политики были ориентированы на защиту интересов наиболее маргинализированных слоев населения, стараться устранять барьеры и не создавать бремя для наиболее уязвимых.
- ii. В социальной политике особое внимание следует уделять роли женщин, времени, затрачиваемому ими на обеспечение ПБП, и другим связанным с этим видам нагрузки, а также социальным работникам и общинным медико-санитарным работникам; следует предусмотреть, чтобы мужчины брали на себя более значимую роль в обеспечении ПБП.
- iii. Создавать межведомственные платформы по вопросам ПБП, чтобы обеспечить согласованность действий различных министерств по вопросам политики в области ПБП; организовать работу этих платформ таким образом, чтобы они были ориентированы на сокращение неравенства.
- iv. Выявлять и устранять конфликты интересов между более и менее влиятельными группами в продовольственных системах.
- v. Укреплять инклюзивные площадки для диалога, участия и скоординированных действий на глобальном, национальном и местном уровнях, задачей которых является обеспечение справедливости.

8. Опираясь на правозащитный подход, государства и межправительственные организации должны **внедрять в политику принципы равенства и справедливости**.

- i. Определить меры политики и мероприятия, способные помочь отдельным лицам и группам вырваться из круга проблем, связанных с отсутствием продовольственной безопасности и с неполноценным питанием, которые преследуют одно поколение за другим.
- ii. Использовать существующие документы по правам человека в целях более тщательного учета принципа справедливости в мерах политики.
- iii. Оказывать поддержку национальным учреждениям и содействовать пониманию и применению конвенций по правам человека в целях гармонизации мер политики, имеющих отношение к продовольственным системам, сельскому хозяйству и питанию, с точки зрения реализации принципа справедливости.

	ПРИЗНАНИЕ	ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО	ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ
iv. Обеспечить маргинализированным общинам доступ к механизмам удовлетворения жалоб в случае выявления фактов неравенства.			
9. Во всех действиях, связанных с ПБП , государства, межправительственные организации и гражданское общество должны учитывать ситуацию, сложившуюся в результате климатического, экологического, политического и экономического кризисов .			
i. Разрабатывая политику и распределяя ресурсы, уделять первоочередное внимание группам населения, сильнее всего пострадавшим от изменения климата, конфликтов и других современных кризисов глобального масштаба.			
ii. Прорабатывать весь комплекс вопросов гуманитарного характера, развития и поддержания мира с целью устранения многочисленных причин и проявлений неравенства в сфере ПБП в государствах, где политическая ситуация нестабильна.			
iii. Рассмотреть возможность создания фонда для поддержки преобразований, необходимых для создания более справедливых продовольственных систем.			
D. УКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМ ЗНАНИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ЦЕЛЯХ УГЛУБЛЕНИЯ ПОНИМАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ МОНИТОРИНГА СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЛАСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К ПБП			
i. Восполнять пробелы в данных (особенно связанных с рационом питания, содержанием микронутриентов в рационе, составе пищевых продуктов) путем систематического сбора информации, позволяющей определить, в каких группах результаты в области ПБП самые низкие, а возможности продовольственных систем меньше в различных контекстах, уделяя особое внимание исторически маргинализированным группам населения и женщинам, а также неблагополучным регионам.			
ii. Совершенствовать сложившийся порядок сбора и анализа данных и обеспечивать более сбалансированное отражение данных, приводимых в глобальных докладах.			
iii. В исследованиях, посвященных ПБП, учитывать соображения справедливости и применять разные виды знаний.			
iv. Стимулировать проведение государственных исследований в области агропродовольственных систем, уделяя особое внимание вопросу обеспечения справедливости программы исследований. Обеспечить всесторонний учет гендерной проблематики, соображений справедливости и интерсекциональности во всех аспектах исследований. Обеспечить сохранение участниками права самим принимать решение относительно участия в исследовании.			
v. Способствовать более глубокому пониманию коренных причин и системных факторов неравенства в области ПБП, поощряя и финансируя проведение качественных исследований, касающихся жизненного опыта участников продовольственных систем.			

Примечание: три измерения справедливости взаимодействуют и взаимозависимы. Поэтому действия связаны с несколькими измерениями справедливости; в таблице выделены основные области, чтобы помочь лицам, принимающим решения, обеспечить широкое влияние действий..

Источник: собственная разработка авторов.

РИСУНОК 13:

ДОРОЖНАЯ КАРТА РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИКИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ПРИЗНАНИЕ

Контекст: данные и факты о том, кто, что, где и почему

- Каковы ключевые проблемы в области ПБП и насколько они серьезны и масштабны?
- Кого это затрагивает? Какие группы населения страдают сильнее всего? Как выявляются интерсекциональные формы неравенства?
- Какие факторы способствуют обеспечению ПБП (в частности, какими должны быть условия жизни людей и распределение ресурсов, таких как земля)?
- Как они формируются на основе существующих норм и допущений (таких как патриархат и интерсекциональная дискриминация)?
- Какими из существующих законов, включая международные пакты о правах человека и соответствующие положения внутреннего законодательства, регулируются эти аспекты?
- Каков баланс сил между производителями и потребителями, сельскими и городскими жителями?
- Как решаются конфликты интересов между целями по обеспечению ПБП и интересами частного сектора, особенно в отношении здорового питания?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Обеспечение подлинного участия социально изолированных групп населения, разработка политики с учетом конкретных обстоятельств и подотчетность

- Какие есть возможности для преобразований и как они различаются в зависимости от социальной группы?
- Чьи приоритеты в настоящее время учитываются, а чьи проигнорированы? Как меняется восприятие в зависимости от культурных ценностей и форм знаний?
- Каким группам может потребоваться дополнительная поддержка для обеспечения их полноценного участия (перевод, удовлетворение потребностей инвалидов, финансовые ресурсы и т.д.)?
- Как будет регулироваться баланс сил между различными заинтересованными сторонами?
- Какие еще формы социальной ответственности, участия и исследований в целях выработки мер могли бы способствовать полноценному представительству вне рамок политических форумов, в том числе для МОО?
- Какой опыт был получен в ходе этого процесса и что нужно для того, чтобы показатели представительства и участия постоянно улучшались?

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Обеспечение справедливого распределения выгод, затрат, возможностей и ресурсов посредством признания и представительства

- В первую очередь нужно улучшить положение тех, кто страдает больше всего, затем сократить разрыв между теми, кто страдает больше всего и меньше всего, а затем решать проблему для всего населения в целом.
- Следует анализировать и отслеживать компромиссы, связанные с соблюдением принципа справедливости, и оценивать синергетический эффект предлагаемых политических, фискальных и других преобразований.
- Следует отслеживать затраты, а также выгоды, победителей и проигравших, чтобы содействовать реальному переходу к устойчивой и справедливой системе обеспечения ПБП и чтобы положение тех, кто находится в самом низу социальной лестницы, ни в коем случае не ухудшалось.
- Следует иметь в виду, что в мерах политики в области перераспределения (таких как социальная защита) вопросы признания и представительства совсем не всегда решаются автоматически. Подумайте, кто участвует в проектировании, анализе и механизмах МОО системы, а кто исключен из этих процессов и почему.

6.3 ДОРОЖНАЯ КАРТА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИКИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ УЧЕТ СООБРАЖЕНИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И НАПРАВЛЕННОЙ НА СОКРАЩЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА

Указать, какие именно мероприятия подойдут каждому из государств-членов, невозможно, поскольку они должны быть глубоко увязаны с контекстом, но во всех мерах политики правительств должен учитываться принцип справедливости и вопросы перераспределения, признания и представительства (по всем направлениям, включая меры политики, влияющие на ПБП) (Nisbett *et al.*, 2022). Для этого необходима особая приверженность принципу справедливости, что, в свою очередь, требует общегосударственного подхода. На **РИСУНКЕ 13** представлена дорожная карта для разработки политики, обеспечивающей учет соображений справедливости. Она составлена на основе концептуальной модели, представленных в **ГЛАВЕ 1**, в частности на основе принципов признания, представительства и перераспределения, которые образуют “механизм обеспечения справедливости”. Эти меры рекомендуется осуществлять под руководством правительств, но может так случиться, что не у всех правительств будут желание и возможности применить такой детальный подход. Поэтому оценки могут проводиться и негосударственными структурами, например организациями гражданского общества (и тогда они станут важными инструментами пропаганды преобразований в области ПБП) или межправительственными организациями, которые оказывают непосредственную помощь правительствам в этих вопросах.

Неравенство результатов в области ПБП существует между отдельными лицами, группами и странами во всем мире: об этом наглядно свидетельствуют не только данные, представленные в настоящем докладе, но и опыт и наблюдения тех, кого эта проблема затрагивает сильнее всего. Неравенство, из-за которого интересы некоторых людей оказываются проигнорированы, замедляет процесс достижения глобальных целей и выполнения задач национальной политики. Неравенство в области ПБП – это несправедливость и нарушение прав человека. Причиной такого неравенства результатов является несправедливость различных систем – социальных, экономических или политических, – которая систематически ограничивает возможности маргинализированных групп населения участвовать в продовольственных системах или получать от этого выгоду. Но это не повод опускать руки: как показывает этот доклад, есть и взаимопонимание, и многочисленные фактологические данные не только по этим вопросам, но и по вопросу о том, каким образом можно устранить неравенство в продовольственных системах и ту несправедливость, которая лежит в его основе. Принятие приведенных выше рекомендаций, касающихся признания, представительства и перераспределения, которые необходимы для решения проблемы неравенства в продовольственных системах, и адаптация этих рекомендаций с учетом местной специфики будут следующим шагом на пути к преобразованию продовольственных систем и обеспечению продовольственной безопасности и хорошего питания для всех.

БИБЛИОГРАФИЯ

Abrahams, Z., Temple, N.J., Mchiza, Z.J. & Steyn, N.P. 2017. A Study of Food Advertising in Magazines in South Africa. *Journal of Hunger & Environmental Nutrition*, 12(3): 429–441. <https://doi.org/10.1080/19320248.2016.1227757>

Adams, J., Mytton, O., White, M. & Monsivais, P. 2016. Why Are Some Population Interventions for Diet and Obesity More Equitable and Effective Than Others? The Role of Individual Agency. *PLOS Medicine*, 13(4): e1001990. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001990>

Adjiwanou, V. & LeGrand, T. 2014. Gender inequality and the use of maternal healthcare services in rural sub-Saharan Africa. *Health & Place*, 29: 67–78. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2014.06.001>

Ahmed, S., Haklay, M. (Muki), Tacoli, C., Githiri, G., Dávila, J.D., Allen, A. & Fèvre, E.M. 2019. Participatory mapping and food-centred justice in informal settlements in Nairobi, Kenya. *Geo: Geography and Environment*, 6(1): e00077. <https://doi.org/10.1002/geo2.77>

Ahmed, T., Hossain, M. & Sanin, K.I. 2012. Global Burden of Maternal and Child Undernutrition and Micronutrient Deficiencies. *Annals of Nutrition and Metabolism*, 61(Suppl. 1): 8–17. <https://doi.org/10.1159/000345165>

Aizer, A. & Currie, J. 2014. The intergenerational transmission of inequality: Maternal disadvantage and health at birth. *Science*, 344(6186): 856–861. <https://doi.org/10.1126/science.1251872>

Aker, J.C. 2011. Dial “A” for agriculture: a review of information and communication technologies for agricultural extension in developing countries. *Agricultural Economics*, 42(6): 631–647. <https://doi.org/10.1111/j.1574-0862.2011.00545.x>

Akter, S. 2021. Gender Inequality and Food Insecurity in Asian Food System During the COVID-19 Pandemic. In: *Asian Development Outlook 2021 Update: Transforming Agriculture in Asia*. Asian Development Outlook. Asian Development Bank.

Alao, R., Nur, H., Fivian, E., Shankar, B., Kadiyala, S. & Harris-Fry, H. 2021. Economic inequality in malnutrition: a global systematic review and meta-analysis. *BMJ Global Health*, 6(12): e006906. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006906>

Alesina, A. & Perotti, R. 1996. Income distribution, political instability, and investment. *European Economic Review*, 40(6): 1203–1228. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(95\)00030-5](https://doi.org/10.1016/0014-2921(95)00030-5)

Ali, D.A., Deininger, K. & Goldstein, M. 2014. Environmental and gender impacts of land tenure regularization in Africa: Pilot evidence from Rwanda. *Journal of Development Economics*, 110: 262–275. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2013.12.009>

Alita, L. 2022. Reducing food safety hazards in China: a food system approach. *Doctoral dissertation, Wageningen University and Research*: 137. <https://doi.org/10.18174/562675>

- Allcott, H., Diamond, R., Dubé, J.-P., Handbury, J., Rahkovsky, I. & Schnell, M. 2019. Food Deserts and the Causes of Nutritional Inequality*. *The Quarterly Journal of Economics*, 134(4): 1793–1844. <https://doi.org/10.1093/qje/qjz015>
- Allen, M.R., O.P., D., W., S., F., A.-D., W., C., S., H., M., K. *et al.* 2022. Framing and Context. In: *Global Warming of 1.5°C: IPCC Special Report on Impacts of Global Warming of 1.5°C above Pre-industrial Levels in Context of Strengthening Response to Climate Change, Sustainable Development, and Efforts to Eradicate Poverty*. pp. 49–92. Cambridge, UK and New York, NY, USA, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009157940.003>
- Allen, P. 2010. Realizing justice in local food systems. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3(2): 295–308. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq015>
- Allouche, J. 2011. The sustainability and resilience of global water and food systems: Political analysis of the interplay between security, resource scarcity, political systems and global trade. *Food Policy*, 36: S3–S8. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2010.11.013>
- Al-Shaar, L., Satija, A., Wang, D.D., Rimm, E.B., Smith-Warner, S.A., Stampfer, M.J., Hu, F.B. & Willett, W.C. 2020. Red meat intake and risk of coronary heart disease among US men: Prospective cohort study. *The BMJ*, 371(m4141). <https://doi.org/10.1136/bmj.m4141>
- Altieri, M.A. 1995. *Agroecology: The Science Of Sustainable Agriculture, Second Edition*. 2nd edition. Boulder, Colo. : London, CRC Press.
- Altieri, M.A. 2009. Agroecology, Small Farms, and Food Sovereignty. In: *Monthly Review*. Cited 10 May 2023. <https://monthlyreview.org/2009/07/01/agroecology-small-farms-and-food-sovereignty/>
- Ambikapathi, R., Shively, G., Leyna, G., Mosha, D., Mangara, A., Patil, C.L., Boncyk, M. *et al.* 2021. Informal food environment is associated with household vegetable purchase patterns and dietary intake in the DECIDE study: Empirical evidence from food vendor mapping in peri-urban Dar es Salaam, Tanzania. *Global Food Security*, 28: 100474. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2020.100474>
- Anderson, K., Cockburn, J. & Martin, W. 2011. Would Freeing Up World Trade Reduce Poverty and Inequality? The Vexed Role of Agricultural Distortions. *The World Economy*, 34(4): 487–515. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2011.01339.x>
- Andrews-Trevino, J.Y., Webb, P., Shively, G., Rogers, B.L., Baral, K., Davis, D., Paudel, K. *et al.* 2019. Relatively Low Maternal Aflatoxin Exposure Is Associated with Small-for-Gestational-Age but Not with Other Birth Outcomes in a Prospective Birth Cohort Study of Nepalese Infants. *The Journal of Nutrition*, 149(10): 1818–1825. <https://doi.org/10.1093/jn/nxz122>
- Armstrong McKay, D.I., Staal, A., Abrams, J.F., Winkelmann, R., Sakschewski, B., Loriani, S., Fetzer, I. *et al.* 2022. Exceeding 1.5°C global warming could trigger multiple climate tipping points. *Science*, 377(6611): eabn7950. <https://doi.org/10.1126/science.abn7950>
- Arndt, C. & Tarp, F. 2000. Agricultural Technology, Risk, and Gender: A CGE Analysis of Mozambique. *World Development*, 28(7): 1307–1326. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(00\)00017-6](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(00)00017-6)
- Arthur, R., Heyworth, S., Pearce, J. & Sharkey, W. 2019. The cost of harmful fishing subsidies. <https://www.iiied.org/sites/default/files/pdfs/migrate/16654IIED.pdf>
- Aryeetey, E. & Udry, C. 2010. Creating Property Rights: Land Banks in Ghana. *American Economic Review*, 100(2): 130–134. <https://doi.org/10.1257/aer.100.2.130>

Ashraf, N., Giné, X. & Karlan, D. 2009. Finding Missing Markets (and a Disturbing Epilogue): Evidence from an Export Crop Adoption and Marketing Intervention in Kenya. *American Journal of Agricultural Economics*, 91(4): 973–990. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8276.2009.01319.x>

Backholer, K., Gupta, A., Zorbas, C., Bennett, R., Huse, O., Chung, A., Isaacs, A. et al. 2021. Differential exposure to, and potential impact of, unhealthy advertising to children by socio-economic and ethnic groups: A systematic review of the evidence. *Obesity Reviews*, 22(3): e13144. <https://doi.org/10.1111/obr.13144>

Bai, Y., Alemu, R., Block, S.A., Headey, D. & Masters, W.A. 2021. Cost and affordability of nutritious diets at retail prices: Evidence from 177 countries. *Food Policy*, 99: 101983. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.101983>

Bai, Y. & Cotrufo, M.F. 2022. Grassland soil carbon sequestration: Current understanding, challenges, and solutions. *Science (New York, N.Y.)*, 377(6606): 603–608. <https://doi.org/10.1126/science.abo2380>

Bai, Y., Herforth, A. & Masters, W.A. 2022. Global variation in the cost of a nutrient-adequate diet by population group: an observational study. *The Lancet Planetary Health*, 6(1): e19–e28. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(21\)00285-0](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(21)00285-0)

Baines, J. & Hager, S.B. 2022. Commodity traders in a storm: financialization, corporate power and ecological crisis. *Review of International Political Economy*, 29(4): 1053–1084. <https://doi.org/10.1080/09692290.2021.1872039>

Baker, L. 2018. Food asset mapping in Toronto and Greater Golden Horseshoe region. In: Y. Cabannes & C. Marochino, eds. *Integrating Food into Urban Planning*. pp. 264–275. UCL Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv513dv1.20>

Baker, P., Hawkes, C., Wingrove, K., Demaio, A.R., Parkhurst, J., Thow, A.M. & Walls, H. 2018. What drives political commitment for nutrition? A review and framework synthesis to inform the United Nations Decade of Action on Nutrition. *BMJ Global Health*, 3(1): e000485. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2017-000485>

Baker, P., Machado, P., Santos, T., Sievert, K., Backholer, K., Hadjikakou, M., Russell, C. et al. 2020. Ultra-processed foods and the nutrition transition: Global, regional and national trends, food systems transformations and political economy drivers. *Obesity Reviews*, 21(12): e13126. <https://doi.org/10.1111/obr.13126>

Balakrishnan, R. & Heintz, J. 2015. How inequality threatens all human rights. In: *openDemocracy*. Cited 14 October 2022. <https://www.opendemocracy.net/en/openglobalrights-openpage/how-inequality-threatens-all-human-rights/>

Bâli, A. 2022. *The Humanitarian Paradox: Why Human Rights Require Restraint*. Quincy Brief No. 27. Quincy Institute for Responsible Statecraft. <https://quincyinst.org/report/the-humanitarian-paradox-why-human-rights-require-restraint/>

Barak, F. & Melgar-Quinonez, H. 2022. Gendered Determinants of Food Security Inequities Within Intersectionality Framework: Case Study From Uganda. *Current Developments in Nutrition*, 6(Supplement_1): 548. <https://doi.org/10.1093/cdn/nzac060.006>

Bardazzi, R., Bortolotti, L. & Pazienza, M.G. 2021. To eat and not to heat? Energy poverty and income inequality in Italian regions. *Energy Research & Social Science*, 73: 101946. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.101946>

Barlow, P., Labonte, R., McKee, M. & Stuckler, D. 2018. Trade challenges at the World Trade Organization to national noncommunicable disease prevention policies: A thematic document analysis of trade and health policy space. *PLOS Medicine*, 15(6): e1002590. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1002590>

- Barlow, P., Loopstra, R., Tarasuk, V. & Reeves, A.** 2020. Liberal trade policy and food insecurity across the income distribution: an observational analysis in 132 countries, 2014–17. *The Lancet Global Health*, 8(8): e1090–e1097. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30263-1](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30263-1)
- Barnett, I., Meeker, J., Roelen, K. & Nisbett, N.** 2022. Behaviour change communication for child feeding in social assistance: A scoping review and expert consultation. *Maternal & Child Nutrition*, 18(3): e13361. <https://doi.org/10.1111/mcn.13361>
- Barrett, C.B.** 2010. Measuring Food Insecurity. *Science*, 327(5967): 825–828. <https://doi.org/10.1126/science.1182768>
- Barzola Iza, C.L., Dentoni, D. & Omta, O.S.W.F.** 2020. The influence of multi-stakeholder platforms on farmers' innovation and rural development in emerging economies: a systematic literature review. *Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies*, 10(1): 13–39. <https://doi.org/10.1108/JADEE-12-2018-0182>
- Batal, M. & Decelles, S.** 2019. A Scoping Review of Obesity among Indigenous Peoples in Canada. *Journal of Obesity*, 2019: 1–20. <https://doi.org/10.1155/2019/9741090>
- Batterbury, S. & Ndi, F.** 2018. Land-grabbing in Africa. In: *Handbook of African Development*. Routledge.
- Battersby, J.** 2012. Urban Food Security And Climate Change: A System of Flows. In: *Climate Change, Assets and Food Security in Southern African Cities*. pp. 35–56. Routledge.
- Battersby, J.** 2017. Food System transformation in the Absence of Food System Planning: The Case of Supermarket and Shopping Mall Retail Expansion in Cape Town, South Africa. *Built Environment*, 43(3): 417–430. <https://doi.org/10.2148/benv.43.3.417>
- Battersby, J.** 2019. The Food Desert as a Concept and Policy Tool in African Cities: An Opportunity and a Risk. *Sustainability*, 11(2): 458. <https://doi.org/10.3390/su11020458>
- Battersby, J.** 2022. Revised food security policy: needed to reshape SA food system. *New Agenda: South African Journal of Social and Economic Policy*, 2022(86): 26–30. https://doi.org/10.10520/ejc-nagenda_v2022_n86_a6
- Baudron, F., Sims, B., Justice, S., Kahan, D.G., Rose, R., Mkomwa, S., Kaumbutho, P. et al.** 2015. Re-examining appropriate mechanization in Eastern and Southern Africa: two-wheel tractors, conservation agriculture, and private sector involvement. *Food Security*, 7(4): 889–904. <https://doi.org/10.1007/s12571-015-0476-3>
- Baumüller, H.** 2017. Towards Smart Farming? Mobile Technology Trends and Their Potential for Developing Country Agriculture. In: *Handbook on ICT in Developing Countries*. River Publishers.
- Beal, T., Gardner, C.D., Herrero, M., Iannotti, L.L., Merbold, L., Nordhagen, S. & Mottet, A.** 2023. Friend or Foe? The Role of Animal-Source Foods in Healthy and Environmentally Sustainable Diets. *The Journal of Nutrition*, 153(2): 409–425. <https://doi.org/10.1016/j.tjnut.2022.10.016>
- Beal, T. & Ortenzi, F.** 2022. Priority Micronutrient Density in Foods. *Frontiers in Nutrition*, 9. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnut.2022.806566>
- Beddington, J.R., Asaduzzaman, M., Clark, M.E., Bremauntz, A.F., Guillou, M.D., Jahn, M.M., Lin, E. et al.** 2012. The role for scientists in tackling food insecurity and climate change. *Agriculture & Food Security*, 1(1): 10. <https://doi.org/10.1186/2048-7010-1-10>
- Beder, S., Varney, W. & Gosden, R.** 2009. *This Little Kiddy Went to Market*. Pluto Press. <https://www.plutobooks.com/9781783715473/this-little-kiddy-went-to-market>
- Bednar, D.J. & Reames, T.G.** 2020. Recognition of and response to energy poverty in the United States. *Nature Energy*, 5(6): 432–439. <https://doi.org/10.1038/s41560-020-0582-0>

- Bell, W., Lividini, K. & Masters, W.A.** 2021. Global dietary convergence from 1970 to 2010 altered inequality in agriculture, nutrition and health. *Nature Food*, 2(3): 156–165. <https://doi.org/10.1038/s43016-021-00241-9>
- Bellemare, M.F., Bloem, J.R. & Lim, S.** 2022. Producers, consumers, and value chains in low-and middle-income countries. *Handbook of Agricultural Economics*, 6: 4933.
- Bellemare, M.F. & Novak, L.** 2017. *Contract Farming and Food Security*. SSRN Scholarly Paper. 3576999. Rochester, NY. Cited 21 October 2022. <https://papers.ssrn.com/abstract=3576999>
- Béné, C.** 2022. Why the Great Food Transformation may not happen – A deep-dive into our food systems' political economy, controversies and politics of evidence. *World Development*, 154: 105881. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2022.105881>
- Béné, C., Kawarazuka, N., Pham, H., Haan, S. de, Tuyen, H., Thi, D.T. & Dang, C.** 2021. Policy framing and crisis narratives around food safety in Vietnam. *Environment and Planning E: Nature and Space*, 4(3): 985–1009. <https://doi.org/10.1177/2514848620941515>
- Béné, C. & Merten, S.** 2008. Women and Fish-for-Sex: Transactional Sex, HIV/AIDS and Gender in African Fisheries. *World Development*, 36(5): 875–899. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2007.05.010>
- Bennett, N.J., Blythe, J., White, C.S. & Campero, C.** 2021. Blue growth and blue justice: Ten risks and solutions for the ocean economy. *Marine Policy*, 125: 104387. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104387>
- Bezner Kerr, R., Liebert, J., Kansanga, M. & Kpienbaareh, D.** 2022. Human and social values in agroecology: A review. *Elementa: Science of the Anthropocene*, 10(1): 00090. <https://doi.org/10.1525/elementa.2021.00090>
- Bezner Kerr, R., Madsen, S., Stüber, M., Liebert, J., Enloe, S., Borghino, N., Parros, P. et al.** 2021. Can agroecology improve food security and nutrition? A review. *Global Food Security*, 29: 100540. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2021.100540>
- Bhattacharjee, N.V., Schaeffer, L.E., Hay, S.I. & Collaborators, L.B. of D.E.B.** 2021. Mapping inequalities in exclusive breastfeeding in low- and middle-income countries, 2000–2018. *Nature Human Behaviour*, 5(8). <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01108-6>
- Bhuyan, B., Sahoo, B.K. & Suar, D.** 2020. Nutritional status, poverty, and relative deprivation among socio-economic and gender groups in India: Is the growth inclusive? *World Development Perspectives*, 18: 100180. <https://doi.org/10.1016/j.wdp.2020.100180>
- Bijman, J. & Wijers, G.** 2019. Exploring the inclusiveness of producer cooperatives. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 41: 74–79. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2019.11.005>
- Bindoff, N.L., Cheung, W.W.L., Kairo, J.G., Aristegui, J., Guinder, V.A., Hallberg, R., Hilmi, N. et al.** 2019. *Changing Ocean, Marine Ecosystems, and Dependent Communities*. In: *IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate*. Cambridge, UK and New York, NY, USA, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009157964.007>
- Binswanger, H.** 1986. *Agricultural mechanization: a comparative historical perspective*. 14113. Washington, D.C, World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/642221468740199059/Agricultural-mechanization-a-comparative-historical-perspective>
- Birmingham City Council.** 2019. Birmingham City Council passes multifaceted healthy food ordinance. In: *Medium*. Cited 23 November 2022. <https://bhamcitycouncil.medium.com/birmingham-city-council-passes-multifaceted-healthy-food-ordinance-1849063135ce>
- Bisaga, I., Campbell, K., Bellanca, R., Kleijn, M. & To, L.S.** 2022. *Clean and Modern Energy for Cooking - A Path to Food Security and Sustainable Development*. World Food Programme (WFP). <https://www.wfp.org/publications/clean-and-modern-energy-cooking-path-food-security-and-sustainable-development>

- Bizikova, L., Nkonya, E., Minah, M., Hanisch, M., Turaga, R.M.R., Speranza, C.I., Karthikeyan, M. et al.** 2020. A scoping review of the contributions of farmers' organizations to smallholder agriculture. *Nature Food*, 1(10): 620–630. <https://doi.org/10.1038/s43016-020-00164-x>
- Black, E.** 2016. Globalization of the Food Industry: Transnational Food Corporations, the Spread of Processed Food, and Their Implications for Food Security and Nutrition. *Independent Study Project (ISP) Collection*. https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2353
- Bonfrer, I., van de Poel, E., Grimm, M. & Van Doorslaer, E.** 2014. Does the distribution of healthcare utilization match needs in Africa? *Health Policy and Planning*, 29(7): 921–937. <https://doi.org/10.1093/heapol/czt074>
- Boonjubun, C.** 2017. Conflicts over streets: The eviction of Bangkok street vendors. *Cities*, 70: 22–31. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.06.007>
- Born, B. & Purcell, M.** 2006. Avoiding the Local Trap: Scale and Food Systems in Planning Research. *Journal of Planning Education and Research*, 26(2): 195–207. <https://doi.org/10.1177/0739456X06291389>
- Borras, S.M. & Franco, J.C.** 2013. Global Land Grabbing and Political Reactions "From Below". *Third World Quarterly*, 34(9): 1723–1747.
- Botreau, H. & Cohen, M.J.** 2020. Chapter Two - Gender inequality and food insecurity: A dozen years after the food price crisis, rural women still bear the brunt of poverty and hunger. In: M.J. Cohen, ed. *Advances in Food Security and Sustainability*. pp. 53–117. Vol. 5. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/bs.af2s.2020.09.001>
- Bradford, K. & Katikiro, R.E.** 2019. Fighting the tides: A review of gender and fisheries in Tanzania. *Fisheries Research*, 216: 79–88. <https://doi.org/10.1016/j.fishres.2019.04.003>
- Bragg, M.A., Roberto, C.A., Harris, J.L., Brownell, K.D. & Elbel, B.** 2018. Marketing Food and Beverages to Youth Through Sports. *Journal of Adolescent Health*, 62(1): 5–13. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.06.016>
- Brander, M., Bernauer, T. & Huss, M.** 2021. Improved on-farm storage reduces seasonal food insecurity of smallholder farmer households – Evidence from a randomized control trial in Tanzania. *Food Policy*, 98: 101891. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.101891>
- Braveman, P.** 2010. Social conditions, health equity, and human rights. *Health and Human Rights Journal*, 12(2): 31–48.
- Brinks, D., Dehm, J. & Engle, K.** 2020. Introduction: Human Rights and Economic Inequality. *Humanity Journal*. <http://humanityjournal.org/issue10-3/introduction-human-rights-and-economic-inequality/>
- Brooks, S.** 2016. Inducing food insecurity: Financialisation and development in the post-2015 era. *Third World Quarterly*, 37(5): 768–780. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1110014>
- Broussard, N.H.** 2019. What explains gender differences in food insecurity? *Food Policy*, 83: 180–194. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2019.01.003>
- Brown, C.S., Ravallion, M. & van de Walle, D.** 2017. *Are Poor Individuals Mainly Found in Poor Households? Evidence using Nutrition Data for Africa*. Working Paper. Working Paper Series 24047. National Bureau of Economic Research. Cited 30 October 2022. <https://www.nber.org/papers/w24047>
- Brucker, D.L. & Coleman-Jensen, A.** 2017. Food Insecurity Across the Adult Life Span for Persons With Disabilities. *Journal of Disability Policy Studies*, 28(2): 109–118. <https://doi.org/10.1177/1044207317710701>
- Bruckner, B., Hubacek, K., Shan, Y., Zhong, H. & Feng, K.** 2022. Impacts of poverty alleviation on national and global carbon emissions. *Nature Sustainability*, 5(4): 311–320. <https://doi.org/10.1038/s41893-021-00842-z>

de Bruin, S., Dengerink, J. & van Vliet, J. 2021. Urbanisation as driver of food system transformation and opportunities for rural livelihoods. *Food Security*, 13(4): 781–798. <https://doi.org/10.1007/s12571-021-01182-8>

Bryan, S., Afful, J., Carroll, M., Te-Ching, C., Orlando, D., Fink, S., Fryar, C. et al. 2021. *National Health and Nutrition Examination Survey 2017–March 2020 Pre-pandemic Data Files*. 158. National Center for Health Statistics (U.S.). <https://doi.org/10.15620/cdc:106273>

Burlinson, A., Davillas, A. & Law, C. 2022. Pay (for it) as you go: Prepaid energy meters and the heat-or-eat dilemma. *Social Science & Medicine*, 315: 115498. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.115498>

Bush, R.C. & Martiniello, G. 2017. Food Riots and Protest: Agrarian Modernizations and Structural Crises. *World Development*, 91: 193–207.

Byerlee, D., de Janvry, A. & Sadoulet, E. 2009. Agriculture for Development: Toward a New Paradigm. *Annual Review of Resource Economics*, 1(1): 15–31. <https://doi.org/10.1146/annurev.resource.050708.144239>

Caillavet, P.F., Darmon, N., Dubois, C., Gomy, C., Kabeche, D., Paturel, D. & Perignon, M. 2022. *Towards sustainable food security: issues, initiatives and guiding principles*. <https://tnova.fr/societe/alimentation/towards-sustainable-food-security-issues-initiatives-and-guiding-principles/>

Carolan, M. 2013. *The Real Cost of Cheap Food*. Routledge.

Carr, E.R. 2008. Men's Crops and Women's Crops: The Importance of Gender to the Understanding of Agricultural and Development Outcomes in Ghana's Central Region. *World Development*, 36(5): 900–915. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2007.05.009>

Carriedo Lutzenkirchen, A.A. 2018. *A policy analysis of the 2014 Mexican soda tax*. London School of Hygiene & Tropical Medicine. doctoral. <https://doi.org/10.17037/PUBS.04648204>

Carter, E.D. 2018. Population control, public health, and development in mid twentieth century Latin America. *Journal of Historical Geography*, 62: 96–105. <https://doi.org/10.1016/j.jhg.2018.03.012>

Casimirri, G. 2003. *Problems with integrating traditional ecological knowledge into contemporary resource management*. Quebec City, Canada, Submitted to the XII World Forestry Congress. Cited 5 May 2023. <https://www.fao.org/3/XII/0887-A3.htm>

Castañeda Carney, I., Sabater, L., Owren, C. & Boyer, A.E. 2020. *Gender-based violence and environment linkages*. IUCN. <https://doi.org/10.2305/IUCN.CH.2020.03.en>

Cavatassi, R., González-flores, M., Winters, P., Andrade-Piedra, J., Espinosa, P. & Thiele, G. 2011. Linking Smallholders to the New Agricultural Economy: The Case of the Plataformas de Concertación in Ecuador. *The Journal of Development Studies*, 47(10): 1545–1573. <https://doi.org/10.1080/00220388.2010.536221>

Ceddia, M.G. 2020. The super-rich and cropland expansion via direct investments in agriculture. *Nature Sustainability*, 3(4): 312–318. <https://doi.org/10.1038/s41893-020-0480-2>

Cerra, V., Lama, R. & Loayza, N. 2021. *Links Between Growth, Inequality, and Poverty: A Survey*. Policy Research working paper. 2021/068. Washington, D.C., World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/112911616770024923/Links-between-Growth-Inequality-and-Poverty-A-Survey>

CFS. 2019. *CFS Multi-Year Programme of Work (MYPoW) for 2020–2023*. Committee on World Food Security (CFS).

CFS. 2021. *CFS Voluntary Guidelines on Food Systems and Nutrition*. FAO. Cited 10 April 2023. <https://www.fao.org/cfs/vgfsn/en/%3f>

CFS 2019/46/7. 2019. *Forty-sixth Session “Making a Difference in Food Security and Nutrition”*. Rome, Italy, Committee on World Food Security (CFS).

CGIAR. 2010. *Summary — CGIAR Fund Council Inaugural Meeting*. Washington, DC: CGIAR Fund Office, World Bank, Consultative Group on International Agricultural Research (CGIAR).

CGIAR. 2022. *Seven Actions to Limit the Impact of War in Ukraine on Food Security*. Report. <https://cgspace.cgiar.org/handle/10568/119617>

Chakona, G. & Shackleton, C. 2019. Food Taboos and Cultural Beliefs Influence Food Choice and Dietary Preferences among Pregnant Women in the Eastern Cape, South Africa. *Nutrients*, 11(11): 2668. <https://doi.org/10.3390/nu11112668>

Champeny, M., Pries, A.M., Hou, K., Adhikary, I., Zehner, E. & Huffman, S.L. 2019. Predictors of breast milk substitute feeding among newborns in delivery facilities in urban Cambodia and Nepal. *Maternal & Child Nutrition*, 15(S4): e12754. <https://doi.org/10.1111/mcn.12754>

Chancel, L., Bothe, P. & Voituriez, T. 2023. *Climate Inequality Report 2023*. WorldInequalityLabStudy2023/1. <https://wid.world/wp-content/uploads/2023/01/CBV2023-ClimateInequalityReport-3.pdf>

Charlton, J.I. 1998. *Nothing About Us Without Us: Disability Oppression and Empowerment*. First edition. University of California Press. <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pnqn9>

Chege, C.G.K., Andersson, C.I.M. & Qaim, M. 2015. Impacts of Supermarkets on Farm Household Nutrition in Kenya. *World Development*, 72: 394–407. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.03.016>

Cheung, W.W.L., Reygondeau, G. & Frölicher, T.L. 2016. Large benefits to marine fisheries of meeting the 1.5°C global warming target. *Science*, 354(6319): 1591–1594. <https://doi.org/10.1126/science.aag2331>

Chirwa, E., Doward, A., Kachule, R., Kumwenda, I., Jonathan, K., Poole, N., Poulton, C. & Stockbridge, M. 2005. Farmer Organisations for Market Access: Principles for policy and practice. <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08c60ed915d622c0012e1/>

[R8275_040524_PolicyBriefingPaper.pdf](#)

Christensen, M.-B., Hallum, C., Maitland, A., Parrinello, Q. & Putaturo, C. 2023. *Survival of the Richest: How we must tax the super-rich now to fight inequality*. Oxfam Briefing Papers. Oxford, UK, Oxfam. <https://doi.org/10.21201/2023.621477>

Christiaensen, L., Demery, L. & Kuhl, J. 2011. The (evolving) role of agriculture in poverty reduction—An empirical perspective. *Journal of Development Economics*, 96(2): 239–254. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2010.10.006>

Chuenpagdee, R. & Jentoft, S. 2015. Exploring Challenges in Small-Scale Fisheries Governance. In: S. Jentoft & R. Chuenpagdee, eds. *Interactive Governance for Small-Scale Fisheries: Global Reflections*. pp. 3–16. MARE Publication Series. Cham, Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17034-3_1

Cinner, J.E., Huchery, C., Darling, E.S., Humphries, A.T., Graham, N.A.J., Hicks, C.C., Marshall, N. & McClanahan, T.R. 2013. Evaluating Social and Ecological Vulnerability of Coral Reef Fisheries to Climate Change. *PLoS ONE*, 8(9): e74321. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0074321>

Cistulli, V., Heikkilä, S. & Vos, R. 2016. Chapter 10. Global dimensions of malnutrition: Territorial perspectives on food security and nutrition policies. In: *OECD Regional Outlook 2016: Productive Regions for Inclusive Societies*. Paris, OECD Publishing. <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9789264260245-13-en/index.html?itemId=/content/component/9789264260245-13-en>

Clapp, J. 2006. WTO Agriculture Negotiations: Implications for the Global South. *Third World Quarterly*, 27(4): 563–577.

Clapp, J. 2014. Financialization, distance and global food politics. *The Journal of Peasant Studies*, 41(5): 797–814. <https://doi.org/10.1080/03066150.2013.875536>

Clapp, J. 2017. Concentration and Power in the Food System: Who Controls What We Eat? *Global Environmental Politics*, 17(3): 151–152. https://doi.org/10.1162/GLEP_r.00423

Clapp, J. 2021. The problem with growing corporate concentration and power in the global food system. *Nature Food*, 2(6): 404–408. <https://doi.org/10.1038/s43016-021-00297-7>

Clapp, J. & Isakson, S.R. 2018. Risky Returns: The Implications of Financialization in the Food System. *Development and Change*, 49(2): 437–460. <https://doi.org/10.1111/dech.12376>

Clapp, J., Moseley, W.G., Burlingame, B. & Termine, P. 2022. Viewpoint: The case for a six-dimensional food security framework. *Food Policy*, 106: 102164. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2021.102164>

Clapp, J. & Scrinis, G. 2017. Big Food, Nutritionism, and Corporate Power. *Globalizations*, 14(4): 578–595. <https://doi.org/10.1080/14747731.2016.1239806>

Coggins, S., McCampbell, M., Sharma, A., Sharma, R., Haefele, S.M., Karki, E., Hetherington, J., Smith, J. & Brown, B. 2022. How have smallholder farmers used digital extension tools? Developer and user voices from Sub-Saharan Africa, South Asia and Southeast Asia. *Global Food Security*, 32: 100577. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2021.100577>

Cohen, N. & Ilieva, R.T. 2021. Expanding the boundaries of food policy: The turn to equity in New York City. *Food Policy*, 103: 102012. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.102012>

Cole, S.A. & Fernando, A.N. 2021. 'Mobile'izing Agricultural Advice Technology Adoption Diffusion and Sustainability. *The Economic Journal*, 131(633): 192–219. <https://doi.org/10.1093/ej/ueaa084>

Cole, S.M., Kaminski, A.M., McDougall, C., Kefi, A.S., Marinda, P.A., Maliko, M. & Mtonga, J. 2020. Gender accommodative versus transformative approaches: a comparative assessment within a post-harvest fish loss reduction intervention. *Gender, Technology and Development*, 24(1): 48–65. <https://doi.org/10.1080/09718524.2020.1729480>

Concern Worldwide & Welthungerhilfe. 2022. *Global Hunger Index: Food Systems Transformation and Local Governance*. Bonn / Dublin. <https://www.concern.net/knowledge-hub/2022-global-hunger-index>

Cooksey-Stowers, K., Jiang, Q., Atoloye, A.T., Lucan, S. & Gans, K. 2020. Racial Differences in Perceived Food Swamp and Food Desert Exposure and Disparities in Self-Reported Dietary Habits. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(19): 7143. <https://doi.org/10.3390/ijerph17197143>

Cooksey-Stowers, K., Schwartz, M.B. & Brownell, K.D. 2017. Food Swamps Predict Obesity Rates Better Than Food Deserts in the United States. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 14(11): 1366. <https://doi.org/10.3390/ijerph14111366>

Cookson, T.P. 2018. *Unjust Conditions*. University of California Press. <https://doi.org/10.1525/luminos.49>

Cooper, G.S., Shankar, B., Rich, K.M., Ratna, N.N., Alam, M.J., Singh, N. & Kadiyala, S. 2021. Can fruit and vegetable aggregation systems better balance improved producer livelihoods with more equitable distribution? *World Development*, 148: 105678. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2021.105678>

Cornwall, A. 2003. Whose Voices? Whose Choices? Reflections on Gender and Participatory Development. *World Development*, 31(8): 1325–1342. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(03\)00086-X](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(03)00086-X)

Coté, C. 2022a. *A Drum in One Hand, a Sockeye in the Other: Stories of Indigenous Food Sovereignty from the Northwest Coast*. Indigenous Confluences. University of Washington Press. <https://uwapress.uw.edu/book/9780295749525/a-drum-in-one-hand-a-sockeye-in-the-other>

- Coté, C.** 2022b. *A Drum in One Hand, a Sockeye in the Other: Stories of Indigenous Food Sovereignty from the Northwest Coast (Indigenous Confluences)*. University of Washington Press. <https://www.amazon.com/Drum-One-Hand-Sockeye-Other/dp/0295749520>
- Cottrell, R.S., Nash, K.L., Halpern, B.S., Remenyi, T.A., Corney, S.P., Fleming, A., Fulton, E.A. et al.** 2019. Food production shocks across land and sea. *Nature Sustainability*, 2(2): 130–137. <https://doi.org/10.1038/s41893-018-0210-1>
- Cotula, L. & Berger, T.** 2017. *Trends in global land use investment: implications for legal empowerment*. <https://www.iied.org/12606iied>
- Counihan, C., Esterik, P.V. & Julier, A., eds.** 2018. *Food and Culture: A Reader*. Fourth edition. New York, Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315680347>
- Crippa, M., Solazzo, E., Guizzardi, D., Monforti-Ferrario, F., Tubiello, F.N. & Leip, A.** 2021. Food systems are responsible for a third of global anthropogenic GHG emissions. *Nature Food*, 2(3): 198–209. <https://doi.org/10.1038/s43016-021-00225-9>
- CSDH.** 2008. *Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health*. Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. Geneva, World Health Organization. <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789241563703>
- CUL.** 2023. Breaking Point: Impact of Sri Lanka's Economic Crisis on Colombo's Working Class Poor. <https://www.csf-asia.org/breaking-point-impact-of-sri-lankas-economic-crisis-on-colombos-working-class-poor/>
- Cummins, S., Berger, N., Cornelsen, L., Eling, J., Er, V., Greener, R., Kalbus, A. et al.** 2021. COVID-19: impact on the urban food retail system and dietary inequalities in the UK. *Cities & Health*, 5[sup1]: S119–S122. <https://doi.org/10.1080/23748834.2020.1785167>
- Dancer, H.** 2018. Power and Rights in the Community: Paralegals as Leaders in Women's Legal Empowerment in Tanzania. *Feminist Legal Studies*, 26(1): 47–64. <https://doi.org/10.1007/s10691-018-9371-6>
- Daniel, S. & Mittal, A.** 2009. *The Great Land Grab: Rush for World's Farmland Threatens Food Security for the Poor*. The Oakland Institute. <https://www.oaklandinstitute.org/great-land-grab-rush-world%E2%80%99s-farmland-threatens-food-security-poor>
- Das, D., Grais, R.F., Okiro, E.A., Stepniewska, K., Mansoor, R., van der Kam, S., Terlouw, D.J. et al.** 2018. Complex interactions between malaria and malnutrition: a systematic literature review. *BMC Medicine*, 16(1): 186. <https://doi.org/10.1186/s12916-018-1177-5>
- Dasgupta, S. & Robinson, E.J.Z.** 2022. Attributing changes in food insecurity to a changing climate. *Scientific Reports*, 12(1): 4709. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-08696-x>
- Davis, K.E., Babu, S.C. & Ragasa, C., eds.** 2020. *Agricultural extension: Global status and performance in selected countries*. Washington, DC, International Food Policy Research Institute (IFPRI). <https://doi.org/10.2499/9780896293755>
- Davy, D.** 2016. Australia's Efforts to Improve Food Security for Aboriginal and Torres Strait Islander Peoples. *Health and Human Rights*, 18(2): 209–218.
- De Mello, L. & Dutz, M.A.** 2012. *Promoting Inclusive Growth: Challenges and Policies*. Washington, DC, World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16948>
- De Schutter, O.** 2012. *From Charity to Entitlement: Implementing the Right to Food in Southern and Eastern Africa*. United Nations Special Rapporteur on the Right to Food: Briefing Note 5. Geneva: United Nations. http://www.srfood.org/images/stories/pdf/otherdocuments/20120620_briefing_note_05_en.pdf

De Schutter, O. 2023. Fighting inequality: The untapped potential of human rights. In: *RLS Geneva*. Cited 22 May 2023. <https://rosalux-geneva.org/fighting-inequality-the-untapped-potential-of-human-rights/>

De Schutter, O. & Vanloqueren, G. 2011. The New Green Revolution: How Twenty-First-Century Science Can Feed the World. , 2[4]. <https://papers.ssrn.com/abstract=1926189>

De Vreyer, P. & Lambert, S. 2021. Inequality, Poverty, and the Intra-Household Allocation of Consumption in Senegal. *World Bank Economic Review*, 35[2]: 414–435. <https://doi.org/10.1093/wber/lhz052>

Debela, B.L., Demmler, K.M., Klasen, S. & Qaim, M. 2020. Supermarket food purchases and child nutrition in Kenya. *Global Food Security*, 25: 100341. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2019.100341>

Deichmann, U., Goyal, A. & Mishra, D. 2016. Will digital technologies transform agriculture in developing countries? *Agricultural Economics*, 47[S1]: 21–33. <https://doi.org/10.1111/agec.12300>

Deininger, K. 2003. Land Markets in Developing and Transition Economies: Impact of Liberalization and Implications for Future Reform. *American Journal of Agricultural Economics*, 85[5]: 1217–1222. <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2003.00533.x>

Deininger, K., Ali, D.A., Holden, S. & Zevenbergen, J. 2008. Rural Land Certification in Ethiopia: Process, Initial Impact, and Implications for Other African Countries. *World Development*, 36[10]: 1786–1812. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2007.09.012>

Dell'Angelo, J., Navas, G., Witteman, M., D'Alisa, G., Scheidel, A. & Temper, L. 2021. Commons grabbing and agribusiness: Violence, resistance and social mobilization. *Ecological Economics*, 184: 107004. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107004>

Demmler, K.M., Ecker, O. & Qaim, M. 2018. Supermarket Shopping and Nutritional Outcomes: A Panel Data Analysis for Urban Kenya. *World Development*, 102: 292–303. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.07.018>

Devaux, A., Horton, D., Velasco, C., Thiele, G., López, G., Bernet, T., Reinoso, I. & Ordinola, M. 2009. Collective action for market chain innovation in the Andes. *Food Policy*, 34[1]: 31–38. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2008.10.007>

Devaux, A., Torero, M., Donovan, J. & Horton, D. 2018. Agricultural innovation and inclusive value-chain development: a review. *Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies*, 8[1]: 99–123. <https://doi.org/10.1108/JADEE-06-2017-0065>

Development Initiatives. 2020. *2020 Global Nutrition Report: Action on equity to end malnutrition*. Bristol, UK. <https://globalnutritionreport.org/reports/2020-global-nutrition-report/>

Development Initiatives. 2021. *2021 Global Nutrition Report: The state of global nutrition*. Bristol, UK. <https://globalnutritionreport.org/reports/2021-global-nutrition-report/>

Development Initiatives. 2022. *2022 Global Nutrition Report: Stronger commitments for greater action*. Bristol, UK, Development Initiatives. <https://globalnutritionreport.org/reports/2022-global-nutrition-report/>

Devereux, S., Haysom, G., Maluf, R.S. & Scott-Villiers, P. 2022. *Challenging the normalisation of hunger in highly unequal societies*. IDS working paper. Brighton, United Kingdom: Institute of Development Studies.

Devereux, S. & Sabates-Wheeler, R. 2004. Transformative social protection. <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/20.500.12413/4071>

Devereux, S. & Sabates-Wheeler, R. 2015. Graduating from Social Protection? Editorial Introduction. *IDS Bulletin*, 46[2]: 1–12. <https://doi.org/10.1111/1759-5436.12124>

- Dhehibi, B., Dhraief, M.Z., Ruediger, U., Frijia, A., Werner, J., Straussberger, L. & Rischkowsky, B.** 2022. Impact of improved agricultural extension approaches on technology adoption: Evidence from a randomised controlled trial in rural Tunisia. *Experimental Agriculture*, 58: e13. <https://doi.org/10.1017/S0014479722000084>
- Dickman, S.L., Himmelstein, D.U. & Woolhandler, S.** 2017. Inequality and the health-care system in the USA. *The Lancet*, 389(10077): 1431–1441. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(17\)30398-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(17)30398-7)
- D’Odorico, P., Carr, J.A., Laio, F., Ridolfi, L. & Vandoni, S.** 2014. Feeding humanity through global food trade. *Earth’s Future*, 2(9): 458–469. <https://doi.org/10.1002/2014EF000250>
- Donatuto, J., Campbell, L. & Gregory, R.** 2016. Developing Responsive Indicators of Indigenous Community Health. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 13(9): 899. <https://doi.org/10.3390/ijerph13090899>
- Donatuto, J., Campbell, L., LeCompte, J.K., Rohlman, D. & Tadlock, S.** 2020. The Story of 13 Moons: Developing an Environmental Health and Sustainability Curriculum Founded on Indigenous First Foods and Technologies. *Sustainability*, 12(21): 8913. <https://doi.org/10.3390/su12218913>
- Donovan, J. & Poole, N.** 2014. Changing asset endowments and smallholder participation in higher value markets: Evidence from certified coffee producers in Nicaragua. *Food Policy*, 44: 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2013.09.010>
- Doss, C. & Quisumbing, A.R.** 2021. Gender, household behavior, and rural development. In: *In Agricultural development: New perspectives in a changing world*, eds. Keijiro Otsuka and Shenggen Fan. Part Three: Context for Agricultural Development, Chapter 15, Pp. 503–528. p. 26. Agricultural development: New perspectives in a changing world. Washington, DC, International Food Policy Research Institute (IFPRI). https://doi.org/10.2499/9780896293830_15
- Doss, C.R.** 2002. Men’s Crops? Women’s Crops? The Gender Patterns of Cropping in Ghana. *World Development*, 30(11): 1987–2000. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(02\)00109-2](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(02)00109-2)
- Doss, C.R. & Quisumbing, A.R.** 2020. Understanding rural household behavior: Beyond Boserup and Becker. *Agricultural Economics*, 51(1): 47–58. <https://doi.org/10.1111/agec.12540>
- Drimie, S. & Yosef, S.** 2016. *Reducing risk, strengthening resilience: Social protection and nutrition*. Washington, DC, International Food Policy Research Institute. https://doi.org/10.2499/9780896295889_07
- D’Souza, A. & Jolliffe, D.** 2013. Conflict, Food Price Shocks, and Food Insecurity: The Experience of Afghan Households. *Food Policy*. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16459>
- D’Souza, A. & Tandon, S.** 2015. *How Well Do Household-Level Data Characterize Undernourishment? Evidence from Bangladesh*. SSRN Scholarly Paper. 2657617. Rochester, NY. Cited 25 October 2022. <https://papers.ssrn.com/abstract=2657617>
- Duchenne-Moutien, R.A. & Neetoo, H.** 2021. Climate Change and Emerging Food Safety Issues: A Review. *Journal of Food Protection*, 84(11): 1884–1897. <https://doi.org/10.4315/JFP-21-141>
- Duggan, C.P., Kurpad, A., Stanford, F.C., Sunguya, B. & Wells, J.C.** 2020. Race, ethnicity, and racism in the nutrition literature: an update for 2020. *The American Journal of Clinical Nutrition*, 112(6): 1409–1414. <https://doi.org/10.1093/ajcn/nqaa341>
- Duke Decolonizing Global Health Student Working Group.** 2019. Duke Decolonizing Global Health Working Group. Cited 23 November 2022. <https://sites.duke.edu/dukedgh/>
- Duncan, J. & Claeys, P.** 2018. Politicizing food security governance through participation: opportunities and opposition. *Food Security*, 10(6): 1411–1424. <https://doi.org/10.1007/s12571-018-0852-x>

Elvar, H. & Tuncak, B. 2017. *Report of the Special Rapporteur for the Right to Food (A/HRC/34/48)*. Geneva: Human Rights Council of the United Nations. https://www.academia.edu/31615082/Human_Rights_Council_Thirty_fourth_session_Report_of_the_Special_Rapporteur_on_The_Right_to_Food_and_Pesticides_7_March_2017_Geneva

Estoque, R.C., Dasgupta, R., Winkler, K., Avitabile, V., Johnson, B.A., Myint, S.W., Gao, Y. et al. 2022. Spatiotemporal pattern of global forest change over the past 60 years and the forest transition theory. *Environmental Research Letters*, 17(8): 084022. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ac7df5>

Etten, J.V., Beza, E., Calderer, L., Duijvendijk, K.V., Fadda, C., Fantahun, B., Kidane, Y.G. et al. 2016. First Experiences with a Novel Farmer Citizen Science Approach: Crowdsourcing Participatory Variety Selection Through On-Farm Triadic Comparisons of Technologies (TRICOT). *Experimental Agriculture*, 55(S1): 275–296. <https://doi.org/10.1017/S0014479716000739>

van Ewijk, E. & Ros-Tonen, M.A.F. 2021. The fruits of knowledge co-creation in agriculture and food-related multi-stakeholder platforms in sub-Saharan Africa – A systematic literature review. *Agricultural Systems*, 186: 102949. <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2020.102949>

Fakhri, M. 2021. Right to food. <https://undocs.org/A/HRC/46/33>

Fakhri, M. 2023. Conflict and the Human Right to food. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G22/619/92/PDF/G2261992.pdf?OpenElement>

Falkenmark, M. 2013. Growing water scarcity in agriculture: future challenge to global water security. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 371(2002): 20120410. <https://doi.org/10.1098/rsta.2012.0410>

Fan, S. & Hazell, P. 2001. Returns to Public Investments in the Less-Favored Areas of India and China. *American Journal of Agricultural Economics*, 83(5): 1217–1222.

Fanzo, J. 2019. Healthy and Sustainable Diets and Food Systems: The Key to Achieving Sustainable Development Goal 2? *Food Ethics*, 4(2): 159–174. <https://doi.org/10.1007/s41055-019-00052-6>

Fanzo, J., Shawar, Y., Shyam, T., Das, S. & Shiffman, J. 2020. *Food System PPPs: Can they Advance Public Health and Business Goals at the Same Time? Analysis and Ideas for Moving Forward*. Discussion Paper #6. Geneva, Switzerland, Global Alliance for Improved Nutrition (GAIN). <https://doi.org/10.36072/dp.6>

FAO. 2011. The FOME ZERO (Zero Hunger) Program: The Brazilian experience. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Cited 20 February 2023. <https://www.fao.org/documents/card/en?details=d923c492-8125-5c81-a0c1-b74779f42208>

FAO. 2012. Decent rural employment for food security: A case for action. Food and Agriculture Organization (FAO). Cited 20 February 2023. <https://www.unwomen.org/en/docs/2012/1/decent-rural-employment-for-food-security>

FAO. 2013. *Food Wastage Footprint: Impacts on Natural Resources*. Summary Report. <http://www.fao.org/docrep/018/i3347e/i3347e.pdf>

FAO. 2014. Developing Sustainable Food Value Chains: Guiding Principles. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Cited 23 May 2023. <https://www.fao.org/sustainable-food-value-chains/library/details/en/c/265156>

FAO. 2015a. *The State of Agricultural Commodity Markets. Trade and Food Security: Achieving a Better Balance Between National Priorities and the Collective Good*. FAO. <https://www.fao.org/3/a-i5090e.pdf>

FAO. 2015b. Status of the World's Soil Resources: Main Report. FAO. Cited 20 February 2023. <https://www.fao.org/documents/card/en?details=c6814873-efc3-41db-b7d3-2081a10ede50/>

FAO. 2015c. *Climate Change and Food Security: Risks and Responses*. <http://www.fao.org/3/a-i5188e.pdf>

- FAO.** 2015d. *Voluntary Guidelines for Securing Sustainable Small-Scale Fisheries in the Context of Food Security and Poverty Eradication*. Rome, Food and Agriculture Organization of the United Nations. <http://www.fao.org/3/a-i4356en.pdf>
- FAO.** 2016. *Influencing food environments for healthy diets*. Rome, Food and Agriculture Organization of the United Nations. <http://www.fao.org/3/a-i6484e.pdf>
- FAO.** 2018a. *The 10 elements of agroecology: Guiding the transition to sustainable food and agricultural systems*. Rome, Italy, FAO. <https://www.fao.org/documents/card/en/c/I9037EN/>
- FAO.** 2018b. *The CFS principles for responsible investment in agriculture and food systems*. Rome, Italy, FAO. <https://www.fao.org/publications/card/en/c/CA0904EN/>
- FAO.** 2018c. *City Region Food System Toolkit: Assessing and planning sustainable city region food systems*. Food and Agriculture Organization of the United Nations.
- FAO.** 2020. *The State of Agricultural Commodity Markets*. 2020. Rome, Italy, FAO. <https://doi.org/10.4060/cb0665en>
- FAO.** 2021. *The White/Wiphala Paper on Indigenous Peoples' food systems*. FAO. Cited 20 February 2023. <https://www.fao.org/documents/card/en?details=cb4932en/>
- FAO.** 2022a. *Gender and Land Rights Database*. In: *Food and Agriculture Organization of the United Nations*. Cited 21 February 2023. <https://www.fao.org/gender-landrights-database/en/>
- FAO.** 2022b. *The State of Food and Agriculture 2022. Leveraging automation in agriculture for transforming agrifood systems*. Rome, FAO. <https://doi.org/10.4060/cb9479en>
- FAO.** 2022c. *Ukraine: Note on the impact of the war on food security in Ukraine: 20 July 2022*. Rome, Italy, FAO. <https://doi.org/10.4060/cc1025en>
- FAO.** 2022d. *From Crisis to Transformation: Strengthening urban food governance in Cape Town during a pandemic*. In: *Food and Agricultural Organization (FAO)*. Cited 23 November 2022. <https://www.fao.org/in-action/food-for-cities-programme/news/detail/ar/c/1472942/>
- FAO.** 2023. *Junior Farmer Field and Life Schools (JFFLS)*. In: *The Food and Agricultural Organization of the United Nations*. Cited 20 February 2023. <https://www.fao.org/rural-employment/work-areas/youth-employment/skills-development/en/>
- FAO, I.-C. for dietary assessment.** 2022e. *Global report on the state of dietary data*. Rome, Italy, FAO. <https://doi.org/10.4060/cb8679en>
- FAO & IFAD.** 2019. *United Nations Decade of Family Farming 2019-2028 global action plan*. Cited 20 February 2023. <https://www.fao.org/family-farming/detail/en/c/1195619/>
- FAO, IFAD, UNICEF, WFP, & WHO.** 2022. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2022: Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable*. The State of Food Security and Nutrition in the World (SOFI) 2022. Rome, Italy, FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO. <https://doi.org/10.4060/cc0639en>
- FAO, IFAD, UNICEF, WFP, & WHO.** 2021. *The State of Food Security and Nutrition in the world: Transforming food systems for food security, improved nutrition and affordable healthy diets for all*. The State of Food Security and Nutrition in the World (SOFI). Rome Italy, FAO. <https://doi.org/10.4060/CB4474EN>
- FAO & Intake-Center for dietary assessment.** 2022. *Global report on the state of dietary data*. Rome, Italy, FAO. <https://doi.org/10.4060/cb8679en>
- FAO & WHO.** 2023. *Better data, better policies, better diets*. In: *GIFT*. Cited 10 May 2023. <https://www.fao.org/gift-individual-food-consumption/en>

Fernandes, G. & Sridhar, D. 2017. World Bank and the Global Financing Facility. *BMJ*, 358: j3395. <https://doi.org/10.1136/bmj.j3395>

FIAN & Brot für die Welt. 2018. *When Food Becomes Immaterial: Confronting the Digital Age*. Tenth edition. Brot für die Welt, FIAN International. https://www.righttofoodandnutrition.org/files/rtfn-watch-2018_eng.pdf

Filmer, D., Friedman, J., Kandpal, E. & Onishi, J. 2023. Cash Transfers, Food Prices, and Nutrition Impacts on Ineligible Children. *The Review of Economics and Statistics*: 1–17. https://doi.org/10.1162/rest_a_01061

Fiorella, K.J., Bageant, E.R., Schwartz, N.B., Thilsted, S.H. & Barrett, C.B. 2021. Fishers' response to temperature change reveals the importance of integrating human behavior in climate change analysis. *Science Advances*, 7(18): eabc7425. <https://doi.org/10.1126/sciadv.abc7425>

Flachsbarth, I., Lay, J., Nolte, K., Harding, A., Anseeuw, W. & Bourgoin, J. 2020. Responsible large-scale agricultural investments in and by G20 countries: A call for more transparency. Cited 23 November 2022. https://t20saudi-arabia.org.sa/en/briefs/Pages/Policy-Brief.aspx?pb=TF10_PB4

Fletschner, D. & Kenney, L. 2014. Rural Women's Access to Financial Services: Credit, Savings, and Insurance. In: A.R. Quisumbing, R. Meinzen-Dick, T.L. Raney, A. Croppenstedt, J.A. Behrman & A. Peterman, eds. *Gender in Agriculture: Closing the Knowledge Gap*. pp. 187–208. Dordrecht, Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8616-4_8

Food Foundation. 2023. Food Insecurity Tracking | Food Foundation. Cited 20 February 2023. <https://www.foodfoundation.org.uk/initiatives/food-insecurity-tracking>

Forster, T., Egal, F., Renting, H., Dubbeling, M. & Escudero, A.G. 2015. *Milan Urban Food Policy Pact: Selected Good Practices from Cities*. <https://ruaf.org/document/milan-urban-food-policy-pact-selected-good-practices-from-cities/>

Fraser, N. 2009. *Scales of justice: reimagining political space in a globalizing world*. New directions in critical theory. New York, Columbia University Press.

Free, C.M., Thorson, J.T., Pinsky, M.L., Oken, K.L., Wiedenmann, J. & Jensen, O.P. 2019. Impacts of historical warming on marine fisheries production. *Science*, 363(6430): 979–983. <https://doi.org/10.1126/science.aau1758>

Freebairn, D.K. 1995. Did the Green Revolution Concentrate Incomes? A Quantitative Study of Research Reports. *World Development*, 23(2): 265–279. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(94\)00116-G](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)00116-G)

Friedmann, H. 2005. From Colonialism to Green Capitalism: Social Movements and Emergence of Food Regimes. In: F. H. Buttel & P. McMichael, eds. *New Directions in the Sociology of Global Development*. pp. 227–264. Vol. 11. Research in Rural Sociology and Development. Emerald Group Publishing Limited. [https://doi.org/10.1016/S1057-1922\(05\)11009-9](https://doi.org/10.1016/S1057-1922(05)11009-9)

Friel, S., Baker, P., Lee, J., Nisbett, N., Buse, K. & Oenema, S. 2017. *Global Governance for Nutrition and the role of UNSCN. Discussion Paper*

Friel, S. & Ford, L. 2015. Systems, food security and human health. *Food Security*, 7(2): 437–451. <https://doi.org/10.1007/s12571-015-0433-1>

Friel, S., Hattersley, L., Snowden, W., Thow, A.-M., Lobstein, T., Sanders, D., Barquera, S. et al. 2013. Monitoring the impacts of trade agreements on food environments. *Obesity Reviews*, 14(S1): 120–134. <https://doi.org/10.1111/obr.12081>

Friel, S., Schram, A. & Townsend, B. 2020. The nexus between international trade, food systems, malnutrition and climate change. *Nature Food*, 1: 51–58. <https://doi.org/10.1038/s43016-019-0014-0>

Friesner, J. 2016. Labor in the Food System: A View from INFAS. *Journal of Agriculture, Food Systems, and Community Development*, 6(2): 25–27. <https://doi.org/10.5304/jafscd.2016.062.023>

- Fröcklin, S., Torre-Castro, M. de la, Håkansson, E., Carlsson, A., Magnusson, M. & Jiddawi, N.S. 2014. Towards Improved Management of Tropical Invertebrate Fisheries: Including Time Series and Gender. *PLOS ONE*, 9(3): e91161. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0091161>
- Fröcklin, S., de la Torre-Castro, M., Lindström, L. & Jiddawi, N.S. 2013. Fish Traders as Key Actors in Fisheries: Gender and Adaptive Management. *AMBIO*, 42(8): 951–962. <https://doi.org/10.1007/s13280-013-0451-1>
- FSIN & Global Network Against Food Crises. 2023. *Global Report of Food crises*. <https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2023-compressed.pdf>
- Fu, X. & Akter, S. 2016. The Impact of Mobile Phone Technology on Agricultural Extension Services Delivery: Evidence from India. *The Journal of Development Studies*, 52(11): 1561–1576. <https://doi.org/10.1080/00220388.2016.1146700>
- Furusawa, T., Konishi, H. & Tran, D.L.A. 2019. International Trade and Income Inequality*. *The Scandinavian Journal of Economics*, 122(3): 993–1026. <https://doi.org/10.1111/sjoe.12360>
- Fuseini, I., Battersby, J. & Jain, N. 2018. The characteristics of the urban food system in Kitwe, Zambia: A focus on the retail sector. In: *Urban Food Systems Governance and Poverty in African Cities*. 1st Edition edition, pp. 195–207. Routledge.
- Gammage, S., Kes, A., Winograd, L., Sultana, N., Hiller, S. & Bourgault, S. 2017. *Gender and digital financial inclusion: What do we know and what do we need to know?*. Washington, D.C, International Center for Research on Women. <https://reliefweb.int/report/world/gender-and-digital-financial-inclusion-what-do-we-know-and-what-do-we-need-know>
- GBD 2015 Healthcare Access and Quality Collaborators. 2017. Healthcare Access and Quality Index based on mortality from causes amenable to personal health care in 195 countries and territories, 1990–2015: a novel analysis from the Global Burden of Disease Study 2015. *The Lancet*, 390(10091): 231–266. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(17\)30818-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(17)30818-8)
- Gehl Architects. 2021. Bogotá Foodscape Strategy. In: *issuu*. Cited 21 February 2023. <https://issuu.com/gehlarchitects/docs/bogota-foodscape-strategy-2021>
- Gentilini, U. (editor). 2022. Social Protection, Food Security and Nutrition. <http://hdl.handle.net/10986/38210>
- George, A.S., Mehra, V., Scott, K. & Sriram, V. 2015. Community Participation in Health Systems Research: A Systematic Review Assessing the State of Research, the Nature of Interventions Involved and the Features of Engagement with Communities. *PLOS ONE*, 10(10): e0141091. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0141091>
- Gephart, J., Bejarano, R., Gorospe, K., Godwin, A., Golden, C., Naylor, R., Nash, K., Pace, M. & Troell, M. 2023. *Globalization of wild capture and farmed aquatic foods*. <https://doi.org/10.22541/essoar.167590829.99780929/v1>
- Gephart, J.A. & Pace, M.L. 2015. Structure and evolution of the global seafood trade network. *Environmental Research Letters*, 10(12): 125014. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/10/12/125014>
- Getahun, T.D. & Villanger, E. 2018. Labour-Intensive Jobs for Women and Development: Intra-household Welfare Effects and Its Transmission Channels. *The Journal of Development Studies*, 54(7): 1232–1252. <https://doi.org/10.1080/00220388.2017.1327661>
- Ghosh, J., Heintz, J. & Pollin, R. 2012. Speculation on Commodities Futures Markets and Destabilization of Global Food Prices: Exploring the Connections. *International Journal of Health Services*, 42(3): 465–483. <https://doi.org/10.2190/HS.42.3.f>

Gibbs, A., Carpenter, B., Crankshaw, T., Hannass-Hancock, J., Smit, J., Tomlinson, M. & Butler, L. 2017. Prevalence and factors associated with recent intimate partner violence and relationships between disability and depression in post-partum women in one clinic in eThekweni Municipality, South Africa. *PloS One*, 12(7): e0181236. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0181236>

Gilbert, M.R., Eakin, H. & McPhearson, T. 2022. The role of infrastructure in societal transformations. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 57: 101207. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2022.101207>

Giller, K.E., Delaune, T., Silva, J.V., van Wijk, M., Hammond, J., Descheemaeker, K., van de Ven, G. et al. 2021. Small farms and development in sub-Saharan Africa: Farming for food, for income or for lack of better options? *Food Security*, 13(6): 1431–1454. <https://doi.org/10.1007/s12571-021-01209-0>

Gillespie, B. 2016. *Much more than malnutrition: motherhood and the state in the Peruvian Andes*. University of Sussex.

Ginzburg, S.L. 2022. Colonial comida: the colonization of food insecurity in Puerto Rico. *Food, Culture & Society*, 25(1): 18–31. <https://doi.org/10.1080/15528014.2021.1884440>

Gittelsohn, J. 1991. Opening the box: Intrahousehold food allocation in rural Nepal. *Social Science & Medicine*, 33(10): 1141–1154. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(91\)90230-A](https://doi.org/10.1016/0277-9536(91)90230-A)

Gitz, V., Pingault, N., Meybeck, A., Ickowitz, A., McMullin, S., Sunderland, T.C.H., Vinceti, B. et al. 2021. Contribution of forests and trees to food security and nutrition. The CGIAR Research Program on Forests, Trees and Agroforestry (FTA). Cited 21 February 2023. <https://www.cifor.org/knowledge/publication/8006/>

Glaeser, E., Scheinkman, J. & Shleifer, A. 2003. The injustice of inequality. *Journal of Monetary Economics*, 50(1): 199–222. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(02\)00204-0](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(02)00204-0)

Gliessman, S. & Ferguson, B.G. 2020. Keeping up with the agroecology movement: priorities for agroecology and sustainable food systems. *Agroecology and Sustainable Food Systems*, 44(1): 1–2. <https://doi.org/10.1080/21683565.2019.1675241>

Global Diet Quality Project. 2022. *Measuring what the world eats: Insights from a new approach*. Boston, MA: Harvard T.H. Chan School of Public Health, Department of Global Health and Population, Geneva: Global Alliance for Improved Nutrition (GAIN). <https://doi.org/10.36072/dqq2022>

Global Obesity Observatory. 2023. Ranking [% obesity by country]. In: *World Obesity Federation Global Obesity Observatory*. Cited 11 May 2023. <https://data.worldobesity.org/rankings/?age=a&sex=m>

GloPan. 2016. *Food Systems & Diets: Facing the Challenges of the 21st Century*. London, UK, Global Panel on Agriculture and Food Systems for Nutrition. <https://www.gov.uk/research-for-development-outputs/food-systems-diets-facing-the-challenges-of-the-21st-century>

GloPan. 2020. *Future Food Systems: For people, our planet, and prosperity*. London, UK, Global Panel on Agriculture and Food Systems for Nutrition. <https://www.glopan.org/foresight2/>

Godfray, H.C.J., Aveyard, P., Garnett, T., Hall, J.W., Key, T.J., Lorimer, J., Pierrehumbert, R.T. et al. 2018. Meat consumption, health, and the environment. *Science*, 361(6399): eaam5324. <https://doi.org/10.1126/science.aam5324>

Goins, R.T., Conway, C., Reid, M., Jiang, L., Chang, J., Huyser, K.R., Brega, A.G. et al. 2022. Social determinants of obesity in American Indian and Alaska Native peoples aged ≥ 50 years. *Public Health Nutrition*, 25(8): 2064–2073. <https://doi.org/10.1017/S1368980022000945>

- Goldstein, M. & Udry, C.** 2008. The Profits of Power: Land Rights and Agricultural Investment in Ghana. *Journal of Political Economy*, 116(6): 981–1022. <https://doi.org/10.1086/595561>
- Gonzalez, C.** 2002. Institutionalizing Inequality: The WTO Agreement on Agriculture, Food Security, and Developing Countries. *COLUM. J. ENVTL. L.*, 27: 433.
- Gope, R.K., Tripathy, P., Prasad, V., Pradhan, H., Sinha, R.K., Panda, R., Chowdhury, J. et al.** 2019. Effects of participatory learning and action with women's groups, counselling through home visits and crèches on undernutrition among children under three years in eastern India: a quasi-experimental study. *BMC Public Health*, 19(1): 962. <https://doi.org/10.1186/s12889-019-7274-3>
- Gordon, J., Tranchant, J.-P., Casu, L., Mitchell, B. & Nisbett, N.** 2019. *APPI/SPREAD Collective Action for Nutrition Social Audit Programme Odisha, India: Final Evaluation Report*. IDS. <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/20.500.12413/14412>
- Grace, D.** 2015. *Food safety in developing countries: An overview*. Report. Hemel Hempstead, UK, Evidence on Demand. https://doi.org/10.12774/eod_er.oct2015.graced
- Griffin, K.** 1979. *The Political economy of agrarian change: An essay on the Green Revolution*. London, Palgrave Macmillan UK. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-16176-8>
- Groce, N.E., Kerac, M., Farkas, A., Schultink, W. & Bieler, R.B.** 2013. Inclusive nutrition for children and adults with disabilities. *The Lancet Global Health*, 1(4): e180–e181. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(13\)70056-1](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(13)70056-1)
- Groot, R. de, Handa, S., Park, M., Darko, R.O., Osei-Akoto, I., Bhalla, G. & Ragno, L.P.** 2016. *Unconditional CASH Transfer Programs and Schooling in Ghana*. 2016 Annual Meeting, PAA, 2 April 2016. <https://paa.confex.com/paa/2016/meetingapp.cgi/Paper/8026>
- Guasch-Ferré, M., Satija, A., Blondin, S.A., Janiszewski, M., Emlen, E., O'Connor, L.E., Campbell, W.W. et al.** 2019. Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials of Red Meat Consumption in Comparison With Various Comparison Diets on Cardiovascular Risk Factors. *Circulation*, 139(15): 1828–1845. <https://doi.org/10.1161/CIRCULATIONAHA.118.035225>
- Guereña, A. & Wegerif, M.C.A.** 2019. Land Inequality: Framing Document. *ILC*. <https://www.landcoalition.org/en/resources/land-and-inequality/>
- Gulliford, M., Figueroa-Munoz, J., Morgan, M., Hughes, D., Gibson, B., Beech, R. & Hudson, M.** 2002. What does “access to health care” mean? *Journal of Health Services Research & Policy*, 7(3): 186–188. <https://doi.org/10.1258/135581902760082517>
- Gulliford, M.C., Mahabir, D. & Rocke, B.** 2003. Food insecurity, food choices, and body mass index in adults: nutrition transition in Trinidad and Tobago. *International Journal of Epidemiology*, 32(4): 508–516. <https://doi.org/10.1093/ije/dyg100>
- Gustavsson, M., Frangoudes, K., Lindström, L., Álvarez Burgos, M.C. & de la Torre-Castro, M.** 2021. Gender and Blue Justice in small-scale fisheries governance. *Marine Policy*, 133: 104743. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2021.104743>
- Gwenzi, W., Makuvara, Z., Marumure, J., Simbanegavi, T.T., Mukonza, S.S. & Chaukura, N.** 2023. Chicanery in the food supply chain! Food fraud, mitigation, and research needs in low-income countries. *Trends in Food Science & Technology*. <https://doi.org/10.1016/j.tifs.2023.03.027>
- Habib, R.R. & Fathallah, F.A.** 2012. Migrant women farm workers in the occupational health literature. *Work*, 41(Supplement 1): 4356–4362. <https://doi.org/10.3233/WOR-2012-0101-4356>

Hackfort, S. 2021. Patterns of Inequalities in Digital Agriculture: A Systematic Literature Review. *Sustainability*, 13(22): 12345. <https://doi.org/10.3390/su132212345>

Haini, H., Musa, S.F.P.D., Wei Loon, P. & Basir, K.H. 2022. Does unemployment affect the relationship between income inequality and food security? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 43(1/2): 48–66. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-12-2021-0303>

Hall, J.M., Stevens, P.E. & Meleis, A.I. 1994. Marginalization: a guiding concept for valuing diversity in nursing knowledge development. *ANS. Advances in nursing science*, 16(4): 23–41. <https://doi.org/10.1097/00012272-199406000-00005>

Harding, K.L., Aguayo, V.M., Masters, W.A. & Webb, P. 2018. Education and micronutrient deficiencies: an ecological study exploring interactions between women's schooling and children's micronutrient status. *BMC Public Health*, 18(1): 470. <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5312-1>

Harris, J., Chisanga, B., Drimie, S. & Kennedy, G. 2019a. Nutrition transition in Zambia: Changing food supply, food prices, household consumption, diet and nutrition outcomes. *Food Security*, 11(2): 371–387. <https://doi.org/10.1007/s12571-019-00903-4>

Harris, J., Gibbons, S., Kaaba, O., Hrynicky, T. & Stirton, R. 2022a. A 'Right to Nutrition' in its Social, Legal, and Political Context: How International Human Rights Translate to Zambian Realities. *Journal of Human Rights Practice*: huac043. <https://doi.org/10.1093/jhuman/huac043>

Harris, J., Huynh, P., Nguyen, H.T., Hoang, N., Mai, L.T., Tuyen, L.D. & Nguyen, P.H. 2021. Nobody left behind? Equity and the drivers of stunting reduction in Vietnamese ethnic minority populations. *Food Security*, 13(4): 803–818. <https://doi.org/10.1007/s12571-021-01183-7>

Harris, J. & Nisbett, N. 2021. The Basic Determinants of Malnutrition: Resources, Structures, Ideas and Power. *International Journal of Health Policy and Management*, 10(12): 817–827. <https://doi.org/10.34172/ijhpm.2020.259>

Harris, J., van Zonneveld, M., Achigan-Dako, E.G., Bajwa, B., Brouwer, I.D., Choudhury, D., de Jager, I. et al. 2022b. Fruit and vegetable biodiversity for nutritionally diverse diets: Challenges, opportunities, and knowledge gaps. *Global Food Security*, 33: 100618. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2022.100618>

Harris, J.L. 2020. Targeted Food Marketing to Black and Hispanic Consumers: The Tobacco Playbook. *American Journal of Public Health*, 110(3): 271–272. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2019.305518>

Harris, J.L., Kumanyika, S., Ramirez, A.G. & Frazier III, W. 2019b. *Increasing disparities in unhealthy food advertising targeted to Hispanic and Black youth*. Rudd Center for Food Policy & Obesity University of Connecticut, Council on Black Health Drexel University, Salud America! University of Texas Health Science Center at San Antonio. <http://uconnruddcenter.org/files/Pdfs/TargetedMarketingReport2019.pdf>

Harris-Fry, H., Nur, H., Shankar, B., Zanello, G., Srinivasan, C. & Kadiyala, S. 2020. The impact of gender equity in agriculture on nutritional status, diets, and household food security: a mixed-methods systematic review. *BMJ Global Health*, 5(3): e002173. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2019-002173>

Harris-Fry, H.A., Paudel, P., Shrestha, N., Harrison, T., Beard, B.J., Jha, S., Shrestha, B.P. et al. 2018. Status and determinants of intra-household food allocation in rural Nepal. *European Journal of Clinical Nutrition*, 72(11): 1524–1536. <https://doi.org/10.1038/s41430-017-0063-0>

Hartmann, B. 2016. *Reproductive Rights and Wrongs: The Global Politics of Population Control*. Chicago, Haymarket Books. <https://www.barnesandnoble.com/w/reproductive-rights-and-wrongs-betsy-hartmann/1123623612>

- Hartwig, L.D., Jackson, S., Markham, F. & Osborne, N.** 2022. Water colonialism and Indigenous water justice in south-eastern Australia. *International Journal of Water Resources Development*, 38(1): 30–63. <https://doi.org/10.1080/07900627.2020.1868980>
- Hatcher, A.M., Page, S., Eck, L.A. van, Pearson, I., Fielding-Miller, R., Mazars, C. & Stöckl, H.** 2022. Systematic review of food insecurity and violence against women and girls: Mixed methods findings from low- and middle-income settings. *PLOS Global Public Health*, 2(9): e0000479. <https://doi.org/10.1371/journal.pgph.0000479>
- Hatcher, A.M., Stöckl, H., McBride, R.-S., Khumalo, M. & Christofides, N.** 2019. Pathways From Food Insecurity to Intimate Partner Violence Perpetration Among Peri-Urban Men in South Africa. *American Journal of Preventive Medicine*, 56(5): 765–772. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2018.12.013>
- Havelaar, A.H., Kirk, M.D., Torgerson, P.R., Gibb, H.J., Hald, T., Lake, R.J., Praet, N. et al.** 2015. World Health Organization Global Estimates and Regional Comparisons of the Burden of Foodborne Disease in 2010. *PLoS Medicine*, 12(12): e1001923. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001923>
- Hawkes, C.** 2010. The influence of trade liberalisation and global dietary change: the case of vegetable oils, meat and highly processed foods. *Trade, food, diet and health : perspectives and policy options*.
- Hawkes, C., Blouin, C., Henson, S., Drager, N. & Dubé, L.** 2009. *Trade, Food, Diet and Health: Perspectives and Policy Options*. Wiley.
- Hawkes, C., Ruel, M.T., Salm, L., Sinclair, B. & Branca, F.** 2020. Double-duty actions: seizing programme and policy opportunities to address malnutrition in all its forms. *The Lancet*, 395(10218): 142–155. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)32506-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)32506-1)
- Hawkes, S. & Plahe, J.K.** 2013. Worlds apart: The WTO's Agreement on Agriculture and the right to food in developing countries. *International Political Science Review*, 34(1): 21–38. <https://doi.org/10.1177/0192512112445238>
- Hayden, T.B.** 2021. Street food as infrastructure: consumer mobility, vendor removability and food security in Mexico City. *Food, Culture & Society*, 24(1): 98–111. <https://doi.org/10.1080/15528014.2020.1859920>
- Haysom, G., Battersby, J. & Park-Ross, R.** 2020. Food Sensitive Planning and Urban Design: A Blueprint for a Future South African City? *DSI-NRF Centre of Excellence in Food Security*, Working Paper 007(Food Security SA Working Paper Series). <https://foodsecurity.ac.za/publications/food-sensitive-planning-and-urban-design/>
- Headey, D., Hoddinott, J. & Park, S.** 2017. Accounting for nutritional changes in six success stories: A regression-decomposition approach. *Global Food Security*, 13: 12–20. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2017.02.003>
- Headey, D.D. & Alderman, H.H.** 2019. The Relative Caloric Prices of Healthy and Unhealthy Foods Differ Systematically across Income Levels and Continents. *The Journal of Nutrition*, 149(11): 2020–2033. <https://doi.org/10.1093/jn/nxz158>
- Heinemann, J.A., Agapito-Tenfen, S.Z. & Carman, J.A.** 2013. A comparative evaluation of the regulation of GM crops or products containing dsRNA and suggested improvements to risk assessments. *Environment International*, 55: 43–55. <https://doi.org/10.1016/j.envint.2013.02.010>
- Helgeson, V.S.** 1994. Prototypes and Dimensions of Masculinity and Femininity. *Sex Roles: A Journal of Research*, 31: 653–82.

Herforth, A., Bai, Y., Venkat, A., Mahrt, K., Ebel, A. & Masters, W.A. 2020. *Cost and affordability of healthy diets across and within countries: Background paper for The State of Food Security and Nutrition in the World 2020*. FAO Agricultural Development Economics Technical Study No. 9. FAO Agricultural Development Economics Technical Studies 9. Rome, Italy, FAO. <https://doi.org/10.4060/cb2431en>

Hickel, J. 2018. *The Divide: A Brief Guide to Global Inequality and its Solutions*. Windmill Books. <https://www.penguin.co.uk/books/435480/the-divide-by-jason-hickel/9781786090034>

Hicks, C.C., Gephart, J.A., Koehn, J.Z., Nakayama, S., Payne, H.J., Allison, E.H., Belhbib, D. et al. 2022. Rights and representation support justice across aquatic food systems. *Nature Food*, 3(10): 851–861. <https://doi.org/10.1038/s43016-022-00618-4>

Hillenbrand, E. & Miruka, M. 2019. Gender and social norms in Agriculture: A review. In: *IFPRI book chapters*. pp. 11–31. International Food Policy Research Institute (IFPRI). https://ideas.repec.org/h/fpr/ifpric/9780896293649_02.html

Hirvonen, K., Bai, Y., Headey, D. & Masters, W.A. 2020. Affordability of the EAT–Lancet reference diet: a global analysis. *The Lancet Global Health*, 8(1): e59–e66. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(19\)30447-4](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(19)30447-4)

HLPE. 2011. *Price Volatility and Food Security*. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Rome.

HLPE. 2017a. *2nd Note on Critical and Emerging Issues for Food Security and Nutrition*. A note by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Rome.

HLPE. 2017b. *Nutrition and food systems*. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Rome, Italy, FAO. <http://www.fao.org/3/a-i7846e.pdf>

HLPE. 2019. *Agroecological and other innovative approaches for sustainable agriculture and food systems that enhance food security and nutrition*. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. <https://www.fao.org/3/ca5602en/ca5602en.pdf>

HLPE. 2020. *Food security and nutrition: building a global narrative towards 2030*. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Rome. <https://www.unscn.org/en/resource-center/global-trends-and-emerging-issues?idnews=2091>

HLPE. 2022. *Critical, emerging and enduring issues for food security and nutrition*. A note by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Rome.

HLTF. 2010. *Updated Comprehensive Framework for Action (UCFA)*. UN High Level Task Force on the Global Food Security Crisis. https://www.fao.org/fileadmin/user_upload/ISFP/UCFA_Final.pdf

Hoddinott, J., Alderman, H., Behrman, J.R., Haddad, L. & Horton, S. 2013. The economic rationale for investing in stunting reduction. *Maternal & Child Nutrition*, 9(S2): 69–82. <https://doi.org/10.1111/mcn.12080>

Hoddinott, J., Headey, D. & Dereje, M. 2015. Cows, Missing Milk Markets, and Nutrition in Rural Ethiopia. *The Journal of Development Studies*, 51(8): 958–975. <https://doi.org/10.1080/00220388.2015.1018903>

Hoddinott, J., Rosegrant, M. & Torero, M. 2012. Hunger and Malnutrition. In: *Global Problems, Smart Solutions: Costs and Benefits*. pp. 332–389. Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139600484.008>

Holleman, C. & Conti, V. 2020. *Role of income inequality in shaping outcomes on individual food insecurity: Background paper for The State of Food Security and Nutrition in the World 2019*. FAO Agricultural Development Economics Working Papers 19. Rome, Italy, FAO. <https://doi.org/10.4060/cb2036en>

- van der Horst, H., Pascucci, S. & Bol, W. 2014. The “dark side” of food banks? Exploring emotional responses of food bank receivers in the Netherlands. *British Food Journal*, 116(9): 1506–1520. <https://doi.org/10.1108/BFJ-02-2014-0081>
- Horst, M., McClintock, N. & Hoey, L. 2017. The Intersection of Planning, Urban Agriculture, and Food Justice: A Review of the Literature. *Journal of the American Planning Association*, 83(3): 277–295. <https://doi.org/10.1080/01944363.2017.1322914>
- Horton, D., Devaux, A., Bernet, T., Mayanja, S., Ordinola, M. & Thiele, G. 2022. Inclusive innovation in agricultural value chains: lessons from use of a systems approach in diverse settings. *Innovation and Development*, 0(0): 1–23. <https://doi.org/10.1080/2157930X.2022.2070587>
- Horton, S. & Steckel, R.H. 2013. *Malnutrition: Global Economic Losses Attributable to Malnutrition 1900–2000 and Projections to 2050*. Cambridge University Press, 10 October 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139225793.010>
- Horvath, R.J. 1972. A Definition of Colonialism. *Current Anthropology*, 13(1): 45–57. <https://doi.org/10.1086/201248>
- Hossain, N. & Scott-Villiers, P., eds. 2017. *Food Riots, Food Rights and the Politics of Provisions*. 1st Edition edition. London, Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315175249>
- Howard, J., Para-Mallam, O., Dayil, P.B., Best, K., Mang, H., Abubakar, D., Muazu, R. et al. 2021. *Understanding Intersecting Vulnerabilities Experienced by Religious Minorities Living in Poverty in the Shadows of Covid-19*. Institute of Development Studies. <https://doi.org/10.19088/CREID.2021.012>
- Howard, P.H. 2009. Visualizing Consolidation in the Global Seed Industry: 1996–2008. *Sustainability*, 1(4): 1266–1287. <https://doi.org/10.3390/su1041266>
- Howard, P.H. 2016. *Concentration and Power in The Food System: Who Controls What We Eat?* Bloomsbury, London, Bloomsbury Publishing. <https://www.erudit.org/en/journals/cuizine/2016-v7-n2-cuizine02881/1038484ar/>
- Huambachano, M. 2018. Enacting Food Sovereignty in Aotearoa New Zealand and Peru: Revitalizing Indigenous Knowledge, Food Practices and Ecological Philosophies. *Agroecology and Sustainable Food Systems*, 42(9): 1003–1028. <https://doi.org/10.1080/21683565.2018.1468380>
- Huambachano, M. 2020. Indigenous good living philosophies and regenerative food systems in Aotearoa New Zealand and Peru. In: *Routledge Handbook of Sustainable and Regenerative Food Systems*. pp. 38–49. Taylor and Francis Inc. <http://www.scopus.com/inward/record.url?scp=85104633473&partnerID=8YFLogxK>
- Huambachano, M., Arulingam, I., Bowness, E., Korzenszky, A., Mungai, C., Termine, P. & Wittman, H. 2022. Knowledge networks to support youth engagement in sustainable food systems. *Frontiers in Sustainable Food Systems*, 6. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsufs.2022.867344>
- Hunter-Adams, J., Battersby, J. & Oni, T. 2019. Food insecurity in relation to obesity in peri-urban Cape Town, South Africa: Implications for diet-related non-communicable disease. *Appetite*, 137: 244–249. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2019.03.012>
- Huss, M., Brander, M., Kassie, M., Ehler, U. & Bernauer, T. 2021. Improved storage mitigates vulnerability to food-supply shocks in smallholder agriculture during the COVID-19 pandemic. *Global Food Security*, 28: 100468. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2020.100468>
- Ickowitz, A., McMullin, S., Rosenstock, T., Dawson, I., Rowland, D., Powell, B., Maus, K. et al. 2022. Transforming food systems with trees and forests. *The Lancet Planetary Health*, 6(7): e632–e639. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(22\)00091-2](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(22)00091-2)

IFAD. 2015. *Territorial approaches, rural-urban linkages and inclusive rural transformation: Ensuring that rural people have a voice in national development in the context of the SDGs.* International Fund for Agricultural Development. https://www.ifad.org/en/web/knowledge/-/publication/-territorial-approaches-rural-urban-linkages-and-inclusive-rural-transformation?pl_back_url=%2Fen%2Fsearch%3Fq%3Dinequality%26delta%3D20%26start%3D2

IFAD. 2018. *Indigenous peoples' collective rights to lands, territories and natural resources: Lessons from IFAD-supported projects.* Rome. Italy, International Fund for Agricultural Development. https://www.ifad.org/documents/38714170/40272519/IPs_Land.pdf/ea85011b-7f67-4b02-9399-aaea99c414ba?t=1531836465000

IFAD & EU. 2022. International Fund for Agricultural Development (IFAD) and the European Union (EU).

IFC. 2017. *MSME Finance Gap: Assessment of the Shortfalls and Opportunities in Financing Micro, Small, and Medium Enterprises in Emerging Markets.* Working Paper. Washington, DC, International Finance Corporation. <https://doi.org/10.1596/28881>

ILC. 2020. *Uneven ground: land inequality at the heart of unequal societies.* International Land Coalition. <https://www.oxfam.org/en/research/uneven-ground-land-inequality-heart-unequal-societies>

ILO. 2008. Resolutions adopted by the International Labour Conference at its 97th Session. International Labour Organization. https://www.ilo.org/ilc/ILCSessions/previous-sessions/97thSession/texts/WCMS_098017/lang--en/index.htm

ILO. 2022a. Child labour in agriculture (IPEC). In: *International Labour Organization.* Cited 25 May 2023. <https://www.ilo.org/ipecc/areas/Agriculture/lang--en/index.htm>

ILO. 2022b. 110th Session of the International Labour Conference - Amendments of 2022 to the Code of the Maritime Labour Convention, 2006, as amended (MLC, 2006). International Labour Organization. <https://www.ilo.org/ilc/ILCSessions/110/reports/texts-adopted/lang--en/index.htm>

Imai, K.S., Cheng, W. & Gaiha, R. 2015. Agricultural Growth, Poverty and Inequality in Developing Countries. *Development*, 58(2): 230–236. <https://doi.org/10.1057/s41301-016-0009-1>

INDDEx Project. 2022. Data4Diets: Food Security Indicators. In: *International Dietary Data Expansion Project.* Cited 25 October 2022. <https://inddex.nutrition.tufts.edu/data4diets/indicators>

India Ministry of Rural development. 2005. Mahatma Gandhi National Rural Employment Guarantee Act. Ministry of Rural development, India. Cited 20 February 2023. <https://rural.assam.gov.in/documents-detail/mahatma-gandhi-national-rural-employment-guarantee-act-0>

IPBES. 2020. *Workshop Report on Biodiversity and Pandemics of the Intergovernmental Platform on Biodiversity and Ecosystem Services.* Bonn, Germany. DOI:10.5281/zenodo.4147317

IPBES. 2022. *Methodological Assessment Report on the Diverse Values and Valuation of Nature of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services.* IPBES secretariat, Bonn, Germany. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7687931>

IPC. 2022. Understanding the IPC Scales. Integrated Food Security Phase Classification (IPC). https://www.ipcinfo.org/fileadmin/user_upload/ipcinfo/docs/communication_tools/brochures/IPC_Brochure_Understanding_the_IPC_Scales.pdf

IPCC. 2001. *Climate Change 2001: Impacts, Adaptation, and Vulnerability: Summary for Policymakers.* A Report of Working Group II of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Diane Pub Co. <https://www.ipcc.ch/report/ar3/wg2/>

- IPCC.** 2019. *Climate Change and Land: an IPCC special report on climate change, desertification, land degradation, sustainable land management, food security, and greenhouse gas fluxes in terrestrial ecosystems*. Cambridge, UK and New York, NY, USA. <https://doi.org/10.1017/9781009157988>
- IPCC.** 2022. *Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change*. Intergovernmental Panel on Climate Change Working Group III contribution to the Sixth Assessment Report. <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/>
- IPCC.** 2023. *Climate Change 2023: Synthesis Report*. A Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Geneva, Switzerland, Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). <https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/>
- IPES.** 2017. Too big to feed: Exploring the impacts of mega-mergers, consolidation and concentration of power in the agri-food sector. Cited 24 August 2022. http://www.ipes-food.org/images/Reports/Concentration_FullReport.pdf
- IPES-Food.** 2017. *Too big to feed: Exploring the impacts of mega-mergers, consolidation and concentration of power in the agri-food sector*. http://www.ipes-food.org/images/Reports/Concentration_FullReport.pdf
- IPES-Food.** 2021. Glasgow Food and Climate Declaration: A commitment by local and regional governments to tackle the climate emergency through integrated food policies and a call on national governments to act. <https://www.glasgowdeclaration.org/the-glasgow-declaration>
- IPES-Food.** 2022. *Another Perfect Storm?*. International Panel of Experts on Sustainable Food Systems (IPES-Food). <https://ipes-food.org/pages/foodpricecrisis>
- IPES-Food.** 2023a. *Breaking the cycle of unsustainable food systems, hunger, and debt*. <https://www.ipes-food.org/img/upload/files/DebtFoodCrisis.pdf>
- IPES-Food.** 2023b. *Who's Tipping the Scales? The growing influence of corporations on the governance of food systems, and how to counter it*. <http://www.ipes-food.org/pages/tippingthescales>
- IRR.** 2013. *C4 Rice Project*. International Rice Research Institute (IRR). <https://www.irri.org/c4-rice-project>
- Islam, M.S.** 2022. Science, food, and risk: ecological disasters and social inequality under the GMO regime. In: *Handbook on Risk and Inequality*. pp. 233–246. Edward Elgar Publishing. <https://www.elgaronline.com/display/book/9781788972260/book-part-9781788972260-23.xml>
- Islam, S.N. & Winkel, J.** 2017. Climate change and social inequality
- IUFRO.** 2020. *Forests, Trees and the Eradication of Poverty: Potential and Limitations*. D.C. Miller, S. Mansourian & C. Wildburger, eds. Vol. 39. IUFRO World Series. International Union of Forest Research Organizations (IUFRO).
- Jackson, S.** 2018. Indigenous Peoples and Water Justice in a Globalizing World. In: K. Conca & E. Weinthal, eds. *The Oxford Handbook of Water Politics and Policy*. p. 0. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199335084.013.5>
- Jaramillo, M.F. & Restrepo, I.** 2017. Wastewater Reuse in Agriculture: A Review about Its Limitations and Benefits. *Sustainability*, 9(10): 1734. <https://doi.org/10.3390/su9101734>
- Jecker, N.S., Atuire, C.A. & Kenworthy, N.** 2022. Realizing Ubuntu in Global Health: An African Approach to Global Health Justice. *Public Health Ethics*, 15(3): 256–267. <https://doi.org/10.1093/phe/phac022>
- Jiwani, S.S., Gatica-Domínguez, G., Crochemore-Silva, I., Maíga, A., Walton, S., Hazel, E., Baille, B. et al.** 2020. Trends and inequalities in the nutritional status of adolescent girls and adult women in sub-Saharan Africa since 2000: a cross-sectional series study. *BMJ Global Health*, 5(10): e002948. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-002948>

Johnson, T.J., Patel, A.L., Bigger, H.R., Engstrom, J.L. & Meier, P.P. 2015. Cost Savings of Human Milk as a Strategy to Reduce the Incidence of Necrotizing Enterocolitis in Very Low Birth Weight Infants. *Neonatology*, 107(4): 271–276. <https://doi.org/10.1159/000370058>

Jonah, C.M.P. & May, J.D. 2020. The nexus between urbanization and food insecurity in South Africa: does the type of dwelling matter? *International Journal of Urban Sustainable Development*, 12(1): 1–13. <https://doi.org/10.1080/19463138.2019.1666852>

Jones-Smith, J.C., Gordon-Larsen, P., Siddiqi, A. & Popkin, B.M. 2012. Is the burden of overweight shifting to the poor across the globe? Time trends among women in 39 low- and middle-income countries (1991–2008). *International Journal of Obesity* (2005), 36(8): 1114–1120. <https://doi.org/10.1038/ijo.2011.179>

Jouffray, J.-B., Blasiak, R., Norström, A.V., Österblom, H. & Nyström, M. 2020. The Blue Acceleration: The Trajectory of Human Expansion into the Ocean. *One Earth*, 2(1): 43–54. <https://doi.org/10.1016/j.oneear.2019.12.016>

Jung, N.M., Bairros, F.S. de, Pattussi, M.P., Pauli, S. & Neutzling, M.B. 2017. Gender differences in the prevalence of household food insecurity: a systematic review and meta-analysis. *Public Health Nutrition*, 20(5): 902–916. <https://doi.org/10.1017/S1368980016002925>

Jurkovich, M. 2020. *Feeding the Hungry: Advocacy and Blame in the Global Fight against Hunger*. New York, Cornell University Press.

Just, D.R. & Gabrielyan, G. 2016. Why behavioral economics matters to global food policy. *Global Food Security*, 11: 26–33. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2016.05.006>

Kabeer, N. 1999. Resources, agency, and achievements: Reflections on the measurement of women's empowerment. *Development and change*, 30(3): 435–464.

Kabeer, N. 2005. Gender equality and women's empowerment: A critical analysis of the third millennium development goal 1. *Gender & Development*, 13(1): 13–24. <https://doi.org/10.1080/13552070512331332273>

Kameri-Mbote, P. 2005. The Land Has Its Owners! Gender Issues in Land Tenure under Customary Law in Kenya

Kamete, A.Y. 2013. Missing the point? Urban planning and the normalisation of 'pathological' spaces in southern Africa. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 38(4): 639–651. <https://doi.org/10.1111/j.1475-5661.2012.00552.x>

Kanbur, R., ed. 2008. *Conceptualizing Economic Marginalization*. Working Paper. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.51111>

Kansiime, M.K., Tambo, J.A., Mugambi, I., Bundi, M., Kara, A. & Owuor, C. 2021. COVID-19 implications on household income and food security in Kenya and Uganda: Findings from a rapid assessment. *World Development*, 137: 105199. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105199>

Karsenty, A., Vogel, A. & Castell, F. 2014. "Carbon rights", REDD+ and payments for environmental services. *Environmental Science & Policy*, 35: 20–29. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2012.08.013>

Katona, P. & Katona-Apte, J. 2008. The Interaction between Nutrition and Infection. *Clinical Infectious Diseases*, 46(10): 1582–1588. <https://doi.org/10.1086/587658>

Kelly, B., Halford, J.C.G., Boyland, E.J., Chapman, K., Bautista-Castaño, I., Berg, C., Caroli, M. et al. 2010. Television Food Advertising to Children: A Global Perspective. *American Journal of Public Health*, 100(9): 1730–1736. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2009.179267>

Kennedy, G., Wang, Z., Maundu, P. & Hunter, D. 2022. The role of traditional knowledge and food biodiversity to transform modern food systems. *Trends in Food Science & Technology*, 130: 32–41. <https://doi.org/10.1016/j.tifs.2022.09.011>

- Khadse, R.P. & Chaurasia, H.** 2020. Nutrition status and inequality among children in different geographical regions of Maharashtra, India. *Clinical Epidemiology and Global Health*, 8(1): 128–137. <https://doi.org/10.1016/j.cegh.2019.05.008>
- Khoury, C.K., Achicanoy, H.A., Bjorkman, A.D., Navarro-Racines, C., Guarino, L., Flores-Palacios, X., Engels, J.M.M. et al.** 2016. Origins of food crops connect countries worldwide. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 283(1832): 20160792. <https://doi.org/10.1098/rspb.2016.0792>
- Kimmerer, R.W.** 2013. *Braiding Sweetgrass: Indigenous Wisdom, Scientific Knowledge and the Teachings of Plants*. Milkweed Editions. <https://milkweed.org/book/braiding-sweetgrass>
- Kittinger, J.N., Teh, L.C.L., Allison, E.H., Bennett, N.J., Crowder, L.B., Finkbeiner, E.M., Hicks, C. et al.** 2017. Committing to socially responsible seafood. *Science (New York, N.Y.)*, 356(6341): 912–913. <https://doi.org/10.1126/science.aam9969>
- Klassen, S. & Murphy, S.** 2020. Equity as both a means and an end: Lessons for resilient food systems from COVID-19. *World Development*, 136: 105104. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105104>
- Kleinman, N., Abouzaid, S., Andersen, L., Wang, Z. & Powers, A.** 2014. Cohort Analysis Assessing Medical and Nonmedical Cost Associated With Obesity in the Workplace. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 56(2): 161–170.
- Klinsky, S. & Winkler, H.** 2018. Building equity in: strategies for integrating equity into modelling for a 1.5°C world. *Philosophical Transactions. Series A, Mathematical, Physical, and Engineering Sciences*, 376(2119): 20160461. <https://doi.org/10.1098/rsta.2016.0461>
- Kloppenborg, J.** 2010. Impeding Dispossession, Enabling Repossession: Biological Open Source and the Recovery of Seed Sovereignty. *Journal of Agrarian Change*, 10(3): 367–388. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0366.2010.00275.x>
- Knuth, L. & Vidar, M.** 2011. Constitutional and legal protection of the right to food around the world. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Cited 24 February 2023. <https://www.fao.org/agrifood-economics/publications/detail/en/c/121831/>
- Koehn, J.Z., Allison, E.H., Villeda, K., Chen, Z., Nixon, M., Crigler, E., Zhao, L. et al.** 2022. Fishing for health: Do the world's national policies for fisheries and aquaculture align with those for nutrition? *Fish and Fisheries*, 23(1): 125–142. <https://doi.org/10.1111/faf.12603>
- Kozłowski, D., Larivière, V., Sugimoto, C.R. & Monroe-White, T.** 2022. Intersectional inequalities in science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(2): e2113067119. <https://doi.org/10.1073/pnas.2113067119>
- Kozuki, N., Lee, A.C.C., Black, R.E. & Katz, J.** 2015. Nutritional and Reproductive Risk Factors for Small for Gestational Age and Preterm Births. *Nestle Nutrition Institute Workshop Series*, 81: 17–28. <https://doi.org/10.1159/000365799>
- Krishna, V.V., Aravalath, L.M. & Vikraman, S.** 2019. Does caste determine farmer access to quality information? *PLOS ONE*, 14(1): e0210721. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210721>
- Kulinkina, A.V., Kosinski, K.C., Liss, A., Adjei, M.N., Ayamgah, G.A., Webb, P., Gute, D.M., Plummer, J.D. & Naumova, E.N.** 2016. Piped water consumption in Ghana: A case study of temporal and spatial patterns of clean water demand relative to alternative water sources in rural small towns. *Science of The Total Environment*, 559: 291–301. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2016.03.148>
- Kumar, S.M.** 2016. *Why does caste still influence access to agricultural credit?*. Working Paper. 2016/86. WIDER Working Paper. <https://doi.org/10.35188/UNU-WIDER/2016/129-1>

Kuper, H., Nyapera, V., Evans, J., Munyendo, D., Zuurmond, M., Frison, S., Mwenda, V., Otieno, D. & Kisia, J. 2015. Malnutrition and Childhood Disability in Turkana, Kenya: Results from a Case-Control Study. *PLOS ONE*, 10(12): e0144926. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0144926>

La Vía campesina. 2011. *Garantizando los derechos de los campesinos*. <http://alainet.org/active/6975>

LaDuke, W. 1994. Traditional ecological knowledge and environmental futures. *Endangered Peoples: Indigenous Rights and the Environment*. Niwot, CO, University Press of Colorado. <https://www.uky.edu/~rsand1/china2017/library/LaDuke.pdf>

Laganda, G. 2023. Responding to loss and damage in food systems. *Nature Food*: 1–2. <https://doi.org/10.1038/s43016-023-00702-3>

Lam, V.W.Y., Allison, E.H., Bell, J.D., Blythe, J., Cheung, W.W.L., Frölicher, T.L., Gasalla, M.A. & Sumaila, U.R. 2020. Climate change, tropical fisheries and prospects for sustainable development. *Nature Reviews Earth & Environment*, 1(9): 440–454. <https://doi.org/10.1038/s43017-020-0071-9>

Lamichhane, A., Webb, P., Andrews-Trevino, J., Pokharel, A., Acharya, S., Shrestha, R., Davis, D. *et al.* 2022. Dietary determinants of aflatoxin B1-lysine adduct among infants in Nepal. *European Journal of Clinical Nutrition*, 76(11): 1557–1565. <https://doi.org/10.1038/s41430-022-01142-1>

Larrea, C. & Kawachi, I. 2005. Does economic inequality affect child malnutrition? The case of Ecuador. *Social Science & Medicine*, 60(1): 165–178. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2004.04.024>

Lau, J.D., Cinner, J.E., Fabinyi, M., Gurney, G.G. & Hicks, C.C. 2020. Access to marine ecosystem services: Examining entanglement and legitimacy in customary institutions. *World Development*, 126: 104730. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104730>

Lauer, J.M., Duggan, C.P., Ausman, L.M., Griffiths, J.K., Webb, P., Wang, J.-S., Xue, K.S. *et al.* 2019. Maternal aflatoxin exposure during pregnancy and adverse birth outcomes in Uganda. *Maternal & Child Nutrition*, 15(2): e12701. <https://doi.org/10.1111/mcn.12701>

Lauer, J.M., Natamba, B.K., Ghosh, S., Webb, P., Wang, J.-S. & Griffiths, J.K. 2020. Aflatoxin exposure in pregnant women of mixed status of human immunodeficiency virus infection and rate of gestational weight gain: a Ugandan cohort study. *Tropical Medicine & International Health*, 25(9): 1145–1154. <https://doi.org/10.1111/tmi.13457>

Lawless, S., Cohen, P., McDougall, C., Orirana, G., Siota, F. & Doyle, K. 2019. Gender norms and relations: implications for agency in coastal livelihoods. *Maritime Studies*, 18(3): 347–358. <https://doi.org/10.1007/s40152-019-00147-0>

LBD Double Burden of Malnutrition Collaborators. 2020. Mapping local patterns of childhood overweight and wasting in low- and middle-income countries between 2000 and 2017. *Nature Medicine*, 26(5): 750–759. <https://doi.org/10.1038/s41591-020-0807-6>

Leach, M., Nisbett, N., Cabral, L., Harris, J., Hossain, N. & Thompson, J. 2020. Food politics and development. *World Development*, 134: 105024. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105024>

Lemke, S. & Delormier, T. 2018. Indigenous Peoples' food systems, nutrition, and gender: Conceptual and methodological considerations. *Maternal & Child Nutrition*, 13(S3): e12499. <https://doi.org/10.1111/mcn.12499>

Lenton, T.M., Rockström, J., Gaffney, O., Rahmstorf, S., Richardson, K., Steffen, W. & Schellnhuber, H.J. 2019. Climate tipping points — too risky to bet against. *Nature*, 575(7784): 592–595. <https://doi.org/10.1038/d41586-019-03595-0>

Lin, F. & Fu, D. 2016. Trade, Institution Quality and Income Inequality. *World Development*, 77: 129–142. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.08.017>

- te Lintelo, D.J.H. & Lakshman, R.W.D. 2015. Equate and Conflate: Political Commitment to Hunger and Undernutrition Reduction in Five High-Burden Countries. *World Development*, 76: 280–292. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.07.013>
- Lips, H.M. 2020. *Sex and Gender: An Introduction, Seventh Edition*. Waveland Press.
- Longhurst, R. 2017. Introduction: Universal Development – Research and Practice. *IDS Bulletin*, 48(1A). <https://doi.org/10.19088/1968-2017.136>
- Lotze, H.K., Tittensor, D.P., Bryndum-Buchholz, A., Eddy, T.D., Cheung, W.W.L., Galbraith, E.D., Barange, M. et al. 2019. Global ensemble projections reveal trophic amplification of ocean biomass declines with climate change. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(26): 12907–12912. <https://doi.org/10.1073/pnas.1900194116>
- Louman, B., Campos Arce, J.J., Mercado, L., Imbach, P.A., Bouroncle, C., Finegan, B., Martínez, C. et al. 2015. Climate Smart Territories (CST): an integrated approach to food security, ecosystem services, and climate change in rural areas. Chapter 6. <https://repositorio.catie.ac.cr/handle/11554/8308>
- Love, D.C., Allison, E.H., Asche, F., Belton, B., Cottrell, R.S., Froehlich, H.E., Gephart, J.A. et al. 2021. Emerging COVID-19 impacts, responses, and lessons for building resilience in the seafood system. *Global Food Security*, 28: 100494. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2021.100494>
- Ma Rhea, Z. 2016. *Frontiers of taste: food sovereignty, sustainability, and indigenous-settler relations in Australia*. Singapore, Springer Nature.
- MacPherson, E.E., Phiri, M., Sadalaki, J., Nyongopa, V., Desmond, N., Mwapasa, V., Lalloo, D.G., Seeley, J. & Theobald, S. 2020. Sex, power, marginalisation and HIV amongst young fishermen in Malawi: Exploring intersecting inequalities. *Social Science & Medicine*, 266: 113429. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113429>
- Maertens, M. & Swinnen, J.F.M. 2012. Gender and Modern Supply Chains in Developing Countries. *The Journal of Development Studies*, 48(10): 1412–1430. <https://doi.org/10.1080/00220388.2012.663902>
- Mæstad, O. & Shumbullo, E.L. 2020. Ebola outbreak 2014–2016: Effects on other health services. *CMI Brief*, 2020:03. <https://www.cmi.no/publications/7212-ebola-outbreak-2014-2016-effects-on-other-health-services>
- Makkar, S., Manivannan, J.R., Swaminathan, S., Travasso, S.M., John, A.T., Webb, P., Kurpad, A.V. & Thomas, T. 2022. Role of cash transfers in mitigating food insecurity in India during the COVID-19 pandemic: a longitudinal study in the Bihar state. *BMJ Open*, 12(6): e060624. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2021-060624>
- Malik, V.S., Willett, W.C. & Hu, F.B. 2013. Global obesity: trends, risk factors and policy implications. *Nature Reviews Endocrinology*, 9(1): 13–27. <https://doi.org/10.1038/nrendo.2012.199>
- Manley, J., Balarajan, Y., Malm, S., Harman, L., Owens, J., Murthy, S., Stewart, D., Winder-Rossi, N.E. & Khurshid, A. 2020. Cash transfers and child nutritional outcomes: a systematic review and meta-analysis. *BMJ Global Health*, 5(12): e003621. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-003621>
- Manore, M.M. 2005. Exercise and the Institute of Medicine Recommendations for Nutrition. *Current Sports Medicine Reports*, 4(4): 193. <https://doi.org/10.1097/01.CSMR.0000306206.72186.00>
- Manzo, R. 2021. Climate Equity or Climate Justice? More than a question of terminology. In: *IUCN*. Cited 23 March 2023. <https://www.iucn.org/news/world-commission-environmental-law/202103/climate-equity-or-climate-justice-more-a-question-terminology>
- March, A. & Failler, P. 2022. Small-scale fisheries development in Africa: Lessons learned and best practices for enhancing food security and livelihoods. *Marine Policy*, 136: 104925. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2021.104925>

Marmot, M., Friel, S., Bell, R., Houweling, T.A. & Taylor, S. 2008. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. *The Lancet*, 372(9650): 1661–1669. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(08\)61690-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(08)61690-6)

Martínez-González, M.A., Salas-Salvadó, J., Estruch, R., Corella, D., Fitó, M. & Ros, E. 2015. Benefits of the Mediterranean Diet: Insights From the PREDIMED Study. *Progress in Cardiovascular Diseases*, 58(1): 50–60. <https://doi.org/10.1016/j.pcad.2015.04.003>

Masood, M. & Reidpath, D.D. 2017. Effect of national wealth on BMI: An analysis of 206,266 individuals in 70 low-, middle- and high-income countries. *PloS One*, 12(6): e0178928. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0178928>

Masters, W.A., Martinez, E.M., Greb, F., Herforth, A. & Hendriks, S.L. 2021. *Cost and Affordability of Preparing a Basic Meal around the World*. Report. Center for Development Research (ZEF) in cooperation with the Scientific Group for the UN Food System Summit 2021. <https://doi.org/10.48565/scfss2021-td53>

Matthews, A. 2014. Doha Negotiations on Agriculture and Future of the WTO Multilateral Trade System. *Doha Negotiations on Agriculture and Future of the WTO Multilateral Trade System*: 31–71. <https://doi.org/10.3280/QU2014-001002>

McCauley, D.J., Jablonicky, C., Allison, E.H., Golden, C.D., Joyce, F.H., Mayorga, J. & Kroodsma, D. 2018. Wealthy countries dominate industrial fishing. *Science Advances*, 4(8): eaau2161. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aau2161>

McCloskey, M.L., Tarazona-Meza, C.E., Jones-Smith, J.C., Miele, C.H., Gilman, R.H., Bernabe-Ortiz, A., Miranda, J.J. & Checkley, W. 2017. Disparities in dietary intake and physical activity patterns across the urbanization divide in the Peruvian Andes. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*, 14(1): 90. <https://doi.org/10.1186/s12966-017-0545-4>

McKeon, N. 2017. Are Equity and Sustainability a Likely Outcome When Foxes and Chickens Share the Same Coop? Critiquing the Concept of Multistakeholder Governance of Food Security. *Globalizations*, 14(3): 379–398. <https://doi.org/10.1080/14747731.2017.1286168>

McMichael, P. 2010. Agrofuels in the food regime. *The Journal of Peasant Studies*, 37(4): 609–629. <https://doi.org/10.1080/03066150.2010.512450>

Meinzen-Dick, R., Quisumbing, A., Behrman, J., Biermayr-Jenzano, P., Wilde, V., Noordeloos, M., Ragasa, C. & Beintema, N. 2010. *Engendering Agricultural Research*. IFPRI Discussion Paper 00973. International Food Policy Research Institute (IFPRI).

Melendez-Ortiz, R., Bellmann, C. & Hepburn, J. 2009. *Agricultural Subsidies in the WTO Green Box: Ensuring Coherence with Sustainable Development Goals*. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511674587>

Menashe-Oren, A. & Bocquier, P. 2021. Urbanization Is No Longer Driven by Migration in Low- and Middle-Income Countries (1985–2015). *Population and Development Review*, 47(3): 639–663. <https://doi.org/10.1111/padr.12407>

Meyer-Rochow, V.B. 2009. Food taboos: their origins and purposes. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 5(1): 18. <https://doi.org/10.1186/1746-4269-5-18>

Mialon, M. 2020. An overview of the commercial determinants of health. *Globalization and Health*, 16(1): 74. <https://doi.org/10.1186/s12992-020-00607-x>

Miller, D.C., Mansourian, S., Gabay, M., Hajjar, R., Jagger, P., Kamoto, J.F.M., Newton, P. et al. 2021. Forests, trees and poverty alleviation: Policy implications of current knowledge. *Forest Policy and Economics*, 131: 102566. <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2021.102566>

Miller, V., Webb, P., Cudhea, F., Shi, P., Zhang, J., Reedy, J., Erndt-Marino, J., Coates, J. & Mozaffarian, D. 2022. Global dietary quality in 185 countries from 1990 to 2018 show wide differences by nation, age, education, and urbanicity. *Nature Food*, 3(9): 694–702. <https://doi.org/10.1038/s43016-022-00594-9>

- Milsom, P., Smith, R., Baker, P. & Walls, H.** 2021. Corporate power and the international trade regime preventing progressive policy action on non-communicable diseases: a realist review. *Health Policy and Planning*, 36(4): 493–508. <https://doi.org/10.1093/heapol/czaa148>
- Minah, M. & Carletti, A.M.P.** 2019. Mechanisms of inclusion: evidence from Zambia's farmer organisations. *European Journal of Development Research*, 31(5): 1318–1340.
- Mintz, S.W. & Bois, C.M.D.** 2002. The Anthropology of Food and Eating. *Annual Review of Anthropology*, 31: 99–119.
- Mitra, A. & Rao, N.** 2019. Contract farming, ecological change and the transformations of reciprocal gendered social relations in Eastern India. *The Journal of Peasant Studies*, 48(2): 436–457. <https://doi.org/10.1080/03066150.2019.1683000>
- Montalbano, P., Pietrelli, R. & Salvatici, L.** 2018. Participation in the market chain and food security: The case of the Ugandan maize farmers. *Food Policy*, 76: 81–98. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2018.03.008>
- Monteiro, C.A., Cannon, G., Costa Louzada, M.L. & Pereira Machado, P.** 2019. *Ultra-processed foods, diet quality, and health using the NOVA classification system*. Rome, FAO.
- Mooney, G.H.** 1983. Equity in health care: confronting the confusion. *Effective health care*, 1(4): 179–185.
- Mooney, P.** 2018. Blocking the chain: Industrial food chain concentration, Big Data platforms and food sovereignty solutions. <https://doi.org/10.17169/refubium-2748>
- Moritz, C., Ens, E.J., Potter, S. & Catullo, R.A.** 2013. The Australian monsoonal tropics: An opportunity to protect unique biodiversity and secure benefits for Aboriginal communities. *Pacific Conservation Biology*, 19(4): 343–355. <https://doi.org/10.1071/pc130343>
- Mukhopadhyay, S.** 2015. The Intersection of Gender, Caste and Class Inequalities in Child Nutrition in Rural India. *Asian Population Studies*, 11(1): 17–31. <https://doi.org/10.1080/17441730.2015.995150>
- Munro, J., Parker, B. & McIntyre, L.** 2014. An Intersectionality Analysis of Gender, Indigeneity, and Food Insecurity among Ultrapoor Garo Women in Bangladesh. *International Journal of Indigenous Health*, 10(1): 69–83. <https://doi.org/10.18357/ijih.101201513202>
- Nabdi, S., Boujraf, S. & Benzagmout, M.** 2022. Evaluation of rural-urban patterns in dietary intake: A descriptive analytical study – Case series. *Annals of Medicine and Surgery*, 84: 104972. <https://doi.org/10.1016/j.amsu.2022.104972>
- Nangle, M., Masifundise, & FIAN International.** 2023. Turning the Tide Towards the Realisation of Smallscale Fishing Rights: Monitoring the Implementation of the Voluntary Guidelines on Small-scale Fisheries in South Africa. Masifundise and FIAN international. <https://www.masifundise.org/wp-content/uploads/2023/03/Monitoring-Report-Feb-2023-Online-002.pdf>
- Nash, K.L., MacNeil, M.A., Blanchard, J.L., Cohen, P.J., Farmery, A.K., Graham, N.A.J., Thorne-Lyman, A.L., Watson, R.A. & Hicks, C.C.** 2022. Trade and foreign fishing mediate global marine nutrient supply. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(22): e2120817119. <https://doi.org/10.1073/pnas.2120817119>
- National Farm Worker Ministry.** 2018. Women in Agriculture. In: *NFWM*. Cited 26 October 2022. <https://nfwm.org/farm-workers/farm-worker-issues/womens-issues/>
- Neupane, S., K.C., P. & Doku, D.T.** 2016. Overweight and obesity among women: analysis of demographic and health survey data from 32 Sub-Saharan African Countries. *BMC Public Health*, 16(1): 30. <https://doi.org/10.1186/s12889-016-2698-5>

Neves, P.A.R., Gatica-Domínguez, G., Rollins, N.C., Piwoz, E., Baker, P., Barros, A.J.D. & Victora, C.G. 2020. Infant Formula Consumption Is Positively Correlated with Wealth, Within and Between Countries: A Multi-Country Study. *The Journal of Nutrition*, 150(4): 910–917. <https://doi.org/10.1093/jn/nxz327>

Nevitt, M. 2021. *Key Takeaways from the Glasgow Climate Pact*. SSRN Scholarly Paper. 4005495. Rochester, NY. Cited 27 October 2022. <https://papers.ssrn.com/abstract=4005495>

Newell, P., Srivastava, S., Naess, L.O., Torres Contreras, G.A. & Price, R. 2021. Toward transformative climate justice: An emerging research agenda. *WIREs Climate Change*, 12(6): e733. <https://doi.org/10.1002/wcc.733>

Nguyen, P.H., Scott, S., Headey, D., Singh, N., Tran, L.M., Menon, P. & Ruel, M.T. 2021. The double burden of malnutrition in India: Trends and inequalities (2006–2016). *PLOS ONE*, 16(2): e0247856. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247856>

Nichols, C. 2020. Nutrition sensitive agriculture: An equity-based analysis from India. *World Development*, 133: 105004. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105004>

Niño-Zarazúa, M., Roope, L. & Tarp, F. 2017. Global Inequality: Relatively Lower, Absolutely Higher. *Review of Income and Wealth*, 63(4): 661–684. <https://doi.org/10.1111/roiw.12240>

Nisbett, N., Friel, S., Aryeetey, R., Gomes, F. da S., Harris, J., Backholer, K., Baker, P., Jernigan, V.B.B. & Phulkard, S. 2021. Equity and expertise in the UN Food Systems Summit. *BMJ Global Health*, 6(7): e006569. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-006569>

Nisbett, N., Harris, J., Backholer, K., Baker, P., Jernigan, V.B.B. & Friel, S. 2022. Holding no-one back: The Nutrition Equity Framework in theory and practice. *Global Food Security*, 32: 100605. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2021.100605>

Njuki, J., Eissler, S., Malapit, H.J., Meinzen-Dick, R.S., Bryan, E. & Quisumbing, A.R. 2021. *A review of evidence on gender equality, women's empowerment, and food systems*. SSRN Scholarly Paper. 3886544. Rochester, NY. Cited 22 November 2022. <https://papers.ssrn.com/abstract=3886544>

Njuki, J. & Mburu, S. 2013. Gender and ownership of livestock assets. In: *Women, Livestock Ownership and Markets*. Routledge.

Njuki, J. & Miller, B. 2019. Livestock and Gender: Achieving poverty alleviation and food security through livestock policies that benefit women. *Gates Open Res*, 3(899): 899. <https://doi.org/10.21955/gatesopenres.1115792.1>

Njuki, J., Parkins, J. & Kaler, A. 2016. *Transforming gender and food security in the Global South*. Routledge. <https://www.idrc.ca/en/book/transforming-gender-and-food-security-global-south>

Norden, B.W.V. 2013. Confucius, Rawls, and the Sense of Justice. <https://ndpr.nd.edu/reviews/confucius-rawls-and-the-sense-of-justice/>

Norgaard, K.M., Reed, R. & Horn, V. 2011. A Continuing Legacy: Institutional Racism, Hunger, and Nutritional Justice on the Klamath. In: A.H. Alkon & J. Agyeman, eds. *In Cultivating Food Justice: Race, Class, and Sustainability*. pp. 23–46. Boston: MIT Press. <https://core.ac.uk/display/36692979>

Norton, G.W. & Alwang, J. 2020. Changes in Agricultural Extension and Implications for Farmer Adoption of New Practices. *Applied Economic Perspectives and Policy*, 42(1): 8–20. <https://doi.org/10.1002/aep.13008>

Nussbaum, M. 2000. Women's Capabilities and Social Justice. *Journal of Human Development and Capabilities*, 1: 219–247. <https://doi.org/10.1080/713678045>

Oberlack, C., Zambrino, L.A., Truong, Q.C., Dang, B.T., Vu, X.V. & Trent, B. 2020. *Building Inclusive Food Chains: Pathways Beyond Land Inequality Through Collective Action*. info:eu-repo/semantics/report. Rome, Italy, International Land Coalition. Solutions Paper for the Land Inequality Initiative. <https://boris.unibe.ch/152355/>

- O'Brien, K.L. & Leichenko, R.M.** 2000. Double exposure: assessing the impacts of climate change within the context of economic globalization. *Global Environmental Change*, 10(3): 221–232. [https://doi.org/10.1016/S0959-3780\(00\)00021-2](https://doi.org/10.1016/S0959-3780(00)00021-2)
- Odendaal, N.** 2023. *Disrupted Urbanism: Situated Smart Initiatives in African Cities*. First edition. Bristol University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv35n89sv>
- OECD.** 2008. Ten Steps to Equity in Education. Organisation for Economic Co-operation and Development. <https://www.oecd.org/education/school/39989494.pdf>
- OECD.** 2019. *Corporate tax statistics: First edition*. Paris, Organisation for Economic Co-operation and Development. <https://www.oecd.org/tax/tax-policy/corporate-tax-statistics-database-first-edition.pdf>
- OECD.** 2021. 6. The contribution of the processed food sector to the triple challenge. In: *Making Better Policies for Food Systems*. Paris, OECD Publishing. <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/15ae7a3c-en/index.html?itemId=/content/component/15ae7a3c-en#chapter-d1e33181>
- OECD.** 2023. Global Action: Promoting Social and Solidarity Economy Ecosystems. Cited 21 February 2023. <https://www.oecd.org/cfe/leed/social-economy/oecd-global-action/>
- Offer, A., Pechey, R. & Uljaszek, S.** 2010. Obesity under affluence varies by welfare regimes: the effect of fast food, insecurity, and inequality. *Economics and Human Biology*, 8(3): 297–308. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2010.07.002>
- OHCHR.** 1966. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. In: *OHCHR*. Cited 10 May 2023. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights>
- Okonjo-Iweala, N.** 2023. The WTO'S Contribution to the Challenges of Global Commons. *Journal of International Economic Law*, 26(1): 12–16. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgad005>
- Okpara, U.T. & Anugwa, I.Q.** 2022. Harms to Community Food Security Resulting from Gender-Based Violence. *Land*, 11(12): 2335. <https://doi.org/10.3390/land11122335>
- Oldenburg, C.E., Guerin, P.J., Berthé, F., Grais, R.F. & Isanaka, S.** 2018. Malaria and Nutritional Status Among Children With Severe Acute Malnutrition in Niger: A Prospective Cohort Study. *Clinical Infectious Diseases*, 67(7): 1027–1034. <https://doi.org/10.1093/cid/ciy207>
- Olney, D.K., Gelli, A., Kumar, N., Alderman, H., Go, A. & Raza, A.** 2022. Social assistance programme impacts on women's and children's diets and nutritional status. *Maternal & Child Nutrition*, 18(4): e13378. <https://doi.org/10.1111/mcn.13378>
- Onondaga County Health Department.** 2021. Onondaga County Community Health Assessment and Improvement Plan, 2022–2024. <http://www.ongov.net/health/documents/OnondagaCountyCHA-CHIP.pdf>
- Ortiz, I., Kalaivani, K. & Cummins, M.** 2015. *Fiscal Space for Social Protection: Options to Expand Social Investments in 187 Countries*. ILO. <https://socialprotection-humanrights.org/resource/fiscal-space-for-social-protection-options-to-expand-social-investments-in-187-countries/>
- Østby, G.** 2013. Inequality and political violence: A review of the literature. *International Area Studies Review*, 16(2): 206–231. <https://doi.org/10.1177/2233865913490937>
- Österblom, H., Jouffray, J.-B., Folke, C., Crona, B., Troell, M., Merrie, A. & Rockström, J.** 2015. Transnational Corporations as 'Keystone Actors' in Marine Ecosystems. *PLOS ONE*, 10(5): e0127533. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127533>
- Ouma, S.** 2010. Global Standards, Local Realities: Private Agrifood Governance and the Restructuring of the Kenyan Horticulture Industry. https://www.academia.edu/6832377/Global_Standards_Local_Realities_Private_Agrifood_Governance_and_the_Restructuring_of_the_Kenyan_Horticulture_Industry

- Ouma, S.** 2015. *Assembling Export Markets. The Making and Unmaking of Global Food Connections in West Africa*. John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118632567>
- Oumer, A., Kubsa, M.E. & Mekonnen, B.A.** 2019. Malnutrition as predictor of survival from anti-retroviral treatment among children living with HIV/AIDS in Southwest Ethiopia: survival analysis. *BMC Pediatrics*, 19(1): 474. <https://doi.org/10.1186/s12887-019-1823-x>
- Oura, R. & Kouassi, F.** 2015. The use of mobile phones as a panacea to facilitate quick food trade rollout between markets and countrysides: A study of Ayaou-Sran. *Net Journal of Agricultural Science*, 3(4): 104–111.
- Packard, R.M.** 2016. *A History of Global Health. Part Five 'Controlling the World's Population'*. Baltimore, Maryland, Johns Hopkins University Press. <https://press.jhu.edu/books/title/10791/history-global-health>
- Patel, R.** 2013. The Long Green Revolution. *The Journal of Peasant Studies*, 40(1): 1–63. <https://doi.org/10.1080/03066150.2012.719224>
- de Pee, S. & Semba, R.D.** 2010. Role of Nutrition in HIV Infection: Review of Evidence for more Effective Programming in Resource-Limited Settings. *Food and Nutrition Bulletin*, 31(4_suppl4): S313–S344. <https://doi.org/10.1177/15648265100314S403>
- Pendrill, F., Gardner, T.A., Meyfroidt, P., Persson, U.M., Adams, J., Azevedo, T., Bastos Lima, M.G. et al.** 2022. Disentangling the numbers behind agriculture-driven tropical deforestation. *Science (New York, N.Y.)*, 377(6611): eabm9267. <https://doi.org/10.1126/science.abm9267>
- Perera, I.** 2022. Making ends meet in Sri Lanka - urban poor families in crisis in Colombo. In: *Institute of Development Studies*. Cited 28 April 2023. <https://www.ids.ac.uk/opinions/making-ends-meet-in-sri-lanka-urban-poor-families-in-crisis-in-colombo/>
- Perez-Escamilla, R., Bermudez, O., Buccini, G.S., Kumanyika, S., Lutter, C.K., Monsivais, P. & Victora, C.** 2018. Nutrition disparities and the global burden of malnutrition. *BMJ*, 361: k2252. <https://doi.org/10.1136/bmj.k2252>
- Perin, J., Mulick, A., Yeung, D., Villavicencio, F., Lopez, G., Strong, K.L., Prieto-Merino, D. et al.** 2022. Global, regional, and national causes of under-5 mortality in 2000–19: an updated systematic analysis with implications for the Sustainable Development Goals. *The Lancet Child & Adolescent Health*, 6(2): 106–115. [https://doi.org/10.1016/S2352-4642\(21\)00311-4](https://doi.org/10.1016/S2352-4642(21)00311-4)
- Phillips, L.** 2006. Food and Globalization. *Annual Review of Anthropology*, 35(1): 37–57. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.35.081705.123214>
- Pickering, A.J., Null, C., Winch, P.J., Mangwadu, G., Arnold, B.F., Prendergast, A.J., Njenga, S.M. et al.** 2019. The WASH Benefits and SHINE trials: interpretation of WASH intervention effects on linear growth and diarrhoea. *The Lancet Global Health*, 7(8): e1139–e1146. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(19\)30268-2](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(19)30268-2)
- Pienkowski, T., Dickens, B.L., Sun, H. & Carrasco, L.R.** 2018. Linking forests, deforestation, and nutritional outcomes: an observational study in nine African countries. *The Lancet Planetary Health*, 2: S4. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(18\)30089-5](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(18)30089-5)
- Pimentel, D. & Pimentel, M.H., eds.** 2008. *Food, Energy, and Society*. Third edition. Boca Raton, FL, USA, CRC Press: Tylor & Francis Group. <https://doi.org/10.1201/9781420046687>
- Pingali, P.L.** 2012. Green Revolution: Impacts, limits, and the path ahead. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 109(31): 12302–12308. <https://doi.org/10.1073/pnas.0912953109>
- Pires, S.M., Desta, B.N., Mughini-Gras, L., Mmbaga, B.T., Fayemi, O.E., Salvador, E.M., Gobena, T. et al.** 2021. Burden of foodborne diseases: think global, act local. *Current Opinion in Food Science*, 39: 152–159. <https://doi.org/10.1016/j.cofs.2021.01.006>

- ver Ploeg, M., Breneman, V., Farrigan, T., Hamrick, K., Hopkins, D., Kaufman, P., Lin, B.-H. *et al.*, eds. 2009. *Access to Affordable and Nutritious Food: Measuring and Understanding Food Deserts and Their Consequences: Report to Congress*. Administrative Publication Number 036. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.292130>
- Popkin, B.M. 1994. The Nutrition Transition in Low-Income Countries: An Emerging Crisis. *Nutrition Reviews*, 52(9): 285–298. <https://doi.org/10.1111/j.1753-4887.1994.tb01460.x>
- Popkin, B.M., Corvalan, C. & Grummer-Strawn, L.M. 2020a. Dynamics of the Double Burden of Malnutrition and the Changing Nutrition Reality. *Lancet (London, England)*, 395(10217): 65–74. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)32497-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)32497-3)
- Popkin, B.M., Corvalan, C. & Grummer-Strawn, L.M. 2020b. Dynamics of the double burden of malnutrition and the changing nutrition reality. *Lancet (London, England)*, 395(10217): 65–74. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)32497-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)32497-3)
- von der Porten, S., Lepofsky, D., McGregor, D. & Silver, J. 2016. Recommendations for marine herring policy change in Canada: Aligning with Indigenous legal and inherent rights. *Marine Policy*, 74: 68–76. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2016.09.007>
- Poverty Inequality Commission. 2017. *Intersectionality: Revealing the realities of poverty and inequality in Scotland*. <https://povertyinequality.scot/publication/intersectionality-revealing-the-realities-of-poverty-and-inequality-in-scotland/>
- Pray, C.E., Masters, W.A. & Ayoub, S. 2017. Impacts of Agricultural Research on Poverty, Malnutrition and Resilience. <https://sites.tufts.edu/willmasters/files/2017/04/-AgRschImpactsOnPovertyNutritionResilience7April2017.pdf>
- PRB. 2011. The Effect of Girls' Education on Health Outcomes: Fact Sheet. In: *Population Reference Bureau*. Cited 11 November 2022. <https://www.prb.org/resources/the-effect-of-girls-education-on-health-outcomes-fact-sheet/>
- Prendergast, A.J. & Humphrey, J.H. 2014. The stunting syndrome in developing countries. *Paediatrics and International Child Health*, 34(4): 250–265. <https://doi.org/10.1179/2046905514Y.00000000158>
- Prost, A., Harris-Fry, H., Mohanty, S., Parida, M., Krishnan, S., Fivian, E., Rath, S. *et al.* 2022. Understanding the effects of nutrition-sensitive agriculture interventions with participatory videos and women's group meetings on maternal and child nutrition in rural Odisha, India: A mixed-methods process evaluation. *Maternal & Child Nutrition*, 18(4): e13398. <https://doi.org/10.1111/mcn.13398>
- Prydz, E.B., Jolliffe, D. & Serajuddin, U. 2021. Mind the Gap: Disparities in Assessments of Living Standards Using National Accounts and Household Surveys. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-9779>
- Purdam, K., Garratt, E.A. & Esmail, A. 2016. Hungry? Food Insecurity, Social Stigma and Embarrassment in the UK. *Sociology*, 50(6): 1072–1088. <https://doi.org/10.1177/0038038515594092>
- Qian, N. 2008. Missing Women and the Price of Tea in China: The Effect of Sex-Specific Earnings on Sex Imbalance*. *The Quarterly Journal of Economics*, 123(3): 1251–1285. <https://doi.org/10.1162/qjec.2008.123.3.1251>
- Qin, P., Wang, T. & Luo, Y. 2022. A review on plant-based proteins from soybean: Health benefits and soy product development. *Journal of Agriculture and Food Research*, 7: 100265. <https://doi.org/10.1016/j.jafr.2021.100265>
- Quisumbing, A. 2019. Gender, equity, and empowerment: Harnessing agricultural research for better nutrition outcomes. <https://vtechworks.lib.vt.edu/handle/10919/89736>
- Quisumbing, A.R. & Doss, C.R. 2021. Gender in agriculture and food systems. <https://doi.org/10.1016/bs.hesagr.2021.10.009>

Ragasa, C. 2014. Improving Gender Responsiveness of Agricultural Extension. In: A.R. Quisumbing, R. Meinzen-Dick, T.L. Raney, A. Croppenstedt, J.A. Behrman & A. Peterman, eds. *Gender in Agriculture: Closing the Knowledge Gap*. pp. 411–430. Dordrecht, Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8616-4_17

Raghunathan, K., Headey, D. & Herforth, A. 2021. Affordability of nutritious diets in rural India. *Food Policy*, 99: 101982. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.101982>

Ragnarsson, K.H. 2020. Humanising not transformative? The UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights and economic inequality in OECD countries 2008–19. *London Review of International Law*, 8(2): 261–286. <https://doi.org/10.1093/lril/lraa020>

Ramaswami, A. 2020. Unpacking the Urban Infrastructure Nexus with Environment, Health, Livability, Well-Being, and Equity. *One Earth*, 2(2): 120–124. <https://doi.org/10.1016/j.oneear.2020.02.003>

Rammelt, C.F. & Leung, M.W.H. 2017. Tracing the Causal Loops Through Local Perceptions of Rural Road Impacts in Ethiopia. *World Development*, 95: 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.02.024>

Randers, J., Rockström, J., Stoknes, P.E., Golüke, U., Collste, D. & Cornell, S.E. 2018. *Transformation is feasible: how to achieve the Sustainable Development Goals within planetary boundaries: a report to the Club of Rome, for its 50 years anniversary 17 October 2018*. Report / Stockholm Resilience Centre. Stockholm, Sweden: Stockholm Resilience Centre.

Rantanen, J., Muchiri, F. & Lehtinen, S. 2020. Decent Work, ILO's Response to the Globalization of Working Life: Basic Concepts and Global Implementation with Special Reference to Occupational Health. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(10): 3351. <https://doi.org/10.3390/ijerph17103351>

Rao, M., Afshin, A., Singh, G. & Mozaffarian, D. 2013. Do healthier foods and diet patterns cost more than less healthy options? A systematic review and meta-analysis. *BMJ Open*, 3(12): e004277. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2013-004277>

Rao, N., Gazdar, H., Chanchani, D. & Ibrahim, M. 2019. Women's Agricultural Work and Nutrition in South Asia: From Pathways to a Cross-Disciplinary, Grounded Analytical Framework. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2018.10.014>

Rasolofoson, R.A., Hanauer, M.M., Pappinen, A., Fisher, B. & Ricketts, T.H. 2018. Impacts of forests on children's diet in rural areas across 27 developing countries. *Science Advances*, 4(8): eaat2853. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aat2853>

Rawal, V. & Bansal, V. 2021. The Land Question in Contemporary Rural India

Rawlins, R., Pimkina, S., Barrett, C.B., Pedersen, S. & Wydick, B. 2014. Got milk? The impact of Heifer International's livestock donation programs in Rwanda on nutritional outcomes. *Food Policy*, 44: 202–213. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2013.12.003>

Rawls, J. 1999. *A Theory of Justice*. 2nd edition edition. Cambridge, Mass, Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press.

Raworth, K. 2018. *Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist*. Illustrated edition. White River Junction, Vermont, Chelsea Green Publishing.

Reisch, L.A. 2021. Shaping healthy and sustainable food systems with behavioural food policy. *European Review of Agricultural Economics*, 48(4): 665–693. <https://doi.org/10.1093/erae/jbab024>

Restrepo-Méndez, M.C., Barros, A.J., Black, R.E. & Victora, C.G. 2015. Time trends in socio-economic inequalities in stunting prevalence: analyses of repeated national surveys. *Public Health Nutrition*, 18(12): 2097–2104. <https://doi.org/10.1017/S1368980014002924>

- Reyes Matos, U., Mesenburg, M.A. & Victora, C.G.** 2019. Socioeconomic inequalities in the prevalence of underweight, overweight, and obesity among women aged 20–49 in low- and middle-income countries. *International Journal of Obesity*, 44(3): 609–616. <https://doi.org/10.1038/s41366-019-0503-0>
- Ricciardi, V., Mehrabi, Z., Wittman, H., James, D. & Ramankutty, N.** 2021. Higher yields and more biodiversity on smaller farms. *Nature Sustainability*, 4(7): 651–657. <https://doi.org/10.1038/s41893-021-00699-2>
- Riley, L. & Dodson, B.** 2016. Intersectional identities: Food, space and gender in urban Malawi. *Agenda*, 30(4): 53–61. <https://doi.org/10.1080/10130950.2017.1299970>
- RIPESS.** 2023. What is Social Solidarity Economy. In: *RIPESS*. Cited 21 February 2023. <https://www.ripest.org/what-is-sse/what-is-social-solidarity-economy/?lang=en>
- Rivera-Ferre, M.G., López-i-Gelats, F., Ravera, F., Oteros-Rozas, E., di Masso, M., Binimelis, R. & El Bilali, H.** 2021. The two-way relationship between food systems and the COVID19 pandemic: causes and consequences. *Agricultural Systems*, 191: 103134. <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2021.103134>
- Robin, M.-M.** 2014. *The World According to Monsanto: Pollution, Corruption, and the Control of Our Food Supply*. The New Press.
- Rocha, C. & Lessa, I.** 2009. Urban Governance for Food Security: The Alternative Food System in Belo Horizonte, Brazil. *International Planning Studies*, 14(4): 389–400. <https://doi.org/10.1080/13563471003642787>
- Rockström, J., Mazzucato, M., Andersen, L.S., Fahrländer, S.F. & Gerten, D.** 2023. Why we need a new economics of water as a common good. *Nature*, 615(7954): 794–797. <https://doi.org/10.1038/d41586-023-00800-z>
- Roever, S. & Skinner, C.** 2016. Street vendors and cities. *Environment and Urbanization*, 28(2): 359–374. <https://doi.org/10.1177/0956247816653898>
- Rollins, N.** 2023. Poorly substantiated health claims on infant formula. *BMJ*, 380: p310. <https://doi.org/10.1136/bmj.p310>
- Romany, C. & Chu, J.-B.** 2004. Affirmative action in international human rights law: A critical perspective of its normative assumptions. , 36: 831.
- Rosset, P.** 2006. *Food is different: why we must get the WTO out of agriculture*. Global issues. Black Point, N.S, Fernwood Pub.
- Ros-Tonen, M.A., Bitzer, V., Laven, A., Ollivier de Leth, D., Van Leynseele, Y. & Vos, A.** 2019. Conceptualizing inclusiveness of smallholder value chain integration. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 41: 10–17. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2019.08.006>
- Ruben, R., Cavatassi, R., Lipper, L., Smaling, E. & Winters, P.** 2021. Towards food systems transformation—five paradigm shifts for healthy, inclusive and sustainable food systems. *Food Security*, 13(6): 1423–1430. <https://doi.org/10.1007/s12571-021-01221-4>
- Ruel, M.T., Alderman, H., & Maternal and Child Nutrition Study Group.** 2013. Nutrition-sensitive interventions and programmes: how can they help to accelerate progress in improving maternal and child nutrition? *Lancet (London, England)*, 382(9891): 536–551. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)60843-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(13)60843-0)
- Ruel, M.T., Garrett, J., Yosef, S. & Olivier, M.** 2017. Urbanization, Food Security and Nutrition. In: S. de Pee, D. Taren & M.W. Bloem, eds. *Nutrition and Health in a Developing World*. pp. 705–735. Nutrition and Health. Cham, Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-43739-2_32
- Ruel, M.T., Garrett, J.L., Hawkes, C. & Cohen, M.J.** 2010. The Food, Fuel, and Financial Crises Affect the Urban and Rural Poor Disproportionately: A Review of the Evidence^{1,2}. *The Journal of Nutrition*, 140(1): 170S–176S. <https://doi.org/10.3945/jn.109.110791>

Russomanno, J., Patterson, J.G. & Jabson, J.M. 2019. Food Insecurity Among Transgender and Gender Nonconforming Individuals in the Southeast United States: A Qualitative Study. *Transgender Health*, 4(1): 89–99. <https://doi.org/10.1089/trgh.2018.0024>

Ruzzante, S., Labarta, R. & Bilton, A. 2021. Adoption of agricultural technology in the developing world: A meta-analysis of the empirical literature. *World Development*, 146: 105599. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2021.105599>

Sage, C., Kropp, C. & Antoni-Komar, I. 2020. Grassroots initiatives in food system transformation: The role of food movements in the second 'Great Transformation'. In: *Food System Transformations*. Routledge.

Schlüssel, M.M., Silva, A.A.M. da, Pérez-Escamilla, R. & Kac, G. 2013. Household food insecurity and excess weight/obesity among Brazilian women and children: a life-course approach. *Cadernos de Saúde Pública*, 29: 219–226. <https://doi.org/10.1590/S0102-311X2013000200003>

Schneider, S., Schneider, S., Patwardhan, A., Burton, I., Magadza, C., Oppenheimer, M., Pittock, A. et al. 2007. Assessing key vulnerabilities and the risk from climate change. In: *Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Eds. edition, p. Cambridge, UK, Cambridge University Press. <https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/ar4-wg2-chapter19-1.pdf>

Schott, W., Aurino, E., Penny, M.E. & Behrman, J.R. 2019. The double burden of malnutrition among youth: Trajectories and inequalities in four emerging economies. *Economics & Human Biology*, 34: 80–91. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2019.05.009>

Schwartz, N., Buliung, R. & Wilson, K. 2019. Disability and food access and insecurity: A scoping review of the literature. *Health & Place*, 57: 107–121. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2019.03.011>

Schwartz, S.A. 2013. The Great Experiment: Genetically Modified Organisms, Scientific Integrity, and National Wellness. *EXPLORE*, 9(1): 12–16. <https://doi.org/10.1016/j.explore.2012.11.004>

Schwingshackl, L., Bogensberger, B. & Hoffmann, G. 2018. Diet Quality as Assessed by the Healthy Eating Index, Alternate Healthy Eating Index, Dietary Approaches to Stop Hypertension Score, and Health Outcomes: An Updated Systematic Review and Meta-Analysis of Cohort Studies. *Journal of the Academy of Nutrition and Dietetics*, 118(1): 74–100.e11. <https://doi.org/10.1016/j.jand.2017.08.024>

Scrinis, G. 2016. Reformulation, fortification and functionalization: Big Food corporations' nutritional engineering and marketing strategies. *The Journal of Peasant Studies*, 43(1): 17–37. <https://doi.org/10.1080/03066150.2015.1101455>

Scrinis, G. & Monteiro, C. 2022. From ultra-processed foods to ultra-processed dietary patterns. *Nature Food*, 3(9): 671–673. <https://doi.org/10.1038/s43016-022-00599-4>

Seeley, J., Tumwekwase, G. & Grosskurth, H. 2009. Fishing for a Living but Catching HIV: AIDS and Changing Patterns of the Organization of Work in Fisheries in Uganda. *Anthropology of Work Review*, 30(2): 66–76. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1417.2009.01022.x>

Seferidi, P., Hone, T., Duran, A.C., Bernabe-Ortiz, A. & Millett, C. 2022. Global inequalities in the double burden of malnutrition and associations with globalisation: a multilevel analysis of Demographic and Health Surveys from 55 low-income and middle-income countries, 1992–2018. *The Lancet Global Health*, 10(4): e482–e490. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(21\)00594-5](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(21)00594-5)

Seidelmann, L., Koutsoumpa, M., Federspiel, F. & Philips, M. 2020. The Global Financing Facility at five: time for a change? *Sexual and Reproductive Health Matters*, 28(2): 1795446. <https://doi.org/10.1080/26410397.2020.1795446>

Sen, A. 1985. Well-being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984. *Journal of Philosophy*, 82(April): 203.

- Shaffer, G.** 2021. *Emerging Powers and the World Trading System: The Past and Future of International Economic Law*. Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108861342>
- Shannon, J.** 2014. Food deserts: Governing obesity in the neoliberal city. *Progress in Human Geography*, 38(2): 248–266. <https://doi.org/10.1177/0309132513484378>
- Shiferaw, B., Kebede, T., Kassie, M. & Fisher, M.** 2015. Market imperfections, access to information and technology adoption in Uganda: challenges of overcoming multiple constraints. *Agricultural Economics*, 46(4): 475–488. <https://doi.org/10.1111/agec.12175>
- Shupler, M., Mwitari, J., Gohole, A., Anderson de Cuevas, R., Puzzolo, E., Čukić, I., Nix, E. & Pope, D.** 2021. COVID-19 impacts on household energy & food security in a Kenyan informal settlement: The need for integrated approaches to the SDGs. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 144: 111018. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.111018>
- da Silva, I.C.M., França, G.V., Barros, A.J., Amouzou, A., Krasevec, J. & Victora, C.G.** 2018. Socioeconomic Inequalities Persist Despite Declining Stunting Prevalence in Low- and Middle-Income Countries. *The Journal of Nutrition*, 148(2): 254–258. <https://doi.org/10.1093/jn/nxx050>
- Sinclair, K., Thompson-Colón, T., Matamoros, S.E.D.C., Olaya, E. & Melgar-Quinonez, H.** 2022. Food Insecurity Among the Adult Population of Colombia Between 2016 and 2019: The Post Peace Agreement Situation. *Food and Nutrition Bulletin*, 43(3): 251–270. <https://doi.org/10.1177/03795721221100890>
- Skinner, K., Hanning, R.M., Desjardins, E. & Tsuji, L.J.** 2013. Giving voice to food insecurity in a remote indigenous community in subarctic Ontario, Canada: traditional ways, ways to cope, ways forward. *BMC Public Health*, 13(1): 427. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-427>
- Smith, L.C., Alderman, H. & Aduayom, D.** 2006. *Food insecurity in sub-Saharan Africa. New estimates from household expenditure surveys*. Research Report 146. Washington, DC, International Food Policy Research Institute; <https://doi.org/10.2499/0896291502>
- Smith, M.D., Rabbitt, M.P. & Coleman- Jensen, A.** 2017a. Who are the World's Food Insecure? New Evidence from the Food and Agriculture Organization's Food Insecurity Experience Scale. *World Development*, 93: 402–412. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.01.006>
- Smith, M.D., Rabbitt, M.P. & Coleman- Jensen, A.** 2017b. Who are the World's Food Insecure? New Evidence from the Food and Agriculture Organization's Food Insecurity Experience Scale. *World Development*, 93: 402–412. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.01.006>
- Smith, V.H. & Glauber, J.W.** 2019. Trade, policy, and food security. *Agricultural Economics*, 51(1): 159–171. <https://doi.org/10.1111/agec.12547>
- Sobal, J.** 2005. Men, Meat, and Marriage: Models of Masculinity. *Food and Foodways*, 13(1–2): 135–158. <https://doi.org/10.1080/07409710590915409>
- Southern Poverty Law Centre.** 2010. Injustice On Our Plates. In: *Southern Poverty Law Center*. Cited 26 October 2022. <https://www.splcenter.org/20101107/injustice-our-plates>
- Spielman, D., Lecoutere, E., Makhija, S. & Van Campenhout, B.** 2021. Information and Communications Technology (ICT) and Agricultural Extension in Developing Countries. *Annual Review of Resource Economics*, 13(1): 177–201. <https://doi.org/10.1146/annurev-resource-101520-080657>
- Spires, M., Berggreen-Clausen, A., Kasujja, F.X., Delobelle, P., Puoane, T., Sanders, D. & Daivadanam, M.** 2020. Snapshots of Urban and Rural Food Environments: EPOCH-Based Mapping in a High-, Middle-, and Low-Income Country from a Non-Communicable Disease Perspective. *Nutrients*, 12(2): 484. <https://doi.org/10.3390/nu12020484>

Srinivasan, C.S., Zanello, G. & Shankar, B. 2013. Rural-urban disparities in child nutrition in Bangladesh and Nepal. *BMC Public Health*, 13(1): 581. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-581>

Staal, A., Flores, B.M., Aguiar, A.P.D., Bosmans, J.H.C., Fetzer, I. & Tuinenburg, O.A. 2020. Feedback between drought and deforestation in the Amazon. *Environmental Research Letters*, 15(4): 044024. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab738e>

Stads, G.-J. & Rahija, M. 2019. Public agricultural R&D in South Asia: greater government commitment, yet underinvestment persists. *Gates Open Res*, 3(326): 326. <https://doi.org/10.21955/gatesopenres.1115076.1>

Stads, G.-J., Wiebe, K.D., Nin-Pratt, A., Sulser, T.B., Benfica, R., Reda, F. & Khetarpal, R. 2022. Research for the future: Investments for efficiency, sustainability, and equity. International Food Policy Research Institute (IFPRI). https://doi.org/10.2499/9780896294257_04

Staiger, R. 2012. *Non-Tariff Measures and the WTO*. WTO Staff Working Paper. ERSD-2012-01. Geneva, World Trade Organization (WTO). <https://doi.org/10.30875/5703a171-en>

Steffen, W., Richardson, K., Rockström, J., Cornell, S.E., Fetzer, I., Bennett, E.M., Biggs, R. et al. 2015. Planetary boundaries: Guiding human development on a changing planet. *Science*, 347(6223): 1259855. <https://doi.org/10.1126/science.1259855>

Stern, D., Ng, S.W. & Popkin, B.M. 2015. The Nutrient Content of U.S. Household Food Purchases by Store Type. *American Journal of Preventive Medicine*, 50(2): 180–190. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2015.07.025>

Stevens, C., Greenhill, R., Kennan, J. & Devereux, S., eds. 2000. The WTO Agreement on Agriculture and Food Security

Stevens, G.A., Paciorek, C.J., Flores-Urrutia, M.C., Borghi, E., Namaste, S., Wirth, J.P., Suchdev, P.S. et al. 2022. National, regional, and global estimates of anaemia by severity in women and children for 2000–19: a pooled analysis of population-representative data. *The Lancet Global Health*, 10(5): e627–e639. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(22\)00084-5](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(22)00084-5)

Stewart, F. 2015. *Horizontal inequalities*. GSDRC Professional Development Reading Pack no. 8. Birmingham, UK, University of Birmingham. <https://gsdrc.org/professional-dev/horizontal-inequalities/>, <https://gsdrc.org/professional-dev/horizontal-inequalities/>

Stoian, D., Donovan, J., Fisk, J. & Muldoon, M. 2012. Value chain development for rural poverty reduction: A reality check and a warning. *Enterprise Development & Microfinance*, 23(1): 54–60. <https://doi.org/10.3362/1755-1986.2012.006>

Subramanian, S.V. & Kawachi, I. 2007. Income inequality and the double burden of under- and overnutrition in India. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 61(9): 802–809. <https://doi.org/10.1136/jech.2006.053801>

Sulser, T., Wiebe, K.D., Dunston, S., Cenacchi, N., Nin-Pratt, A., Mason-D'Croz, D., Robertson, R.D., Willenbockel, D. & Rosegrant, M.W. 2021. *Climate Change and hunger: Estimating costs of adaptation in the agrifood system*. Washington, DC, International Food Policy Research Institute. <https://doi.org/10.2499/9780896294165>

Sumaila, U.R., Khan, A., Teh, L., Watson, R., Tyedmers, P. & Pauly, D. 2010. Subsidies to high seas bottom trawl fleets and the sustainability of deep-sea demersal fish stocks. *Marine Policy*, 34(3): 495–497. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2009.10.004>

Sunam, R. & Adhikari, J. 2016. How does Transnational Labour Migration Shape Food Security and Food Sovereignty? Evidence from Nepal. *Anthropological Forum*, 26(3): 248–261. <https://doi.org/10.1080/00664677.2016.1197819>

- Suri, T. & Udry, C.** 2022. Agricultural Technology in Africa. *Journal of Economic Perspectives*, 36(1): 33–56. <https://doi.org/10.1257/jep.36.1.33>
- Swenor, B.K.** 2021. Disability inclusion: A missing ingredient for food system equity. *Global Food Security*, 31: 100584. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2021.100584>
- Swier, G.M.** 2019. The Seeds of Violence. Ecofeminism, Technology, and Ecofeminist Philosophy of Technology. In: J. Loh & M. Coeckelbergh, eds. *Feminist Philosophy of Technology*. pp. 247–263. Techno:Phil – Aktuelle Herausforderungen der Technikphilosophie. Stuttgart, J.B. Metzler. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04967-4_13
- Swinburn, B.A., Kraak, V.I., Allender, S., Atkins, V.J., Baker, P.I., Bogard, J.R., Brinsden, H. et al.** 2019. The Global Syndemic of Obesity, Undernutrition, and Climate Change: The Lancet Commission report. *The Lancet*, 393(10173): 791–846. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)32822-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)32822-8)
- Swinnen, J.F.M. & Vandeplas, A.** 2014. *Price Transmission and Market Power in Modern Agricultural Value Chains*. SSRN Scholarly Paper. 2400431. Rochester, NY. Cited 21 November 2022. <https://papers.ssrn.com/abstract=2400431>
- Tadesse, G., Algieri, B., Kalkuhl, M. & von Braun, J.** 2014. Drivers and triggers of international food price spikes and volatility. *Food Policy*, 47: 117–128. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2013.08.014>
- Tak, M., Shankar, B. & Kadiyala, S.** 2019. Dietary Transition in India: Temporal and Regional Trends, 1993 to 2012. , 40(2): 254–270.
- Tavener, K., van Wijk, M., Fraval, S., Hammond, J., Baltenweck, I., Teufel, N., Kihoro, E. et al.** 2019. Intensifying Inequality? Gendered Trends in Commercializing and Diversifying Smallholder Farming Systems in East Africa. *Frontiers in Sustainable Food Systems*, 3. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsufs.2019.00010>
- Tefft, J., Jonasova, M., Adjao, R. & Morgan, A.** 2017. Food Systems for an Urbanizing World. <https://doi.org/10.1596/32502>
- Temple, J.B. & Russell, J.** 2018. Food Insecurity among Older Aboriginal and Torres Strait Islanders. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(8): 1766. <https://doi.org/10.3390/ijerph15081766>
- Termine, P. & Huambachano, M.** 2022. Refocusing youth employment in food systems: understanding the role of rights and agency for decent work and food systems' transformation. <https://mail.google.com/mail/u/0/#search/pao/WhctKKXpVghfsHRC-lcwdvDfDsjvsCgrxbVdjqwNTXHJCrfQQPgdhRpNzKdzzKNqJDDmRTKG?projector=1&messagePartId=0.2>
- The GBD 2015 Obesity Collaborators.** 2017. Health Effects of Overweight and Obesity in 195 Countries over 25 Years. *New England Journal of Medicine*, 377(1): 13–27. <https://doi.org/10.1056/NEJMoa1614362>
- The Lancet.** 2023. Unveiling the predatory tactics of the formula milk industry. *The Lancet*, 401(10375): 409. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(23\)00118-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(23)00118-6)
- Thirtle, C., Lin, L. & Piesse, J.** 2003. The Impact of Research-Led Agricultural Productivity Growth on Poverty Reduction in Africa, Asia and Latin America. *World Development*, 31(12): 1959–1975. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2003.07.001>
- Thompson, J.S., John, ed.** 2012. *Contested Agronomy: Agricultural Research in a Changing World*. London, Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203125434>
- Thow, A.M. & Hawkes, C.** 2009. The implications of trade liberalization for diet and health: a case study from Central America. *Globalization and Health*, 5(1): 5. <https://doi.org/10.1186/1744-8603-5-5>
- Thow, A.M. & Nisbett, N.** 2019. Trade, nutrition, and sustainable food systems. *The Lancet*, 394(10200): 716–718. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)31292-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)31292-9)

Thurber, K.A., Joshy, G., Korda, R., Eades, S.J., Wade, V., Bambrick, H., Liu, B. & Banks, E. 2018. Obesity and its association with sociodemographic factors, health behaviours and health status among Aboriginal and non-Aboriginal adults in New South Wales, Australia. *J Epidemiol Community Health*, 72(6): 491–498. <https://doi.org/10.1136/jech-2017-210064>

Tienhaara, K. 2011. *Regulatory Chill and the Threat of Arbitration: A View from Political Science*. SSRN Scholarly Paper. 2065706. Rochester, NY. Cited 24 October 2022. <https://papers.ssrn.com/abstract=2065706>

Tittonell, P. & Giller, K.E. 2013. When yield gaps are poverty traps: The paradigm of ecological intensification in African smallholder agriculture. *Field Crops Research*, 143: 76–90. <https://doi.org/10.1016/j.fcr.2012.10.007>

Ton, G., Vellema, W., Desiere, S., Weituschat, S. & D'Haese, M. 2018. Contract farming for improving smallholder incomes: What can we learn from effectiveness studies? *World Development*, 104: 46–64. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.11.015>

Tortajada, C. & González-Gómez, F. 2022. Agricultural trade: Impacts on food security, groundwater and energy use. *Current Opinion in Environmental Science & Health*, 27: 100354. <https://doi.org/10.1016/j.coesh.2022.100354>

Traill, W.B., Mazzocchi, M., Shankar, B. & Hallam, D. 2014. Importance of government policies and other influences in transforming global diets. *Nutrition Reviews*, 72(9): 591–604. <https://doi.org/10.1111/nure.12134>

Travasso, S.M., Joseph, S., Swaminathan, S., John, A.T., Makkar, S., Webb, P., Kurpad, A. & Thomas, T. 2023. Impact of the COVID-19 lockdown on household diet diversity in rural Bihar, India: a longitudinal survey. *Nutrition Journal*, 22(1): 13. <https://doi.org/10.1186/s12937-023-00842-z>

Turner, C., Aggarwal, A., Walls, H., Herforth, A., Drewnowski, A., Coates, J., Kalamatianou, S. & Kadiyala, S. 2018. Concepts and critical perspectives for food environment research: A global framework with implications for action in low- and middle-income countries. *Global Food Security*, 18: 93–101. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2018.08.003>

Turnhout, E., Duncan, J., Candel, J., Maas, T.Y., Roodhof, A.M., DeClerck, F. & Watson, R.T. 2021. Do we need a new science-policy interface for food systems? *Science*, 373(6559): 1093–1095. <https://doi.org/10.1126/science.abj5263>

UN. 2007. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. United Nations. Cited 17 October 2022. <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/declaration-on-the-rights-of-indigenous-peoples.html>

UN. 2019a. *United Nations Declaration on the Rights of Peasants (UNDROP)*. https://www.geneva-academy.ch/joomlatools-files/docman-files/UN_Declaration_on_the_rights_of_peasants.pdf

UN. 2019b. *World Urbanization Prospects: The 2018 Revision (ST/ESA/SER.A/420)*. New York: United Nations, United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

UN. 2021. UN Security Council resolution 2573. United Nations. <http://unscr.com/en/resolutions/doc/2573>

UN. 2022. Food Price Index hit record high in February, UN agency reports. In: *United Nations*. Cited 2 June 2023. <https://news.un.org/en/story/2022/03/1113332>

UN DESA. 2021. *UNDESA World Social Report 2021: Reconsidering Rural Development*. United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA). <https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2021-2.html>

UNCCD. 2019. *Land Degradation Neutrality Interventions to Foster Gender Equality*. Bonn, Germany. https://catalogue.unccd.int/1222_UNCCD_gender_briefing_note.pdf

UNCTAD. 2011. Trade and Development Report 2011: Post-Crisis Policy Challenges in the World Economy. In: *United Nations Conference on Trade and Development*.

UNDP. 2012. Seeing Beyond the State - Grassroots Women's Perspectives on Corruption and Anti-Corruption. United Nations Development Programme (UNDP). <https://www.unwomen.org/en/docs/2012/10/grassroots-womens-perspectives-on-corruption>

UNDP. 2015. No country has yet achieved equality between men and women. In: *United Nations Sustainable Development*. Cited 10 May 2023. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2015/09/no-country-has-yet-achieved-equality-between-men-and-women-un-human-rights-chief/>

UNDP. 2023. *Human Development Index*. United Nations Development Programme (UNDP). <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index>

UNEP. 2022. *Emissions Gap Report 2022: The Closing Window — Climate crisis calls for rapid transformation of societies*. Nairobi, United Nations Environment Programme. <https://www.unep.org/emissions-gap-report-2022>

UNEP & FAO. 2022. *Sustainable Food Cold Chains: Opportunities, Challenges and the Way Forward*. Nairobi, UNEP and Rome, FAO. <http://www.unep.org/resources/report/sustainable-food-cold-chains-opportunities-challenges-and-way-forward>

UNGA. 1948. *Universal Declaration of Human Rights*. Resolution adopted by the General Assembly on 10 December 1948, General Assembly resolution 217 A. Paris. [also available at <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>]

UNHCR. 2010. The Right to Adequate Food. United Nations High Commissioner for Human Rights. <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/FactSheet34en.pdf>

UNICEF. 1990. *Strategy for improved nutrition of children and women in developing countries*. New York, N.Y., USA, United Nations Children's Fund. <https://digitallibrary.un.org/record/227230>

UNICEF. 2018. Breastfeeding: A Mother's Gift, for Every Child. United Nations Children's Fund (UNICEF).

UNICEF. 2020. Immunization coverage: Are we losing ground? In: *UNICEF DATA*. Cited 9 May 2023. <https://data.unicef.org/resources/immunization-coverage-are-we-losing-ground/>

UNICEF. 2021. *UNICEF conceptual framework on maternal and child nutrition*. New York, NY, USA, UNICEF.

UNICEF. 2023. *Undernourished and Overlooked: UNICEF report sheds light on global nutrition crisis faced by adolescent girls and women - UNICEF Data for Action Blog*. UNICEF Child Nutrition Report Series, 2022. New York, United Nations Children's Fund (UNICEF). <https://data.unicef.org/data-for-action/undernourished-and-overlooked-unicef-report-sheds-light-on-global-nutrition-crisis-faced-by-adolescent-girls-and-women/>

UNICEF & WHO. 2022. *How the marketing of formula milk influences our decisions on infant feeding*. Geneva, World Health Organization (WHO) and the United Nations Children's Fund (UNICEF). <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789240044609>

UNICEF, WHO, & World Bank Group. 2021. *Joint Child Malnutrition Estimates*. UNICEF, New York; WHO, Geneva; World Bank, Washington, DC, United Nations Children's Fund. <https://data.unicef.org/resources/jme-report-2021/>

UNIDO. 2011. *Pro-poor value chain development: 25 guiding questions for designing and implementing agroindustry projects*. Vienna, Austria, United Nations Industrial Development Organization (UNIDO). <https://cgspace.cgiar.org/handle/10568/24825>

University of Minnesota. 2016. 19.3 The Economics of Discrimination. In: *Principles of Economics*. University of Minnesota Libraries Publishing edition, 2016. This edition adapted from a work originally produced in 2012 by a publisher who has requested that it not receive attribution. <https://doi.org/10.24926/8668.1601>

University of Sheffield & Food Foundation. 2021. UK local food insecurity of Adults Jan 2021. Cited 20 February 2023. <https://shefuni.maps.arcgis.com/apps/instant/interactivelegend/index.html?appid=8be0cd9e18904c258afd3c959d6fc4d7>

UNSDG. 2023. Universal Values, Principle Two: Leave No One Behind. In: *United Nations Sustainable Development Group*. Cited 28 April 2023. <https://unsdg.un.org/2030-agenda/universal-values/leave-no-one-behind>. <https://unsdg.un.org/2030-agenda/universal-values/leave-no-one-behind>

USDA ERS. 2021. Food Security and Nutrition Assistance. In: *Economic Research Service: U.S. Department of Agriculture*. Cited 25 October 2022. <https://www.ers.usda.gov/data-products/ag-and-food-statistics-charting-the-essentials/food-security-and-nutrition-assistance/>

Vallet, A., Locatelli, B., Levrel, H., Dendoncker, N., Barnaud, C. & Conde, Y.Q. 2019. Linking equity, power, and stakeholders' roles in relation to ecosystem services. *Ecology and Society*, 24(2). <https://www.jstor.org/stable/26796940>

Vallino, E., Ridolfi, L. & Laio, F. 2020. Measuring economic water scarcity in agriculture: a cross-country empirical investigation. *Environmental Science & Policy*, 114: 73–85. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2020.07.017>

Veeraraghavan, G., Burnett, K., Skinner, K., Williams, P., Martin, D., Jamal, A., Ramsay, M. & Stothart, C. 2016. *Paying for Nutrition: A Report on Food Costing in the North*. <https://foodsecurecanada.org/paying-for-nutrition>

Victora, C.G., Bahl, R., Barros, A.J.D., França, G.V.A., Horton, S., Krasevec, J., Murch, S. et al. 2016. Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect. *The Lancet*, 387(10017): 475–490. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(15\)01024-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(15)01024-7)

Victora, C.G., Christian, P., Vdaletti, L.P., Gatica-Domínguez, G., Menon, P. & Black, R.E. 2021. Revisiting maternal and child undernutrition in low-income and middle-income countries: variable progress towards an unfinished agenda. *The Lancet*, 397(10282): 1388–1399. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)00394-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)00394-9)

Vijayan, D., Ludwig, D., Rybak, C., Kaechele, H., Hoffmann, H., Schönfeldt, H.C., Mbwana, H.A., Rivero, C.V. & Löhr, K. 2022. Indigenous knowledge in food system transformations. *Communications Earth & Environment*, 3(1): 1–3. <https://doi.org/10.1038/s43247-022-00543-1>

Vivero-Pol, J.L., Ferrado, T., De Schutter, O. & Matei, U., eds. 2019. *Routledge Handbook of Food as a Commons*. Routledge. <https://www.routledge.com/Routledge-Handbook-of-Food-as-a-Commons/Vivero-Pol-Ferrando-Schutter-Mattei/p/book/9780367628567>

Walby, S. 1989. Theorising Patriarchy. *Sociology*, 23(2): 213–234. <https://doi.org/10.1177/0038038589023002004>

Walker, R.E., Keane, C.R. & Burke, J.G. 2010. Disparities and access to healthy food in the United States: A review of food deserts literature. *Health & Place*, 16(5): 876–884. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2010.04.013>

Walls, H. & Smith, R. 2015. Rethinking governance for trade and health. *BMJ*, 351: h3652. <https://doi.org/10.1136/bmj.h3652>

Watene, K. 2016. Valuing nature: Māori philosophy and the capability approach. *Oxford Development Studies*, 44(3): 287–296. <https://doi.org/10.1080/13600818.2015.1124077>

- Watson, J.L. & Caldwell, M.L.** 2005. *The cultural politics of food and eating: a reader*. Oxford, UK, Blackwell Publishing. <https://www.cabdirect.org/cabdirect/abstract/20063001238>
- Webb, P., Coates, J., Frongillo, E.A., Rogers, B.L., Swindale, A. & Bilinsky, P.** 2006. Measuring Household Food Insecurity: Why It's So Important and Yet So Difficult to Do1,2. *The Journal of Nutrition*, 136(5): S1404–S1408. <https://doi.org/10.1093/jn/136.5.1404S>
- WEF.** 2021. *Global Gender Gap Report 2021*. World Economic Forum. https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf
- Wegerif, M.C.A.** 2020. “Informal” food traders and food security: experiences from the Covid-19 response in South Africa. *Food Security*, 12(4): 797–800. <https://doi.org/10.1007/s12571-020-01078-z>
- Wegerif, M.C.A. & Guereña, A.** 2020. Land Inequality Trends and Drivers. *Land*, 9(4): 101. <https://doi.org/10.3390/land9040101>
- Wegerif, M.C.A. & Kissoly, L.** 2022. Perspective from an African City: Food Market Governance in Dar es Salaam. In: *Routledge Handbook of Urban Food Governance*. Routledge.
- Weis, T.** 2013. *The Ecological Hoofprint: The Global Burden of Industrial Livestock*. Bloomsbury Publishing.
- Wells, J.C.K.** 2020. Promoting ethnic parity in health, leaving behind “race”: a challenge for the global community in 2020. *The American Journal of Clinical Nutrition*, 112(3): 505–506. <https://doi.org/10.1093/ajcn/nqaa189>
- Wertheim-Heck, S., Raneri, J.E. & Oosterveer, P.** 2019. Food safety and nutrition for low-income urbanites: exploring a social justice dilemma in consumption policy. *Environment and Urbanization*, 31(2): 397–420. <https://doi.org/10.1177/0956247819858019>
- Wertheim-Heck, S.C.O., Vellema, S. & Spaargaren, G.** 2015. Food safety and urban food markets in Vietnam: The need for flexible and customized retail modernization policies. *Food Policy*, 54: 95–106. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2015.05.002>
- Wesselbaum, D., Smith, M.D., Barrett, C.B. & Aiyar, A.** 2023. A food insecurity Kuznets Curve? *World Development*, 165: 106189. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106189>
- Wezel, A., Herren, B.G., Kerr, R.B., Barrios, E., Gonçalves, A.L.R. & Sinclair, F.** 2020. Agroecological principles and elements and their implications for transitioning to sustainable food systems. A review. *Agronomy for Sustainable Development*, 40(6): 40. <https://doi.org/10.1007/s13593-020-00646-z>
- WFP.** 2021. Empowering women and girls is crucial to ensure sustainable food security in the aftermath of COVID-19, say UN food agency heads on International Women's Day. *World Food Programme (WFP)*, 8 March 2021. <https://www.wfp.org/news/empowering-women-and-girls-crucial-ensure-sustainable-food-security-aftermath-covid-19-say-un>
- WFP & FAO.** 2022. *Hunger Hotspots FAO-WFP early warnings on acute food insecurity: June to September 2022 Outlook*. Rome. <https://www.wfp.org/publications/hunger-hotspots-fao-wfp-early-warnings-acute-food-insecurity-june-september-2022>
- Wheeler, T. & von Braun, J.** 2013. Climate Change Impacts on Global Food Security. *Science*, 341(6145): 508–513. <https://doi.org/10.1126/science.1239402>
- Whelan, J., Millar, L., Bell, C., Russell, C., Grainger, F., Allender, S. & Love, P.** 2018. You Can't Find Healthy Food in the Bush: Poor Accessibility, Availability and Adequacy of Food in Rural Australia. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(10): 2316. <https://doi.org/10.3390/ijerph15102316>

WHO. 1996. Integration of health care delivery: Report of a WHO study Group. *World Health Organization (WHO)*, 861: 1–68.

WHO. 2008. *Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health - Final report of the commission on social determinants of health*. World Health Organization. <https://www.who.int/publications-detail-redirect/WHO-IER-CSDH-08.1>

WHO. 2009. Special Act on Safety Control of Children's Dietary Life. Korean Law Information Center. Cited 21 February 2023. <https://www.law.go.kr/LSW//lsInfoP.do?lsiSeq=105317&chrClsCd=010203&urlMode=engLsInfoR&viewCls=engLsInfoR#0000>

WHO. 2015. *WHO estimates of the global burden of foodborne diseases: foodborne diseases burden epidemiology reference group 2007-2015*. Geneva, Switzerland, World Health Organisation (WHO). <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789241565165>

WHO. 2021. *Violence against women Prevalence Estimates, 2018. Global, regional and national prevalence estimates for intimate partner violence against women and global and regional prevalence estimates for non-partner sexual violence against women*. Geneva, World Health Organisation (WHO). <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789240022256>

WHO, UNICEF & USAID. 2015. WHO Improving nutrition outcomes with better water, sanitation and hygiene: Practical solutions for policy and programmes. In: *WHO*. Cited 23 November 2020. http://www.who.int/water-sanitation_health/publications/washandnutrition/en/

Whyte, K. 2016. Indigenous Food Sovereignty, Renewal and U.S. Settler Colonialism. In: M. Rawlinson & C. Ward, eds. *The Routledge Handbook of Food Ethics*. pp. 354–365. New York: Routledge:360. <https://papers.ssrn.com/abstract=2770056>

Whyte, K. 2018. Settler Colonialism, Ecology, and Environmental Injustice. *Environment and Society*, 9: 125–144.

Whyte, K.P. 2021. Time as Kinship. In: J. Cohen & S. Foote, eds. *The Cambridge Companion to Environmental Humanities*. pp. 39–55. Cambridge Companions to Literature. Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009039369.005>

Wiggins, S. & Keats, S. 2015. *The rising cost of a healthy diet: Changing relative prices of foods in high-income and emerging economies*. London, Overseas Development Institute. <http://cdn-odi-production.s3.amazonaws.com/media/documents/9580.pdf>

Wijdekop, F. 2017. *Environmental defenders and their recognition under international and regional law- An introduction*. IUCN National Committee of The Netherlands (IUCN NL). https://www.iucn.nl/files/publicaties/environmental_defenders_and_their_recognition_under_international_and_regionalLaw.pdf

Winpenny, J., Heinz, I., Koo-Oshima, S., Salgot, M., Collado, J., Hernandez, F. & Torricelli, R. 2010. The wealth of waste The economics of wastewater use in agriculture. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Cited 9 May 2023. <https://www.fao.org/sustainable-food-value-chains/library/details/en/c/278493/>

Winters, L.A. & Martuscelli, A. 2014. Trade Liberalization and Poverty: What Have We Learned in a Decade? *Annual Review of Resource Economics*, 6(1): 493–512. <https://doi.org/10.1146/annurev-resource-110713-105054>

Wittman, H., Desmarais, A.-A. & Wiebe, N. 2010. Reconnecting agriculture and the environment: food sovereignty and the agrarian basis of ecological citizenship. In: *Food sovereignty: Reconnecting food, nature and community*. pp. 91–105. Fernwood Publishing.

- Wood, B., Williams, O., Baker, P. & Sacks, G.** 2023. Behind the 'creative destruction' of human diets: An analysis of the structure and market dynamics of the ultra-processed food manufacturing industry and implications for public health. *Journal of Agrarian Change*, n/a(n/a). <https://doi.org/10.1111/joac.12545>
- Wood, S.A., Smith, M.R., Fanzo, J., Remans, R. & DeFries, R.S.** 2018. Trade and the equitability of global food nutrient distribution. *Nature Sustainability*, 1(1): 34–37. <https://doi.org/10.1038/s41893-017-0008-6>
- Woodward, D.** 2015. Incrementum ad Absurdum: Global Growth, Inequality and Poverty Eradication in a Carbon-Constrained World. *World Economic Review*, 2015(4).
- World Bank.** 2016. *Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality*. Washington, DC, World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0958-3>
- World Bank.** 2020. *Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune*. Washington, DC, World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1602-4>
- World Bank.** 2022. Social Dimensions of Climate Change. In: *World Bank*. Cited 27 October 2022. <https://www.worldbank.org/en/topic/social-dimensions-of-climate-change>
- World Bank.** 2023a. Poverty and Inequality Platform. Cited 25 May 2023. <https://pip.worldbank.org/home>
- World Bank.** 2023b. Social Dimensions of Climate Change. In: *World Bank*. Cited 9 May 2023. <https://www.worldbank.org/en/topic/social-dimensions-of-climate-change>
- World Obesity Federation.** 2017. Calculating the costs of the consequences of obesity. In: *World Obesity Federation*. Cited 10 May 2023. <https://www.worldobesity.org/resources/resource-library/calculating-the-costs-of-the-consequences-of-obesity>
- World Obesity Federation.** 2021. *Creating Healthy Workplaces Creating healthy work places: Helping employers build healthy and supportive work environments*. https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/wof-files/Creating_Healthy_Workplaces-compressed.pdf
- Wunderling, N., Donges, J.F., Kurths, J. & Winkelmann, R.** 2021. Interacting tipping elements increase risk of climate domino effects under global warming. *Earth System Dynamics*, 12(2): 601–619. <https://doi.org/10.5194/esd-12-601-2021>
- Wunderling, N., Staal, A., Sakschewski, B., Hirota, M., Tuinenburg, O.A., Donges, J.F., Barbosa, H.M.J. & Winkelmann, R.** 2022. Recurrent droughts increase risk of cascading tipping events by outpacing adaptive capacities in the Amazon rainforest. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(32): e2120777119. <https://doi.org/10.1073/pnas.2120777119>
- Wyns, A.** 2023. COP27 establishes loss and damage fund to respond to human cost of climate change. *The Lancet Planetary Health*, 7(1): e21–e22. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(22\)00331-X](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(22)00331-X)
- Yates, J., Gillespie, S., Savona, N., Deeney, M. & Kadiyala, S.** 2021. Trust and responsibility in food systems transformation. Engaging with Big Food: marriage or mirage? *BMJ Global Health*, 6(11): e007350. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-007350>
- Zaidi, S., Bhutta, Z., Hussain, S.S. & Rasanathan, K.** 2018a. Multisector governance for nutrition and early childhood development: overlapping agendas and differing progress in Pakistan. *BMJ global health*, 3(Suppl 4): e000678. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2017-000678>
- Zaidi, S., Bhutta, Z., Hussain, S.S. & Rasanathan, K.** 2018b. Multisector governance for nutrition and early childhood development: overlapping agendas and differing progress in Pakistan. *BMJ Global Health*, 3(Suppl 4): e000678. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2017-000678>

- Zanello, G., Shankar, B. & Poole, N.** 2019. Buy or make? Agricultural production diversity, markets and dietary diversity in Afghanistan. *Food Policy*, 87: 101731. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2019.101731>
- ZF MGCAWU District Northern Cape.** 2020. *Profiles and Analysis District Development Model*. Cooperative Governance & Traditional Affairs: Republic of South Africa. <https://www.cogta.gov.za/ddm/wp-content/uploads/2020/11/ZF-Mgcawu-September-2020.pdf>
- Zhang, W., Elias, M., Meinzen-Dick, R., Swallow, K., Calvo-Hernandez, C. & Nkonya, E.** 2021. Soil health and gender: why and how to identify the linkages. *International Journal of Agricultural Sustainability*, 19(3–4): 269–287. <https://doi.org/10.1080/14735903.2021.1906575>
- Zhang, W. & Xue, J.** 2016. Economically motivated food fraud and adulteration in China: An analysis based on 1553 media reports. *Food Control*, 67: 192–198. <https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2016.03.004>
- Zhong, T., Si, Z., Scott, S., Crush, J., Yang, K. & Huang, X.** 2021. Comprehensive Food System Planning for Urban Food Security in Nanjing, China. *Land*, 10(10): 1090. <https://doi.org/10.3390/land10101090>
- Zimmer, A.** 2022. *Dynamics of Rural-Urban Food Systems in Southern Africa*. The University of Arizona. <https://repository.arizona.edu/handle/10150/667668>
- Zorbas, C., Browne, J., Chung, A., Baker, P., Palermo, C., Reeve, E., Peeters, A. & Backholer, K.** 2021. National nutrition policy in high-income countries: is health equity on the agenda? *Nutrition Reviews*, 79(10): 1100–1113. <https://doi.org/10.1093/nutrit/nuaa120>

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ГЛОССАРИЙ

ТАБЛИЦА А1. ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ПОНЯТИЕ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ПРИМЕР
Неравенство	Наблюдаемые различия в измеримых результатах в области питания или продовольственной безопасности или в связанных с продовольственными системами факторах (таких, как владение землей) между социальными группами (например, по признаку социально-экономического статуса, расы или этнической принадлежности, пола).	И на глобальном, и на региональном уровнях женщины чаще мужчин сталкиваются с отсутствием продовольственной безопасности, особенно во время кризисов (Broussard, 2019).
Несправедливость	Причины, по которым существуют систематические различия в связанных с продовольственными системами возможностях или в распределении результатов в области ПБП, обусловленные системными структурными проблемами, а также отсутствием равных возможностей, неравноправием и социальной изоляцией, которые приводят к неравенству в продовольственных системах и, в конечном итоге, в области ПБП.	Наблюдаемые различия между мужчинами и женщинами в плане отсутствия продовольственной безопасности частично могут быть обусловлены социальными нормами, ограничивающими экономические возможности женщин, или пристрастностью в пользу мужчин при разработке политики (Gammage <i>et al.</i> , 2017).
Вертикальное неравенство	Вертикальное неравенство отражает различия в распределении рассматриваемого параметра между отдельными лицами, домохозяйствами или социальными группами с идентичными характеристиками (такими как гендерная принадлежность, религия, этническая принадлежность и т. д.). Это может быть, например, распределение богатства, доходов или социальных результатов, в том числе в области ПБП. Вертикальное неравенство чаще всего оценивается с помощью индекса Джини. В определенных обстоятельствах индивидуумы могут передвигаться "выше" (т. е. "по вертикали") при распределении ресурсов, которое определяет вертикальное неравенство (например, человек может стать богаче, а у мелкого фермера может улучшиться доступ к земле). Эти виды неравенства могут быть также продемонстрированы в этнографических и исследованиях и тематических примерах.	В Уругвае, стране с высоким уровнем дохода, показатель голода, измеряемый с помощью глобального индекса голода, не превышает 5, а в Йемене, стране с низким уровнем дохода, глобальный индекс голода равен 45,1 (Concern Worldwide and Welthungerhilfe, 2022).

ПОНЯТИЕ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ПРИМЕР
Горизонтальное неравенство	Горизонтальное неравенство отражает различия между различными группами по признаку социальной, этнической или гендерной принадлежности или по другим признакам и может проявляться в экономическом, социальном, политическом и культурном аспектах (Stewart, 2015). Некоторые определения горизонтального неравенства описывают его как различия между сконструированными социальными группами, например по признаку пола, инвалидности, касты, религии или сексуальной ориентации (Balakrishnan and Heintz, 2015). Важным вопросом при изучении горизонтального неравенства является выявление групп, которые признаются подвергающимися дискриминации, а также групп, которые не столь заметны и потому обычно не учитываются в статистике (как, например, субэтнические группы). Во всем мире женщины, инвалиды и этнические и религиозные меньшинства, в числе прочих групп меньшинств, попадают в нижний экстремум распределения и, соответственно, испытывают наибольшие лишения в плане уровня благосостояния, продовольственной безопасности и т. д.	В Соединенных Штатах Америки национальный показатель распространенности ожирения среди взрослых составляет 41,9 процента, при этом среди неиспаноязычных чернокожих взрослых он равен 49 процентам, среди испаноязычных взрослых – 45,6 процента, среди неиспаноязычных белых взрослых – 41,4 процента и среди неиспаноязычных взрослых выходцев из Азии – 16,1 процента (Bryan <i>et al.</i>, 2021). Еще одним аспектом является взаимосвязь горизонтального неравенства с конфликтами и другими бедствиями. Например, бывают случаи, когда горизонтальное неравенство между этническими группами накладывается на климатические бедствия и экономическую и политическую маргинализацию, а также политическую нестабильность. Было замечено, что такая ситуация подпитывает конфликты в странах (Østby, 2013).
Межпоколенческое неравенство	Межпоколенческое неравенство возникает, когда неравенство передается от одного поколения к другому. Экономисты обычно описывают это явление в терминах богатства, передаваемого от одного поколения другому, а социологи – в терминах отсутствия мобильности между социально-экономическими группами. Как правило, здесь имеется в виду степень сохранения горизонтального неравенства с течением времени либо систематическое неравенство, сохраняющееся в определенных группах, и его кумулятивный характер. Для многих коренных народов сохранение добрых родственных связей – как со всеми людьми, так и с природой (с морем, горами, реками и т. д.), а также взаимосвязанность с природной средой – имеет основополагающее значение для нормального функционирования общества, и это понимание передается от одного поколения к другому. Это мировоззрение коренных народов сродни понятию межпоколенческой справедливости (Watene, 2016; Whyte, 2021), но при рассмотрении различных систем знаний широкого признания оно не получило.	Женщины, которые недоедают во время беременности, подвергаются более высокому риску рождения маловесных детей или детей с отставанием в росте. В этом случае у их детей с большей вероятностью будут проблемы с когнитивным развитием и экономическим потенциалом, а также более высокий риск развития НИЗ в более старшем возрасте (Prendergast and Humphrey, 2014). Верно и обратное: мероприятия по борьбе с неполноценным питанием в раннем возрасте оказывают положительное влияние на школьную успеваемость, работу и доход (Hoddinott, Rosegrant and Torero, 2012).

ПОНЯТИЕ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ПРИМЕР
Интерсекциональное неравенство	Интерсекциональное неравенство возникает, когда взаимосвязанные и взаимообразующие категории, описывающие маргинализированные группы (по признаку расы, пола, принадлежности к этническому меньшинству), взаимодействуют друг с другом, усиливая неравенство возможностей и неравенство в области здравоохранения и питания (Kozłowski <i>et al.</i>, 2022). Интерсекциональное неравенство является отражением совокупности разных форм неравенства, которые, взаимодействуя друг с другом, усугубляют депривацию. Интерсекциональное неравенство также отражает совокупный характер неравенства применительно к группе, а не к отдельному человеку, и приводит к неравенству возможностей определенных групп в плане достижения оптимального уровня пищевого благополучия и продовольственной безопасности.	Различные параметры социального авторитета, такие как гендер, принадлежность к определенному экономическому классу, этническая принадлежность и каста, часто действуют одновременно и усиливают друг друга. В Индии исследователи изучали взаимодействие таких факторов, как принадлежность к определенной касте, уровень благосостояния и гендер, и влияние этого взаимодействия на показатели отставания в росте и обнаружили, что группы, находящиеся в худшем положении по всем трем параметрам (экономический статус, каста и гендер), имеют худшие показатели по отставанию в росте, чем наиболее благополучные группы (мальчики из небедных семей, не принадлежащих к зарегистрированной группе племен и каст) (Mukhopadhyay, 2015). Различные формы дискриминации в отношении коренных народов пересекаются с сексизмом, способствуя углублению несправедливости в отношении представительниц коренных народов, что делает их более уязвимыми в плане отсутствия продовольственной безопасности и ограничивает их самостоятельность в вопросах владения землей и выращивания, производства и приготовления пищевых продуктов, отвечающих их культурным особенностям (Lemke and Delormier, 2018).
НЕРАВЕНСТВО МОЖНО ПРЕДОТВРАТИТЬ; ОНО СУЩЕСТВУЕТ ТАМ, ГДЕ СОХРАНЯЮТСЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРЕДВЗЯТОСТЬ.		
Несправедливость (социальная)	Несправедливость – это отсутствие равных возможностей, в том числе в контексте ПБП. Социальная несправедливость определяется как дискриминация в отношении отдельных лиц или групп, обусловленная социальными нормами и культурными ценностями, в силу которых эти лица или группы считаются неравными остальным, нежелательными или подвергаются стигматизации, что лишает их возможности достичь минимального уровня продовольственной безопасности и питания или возможности обеспечить свою продовольственную безопасность и пищевое благополучие (Nisbett <i>et al.</i>, 2022).	Проявлением социальной несправедливости является системная дискриминация в отношении общин коренных народов, у которых регулярно отбирают земли и права на землевладение несмотря на то, что они являются хранителями этих земель. Если эти проявления несправедливости не устранить с помощью соответствующих политических или общественных действий, то они сохранятся навсегда.

ПОНЯТИЕ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ПРИМЕР
Отсутствие равных возможностей	Политическое и общественное бездействие может привести к системной предвзятости, в результате которой определенные группы людей будут считаться неравными и подвергаться несправедливому обращению. Это несправедливое обращение может проявляться в связи с множеством накладываемых друг на друга признаков, из-за которых определенные группы людей становятся объектом предвзятого отношения со стороны общества.	Так, женщина – мелкий фермер, принадлежащая к низшей касте, будет сталкиваться с разными формами предвзятости и отсутствия равных возможностей, а значит, из-за своего социального положения ей будет очень трудно получить доступ к ресурсам.
Предвзятость	Предвзятость – это наносящая ущерб или несправедливая дискриминация в пользу или против какого-либо лица или группы людей или совокупности идей или убеждений. Предвзятость может быть как скрытой, когда люди не осознают, что придерживаются этих дискриминационных идей или убеждений, так и явной, когда люди открыто выражают свои дискриминационные взгляды.	Постоянная дискриминация в отношении определенных расовых групп, лишаящая их возможности работать и накапливать богатство и, таким образом, увеличивающая их риск оказаться в ситуации отсутствия продовольственной безопасности, которая повторяется из поколения в поколение.
ФОРМАМИ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ И ОТСУТСТВИЯ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, КОТОРЫЕ СПОСОБСТВУЮТ СОХРАНЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА, ЯВЛЯЮТСЯ:		
Социальная изоляция	Ущемленное положение (отсутствие доступа к ресурсам и возможностей участия в общественно-политической жизни), в котором находятся группы людей, существующие – или вынужденные существовать – "на обочине" жизни основной части общества.	Городская беднота, не имеющая доступа к стабильному, официальному жилью и к продовольствию.

ПОНЯТИЕ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ПРИМЕР
Маргинализация (в некоторых источниках также называется социальной изоляцией или социальным отчуждением)	Процесс, посредством которого определенные члены общества вытесняются на обочину жизни из-за их "идентичности, связей, опыта и среды" (Hall, Stevens and Meleis, 1994), что создает барьеры для их активного участия в жизни общества, к которому они принадлежат. Следствием создания таких границ и вытеснения групп к этим границам и за их пределы является применение власти и доминирование со стороны одних групп по отношению к другим, что ограничивает субъектность последних. Многие исследования в области питания касаются разных аспектов маргинализации, таких как лишение женщин их прав и возможностей или неравенство доходов. Но другим осям маргинализации, таким как возраст, этническая принадлежность, инвалидность, сексуальная ориентация и географическое положение, в литературе по вопросам питания или сельского хозяйства / питания уделяется гораздо меньше внимания, когда речь идет о том, у кого в этих группах результаты в области ПБП различны. Редко рассматривается и взаимодействие между различными аспектами маргинализации. Недостаточно изучены также структурные детерминанты маргинализации: неравенство доступа к базовым услугам, ресурсам и политическим механизмам удовлетворения жалоб, а также соотношения сил и социальные нормы (Harris <i>et al.</i>, 2019b). Экономические аспекты маргинализации в основном связаны с экономическими структурами, в частности со структурой рынков и их интеграцией. Экономика организована таким образом, что некоторые группы людей или отдельные лица оказываются на обочине и не могут участвовать в рыночной деятельности (Kanbur, 2008).	Расовые меньшинства (например, афроамериканцы) систематически, в результате неоднократных политических и социальных действий, подвергались маргинализации и были лишены доступа к многим основным ресурсам и не имели возможности участвовать в общественной жизни (например, они были лишены права голоса, доступа к земле, экономических возможностей, доступа к здравоохранению). Другим примером маргинализации является исключение уязвимых групп населения из процесса разработки политики по вопросам, которые их напрямую затрагивают. Именно такая ситуация сложилась в инновационной политике по созданию устойчивости сельского хозяйства к изменению климата: в ней не учтены потребности мелких фермеров, особенно из стран с низким уровнем дохода.

ПОНЯТИЕ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ПРИМЕР
Дискриминация	Иное обращение с отдельными людьми или группами людей, связанное с каким-то их характеристиками, несправедливо трактуемыми как требующие иного обращения. Такими характеристиками могут быть, например, физические параметры (такие как вес, пол), идентичность (например, этническая или гендерная принадлежность) или характеристики, связанные с возрастом или инвалидностью. Это иное обращение не позволяет определенным категориям людей реализовать свои человеческие или другие права и может быть даже закреплено и поддержано законом и политикой, которые усугубляют неравенство. Можно отметить, например, что некоторые люди со схожими экономическими характеристиками добиваются разных экономических результатов из-за своей расы, пола или других неэкономических характеристик (University of Minnesota, 2016).	Дискриминационные законы и соответствующие меры политики (или их отсутствие) не позволяют женщинам получать такой же доход, как у их коллег-мужчин.
СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ И МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ВОЗМОЖНЫ ВВИДУ НАЛИЧИЯ СИСТЕМ УБЕЖДЕНИЙ, ПРАКТИК И ЦЕННОСТЕЙ, ХАРАКТЕРНЫХ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ СФЕР ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА, ВКЛЮЧАЯ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, СОЦИАЛЬНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ. ТАКИМИ СИСТЕМАМИ ЯВЛЯЮТСЯ:		
Патриархат	При патриархате власть сосредоточена в руках мужчин. Эта система основывается на предположениях о гендерных ролях и гетеросексуальных нормах на микро- (семья, родственники) и макроуровнях (общинном, политическом) в вопросах пола, воспроизводства, заботы о членах семьи, сексуальности и доступа к знаниям, образованию, средствам к существованию, свободе передвижения и самовыражения” (Nisbett et al., 2022). Это система общественных структур и практик, в которой мужчины доминируют, угнетают и эксплуатируют женщин (Walby, 1989). Патриархальные структуры привели к современной практике сельскохозяйственного производства посредством экспроприации результатов труда женщин их мужьями. Патриархальные отношения в сфере наемного труда предполагают исключение женщин из системы оплачиваемой работы или сегрегацию женщин. Существуют также концепции публичного патриархата (когда женщин не исключают из публичной сферы, но ставят их в подчиненное положение) и частного патриархата (женщин исключают из всех сфер общественной жизни, кроме домохозяйства и частной сферы) (Walby, 1989).	Маскулиноцентричность и доминирование мужчин в принятии решений, касающихся потребительских и непотребительских расходов домохозяйства, приобретения сельскохозяйственных ресурсов и т. д.

ПОНЯТИЕ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ПРИМЕР
Расизм	Расизм определяет ценности и социальные и экономические возможности на основе допущений, связанных с расой, этнической принадлежностью, кастой, различиями в цвете кожи и подразумеваемыми наследственными признаками (Nisbett <i>et al.</i>, 2022). Структурный расизм включает в себя политику и практику, в рамках которых определенные группы несправедливо оказываются в ущемленном положении и в меньшинстве, что достигается, например, путем зонирования и ипотечной политики в сегрегированных районах. В исследованиях в области общественного здравоохранения/питания, которые являются основой политики, говорится, что анализ различий в результатах только по признаку расовой принадлежности, когда раса рассматривается как биологический конструкт и детерминант неполноценного питания, без учета других социальных факторов, дает ограниченную надежность и обоснованность результатов и увековечивает расистские конструкты (Duggan <i>et al.</i>, 2020). Такие аргументы помогают признать наличие более общих структурных условий, которые приводят к расизму и, в силу этого, к неравенству в области ПБП.	В продовольственных системах расизм может проявляться в форме концентрации власти в руках привилегированного меньшинства (обычно по расовому признаку) и неоправданно частого приписывания ответственности за социальные и экологические "экстерналии" группам, подвергающимся расовой стигматизации.
Колониализм	Доминирование группы людей из другого государства над населением определенной местности, страны или региона. Доминирование осуществляется путем (несправедливого) идеологического, экономического, территориального, языкового, культурного и политического подчинения одной группы другой, а также эксплуатации ресурсов, культуры, самобытности и т.п. поработенной группы в интересах колонизаторов (Duke Decolonizing Global Health Student Working Group, 2019; Horvath, 1972; Ma Rhea, 2016). Экономисты описывают колониализм как историческое явление территориальной экспансии, тесно связанное с возникновением и ростом современной мировой капиталистической системы. Оно включает в себя процессы контроля за поставками сырья, добычей полезных ископаемых и рынками в слаборазвитых и докапиталистических регионах, которые подвергаются воздействию политической, социальной, экономической и интеллектуальной идеологии колонизаторов.	Традиционные продовольственные системы в большинстве стран Глобального Юга, а также в общинах коренных народов и обществах Западного полушария были уничтожены и заменены механизированной монокультурой, что привело к переходу от традиционных рационов питания к рационам с высоким содержанием натрия, жиров и переработанных пищевых продуктов. Колонизированные страны лишены свободы принимать независимые экономические решения, а развитие сельского хозяйства и использование природных ресурсов таких стран, а также их промышленная и тарифная политика и торговые отношения определяются страной-колонизатором.

ПОНЯТИЕ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ПРИМЕР
Эйблизм	Дискриминация и социальная изоляция людей с инвалидностью, основанная на мнении, что такие люди менее ценны, чем здоровые, и не обладают такими же способностями, как люди без инвалидности (Swenor, 2021). Эйблизм включает дискриминацию на индивидуальном, межличностном и структурном уровнях в отношении людей с ограниченными возможностями или тех, кто считается инвалидами.	Недоступность продовольственной среды, в том числе проблемы с транспортом и доступом для людей с ограниченными физическими возможностями.
Властная асимметрия	Властная асимметрия – это неравенство возможностей различных субъектов продовольственной и социальной систем. Эта асимметрия определяется интересами определенных субъектов, которые оказывают влияние на разных уровнях и в разных секторах общества – от многосторонних торговых переговоров и национальных политических процессов до местных социальных структур, – благодаря чему одни голоса звучат громче других и интересы одних групп реализуются чаще, чем интересы других.	Лоббисты интересов индустрии по производству продуктов, подвергшихся глубокой технологической обработке (ПГО), объединяются с целью влияния на глобальную политику в отношении неинфекционных заболеваний и подрыва доверия к рекомендациям ВОЗ относительно ПГО и переработанных продуктов.
ЧТО МОЖЕТ ПОМОЧЬ УСТРАНИТЬ НЕРАВЕНСТВО И НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ:		
Субъектность	Субъектность была определена в предыдущих докладах ГЭВУ-ПБП как "то, что человек волен делать и достигать в стремлении к любым целям или ценностям, которые считает важными" (Sep, 1985), p. 203). Важным аспектом субъектности, позволяющим людям участвовать в жизни общества и вносить свой вклад в формирование и улучшение условий собственной жизни и благополучия, является расширение прав и возможностей (Alsop and Heinsohn, 2005).	
Расширение прав и возможностей	"Наличие возможностей можно определить как право сделать выбор. Быть лишенным возможностей означает быть лишенным права выбора, а расширением прав и возможностей называются процессы, посредством которых те, кто был лишен права выбора, приобретают такое право. Другими словами, расширение прав и возможностей влечет за собой перемены... Должны быть альтернативы, т. е. возможность сделать другой выбор... И альтернативы должны не просто существовать: должно быть видно, что они есть" (Kabeer, 2005, p.13-14). Концепцию расширения прав и возможностей можно рассматривать с точки зрения трех тесно связанных между собой аспектов: субъектности, ресурсов и достижений (Kabeer, 2005).	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ ЦУР 2, ИМЕЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К БП
ТАБЛИЦА А2. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ ЦУР 2, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ГЛАВЕ 2
ДЛЯ ОПИСАНИЯ СИТУАЦИИ В ОБЛАСТИ БП

ПОКАЗАТЕЛЬ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	УРОВЕНЬ	УРОВЕНЬ СРАВНЕНИЯ
Распространенность недоедания (РН). (также называемого хроническим недоеданием и голодом) (Измеряется на основании данных об энергетической ценности рациона питания и данных продовольственных балансов)	<i>Доля населения, у которого калорийность рациона недостаточна для удовлетворения энергетических потребностей.</i> Измеряется на основе данных на уровне стран о наличии продовольствия, потреблении продовольствия и потребностях в пищевой энергии.	Национальный уровень Уровень домохозяйств	Между странами и регионами
Распространенность умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности (Измеряется с помощью опросного листа шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности [ШВОПБ])	<i>Доля населения страны, испытывающего трудности с доступом к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, необходимой для нормального роста и развития и для активной и здоровой жизни</i>	Уровень домохозяйств	Между странами и регионами и внутри них
Распространенность умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности (Измеряется с помощью опросного листа шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности домохозяйств [ШВОПБД])	<i>Доля населения, испытывающего беспокойство по поводу доступа к достаточному количеству продовольствия для своей семьи. По данным прямых опросов отдельных лиц с помощью ШВОПБД</i>	Уровень домохозяйств	Внутри стран
Доля и численность тех, кто не может себе позволить здоровый рацион* (Взвешенная доля [%] и общая численность тех, кто не мог себе позволить здоровый рацион в 2020 году [в миллионах человек] в каждом регионе и в каждой группе стран по уровню дохода) (Herforth <i>et al.</i> , 2020; Manore, 2005)	<i>Доля тех, для кого стоимость здорового питания (наименее дорогих местных продуктов) [рацион, соответствующий местным рекомендациям по правильному питанию] превышает определенную пороговую долю их дохода</i>	Национальный уровень	Между странами и регионами и внутри них

ПОКАЗАТЕЛЬ	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	УРОВЕНЬ	УРОВЕНЬ СРАВНЕНИЯ
Распространенность анемии у женщин (Измеряется с использованием образцов венозной или капиллярной крови)	(Доля беременных женщин, у которых уровень гемоглобина менее 110 г/л на высоте уровня моря, или 2% небеременных женщин, у которых уровень гемоглобина менее 120 г/л на высоте уровня моря)	Индивидуальный	Между странами и регионами и внутри них
Распространенность ожирения у взрослых (Измеряется с помощью антропометрических показателей)	(Доля взрослых, у которых индекс массы тела более 30 кг/м ²)	Индивидуальный	Между странами и регионами и внутри них
Распространенность отставания в росте у детей в возрасте до пяти лет (Измеряется с помощью антропометрических показателей)	Доля детей в возрасте до пяти лет, рост которых более чем на два значения стандартного отклонения ниже медианного значения кривой стандартного распределения роста по возрасту	Индивидуальный	Между странами и регионами и внутри них
Распространенность истощения у детей в возрасте до пяти лет (Измеряется с помощью антропометрических показателей)	Доля детей в возрасте до пяти лет, вес которых более чем на два значения стандартного отклонения ниже медианного значения кривой стандартного распределения веса по росту	Индивидуальный	Между странами и регионами и внутри них
Распространенность избыточного веса у детей в возрасте до пяти лет (Измеряется с помощью антропометрических показателей)	Доля детей в возрасте до пяти лет, вес которых более чем на два значения стандартного отклонения выше медианного значения кривой стандартного распределения веса по росту	Индивидуальный	Между странами и регионами и внутри них

Источники: FAO. 2022. "Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства – 2022. Автоматизация сельского хозяйства как инструмент преобразования агропродовольственных систем". Рим; Herforth, A., Bai, Y., Venkat, A., Mahrt, K., Ebel, A. and Masters, W.A. 2020. *Cost and affordability of healthy diets across and within countries: Background paper for The State of Food Security and Nutrition in the World 2020. FAO Agricultural Development Economics Technical Study No. 9.* FAO Agricultural Development Economics Technical Studies 9. Rome, Italy, FAO.

Неравенство в сфере продовольственной безопасности и питания (ПБП) между странами и регионами, а также внутри стран, общин и домохозяйств, существует повсеместно, усугубляя и без того тревожную ситуацию с голодом и неполноценным питанием.

В этом докладе представлена концептуальная модель оценки различных видов неравенства в области ПБП, лежащих в их основе диспропорций внутри продовольственных систем и за их пределами, и системных факторов, вызывающих эти диспропорции. Перечислены первоочередные этические, социально-экономические, правовые и практические требования, выполнение которых необходимо для устранения этих видов неравенства. Авторы подчеркивают, что право на питание является одним из основных прав человека и что неравенство в области ПБП подрывает это право и социально-политическую стабильность. Кроме того, применение интерсекционального подхода к проблеме неравенства, то есть анализ совокупного влияния различных взаимодействующих друг с другом видов неравенства на маргинализированные группы населения, позволяет получить более целостную картину и способствует принятию более действенных мер борьбы с неравенством в области ПБП.

В докладе предложен комплекс мер по сокращению неравенства как внутри, так и вне продовольственных систем. Подчеркивается необходимость программы структурных преобразований, нацеленных на обеспечение социальной справедливости. Этот доклад, содержащий практические рекомендации по преодолению системных причин неравенства в области ПБП и призыв к действиям по достижению равенства и справедливости, является вкладом в глобальные усилия по обеспечению продовольственной безопасности и повышению общего благосостояния на основе принципа “никто не должен остаться без внимания”.